

Джонатан Айткен

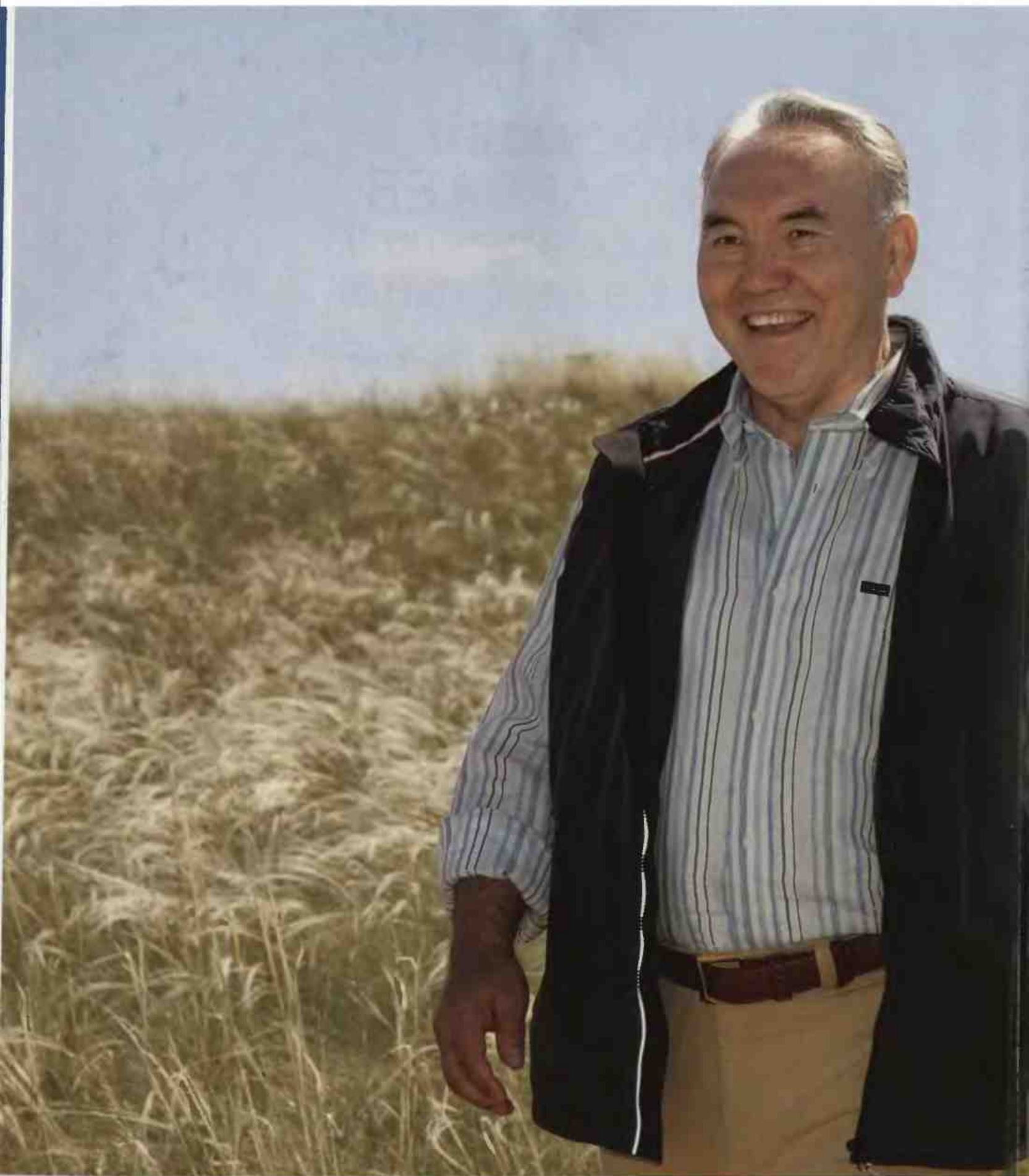

Нурсултан
НАЗАРБАЕВ
и создание
Казахстана

Нурсултан НАЗАРБАЕВ и создание Казахстана

Он родился в юрте кочевника
и взошел к вершинам власти
в советском Политбюро,
став близким соратником
Горбачева и Ельцина,
вслед за чем последовали годы
государственного
строительства во главе
богатого нефтью Казахстана.
История Назарбаева —
это яркий путь, пронизанный
высоким драматизмом
и наполненный судьбоносными
событиями.

Д ж о н а т а н А й т к е н

Нурсултан
НАЗАРБАЕВ
и создание
Казахстана

Москва

«Художественная литература» 2010

УДК 929
ББК 66.3(2 Рос)8
Н 11

Перевод с английского под общей редакцией
Олжаса Сулейменова и Виталия Игнатенко

Оформление художника В. В. Гусейнова

Айткен Джонатан.

Н 11 Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана / Пер.
с англ. — М., Худож. лит., 2010. — 384 с.

Вышедшая на английском языке книга известного писателя и общественного деятеля Великобритании Джонатана Айткена «Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана» сразу стала популярной в англоязычном читающем мире. Она наверняка представит большой интерес для широкого круга российских читателей, как и для всех, кто жил когда-то в нашей общей стране с названием, которое каждому говорит свое — Советский Союз. Бестселлер выразительно и правдиво, с философскими обобщениями, рассказывает не только о личности, судьбе, победах и поражениях одного из самых ярких из ныне действующих политических лидеров мира и становлении независимого Казахстана, но затрагивает и многие аспекты, связанные с драматизмом последних лет СССР и истории новой России.

Не все оценки и выводы писателя можно принять априори. Некоторые из них, касающиеся, в частности, драмы распада СССР или определенных моментов новейшей российской истории, могут показаться спорными. Но тем интереснее книга, когда она предлагает возможность дискуссии и диалога.

УДК 929
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-280-03487-7

© Джонатан Айткен, 2010
© Издательство «Художественная литература», 2010

Восхождение Нурсултана Назарбаева от сына кочевника, от сталевара до Президента одной из самых богатых и стратегически важных стран в мире — это яркий путь, пронизанный высоким драматизмом и наполненный историческими событиями.

До 1991 года Казахстан не существовал как независимое государство. На протяжении столетий эти обширные земли, превосходящие по величине Западную Европу, подвергались набегам и лишениям со стороны соседей. В ранние годы своей карьеры Назарбаев, молодой казахстанский государственный деятель, был активным членом Коммунистической партии. Открытость во взглядах в итоге привела его к вершинам власти, возглавляемой Михаилом Горбачевым, партнерству с Борисом Ельциным.

Взяв интервью у многих ключевых деятелей той эпохи, включая Горбачева, известный английский писатель и общественный деятель Джонатан Айткен предлагает читателям увлекательное и абсолютно новое изложение событий времен распада Советского Союза, в которых Назарбаев сыграл важнейшую роль.

Не менее увлекательно и повествование о том, как Назарбаев разоружил, а еще точнее — решительно «санировал» свою страну, отказавшись от четвертого по величине ядерного арсенала в мире; как он изменил направление вектора развития от катастрофической экономики эпохи коммунизма к свободному рынку и нефтяному богатству; и о том, почему Казахстан стал наиболее экономически

успешным государством, образовавшимся в Центральной Азии после распада СССР.

Написанная Айткеном биография — это яркий портрет как человека, так и страны. Это честная хроника ошибок и успехов Назарбаева. Это история, которую никогда не слышали на Западе, да и в странах бывшего СССР она тоже малоизвестна. Нечто в себе все черты политического, биографического и исторического романа, произведение «Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана» является одной из наиболее интригующих и впечатляющих «одиссей» сегодняшнего дня.

Об авторе

Джонатан Айткен, бывший член британского Парламента и Правительства, является автором 12 книг, включая удостоенную высоких наград биографию Президента Ричарда Никсона. К числу его произведений, опубликованных за последнее время издательством «Континуум», относятся «Гордость и лжесвидетельство», «Тюрьма и страсть», «Чарльз Колсон: искупленная жизнь», «Герои и современники», а также «Джон Ньютон: от бесчестья к дивной благодати».

**ВЫРАЖЕНИЕ
БЛАГОДАРНОСТИ
АВТОРОМ
(acknowledgments)**

Я хотел бы поблагодарить за оказанную мне помощь казахстанцев и людей, хорошо знающих Казахстан, за данные мне интервью, их содействие, гостеприимство и советы, которыми я пользовался в процессе написания настоящей книги.

Хотел бы отдельно поблагодарить Ерлана Идрисова, бывшего Министра иностранных дел Казахстана, бывшего Посла в Лондоне и нынешнего Посла в Вашингтоне. Я бесконечно благодарен ему за многочисленные интервью, а также за его поддержку и вдохновение.

С большим удовольствием я хотел бы выразить свою безграничную благодарность всем, кто своими советами и дружеской поддержкой сыграл ключевую роль в появлении на свет российского издания моей книги.

Прежде всего хотел бы поблагодарить Его Превосходительство Нуртая Абыкаева, Первого Заместителя Министра иностранных дел Республики Казахстан и бывшего Посла Казахстана в России. Вместе со своими коллегами по Посольству он оказал неоценимую помощь в организации интервью автора с видными политиками в Москве. Г-н Абыкаев неоднократно оказывал мне теплое гостеприимство, поддерживал мудрым советом и практическим содействием на всех этапах моего биографического исследования.

Хотел бы также искренне поблагодарить Его Превосходительство Олжаса Сулейменова, Постоянного Представителя Казахстана при ЮНЕСКО, и г-на Виталия Игнатенко, Генерального Директора информационного агентства ИТАР-ТАСС, за их особый вклад в появление российского издания книги.

Выражаю глубокую благодарность Посольствам Казахстана в России и США за их организационную поддержку и деятельную помощь на протяжении всего процесса публикации и продвижения российского издания.

Я искренне польщен, что мой труд впервые опубликован на русском языке, и, что особенно приятно, таким широко признанным издателем, как г-н Георгий Пряхин и его известным издательским домом «Художественная литература».

Еще раз хотел бы сказать свое дружеское «спасибо» всем тем, благодаря кому стало возможным появление российского издания книги «Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана».

Лондон, январь 2010 г.

Нурсултан
НАЗАРБАЕВ
и создание
Казахстана

Посвящаю Элизабет

С любовью и благодарностью
за ее поддержку и терпение
во время моих частых
отлучек в Казахстан

ПРОЛОГ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ К ИСТОРИИ ЖИЗНИ

Казахстан обладает огромной территорией, непростой историей и богатой культурой; рассказ об этой стране гораздо интереснее, чем думает большинство людей за ее пределами. Значительная часть этого повествования связана с именем первого Президента страны, Нурсултана Назарбаева, чью жизнь можно понять лишь через восприятие земли, родившей, воспитавшей и сделавшей его политическим лидером.

По своим размерам Казахстан больше всей Западной Европы. Северная граница с Россией имеет большую протяженность, чем граница Канады с Соединенными Штатами Америки. По величине это 9-я страна в мире, простирающаяся от берегов Каспийского моря, где Азия

смыкается с Европой, до границы Западного Китая. От заснеженных горных вершин, немногим уступающих Эвересту, до бескрайних степных просторов, превосходящих по площади американский Средний Запад. Это огромный сгусток пространства и духовной энергии, в котором стираются грани между людьми, политическими событиями и временными эпохами.

До 1991 года Казахстан не существовал как суверенная страна. У него не было государственных границ с соседями по региону, некоторые из которых предъявляли претензии к его территории и ресурсам. История таких споров печальна. На протяжении веков иностранные захватчики подвергали кочевые племена Казахстана грабежу и притеснениям. Драматичной оказалась и первая половина XX века. При Сталине более двух миллионов казахов умерли от голода, эпидемий и репрессий. Еще один миллион был согнан со своей земли, обречен на скитания. В последующие годы советской власти огромные территории Казахстана подвергались радиоактивному заражению в результате ядерных испытаний. Целые регионы сельскохозяйственных земель были приведены в упадок коллективизацией или претерпели экологическую катастрофу из-за недальновидных решений — вспомним гибель Аральского моря. Но, несмотря на жестокие испытания, казахи сумели сохраниться благодаря древнему инстинкту выживания. Этот инстинкт заставил научиться жить по правилам Москвы. Кочевники, с присущим им философским мировоззрением, стали прилежными коммунистами, не изменив при этом традициям предков. Лучше, чем другие руководители, сыграл эту роль Нурсултан Назарбаев.

Его путь начался в юрте чабана на высокогорных пастбищах. Семья бедных кочевников, терпевшая нужду в годы сталинского правления, была достаточно прозорливой, чтобы дать сыну хорошее русское образование. Первую работу Назарбаев получил у доменной печи на

сталелитейном заводе, обретя там профессию металлурга. Карьера молодого партийного работника пришлась на эпоху Никиты Хрущева, Леонида Брежнева и Юрия Андропова. Смертельно больной Константин Черненко назначил сорокачетырехлетнего Назарбаева премьер-министром Казахской Советской Социалистической Республики. Михаил Горбачев, следующий советский руководитель, увидел в молодом, энергичном Назарбаеве соратника по проведению реформ в годы *перестройки* и *гласности* и спустя какое-то время предложил ему пост премьер-министра СССР. Предложение было отклонено. К тому моменту Советский Союз скатывался в хаос, и у Назарбаева были другие виды на будущее.

Являясь одним из ключевых руководителей в советской иерархии после Горбачева и Ельцина, Назарбаев осознавал, что коммунистическому господству приходит конец. Московский путч в августе 1991 года явился предвестником политической гибели Горбачева и Советского Союза, которая наступила пятью месяцами позже. Избежав какой-либо крови у себя на родине во время этих потрясений, Назарбаев стал во главе нового государства Казахстан.

В первые годы после обретения его страной независимости Назарбаеву пришлось бороться с тяжелейшими кризисами, включая гиперинфляцию, валютную катастрофу, нехватку продуктов питания и эмиграцию двух миллионов человек, большинство из которых являлись квалифицированными рабочими и специалистами. Одной из самых серьезных проблем оказался унаследованный от СССР четвертый по величине в мире арсенал ядерного оружия. Некоторые государства-изгои заторопились получить доступ к нему. Отвергнув их предложения, Назарбаев встал на путь разоружения. Он разрабатывал искусные дипломатические сделки с Вашингтоном, выдвигал новые инициативы в отношениях с Пекином и крепко держал штурвал в плавании по бурному морю непростых отношений с Москвой. Наиболее сильную

качку преодолевал с помощью прямого контакта со старым другом Борисом Ельциным, чья поддержка оказывалась к месту по многим вопросам.

Закалка металлурга и дальновидность реформатора помогли Назарбаеву преодолевать тяжелейшие перипетии, выпавшие на долю молодого государства. Потомок древних кочевников, он ни на мгновение не терял веру в свой народ, в то, что тот переживет все потрясения. Однако как современному политику ему стоило немалого труда убедить старшее поколение казахстанцев принять механизмы свободного рынка. Встреча с Маргарет Тэтчер в 1991 году стала поворотной в принятии Назарбаевым принципов экономической свободы и приватизации. Он погрузился в изучение этих концепций, сплотив вокруг себя группу новомыслящих советников и министров. Поначалу результаты первых шагов выглядели хаотичными. Но Назарбаев твердо шел курсом реформ, и на стыке веков Казахстан стал страной со свободной рыночной экономикой, ежегодный прирост которой составлял свыше 10 процентов. Этот рост был сдержан азиатским биржевым крахом 1998 года, не прошел бесследно и мировой финансовый кризис 2008 года. Но к этому времени Казахстан накопил более 50 миллиардов долларов резервов, в основном за счет доходов от продажи нефти. Из созданного в этих целях Национального Фонда Назарбаев в конце 2008 года выделил примерно 20 миллиардов долларов для поддержки банков, строительных компаний и пенсионных фондов. С такой помощью государственных финансов и при несомненной мощи нефтегазового сектора Казахстан в условиях мирового кризиса оказался в лучшем положении, чем любая другая страна региона.

В начале 90-х годов прогноз был куда пессимистичней. Тогда международные наблюдатели сходились в том, что Казахстан не выживет в качестве независимого государства, а Назарбаеву недолго оставаться его руководителем. Сегодня и Президент, и страна чувствуют

себя уверенно. Мир признал лидерские качества и результаты успешного руководства Назарбаева, а долгосрочные прогнозы на будущее Казахстана выглядят оптимистично. Но, несмотря на это, зарубежные СМИ критикуют систему власти и управления в Республике.

Судебная власть не является независимой. Далеко не свободна пресса. Выборы последних лет не соответствуют всем стандартам демократического процесса. На разных уровнях казахского общества распространилась коррупция. В адрес близких друзей и родственников Президента порою звучат обвинения в сокрытии доходов от нефти на счетах в швейцарских банках, получении комиссионных по государственным контрактам, нарушении прав человека и даже убийстве известного оппозиционного политика. Назарбаеву удастся остаться выше этих скандалов. Однако зачастую его репутация косвенно страдает по вине бывших друзей и родственников, оказавшихся изгоями и бежавших из страны вследствие своих афёр.

Последующие главы повествуют об этих вопросах, и читатель увидит, что Назарбаев не был глух к подобным обвинениям и утверждениям. В частности, он прислушался к требованиям ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе). По вопросам обеспечения свободы религии, прав человека и справедливых выборов Казахстан сделал больше, чем другие страны региона. Поэтому справедливым будет утверждать, что Назарбаев постепенно продвигается от автократии к демократии, а мы знаем из мировой истории, что путь этот не из самых легких.

К демократии и процветанию нет коротких дорог. Однако за два десятилетия правления Назарбаева страна достигла важных рубежей. В экономическом отношении это успешное государство среди тех, что образовались после распада Советского Союза. Его запасы нефти, газа и других природных ресурсов превышают любые компьютерные прогнозы. Его конституция обеспечила

стабильную систему управления. Страна поддерживает хорошие отношения с Москвой, Пекином и Вашингтоном. В 15,7-миллионном населении растет средний класс, который становится все более состоятельным и развитым благодаря новому поколению образованной молодежи. Этот прогресс символизирует Астана, новая столица, чьи футуристические небоскребы придают ей образ самого экзотического и многонационального мегаполиса XXI века. Эти черты современного Казахстана так мало известны, что миллионы кинозрителей в других странах и вправду поверили, что киногерой Борат существует!

Немногие из достижений Казахстана стали бы возможны без Нурсултана Назарбаева. О его жизни никогда не писали на Западе, хотя это одна из самых ярких и поучительных биографий современности. Однако его жизненный путь можно понять, только заглянув в сердце степи — земли, откуда он родом.

* * *

ГЛАВА 1

РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО

Путешествие наше началось от скромного жилища пастуха в Ушконыре, труднодоступной, необжитой, но величественной возвышенности с пастбищами в отрогах Алатау. Трудно представить более символичное место для появления на свет сына кочевника, волей судьбы ставшего первым Президентом независимого Казахстана.

Даже сегодня Ушконыр — часть природного богатства страны благодаря его девственной красоте, широким просторам, заснеженным горным вершинам, каменным склонам, ручьям и рекам, диким лошадям и бесчисленным стадам домашнего скота. Но ещё большее богатство — характер местных жителей, предки которых приспособили к жизни бескрайние дикие степи.

Эти земли покорились только нестигаемому духу кочевников, хотя иной раз казахи сами оказывались завоеванными и попадали под гнет иностранных правителей. В один из таких непростых периодов в стране, называвшейся тогда Казахской Советской Республикой, 6 июля 1940 года родился ребенок по имени Нурсултан Назарбаев. Его появление на свет едва ли могло быть замеченным. Однако для людей, знакомых с традициями и поверьями местного рода *шапрашты*, рождение этого ребенка несло на себе таинственные знамения судьбы и печать мистицизма.

Судьба определялась непрерывной цепью воинов и родовых вождей, которые формировали родословную ребенка. Мистика заключалась в сбывшихся молитвах бездетных родителей Нурсултана, вознесенных ими за девять месяцев до этого у гробницы местного святого.

Для казахов почитание предков наполнено великим смыслом. Во времена кочевников родословная определяла существенные отличия своих по крови от чужих, друзей от врагов, местных жителей от захватчиков. Даже сейчас сын, чтящий традиции казахской семьи, должен знать назубок имена и историю своих предков мужского пола до седьмого колена.

Нурсултан, еще не достигнув пятилетнего возраста, научился почитать древних предков. Самым известным из них был пра-пра-пра-прадед Карасай Батыр (1703–1753), легендарный воин, защищавший отечество от джунгарских завоевателей в XVIII веке. Фамилия досталась от деда, Назарбая. Тот был строителем и хозяином водяной мельницы. Человек зажиточный и уважаемый, он в 1900 году был выбран местным судьей. В ходе тайного голосования из 58 старейшин рода 30 проголосовали за него.¹ Судейская печать Назарбая, которая принадле-

¹ Рассказывая эту историю об избрании своего деда во время беседы о его биографии в 2007 году, Президент Нурсултан Назарбаев шутил: «Это показывает, насколько мы были демократичными уже сто лет назад! Кто говорит, что мы в Казахстане ничего не знаем о демократии?»

жала ему до самой смерти в 30-е годы, хранится в музее Астаны.

Старейшиной семьи, уста которой донесли историю трудной победы судьбы на выборах, стала его вдова Мирзабала Назарбай. В своей безграничной любви бабушка была привязана к внуку почти фанатично. Взяв в свои руки бразды семейного правления, она сразу после рождения Нурсултана всецело окружила его своей заботой, возвращая ребенка матери лишь для кормления грудью. Когда Нурсултан начал делать первые самостоятельные шаги, Мирзабала связала ему мешок вместо штанов, чтобы он не мог отойти от нее. «Бабушка боялась, что меня сглазят, — вспоминал Назарбаев, — и для защиты весь день держала меня в этом мешке, говоря соседям, что я якобы не умею ходить».

Еще одной, возможно, самой причудливой попыткой бабушки Мирзабалы стать главной фигурой в жизни внука было желание заставить его называть ее «мамой». Это казалось странным для маленького Нурсултана. «Бабушка была очень авторитарным человеком. Любила всем распоряжаться, а так как она была старейшим членом семьи, приходилось уважать ее желания. Она часто говорила мне: «Я твоя мама. Твоя мама тебе не мама, а невестка. Твой папа тебе не папа, а старший брат». Из послушания я соглашался с бабушкой, и первые пять лет своей жизни называл родную мать «невесткой», а отца «старшим братом», хотя ему это совсем не нравилось».

Абищ, отец Нурсултана, по натуре был миролюбив, хотя умел показать и силу характера, чего, правда, не скажешь по этой семейной истории. Когда-то он не послушал бабушку Мирзабалу и многих других родственников, убеждавших его развестись с женой Альжан из-за того, что она была бесплодна и не родила ни одного ребенка за первые шесть лет их совместной жизни. Хотя среди сельских жителей отсутствие детей считалось несчастьем и порицалось, Абищ, горячо любивший Альжан, не отказался от неё. Вместо этого они вдвоем совершили

паломничество к могиле местного святого Ата Раимбека. Веруя в его чудодейственную силу, они принесли святому в жертву овцу и козу. Потом семь раз обошли вокруг могилы, вместе держась за веревку и вознося молитву о ниспослании детей. Следующей ночью Альжан приснился сон, будто за ней шла слепая собака и собиралась напасть на нее. Внезапно появилась женщина в белом и прогнала животное. Наутро Альжан с мужем обратились за толкованием сна к хранителю могилы Раимбека. Тот сказал: «За тобой следовал злой дух, но женщина в белом навсегда прогнала его. Теперь Бог даст тебе детей».

Через девять месяцев, 6 июля 1940 года, Альжан родила Нурсултана, своего первого ребенка. Лето было в разгаре, и почти все население Чемолгана, деревни, где проживала семья Назарбай, перебралось на *джайлау*, высокогорные луга Ушконыра.

Слово Ушконыр означает «три коричневые сопки». Чтобы лучше понять его смысл, нужно представить себе пастбища, лежащие в предгорьях Алатауского хребта, снежные пики которого высотой от 3 до 7,9 тысячи метров сверкают, подобно жемчужному ожерелью, простирающемуся на 1000 миль вдоль пограничного коридора от Восточного Казахстана до Западного Китая. С незапамятных времен местные кочевые племена использовали сытные пастбища *джайлау* Ушконыра для своих стад. Летом 1940 года там паслись более полумиллиона голов овец и крупного рогатого скота, которые уже не принадлежали кочевникам. Это была собственность советского колхоза, где руководили функционеры коммунистической партии, сидящие в городе Каскелен примерно в двадцати милях от высокогорных пастбищ.

Работники колхоза в основном использовались как пастухи и скотоводы. Летнее время с семьями проводили в Ушконыре, живя в *юртах*, традиционных шатрах казахских кочевников, на вид чем-то средних между иглу эскимосов и вигвамом краснокожих индейцев. Родовые схватки жены Абиша Альжан начались в первую

неделю июля 1940 года в юрте Назарбая на *джайлау* Ушконоыра.

В отношении точного места рождения ребенка, который полвека спустя стал первым Президентом независимой Республики Казахстан, есть некоторая неопределенность. Когда автор посетил Ушконоыр и соседние районы в 2007 году, то получил самые противоречивые сведения от старожилов об обстоятельствах появления на свет Нурсултана Назарбаева.

Некоторые уверяли, что будущий президент родился в юрте на холмах Ушконоыра. Один из таких свидетелей показал на поросший травой холм между скалистым склоном и горным кряжем, твердо заявив: «Я знаю, что Назарбаев родился именно здесь». Другие люди вспоминали, что Альжан настолько страдала при родах, что местная акушерка повезла будущую мать на бричке, запряженной ишаком, за девять миль в долину, в деревню Чемолган. Еще один вариант истории гласит, что роды были настолько сложными, что Альжан перевезли в небольшой городок Каскелен, единственное место с горячей водой и медицинским оборудованием, где старшая акушерка успешно приняла их.

Но где бы ни проходили роды, Абиш Назарбаев находился далеко, присматривая за овцами и другим скотом на пастбищах Ушконоыра. Когда он спустился с холмов, новостью о том, что он стал отцом мальчика, его порадовала старуха из Чемолгана по фамилии Тогайбаева. Абиш так обрадовался, что тут же одарил пожилую женщину одной из самых ценных вещей семьи, швейной машинкой «Зингер», произнеся старинную казахскую поговорку: «Принесшему хорошую новость — хорошую награду».

Несмотря на то, что древние казахские изречения, традиции, а порой и суеверия сопутствовали ранним годам жизни Нурсултана Назарбаева, в детстве он испытывал влияние не только прошлого, но и настоящего. Что касается старинных традиций, он воспитывался в духе национальной народной культуры с ее непременным по-

читанием предков, близостью к природе и связью с большим кругом родственников и соплеменников. Влияние современности проявилось в том, что он рос среди представителей разных народов и религий, которых Советы переселили в Казахстан. А, кроме того, попал в новую волну всеобщего образования, которое до тех пор было недоступно его семье.

Чемолган, поселок на берегу реки Каскеленка в 25 милях к западу от Алматы, в 40-х годах имел разноплеменное население примерно из 900 жителей. Лишь 200 из них были коренными казахами. Остальные являли собой конгломерат представителей самых разных национальностей, в большинстве своем согнанных с родных мест революцией 1917 года и сталинскими репрессиями: украинцы, поляки, чеченцы, ингуши, турки-месхетинцы, курды, балкары и этнические русские.

Отношения между группами приезжих и коренными казахами складывались гармонично. Во-первых, благодаря традициям казахского дружелюбия и гостеприимства. Во-вторых, благодаря единому для всех стремлению к выживанию, так как жизнь каждой семьи в Чемолгане в тот период управлялась железной, но, как правило, неуклюжей рукой советской коллективизации.

Название Чемолган происходит от казахского слова *шам*, т.е. свеча. Поскольку в этой местности электричества не было, буквальный перевод «деревня света свечи» оказался подходящим названием для этого населенного пункта, что служил местом проживания здешних колхозников. В начале 40-х годов большинство работающих составляли женщины, так как здоровые мужчины были призваны на войну против гитлеровской Германии. Однако отец Нурсултана Абиш оставался дома из-за отсохшей руки, поврежденной несколько лет назад на пожаре. «С детских лет самое сильное воспоминание об отце — что он работал от темна до темна, — рассказывает Нурсултан Назарбаев. — Не помню, чтобы он когда-либо отдыхал. Думаю, что готовность выполнять тяже-

лую работу, проявлять упорство в трудные моменты и доводить свое дело до конца я унаследовал от него».

Главным делом Абиша было кормить семью, в которой вскоре народилось четверо малышей: Нурсултан, Сатыбалды, Анипа и Болат. Колхозного заработка не хватало, поэтому выживание зависело от выращенного или вскормленного в подсобном хозяйстве. Назарбаевым выделили четверть гектара (0,6 акра), на этой земле они держали 5 овец, 20 кур, лошадь и корову. Корова, которую Альжан доила каждое утро в 4 часа утра, была главным источником питания, так как обеспечивала повседневную потребность в масле, молоке и *курте* — твердом казахском сыре. Животные, а также фрукты и овощи, выращиваемые на участке, давали необходимое для пропитания. Продовольственный достаток обеспечивался талантами Абиша как огородника, а также его способностью торговаться на нескольких языках и продавать выращенное. «Мой отец мог выращивать что угодно, — вспоминает младший сын Болат. — На нашей земле мы постоянно получали по два урожая картофеля и кукурузы. Он гордился и не мог нарадоваться на свои яблони, которые также давали исключительно много плодов, потому что он умело прививал и подрезал их. Он продавал излишки фруктов и овощей нашим соседям, торгуясь с ними на их языках. Кроме казахского, отец свободно говорил на русском, турецком и балкарском языках. Он научился общаться и на других языках, так как вокруг жили люди других национальностей, сосланные сюда во время сталинских репрессий».

Нурсултан с детства перенял у отца его способность к языкам и толерантность к другим культурам. Когда ему исполнилось пять лет, два важных события произошли в его жизни. Умерла бабушка, и он пошел в школу. После смерти Мирзабалы отношения детей с родителями вошли в более нормальное русло. Нурсултан сблизился с матерью Альжан, о которой вспоминает очень поэтично: «Она оказала на меня сильнейшее влияние, постоянно

проявляя свою особую материнскую любовь. Это трудно выразить словами; просто она выражала свои чувства самыми убедительными средствами. Она была очень романтичной и занимала мое детское воображение разными историями и красивыми песнями».

Воображение Нурсултана также захватывали его первые шаги в сельской школе Чемолгана. Семьдесят её учеников были разбиты на три класса. В двух обучение велось на русском языке, в оставшемся — на казахском. В классе с казахским языком занималось всего семеро детей (6 мальчиков и 1 девочка), среди них Нурсултан, который обычно учился лучше всех. Есимбай Садуакас, его одноклассник, вспоминает: «В Чемолгане нас хорошо учили в этом маленьком классе, учителя работали, не жалея сил. Нурсултан был умным, много работал и не казался таким озорным, как большинство из нас. Лучше всего ему давалась математика, на уроках которой строгий пожилой учитель Кавасаев сурово обращался с нами. Нурсултан также был лучшим в чтении вслух».

Чтением вслух молодой Нурсултан занимался не только в школе. Хотя оба его родителя были неграмотными, они чрезвычайно гордились школьными успехами старшего сына. Узнав от учителей, что мальчик хорошо читает, Абиш стал приглашать к себе соседей послушать легенды из казахской истории и литературы, которые вслух декламировал десятилетний Нурсултан. Сам он вспоминает эти вечера со смешанным чувством: «Отец часто вечерами с гордостью приглашал друзей послушать, как я читаю. Единственным источником света была керосиновая лампа, так что после долгого дня в школе, да еще после того, как я помогал кормить животных, глаза мои уставали. Иногда я засыпал, падая лицом в книгу. Поэтому я пытался отвертеться от этого занятия. Но отец сердился на меня и заставлял читать этим гостям».

Сопrotивляясь чтению для публики, Нурсултан с растущим удовольствием читал для себя. К двенадцати

годам стал настоящим книголюбом. Прочитал почти все, что имелось на полках небольшой школьной библиотеки. Узнав, что кто-то из родственников собирается в Алматы за покупками, он просил купить ему книгу. Как правило, это была классика казахских авторов, таких, как Абай, но по мере расширения знания русского языка Нурсултан начал читать Толстого, Чехова и Пушкина. В старших классах зачитывался переводами на русский язык европейских авторов, с особенным удовольствием поглощая истории Оноре де Бальзака, Виктора Гюго и Жюль Верна. Временами этот интерес к литературе казался другим членам семьи Назарбаевых чрезмерным. Его младший брат вспоминает, как однажды мать накричала на подростка Нурсултана: «Ты слишком много читаешь. У тебя закипят мозги. Шел бы лучше на свежий воздух!». Он послушался приказа матери, но ненадолго. Через несколько минут Нурсултан прокрался в дом через окно и вернулся к книгам.

Этот случай показал, что временами в жизни Нурсултана возникали противоречия между хозяйственными заботами и учебой. Иногда он сердил родителей, если зачитывался так, что забывал полить овощи или перевести корову с одного пастбища на другое. Но, несмотря на неприятности от такой забывчивости, парень понимал, что семья более всего на свете желает, чтобы он сумел получить образование, воспользовался возможностью, которой предыдущие поколения казахов были лишены. «Отец всегда говорил мне: "Иди учись, иди учись", и я шел», — вспоминает он.

Летние каникулы, которые он проводил на высокогорных пастбищах вокруг Ушконыра, стали самым счастливым временем для Нурсултана. «Я всегда любил горы, ходил туда с отцом, помогая ему косить траву, наслаждаясь природой», — рассказывает он. В отрогах Алатау вокруг Ушконыра волков, горных козлов, ланей, иногда медведей и снежных барсов до сих пор больше, чем людей. Отгонять этих хищников от колхозных овец и коров

было важной частью работы Абиша как пастуха. Нурсултан вспоминает множество идиллических моментов в своих отношениях с отцом, когда они вдвоем жили в глуши, сторожа стада по ночам, сидя у костра и напевая песни под звуки *домбры* — традиционного казахского инструмента, на котором мальчик научился в совершенстве играть.

Иногда отец и Нурсултан, выходя на охоту, забирались в горы до снегов и выше. Самая высокая вершина в окрестностях неудержимо влекла мальчика после того, как отец сказал, что с нее открывается вид на озеро Балхаш. Это было преувеличение, так как озеро находилось примерно в 150 милях к северу от Ушконира, и увидеть его невооруженным глазом было невозможно. Однако Нурсултан решил покорить эту гору и одним прекрасным летним днем в начале 50-х в одиночку поднялся на нее. «Это было самое впечатляющее зрелище моего детства, — вспоминает он. — Когда я стоял на вершине, мне казалось, что лечу на крыльях. Вглядываясь вдаль через безбрежные равнины и луга, я смотрел в сторону Астаны — будущей столицы нашей страны».

Лидеру, позже основавшему Астану, новую столицу независимого Казахстана, можно простить метафоричность, несколько осовременившую его детские воспоминания. Но этот эпизод дает представление о красоте и силе природы, окружавшей будущего президента в детстве, и открывает черты бойца и мечтателя, свойственные характеру молодого Нурсултана Назарбаева.

В школе Чемолгана бойцовские качества Нурсултана бросались в глаза. Оценки за шестой класс показывают, что он учился на круглые пятерки по всем предметам, а это были: казахский язык и литература, русский язык и литература, история, математика, геометрия, алгебра, физика, биология, рисование, английский и музыка. «Он, без сомнения, был самым способным учеником, — вспоминает его одноклассник Есимбай Садуакас. — Постоянно задавал вопросы учителям, очень много работал

дома. Я помню, как он репетировал ответы на домашние задания, что нам задали. Однажды я неожиданно пришел к ним домой и увидел, как он репетирует ответы перед зеркалом. «Что ты делаешь, Нурсултан? — спросил я. — Хочешь стать кинозвездой, или как?» «Нет, — ответил он, — я просто хочу четко отвечать на вопросы».

К десяти годам уверенность Нурсултана стала расти, мальчишки как в школе, так и вне её считались с его мнением. Ему единственному из одноклассников доверяли отправляться на телеге, запряженной ишаком, в ближайшую деревню за восхитительно свежим черным хлебом. Тамошняя булочная была настолько популярной, что толпящимся покупателям продавали хлеб только по норме — два куска от буханки. Так как он был из другой деревни, местные покупатели обращались с Нурсултаном несправедливо: часто выталкивали в конец очереди. Он решил эту проблему, привезя с собой в телеге группу друзей. Нурсултан организовал из молодых чემолганцев команду, которая защищала каждого из них и настойчиво в течение всего дня занимала очередь, пока каждый по нескольку раз не покупал норму в два ломтя.

При возвращении из одной такой экспедиции Нурсултан испытал, как он выразился, «самое страшное событие моего детства». Дело было поздним вечером. Один из мальчишек в телеге боялся темноты. Другому пришлось в голову сыграть шутку, чтобы стало еще страшнее. Он убежал вперед и спрятался на кладбище у дороги на Чемолган. Когда телега проезжала мимо кладбища, на одной из могил с воплями поднялась фигура в белом саване, изображая из себя призрака. Испуганный ишак попятился и рванул в сторону. Мальчик, которому предназначалась шутка, пронзительно крича, выскочил из телеги и убежал в темноту. Десятилетнему Нурсултану пришлось обуздывать ишака и искать пропавшего мальчика. «Когда мы нашли его, он был без сознания, — вспоминает он. — Мы не могли привести его в чувство, я боялся, что он умрет. Даже когда он пришел в себя, то не

мог говорить. Потом бедняга долгие годы сильно заикался. Тот вечер оказался страшным для всех нас».

Вообще, в юности Нурсултана Назарбаева, прошедшей в спокойном Чемолгане, драмы случались не часто. Одно из исторических событий произошло в 1953 году, когда в центре деревни установили громкоговорители и объявили о смерти Сталина. Ярким фактом стало проведение электричества в Чемолган в 1954 году. Это сильно повысило качество жизни всех сельчан.

В раннем детстве Нурсултана его семья не имела собственного жилья. Как настоящие степняки, они кочевали из взятой внаём юрты в арендуемый дом. Однако примерно в 1945 году Абиш построил для своей растущей семьи двухкомнатный дом на окраине деревни. В одном из углов стоял стол, за которым Нурсултан каждый вечер делал уроки.

«Мама приносила ему еду за этот стол, чтобы он мог заниматься, не отвлекаясь», — вспоминает Нарьямал Ибрайкизы, его двоюродная сестра-одногодка. «Мы все знали, что с раннего детства Нурсултан исключительно много работал. Его мать часто говорила, что таких, как он, «один на тысячу».

Такое мнение матери об исключительности сына подкреплялось сном тринадцатилетнего Нурсултана. По воспоминаниям родственников, Нурсултану приснилось, как он взбирается на один из самых высоких пиков Ушконыра, гору Алакельды, с тяжелым мешком соли на спине. Поднявшись наконец на вершину, он посмотрел на подножие горы и далеко внизу увидел своих одноклассников, взирающих на него. Мать немедленно растолковала этот сон как свидетельство того, что сын добьется гораздо большего, чем все они.

В 1956 году Нурсултану и его одноклассникам пришлось сделать трудный выбор после того, как объявили, что школа Чемолгана не может более учить всего семь учеников на казахском языке. Предстояло либо остаться в деревенской школе и учиться на русском языке, либо

переехать в город Каскелен в пяти милях от дома и посещать более крупную школу с преподаванием на казахском языке.

Абиш и Альжан решили, что старший сын останется в Чемолгане. У Нурсултана было другое мнение. Он спорил со старшими до тех пор, пока не добился перевода в школу Каскелена. Аргументы его оказались настолько убедительными, что родители остальных шести казахских учеников последовали его примеру. Такое раннее проявление лидерства не основывалось на боязни лингвистических трудностей. Будучи подростком, Назарбаев свободно говорил и читал на русском языке, который, как он хорошо знал, являлся аналогом *лингва-франка* коммунистической партии и поэтому был важной частью желаемой карьеры любого молодого человека. При выборе школы мальчиком двигало глубокое чувство принадлежности к родным корням и наследию.

Юный Назарбаев черпал и впитывал знания богатой и древней истории Казахстана из рассказов родителей и друзей семьи. Древние легенды испокон веков повествовали о первых кочевых государствах — союзах племен саков, уйсуней, гуннов, канглы, огузов и кипчаков, бороздивших просторы степи в период между V в. до н.э. и XIII в. н.э. Одна легенда особо запомнилась и отложилась в детском воображении — сказ о сакской царице Томирис, одолевшей во главе своего войска могучую армию персидских захватчиков под предводительством царя Кира. Взяв верх в решающем сражении, царица обезглавила персидского владыку и с победным кличем: «Ты жаждал нашей крови — так напейся своей!», поместила его голову в мешок с кровью. Иные могущественные завоеватели, не в последнюю очередь Атилла, вождь гуннов в IV в. и Чингисхан в XIII в., были более удачливыми в своих войнах. Как и любой казахский мальчуган, Назарбаев усвоил от старших, что все казахские ханы и султаны были прямыми потомками старшего сына Чингисхана. Он также постигал подробности трехвековой

борьбы казахских ханов с джунгарскими захватчиками. Бесконечная война затем сменилась борьбой с имперскими войсками царской России. Конечно, эти истории, которые нельзя было услышать на уроках в советской школе, а лишь у семейного очага, оставили след в душе юного Назарбаева.

Он рос, чтобы с гордостью нести имя «казах». Легенды и сказания убедили его в том, что его народ можно победить, но поработить нельзя. Именно с таким, затаенным, но несгибаемым духом национальной гордости и достоинства, Назарбаев окунулся в мир знаний, который предлагала советская школа. Школа, пожалуй, была одним из немногих позитивных моментов в рамках советской коммунистической системы. Она дала хорошее образование Назарбаеву.

В сентябре 1957 года Нурсултан Назарбаев перешел в школу Каскелена. С ним поехала мать, которая, посмотрев на условия проживания иногородних учеников в интернате, решила, что они не подходят для сына. Альжан разыскала в городе дальних родственников и устроила у них Нурсултана с надеждой, что там он будет лучше накормлен и ухожен.

Впечатления учителей школы Каскелена о новом ученике оказались благоприятными. На исходе первой недели его учебы с Нурсултаном побеседовал заместитель директора школы Сейтхан Исаев, который увидел в мальчике стремление к знаниям, ум и необычайную талантливость. «Он был самым умным среди десятиклассников, — вспоминает Исаев. — Я преподавал историю древней Греции и современную историю Европы. Он проявлял редкую тягу к знаниям, задавал мне трудные вопросы и часто после уроков брал с собой книги на вечер. Как правило, эти произведения выходили за пределы школьной программы. Он всегда хотел знать больше, чем требовалось».

Советское среднее образование 50-х годов отличалось высокими стандартами. Нурсултан Назарбаев по

любим меркам был хорошо начитан и образован. Он с удовольствием читал зарубежную литературу в переводах на русский язык, но так и не полюбил Шекспира, что впоследствии объяснял плохим переводом произведений английского классика. Он проявил такие склонности к математике и физике, что одноклассники прочили ему карьеру ученого. Помимо способностей к учебе он показал себя метким стрелком из ружья и ловким наездником. Хорошо пел, прилично играл на аккордеоне и *домбре*. «В компании Нурсултан был очень общительным, — говорит его одноклассник Кыдыргали Байбек. — Как и его отец, он предпочитал мир конфронтации. Если кто-либо не нравился ему, он открыто не ссорился с ним, но постепенно давал ясно понять свою неприязнь».

Возможно, такая манера поведения уже тогда предвещала будущие политические таланты молодого Назарбаева. Ее дополняли и его способности к дипломатии. Ученики школы Каскелена представляли собой такую смесь разных народов, что Нурсултан рос в атмосфере интернационализма. Он поддерживал эту гармонию, став асом по решению проблем и улаживанию споров. Учителя отмечали его готовность выступать посредником между сторонами. Благодаря его переговорным способностям не состоялось много драк на школьном дворе — обычного метода разрешения мальчишечьих конфликтов. Ему доверяли роль третейского судьи.

Примером его природного дружелюбия стало удивительное письмо, полученное школой в 1957 году от китайского школьника из Пекина, в котором тот спрашивал, не хочет ли кто-либо стать его другом по переписке. Вопрос неизвестного корреспондента из такой страны, как Китай, даже для его соседей в 50-х годах еще неизвестной и потому далекой, казался настолько необычным, что к письму отнеслись с большим подозрением. В конце концов, после консультаций с районным комитетом Коммунистической партии директор школы прикрепил перевод письма на доске объявлений, спросив, не желает ли

кто-либо на него ответить. Из 250 учеников школы Каскелена Нурсултан Назарбаев оказался единственным, кто принял это предложение, обменявшись несколькими письмами с адресатом из Пекина. Когда заместитель директора полюбопытствовал, зачем ему это надо, тот ответил: «Потому что мне интересно узнать о Китае».

Интеллектуальные запросы Нурсултана открывали ему более широкие горизонты по сравнению со сверстниками. Он также был более связан с традициями предков, чем оторванное от корней местное сообщество недавних переселенцев. Поэтому, несмотря на босоное детство, он чрезвычайно гордился предками. Уверенно себя чувствовал в своем кругу, даря горячо любящим его Абишу и Альжан сыновнюю любовь. Оканчивая школу летом 1958 года, 18-летний Нурсултан был хорошо воспитанным молодым человеком с академическими способностями, которые, как он знал, открывали путь в самые престижные университеты Советского Союза. «За несколько месяцев до окончания школы я уже почти решил стать ученым-химиком, — вспоминает он. — Отчасти потому, что мне легко давались науки, отчасти благодаря впечатлению от речей нового советского руководителя Никиты Хрущева, который много говорил по радио о значении химии для повышения производительности сельского хозяйства. Вот это я и хотел изучать в лучшем университете Москвы».

Однако все сложилось иначе. Несмотря на амбиции, трудолюбие и талант, Нурсултан Назарбаев в конце концов не поехал в Москву и не поступил в университет. Вместо этого он остался дома, согласившись зарабатывать на жизнь физическим трудом, а не блеском интеллекта. Это стало обдуманном выбором. Он сделал его благодаря книге из школьной библиотеки, которая настолько вдохновила его, что изменила жизнь. Книга называлась *«Как закалялась сталь»*.

СТУДЕНТ И СТАЛЕВАР

Книга *«Как закалялась сталь»* оказала важное влияние на жизнь Нурсултана Назарбаева. Однако она явилась лишь одним из факторов в процессе принятия решения, в результате которого он сменил планируемую карьеру университетского ученого на физический труд сталевара. Но основной причиной стало, прежде всего, желание материально помочь перегруженным работой родителям. Повлияло, в числе других, и интуитивное чувство призвания, даже судьбы, которое так часто на протяжении всей жизни заставляло его делать неожиданный выбор.

Книга *«Как закалялась сталь»* содержала откровенную советскую пропаганду, но была хорошо написана и

рассказывала волнующую историю. Автор, Николай Островский, поведал в ней о жизни молодого комсомольца. Ему и группе других добровольцев дали задание большой государственной важности — провести железнодорожную ветку в кратчайшие сроки через труднопроходимую местность. Препятствия на пути к достижению этой цели оказались невероятно трудными: задержки с доставкой материалов, болезни, ужасная погода, оползни на дороге, происки врагов и все более отдаляющаяся дата окончания работ. Но ценой сверхчеловеческих усилий герой книги в конце концов привел своих соратников к победе. «Книга меня очень вдохновляла, — вспоминает Назарбаев. — Эта книга на самом деле не о стали, а о человеческом духе. В ней говорится, что благодаря вере, силе воли и преданности делу хорошая команда может достичь почти невозможного».

На личное мнение Назарбаева о своей судьбе накануне 18-летия повлияли и думы о родителях, с которыми у него сложились исключительно близкие отношения. Он любил их нрав, чувство юмора, тепло сердец и необузданный, характерный для казахов романтизм. Будучи неграмотными, они обладали другими талантами. Альжан сочиняла красивые песни, которые исполняла под собственный аккомпанемент на *домбре*. Она рассказывала детям легенды о кочевниках, чтивших традиции казахских племен, часть из которых связывала с самым знаменитым предком их рода, воином XVIII века Карасай Батыром.

Абиш был более сдержанным, но, путешествуя по степи со старшим сыном, он иногда выказывал свои способности к поэзии. Мог сочинять устные поэмы, часто превознося великолепие природы, иногда выражая свою любовь к Альжан, или временами просто чтобы развлечь сына. Абиш с удовольствием сочинял остроумные эпиграммы на односельчан. Такие сатирические поэмы нравились Нурсултану. Но когда, запомнив наизусть, он рассказывал их одноклассникам, случались конфузы.

Рассерженные родители — герои этих пародий шли жаловаться Абишу: «Как твой сын смеет сочинять такие оскорбительные стихи обо мне»?

Абишу, вероятно, доставляло удовольствие улаживать такие скандалы, но в его жизни времени для юмора было немного. На него давило бремя сельской нужды. Несчастный случай, изувечивший правую руку, а также непрерывная тяжелая работа в колхозе и в собственном подсобном хозяйстве сказались на его здоровье. К пятидесяти годам он стал нетрудоспособным. «Меня беспокоило здоровье отца и матери, — вспоминает Нурсултан Назарбаев, — они слишком много работали. Мне не хотелось уезжать в Москву на пять лет и оставлять их в таком тяжелом положении».

В конце учебы в школе, когда эти опасения все сильнее его беспокоили, у Назарбаева состоялся важный разговор с одним геологом. Тот был из украинской семьи, что жила в их селе, и однажды летом приехал навестить своих родителей. Черная форма со значками геолога придавала ему большой вес в глазах чемолганских мальчишек, которые по вечерам собирались послушать его рассказы. «Я помню, как он показал на железную водопроводную трубу и сообщил: мол, "я имею к ней отношение, потому что я нашел железную руду, из которой она сделана", — вспоминает Назарбаев. — Меня восхищали и сам он, и его гордость за принадлежность к профессии, представители которой находят подземные сокровища. Потом он рассказывал нам о технологиях, позволяющих превращать найденную им руду в сталь. Он подробно описывал процесс, как руда плавится в домне и как из жидкого металла получают стальную трубу. Я каждый вечер слушал его и говорил себе: «Когда-нибудь я тоже стану геологом».

Но стать геологом означало уехать на ближайшие годы на учебу в Москву. Так как он окончил среднюю школу в Каскелене с высокими оценками, именно этого от него ожидали. Но беспокойство о здоровье отца заста-

вило серьезно подумать и о возможности остаться в Казахстане. Летом 1958 года, когда Назарбаев размышлял о своем выборе, он увидел объявление в местной газете, в котором предлагалась работа сталевара. В объявлении говорилось о гигантском сталелитейном заводе, который строился в Темиртау, всего в 300 милях от Чемолгана в Карагандинской области. Планировалось, что это будет один из самых крупных сталелитейных заводов в мире, производящий более 5 миллионов тонн стали в год. Комсомольцам, желавшим освоить профессию металлурга, предлагались курсы обучения в техникуме Темиртау. В объявлении говорилось: «Металлург — благородная и почетная профессия. Это работа для настоящих мужчин, которая обеспечивает самую высокую зарплату».

Объявление сразу привлекло внимание Назарбаева. Стать металлургом, а не геологом казалось ему лишь небольшим изменением его профессиональных амбиций. Его привлекала воображаемая картина сталелитейного завода и обещание «самой высокой зарплаты». Так что, прочитав про завод в Темиртау, он уже через несколько дней подал заявление о приеме на работу, явившись в ближайшее бюро по найму в комитете комсомола по улице Сталина в Алматы. В комитете в тот день дежурил Сабит Жадонов. «Я хорошо помню молодого Назарбаева, когда впервые увидел его в июне 1958 года, — вспоминает Жадонов. — Одет он был в простую одежду деревенского мальчишки — свободные хлопчатобумажные брюки, рубашка с открытым воротником и сандалии. Поговорил с ним, узнал, что он только что окончил школу с отличными оценками. Поэтому сказал ему, что молодой человек с его способностями должен поступить в университет в Москве, учиться там и стать дипломатом или специалистом. Но он оказался очень упрямым, даже процитировал комсомольский лозунг: «Если ты член комсомола, ты должен быть первым в борьбе с проблемами на передовой и последним, кто пользуется наградами и привилегиями легкой жизни». Я видел, что он

твердо решил стать сталеваром в Темиртау, поэтому включил его в список рабочих одним из первых».

В объявлении Темиртау представлялся гигантом сталелитейной промышленности, но когда в сентябре 1958 года Назарбаев прибыл туда с документами, там не производилось ни одного стального прута, потому что строительство завода еще даже не начиналось. Был только небольшой городок, окруженный огромной беспорядочной стройкой с кранами, грузовиками, тракторами, бульдозерами, грудями стальных конструкций, балок, дерева и палаток для рабочих. Работе сильно мешало отсутствие дорог. Поэтому до изучения профессии металлурга и варения стали Назарбаеву пришлось стать строительным рабочим. Первой его работой было мешать бетон для подъездных дорог к несуществующему заводу, единственным признаком которого была впечатляюще высокая, но не работающая дымовая труба.

После нескольких недель на бетонных работах в Темиртау Назарбаева и еще примерно 300 рабочих со средним образованием, из которых 71 были казахами, командировали для освоения профессии сталевара в украинский Днепродзержинск. «Все мы, как и Назарбаев, были 18-летними деревенскими мальчишками, — вспоминает Максут Нарикбаев. — Ни один из нас до этих пор далеко от дома не уезжал, так что, когда мы собрались вместе на вокзале в Алматы, для нас это казалось историческим путешествием. До Москвы добирались пять дней. Когда пересаживались на другой поезд, помню, на нас показывали пальцем и говорили: «Смотрите на китайцев!». Из-за этих насмешек чувствовали себя не в своей тарелке. От Москвы до Днепродзержинска ехали два дня. Когда прибыли, нас разделили на три группы: сварщиков, операторов мостовых кранов и сталеваров. Назарбаева включили в группу сталеваров для подготовки к работе у доменной печи. Поскольку он хорошо говорил по-русски, его немедленно выбрали старшим группы».

Талант лидера проявился у Назарбаева в нескольких эпизодах уже в первые месяцы пребывания в Днепродзержинске. Первый касался приезда знаменитой казахской певицы Бибигуль Тулегеновой. Для немногочисленных казахов города она была кумиром. Но поскольку большая часть украинцев ее не знала, концерт едва ли мог собрать зал на тысячу мест. Решив всеми силами поддержать самую яркую музыкальную звезду Казахстана, Назарбаев взял на себя задачу обеспечить ей рекламу. При этом стали очевидны его недюжинные организаторские, музыкальные, патриотические и политические способности. Мобилизовав своих однокашников на оповещение горожан и распространение билетов, он набил концертный зал так, что многие зрители стояли. В конце выступления Назарбаев вышел на сцену, вручил диве огромный, купленный вскладчину букет цветов и произнес волнующую речь в честь Бибигуль Тулегеновой. «Мы поражаемся, как хорошо он все организовал и как страстно выступал, — говорит Кабидулла Сарекенов, один из его товарищей по учебе. — После этого многие из нас стали его уважать».

Способность Назарбаева к публичным выступлениям подверглась суровому испытанию несколько месяцев спустя в совершенно иной обстановке, в милицейском участке, где ему с трудом удалось спасти целую группу казахских стажеров от постыдной отправки домой. Это случилось 31 декабря 1959 года. Казахские парни встречали Новый Год в ресторане, и один из них затеял драку с руководителем джаз-оркестра. Того поддержали друзья. Начался кулачный бой, в котором казахи оказались в меньшинстве и были вынуждены отступить. Их похвотала украинская милиция, и после ночи, проведенной в отделении, им заявили, что все они будут отправлены домой.

Суровую санкцию отменили, когда Назарбаев произнес то, что можно назвать его первой политической речью. «Я навсегда запомнил, как Назарбаев обращал-

ся к представителям властей в милиции, — вспоминает Максут Нарикбаев, один из задержанных. — Он начал с того, что поднял руку и сказал: «Так же, как и пальцы на руках разные, так и мы все разные». Затем стал утверждать, что не все мы заслуживаем наказания. Он заставил зачинщика драки при всех извиниться перед руководителем джаз-оркестра и попросил украинцев не настаивать на обвинениях. Постепенно уговорил всех, даже руководителя джаз-оркестра, воспринимать этот инцидент менее серьезно. В конце концов домой никого не отправили. Это был настоящий триумф для Назарбаева, и мы все его благодарили».

Этот триумф признали не только казахские студенты, но и украинское начальство. В тот вечер самым важным лицом в отделении милиции был производственный мастер по фамилии Погорелов. На него явно произвела эффект речь о том, что «мы все разные», и сравнение с пальцами рук. «Назарбаев, ты умен, — сказал Погорелов. — Если ты и дальше будешь таким башковитым, через 25 лет ты станешь секретарем вашей Коммунистической партии». В то время это звучало шуткой, но через тридцать лет это предсказание сбылось, когда в 1989 году Нурсултан Назарбаев был избран Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Казахской Советской Социалистической Республики.

А в 1959 году Коммунистическая партия провела параноидальные акции против иностранных студентов в Днепродзержинске. Это продемонстрировал второй эпизод, опять-таки с участием Назарбаева, когда группу молодых казахов посреди ночи забрали в милицию. На этот раз причиной стала паника в органах власти из-за возможных последствий инцидента в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Паника началась после яростной речи на Генеральной Ассамблее ООН советского лидера Никиты Хрущева, кульминацией которой стали выкрики «Мы вас похороним!». В тот момент Хрущев снял с ноги ботинок и начал

стучать им по трибуне. В зале ООН международный ареопаг мировых лидеров от этого цирка в восторг не пришёл. Тональность их реакции выразилась в язвительном замечании Гарольда Мак-Миллана, Премьер-министра Великобритании, который во время стучания ботинком спросил: «Нельзя ли получить официальный перевод этого?» Однако в 5000 милях оттуда, в Днепро-дзержинске, руководители Коммунистической партии испугались, что агрессивность Хрущева может спровоцировать Третью Мировую войну. В таком паническом настроении их первой реакцией было интернировать всех иностранных студентов, могущих, как они опасались, оказаться нелояльными в случае защиты Днепро-дзержинска от нападения с Запада. Именно поэтому рано утром 9 сентября 1959 года Нурсултан Назарбаев и его казахские однокашники по изучению металлургии были вырваны из своих постелей и доставлены в горотдел милиции.

Такое чрезмерное рвение партийных функционеров Днепро-дзержинска после речи Хрущева теперь, излагаемое на бумаге через пятьдесят лет, выглядит абсурдным. Однако в разгар холодной войны подобные страхи оказались реальными для советских властей и шокирующими для казахских стажеров. «Мы не знали, что случилось, — вспоминает Максут Нарикбаев, — но я помню, что Назарбаев был единственным, кто сохранил спокойствие в милиции. Мы все спрашивали его: «Что происходит? Что они с нами делают?» Мы были сильно напуганы. Но Назарбаев советовал нам успокоиться, в конце концов, именно он объяснил милиционеру, что мы ничего не знали о речи Хрущева. Именно Назарбаев убедил начальство, что мы, казахи, являемся лояльными студентами из Советского Союза, а не иностранцами. После этого нас отпустили, и мы вернулись к нормальной жизни».

Порядки в техникуме Днепро-дзержинска были строгими. Шесть дней в неделю стажеры проводили по пять

часов в классе, постигая теорию металлургии, после чего столько же — в цехах сталелитейного завода, изучая дело сталевара на практике. Это оставляло мало времени для спорта или другого отдыха, но Назарбаев умудрялся регулярно ходить на вечерние тренировки по борьбе. Несмотря на то, что при росте 175 см он был легче и меньше многих других борцов в секции, Назарбаев выигрывал большую часть схваток. Однажды тренер велел ему бороться с опытным борцом в его возрастной группе Николаем Литошко. На первый взгляд, схватка обещала быть неравной, так как украинец был выше и тяжелее, а также опытнее — по крайней мере, в собственных глазах. «Я помню, как сказал тренеру: «Почему вы хотите, чтобы я боролся с этим худым парнем? — вспоминает Литошко. — Но потом понял, потому что парень оказался очень сильным. Он обхватил меня и бросил на ковер. Когда я проиграл схватку после нескольких трудных раундов, то сильно зауважал своего противника. «Ты китаец?» — спросил я его, а он ответил: «Нет, я из Казахстана».

В бывшем Советском Союзе казахов нередко принимали за китайцев. Опытный наблюдатель заметит четкие характерные черты отличия казахов от китайцев, несмотря на восточный тип лица, общий для этих народов. Однако большую часть XX столетия Казахстан не существовал как отдельная страна, поэтому молодые казахи, проходившие обучение в Днепропетровске, привыкли к тому, что их национальность путали с другой. В тот день, когда Назарбаев выиграл схватку со своим украинским соперником, молодые люди отметили это событие застольем — выпили водки. «Когда я узнал, что ему еще предстоит долго добираться автобусом до общежития техникума, я пригласил его переночевать в квартире моих родителей, — вспоминает Николай Литошко. — Увидев Назарбаева, мать воскликнула: «Бедный кореец, ты голоден. Сейчас я тебя накормлю».

Впоследствии Екатерина Литошко часто угощала своей стряпней Нурсултана Назарбаева, привечая его как приемного сына в течение 18 месяцев, что он провел в Днепродзержинске. По субботам нередко оставался ночевать в доме Литошко, а Екатерина гладила его рубашки и штопала брюки. Нурсултан крепко сдружился с Николаем Литошко. «В молодом Назарбаеве меня больше всего поражали его энергия и стремление быть первым, — вспоминает Литошко. — Он брался за любое дело и везде хотел побеждать. Он не терпел проигрыша ни в борьбе, ни в ином другом виде спорта. Помню, однажды пошли на греблю. На реке он оказался впервые, поэтому, естественно, грести не умел и с большим трудом справлялся с веслами. Но он не сдавался и продолжал бороться. Когда вышел на берег, я увидел кровавые мозоли на его ладонях».

Значительно более серьезное кровопролитие обеспокоило Нурсултана Назарбаева в августе 1959 года, когда из Темиртау начали просачиваться слухи о массовых беспорядках и их жестоким подавлении советскими войсками. Как оказалось, большое число каменщиков, бетонщиков и строительных рабочих собрались на площади в центре стройки сталелитейного завода, протестуя против тяжелых условий работы. Их жалобы касались нехватки продуктов, плохой зимней одежды и грязной питьевой воды. Начальство отказалось разговаривать с митингующими, которые в ответ устроили беспорядки, стали громить продуктовые магазины. В ночь разгрома в Темиртау ввели войска. В ходе возникших столкновений многие рабочие (более 100) были застрелены. В советской прессе о трагедии в Темиртау ничего не сообщалось. Однако факты оказались достаточно серьезными, о них появились сообщения в средствах массовой информации в США, поэтому в город со срочным визитом прибыл будущий советский лидер Леонид Брежнев. Узнав об этих событиях, Нурсултан Назарбаев и его товарищи по учебе из Казахстана встревожились. Ведь скоро им предстояло вернуться в Темиртау.

С тяжелым грузом на сердце Назарбаев завершил учебу в техникуме Днепродзержинска. Со своим другом Кабидуллой Сарекеновым он отправился в долгий путь домой. На поезде с несколькими пересадками добрались до Караганды. Наконец, автобус № 107 доставил их в Темиртау в 4 часа утра 1 мая 1960 года. Город был закрыт, не праздновал и казался безлюдным. Явившись по адресу своего общежития, молодые люди обнаружили пустое здание. Ночь они провели в подвале и, отоспавшись, явились на работу в контору завода. Прием оказался обескураживающим. «Парни, вы слишком рано вернулись, — заявил начальник, — домна еще строится. Мы не можем дать вам работу и не можем платить». Некоторые из стажеров, вернувшиеся из Днепродзержинска, настолько огорчились, что разъехались по своим колхозам. Но Назарбаев и Сарекенов оказались упорнее, им в конце концов дали по 50 рублей аванса в счет будущей зарплаты и временно поселили в медицинском изоляторе в 9 милях от Темиртау. Оттуда они перебрались в другое рабочее общежитие, пятиэтажное здание в трех милях от завода, заняв места на соседних двухъярусных кроватях. В течение месяца, до 28 июня 1960 года, Назарбаев работал на бетономешалке, пока строительство домны не было завершено. С этого момента он стал штатным сталеваром.

Открытие завода состоялось 2 июля 1960 года. Это был образцовый завод, единственный в своем роде в Средней Азии. Советское руководство отметило его открытие шествиями, митингами и речами. Запуск домны был главным событием церемонии открытия, первые смены рабочих тщательно отбирались, и среди них оказался 20-летний Нурсултан Назарбаев.

На выплавке первой партии металла в Темиртау Назарбаев выполнял работу младшего помощника оператора домны. Он был одним из семи помощников в своей смене. Главной причиной его включения в элитную передовую группу операторов доменной печи, помимо учебы в Днепродзержинске, были его молодость и физи-

ческая сила. «Условия были тяжелыми, потому что температура возле домны превышала 40 градусов по Цельсию, — вспоминает он. — Я надевал плотную защитную одежду и во время восьмичасовой смены так потел, что часто пил специально приготовленный напиток, чтобы поддержать требуемое содержание соли в организме. Орудя тяжелыми инструментами, направляющими поток расплавленного металла, я ловил себя на мысли, что испытываю те же трудности и страдания, о которых читал в книге *«Как закалялась сталь»*.

Должно быть, Назарбаев хорошо справлялся с работой, так как за двенадцать месяцев с момента открытия завода он продвинулся от младшего помощника оператора печи до старшего помощника, а затем от помощника газовщика до старшего газовщика. Это считалось стремительным взлетом в иерархии сталеваров и несколько раз сопровождалось значительным повышением зарплаты. Когда в июле 1961 года ему исполнился 21 год, Назарбаев уже зарабатывал 400 рублей в месяц — по тем временам больше, чем оклад казахстанского министра. Зарплата молодого человека была настолько высокой, что он мог позволить себе жить на широкую ногу. Торговая сеть Темиртау предлагала отличный выбор товаров. «В продуктовых магазинах продавались красная и черная икра, осетрина, хорошие коньяки и вина, — вспоминает он. — Магазины одежды ломались от импорта, что в те дни казалось роскошью». Причину хорошего снабжения магазинов, куда ходили заводские, угадать нетрудно. Советские власти, запуганные массовыми беспорядками двухлетней давности, предпринимали беспрецедентные усилия для того, чтобы ублажить рабочих Темиртау, таким образом предотвратить новые беспорядки.

Даже свободно тратя деньги в магазинах, Назарбаев мог позволить себе посылать домой родителям по 200 рублей в месяц. Хотя те и ценили эту сыновнюю щедрость, но их беспокоили условия труда Нурсултана. В

1961 году отец приехал из Чемолгана в Темиртау. Нурсултан работал в ночную смену. Случилось так, что именно в эту ночь произошел несчастный случай с выбросом металла, приведший к смерти одного из операторов доменной. Нурсултану выпала неприятная доля устранять последствия аварии. Отец, который наблюдал все происходящее при невероятной жаре, попытался уговорить сына бросить тяжелую работу: «Зачем ты мучаешь себя? — спрашивал Абиш. — Я в жизни многое повидал, но никогда не встречал такого ада».

Нурсултан Назарбаев не только не бросил занятие сталевара, а еще более увлекся им. Он прошел дальнейшее обучение по теории металлургии, посещая вечерние курсы Карагандинского политехнического института. Институт располагался в 7 милях от завода в Темиртау, так что после завершения восьмичасовой смены у доменной печи Назарбаев ехал в институт и еще четыре часа слушал лекции по таким предметам, как теория металлургических процессов, физика и химия металлургии, сопротивление материалов, история производства стали. Приезжал домой совершенно измотанным.

«Домом» Назарбаеву служило неотопливаемое общежитие в центре Темиртау. «Наши условия жизни казались особенно невыносимыми, — вспоминает он. — Жили четвером в маленькой комнате. Грелись, устраиваясь спать по двое в железных двухъярусных кроватях и укрываясь матрасами. Развешивать одежду для просушки было негде. Оставляли свою брезентовую рабочую одежду снаружи на морозе, так как легче было надевать её замерзшей, чем мокрой».

Условия были суровыми, но Назарбаев и его друзья слишком уставали, чтобы жаловаться. «В конце каждого дня мы уставали так, что я валялся на кровать и спал, спал, — вспоминает он. — Когда нас будили в 5.30 на следующее утро, чтобы подготовиться к дневной смене, я часто чувствовал, что тело мое не отдохнуло после предыдущего рабочего дня».

Отдыхали они во время двух выходных, предоставляемых операторам доменной печи после четырех дневных и четырех ночных смен подряд. После окончания четвертой смены каждая группа рабочих по традиции направлялась в местное кафе, где старший группы заказывал две или три бутылки водки и блюдо курятины. После этого они отсыпались от водки и накопленной усталости, а остальную часть выходных проводили в нехитрых развлечениях. «Назарбаев отдыхал, как и все мы, — вспоминает его сослуживец Владимир Колбаса. — Иногда мы отправлялись ловить щук в местном озере. Иногда занимались спортом. Все регулярно ходили на прогулки вокруг холма в центре Темиртау, который мы прозвали «горой любви», потому что там встречались с девушками».

Свободное время для заводчан в Темиртау проходило монотонно. Но в отличие от других своих сослуживцев, у Назарбаева имелось целых три способа избежать рутины. Первый — любовь к чтению. Вторым была его привычка навещать семью. Третьим — талант организатора.

Благодаря хорошему образованию, полученному от учителей в школах Чемолгана и Каскелена, у Назарбаева имелись большие резервы интеллектуальных и литературных интересов, которые он развивал с помощью чтения. «Я часто видел его погруженным в книгу или газету, — говорит его друг Арген Юнусов. — Он с удовольствием пересказывал прочитанное во время перекуров».

Другой сослуживец Тохтархан Искаков вспоминает, что эти трудовые паузы демонстрировали еще одну сторону характера будущего Президента. «Назарбаев всегда проявлял любознательность. Во время перекуров он постоянно задавал вопросы. Каково наше мнение о таком-то фильме? Читали ли мы такую-то статью в газете? В нем постоянно чувствовалась работа мысли. Я видел: он очень умен и активен».

Действительно, в молодости Назарбаев постоянно мысленно путешествовал. Его мозг делал открытия. Он

не был философом, но читал все, что ему позволяла трудная работа сталевара. Официальная пресса Коммунистической партии не давала ему достаточной информации о мире, но он изучал ее репортажи внимательно и с уважением. Русская литература нравилась ему больше, но высшее читательское наслаждение приходило от соприкосновения с легендами и эпосами казахского фольклора.

Монотонному распорядку жизни и труда на советском сталелитейном заводе не удалось разрушить романтический дух Назарбаева, который он никогда не выставлял напоказ. Нурсултан укреплял корни этого душевного настроения, посещая отчий дом в Чемолгане во время отпусков. Он сохранил глубокое чувство привязанности к родителям и многочисленным родственникам. Родня его уважала, в том числе и за то, что он был единственным, кто зарабатывал целых 400 рублей в месяц. Однако во время приездов домой некоторые жители Чемолгана считали, что он выглядит усталым и истощенным. Двоюродный брат Абильда Медунов вспоминает, как озабоченно он расспрашивал Нурсултана о причине потери веса, но получил вызывающий ответ: «Да, работа такая тяжелая, что я худею. Но буду работать, и работать упорно, пока меня не признают лучшим сталеваром завода».

Стойкость стала ключевым элементом развивающегося характера молодого Назарбаева. Он нуждался в физической выносливости, чтобы отстоять смену у домны. Он также нуждался в умственном упорстве, чтобы сосредоточиться на лекциях в Карагандинском политехническом институте. Таково было его обычное расписание в 1960–1963 годах. Нагрузка тяжелая, но он ее выдерживал, объясняя потом: «Меня переполняло честолюбие. На кратковременную перспективу эта работа была скучна: единственным удовлетворением было услышать после определенного числа смен, что из железной руды ты выплавил 100 000 тонн стали. Но в будущем я собирался

стать высококвалифицированным металлургом, именно поэтому упорно учился и сдавал экзамены в институте. Кроме того, я хотел, чтобы меня признали хорошим сталеваром».

Но признание к Назарбаеву пришло с другой стороны. Его сослуживцы отметили его организаторские способности. Во время двухсуточного перерыва между сменами он становился активистом, который организовывал походы на рыбалку, мероприятия с застольями или вечера любительской песни. «Он любил организовывать, — говорит его друг Куаныш Омашев, — и делал это хорошо. Особенно запомнилось, как он устраивал свадьбы своих коллег по цеху. Он помнил все детали и мог проследить за всем, от обеспечения достаточного количества выпивки до выполнения роли тамады».

Организаторские способности Назарбаева заметили не только в кругу друзей. Машина Коммунистической партии постоянно находилась в поисках талантливых активистов в рабочей среде. В 1960 году, когда завод открывался, в его штате имелось менее 2000 рабочих, но через три года в 40 цехах работало уже 30 000 человек. В каждом цехе было по 800–1000 человек, но лишь примерно сто из них принимались в партию. Нурсултан Назарбаев намеревался стать членом этой элиты. «Я был честолюбивым молодым человеком, а членство в партии открывало путь к росту, — вспоминает он. — Если бы я в те дни считал, что моим амбициям поможет буддизм, я бы стал буддистом. Но так получилось, что я стал членом Коммунистической партии — и хорошим членом».

МОЛОДОЙ КОММУНИСТ, МОЛОДОЙ СУПРУГ, МОЛОДОЙ БУНТАРЬ

Коммунизм не пронизывал душу или родословную Нурсултана Назарбаева. Его наследие уходило корнями в извечную независимость казахских кочевников. Ценности свои он перенял от отца, который, имея скромный приусадебный надел, уважал частную собственность на землю и, будучи мелким фермером, не принимал советскую государственную систему коллективного сельского хозяйства. Однако за пределами дома коммунизм оставался единственной идеологией для Назарбаева на протяжении всего периода его учебы и первых лет работы. Во имя служебного роста он мирился с этим. Поэтому сочетание реализма и честолюбия быстро превратило его в убежденного коммуниста.

В школьные годы в Чемолгане Назарбаев вступил в пионеры — коммунистический аналог скаутов. Когда в старших классах он перевелся в школу Каскелена, ему предложили вступить в комсомол — Коммунистический союз молодежи. Членство в комсомоле не являлось какой-то особой честью, так как оно охватывало 80 из 120 учеников школы. Однако одноклассники быстро обратили внимание на Назарбаева как потенциального лидера, и в 1957 году его избрали секретарем комсомольской организации школы. «Он был очень хорошим секретарем, — вспоминает заместитель директора школы Каскелена Сейтхан Исаев. — Ответственно подходил к организации благоустройства школы и разных общественных мероприятий с участием школьников. Он был энергичен и действовал исключительно активно».

Коммунистической деятельности соответствовало коммунистическое воспитание. В школьные годы Назарбаев усвоил основы марксизма-ленинизма. Проштудировал деятельность советских руководителей прошлого и настоящего. Его заставляли наизусть цитировать Манифест Коммунистической партии. Нет никаких свидетельств, что в этот период Назарбаев испытывал какие-либо колебания интеллектуального или политического свойства. Он просто проглотил идейную наживку, причем прилагал явные усилия для демонстрации своей лояльности партии. На одной из ранних фотографий 17-летний Назарбаев снят с красным флагом во время первомайской демонстрации 1 мая 1958 года. Выражение его лица отражает энтузиазм как по поводу самого события, так и его празднования.

Вступить в комсомол было нетрудно, так как союз молодежи широко раскидывал свои сети и принимал большую часть желающих. Стать взрослым членом Коммунистической партии оказалось труднее. Вступление в партию включало рекомендацию, анализ, отбор, кандидатский срок. Как молодой Назарбаев лави-

ровал среди этих подводных рифов, а затем вскоре чуть не лишился своего членства в партии — это была интересная история.

Добросовестную работу Назарбаева в качестве оператора доменной печи на заводе в Темиртау заметили уже в первые месяцы. «Это стало первым важным шагом в моей карьере, потому что часто говорили, что только лучшие рабочие могут стать членами партии», — вспоминает он. Однако его признание со стороны высоких партийных начальников пришло скорее благодаря его фотогеничности, чем рабочей квалификации. Те стремились к наглядной пропаганде как инструменту привлечения рабочих со всего Советского Союза на Казахстанскую Магнитку, как официально назывался сталелитейный завод в Темиртау, расположенный в Карагандинской области. Это название представляло собой игру слов, связанную с Магнитогорском, крупнейшим сталелитейным комплексом в России. Поскольку плановики из Москвы решили, что на Казахстанской Магнитке должны работать 40 000 человек, это сравнение казалось достойным. Однако привлечение такой огромной рабочей силы в один из самых необжитых сельских районов Казахстана оказалось трудной задачей. В этом смысле внешность Назарбаева сыграла важную роль.

В сентябре 1960 года, через три месяца после пуска сталелитейного завода, «Казахстанская правда», главная газета Советского Казахстана, опубликовала привлекательную фотографию 20-летнего Нурсултана Назарбаева. Он снят в защитной робе оператора доменной печи, в войлочной шляпе с широкими полями, щегольски сдвинутой на затылок. Его симпатичное лицо, широкая улыбка, блестящие глаза и белоснежные зубы более напоминали модель из рекламной кампании на Мэдисон авеню, чем потного сталевара у пышущей жаром печи с расплавленным металлом. Должно быть, этот портрет сделали, когда он специально позировал для фо-

тографов, так как аналогичные снимки Назарбаева, весело смотрящего на дымовую трубу завода, появились в газетах по всему Советскому Союзу в сопровождении подписей, утверждающих, что Казахстанская Магнитка — отличное место для работы. «Эта фотография сделала меня знаменитым», — вспоминает герой.

Вскоре после её публикации Назарбаева избрали секретарем комсомольской организации города Темиртау. В этой роли в памяти своих сослуживцев он запомнился двумя эпизодами.

Популярный коммунистический лозунг 50-х годов гласил: «Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!» Именно в этом духе партийный комитет Караганды поручил комсомолу провести в Темиртау кампанию по очистке улиц в рамках национального почина о труде на благо общества, известного под названием *субботники*. Смысл, изначально заложенный Лениным, заключался в том, что все настоящие комсомольцы должны бесплатно отработать на общественно полезном деле часть своих суббот или воскресений. Поскольку Темиртау быстро рос, там не было недостатка в достойных объектах для общественных работ, например, подметание улиц, уборка строительного мусора или очистка парков от листьев. Однако желающих заниматься таким скучным делом явно не хватало, так как большая часть молодых рабочих по воскресеньям предпочитала отдыхать иначе.

«Хорошо помню, как Назарбаев убедил нас работать на субботниках, которые он организовывал, — вспоминает его коллега-сталевар Куаныш Омашев. — Это был проект по очистке холмистой части города, которую власти называли «Горой дружбы», а молодые люди «Горой любви», так как мы часто встречались там с девушками. В то время местность представляла собой запущенный пустырь, поэтому городской совет поручил комсомолу посадить там саженцы деревьев. К концу недели мы сильно уставали после работы на домне и не хотели возиться с саженцами. Но Назарбаев на комсомольских собраниях

произносил страстные речи, убеждая нас участвовать в субботниках, приводя убедительные аргументы и пересыпая их шутками. Мы пошли за ним и в течение многих суббот вместе с ним занимались озеленением».

Сейчас «Гора дружбы» в Темиртау — красивый городской парк в центре города, обсаженный высокими деревьями, так что те давнишние субботники Назарбаева хорошо послужили обществу. Его призывы к коллегам-рабочим поддержать субботники добровольным трудом явились одним из самых ранних примеров его ораторского искусства. «Страстные речи», сдобренные шуткой, позже стали отличительной чертой Назарбаева как политика, но ему, вероятно, никогда не доставалась более неговорчивая аудитория, чем те усталые операторы доменной печи, которым так не хотелось посвящать свои субботы озеленению.

Еще две грани характера Назарбаева, проявившиеся во время его руководящей работы в комсомоле, — нетерпимость к посредственности и находчивость при проведении в жизнь собственных неординарных инициатив. Обе эти черты он с лихвой продемонстрировал в ходе строительных работ в летнем студенческом стройотряде. Летом 1963 года студентов Карагандинского политехнического института, где учился Назарбаев, после третьего курса откомандировали в поселок Балисткульский недалеко от Караганды для постройки сельскохозяйственных сооружений для нужд местного колхоза. В то время студенческие строительные отряды были в моде. Задание было типичным для стройотряда, использующего дешевый труд студентов и молодых рабочих. В данном случае командир отряда Александр Виллельм оказался слабым, так как не смог, в частности, обеспечить в нужном количестве необходимые стройматериалы и технику. В результате стройотрядовцы понапрасну теряли время.

Назарбаева настолько возмутило такое положение, что он открыто подверг критике Александра Виллельма и организовал его смещение с должности. На комсомоль-

ском собрании приняли решение снять Виллельма, и вместо него выбрали Назарбаева. «Сразу после своего избрания Назарбаев исчез, — вспоминает член стройотряда Куаныш Омашев. — Мы не знали, куда он уехал. Он вернулся через день или два с большим количеством материалов и строительной техники, с помощью которой мы выполнили задание. В отряде были довольны, стройку закончили по графику и даже получили хорошую по тем меркам зарплату».

По двум приведенным примерам — посадки деревьев на субботниках и работ в стройотряде — нетрудно понять, почему Назарбаев стремился завоевать себе репутацию лидера как в комсомоле, так и вне его. Он учился управлять системой и мотивировать своих коллег по работе. Он становился хорошим оратором и эффективным руководителем. Эти качества производили хорошее впечатление и на рядовых коммунистов, и на высоких партийных начальников. Одним из них оказался секретарь Карагандинского областного комитета Байкен Ашимов, который позже стал Премьер-министром республики. «В 1960 году я официально посещал сталелитейный завод в Темиртау. Там встречался с молодыми операторами доменной печи во время рабочей смены, — вспоминает он. — Один из них выделялся своей общительностью, напористостью и энергией. Это был Назарбаев. Он произвел на меня и на многих других большое впечатление».

В 1961 году созданное благоприятное мнение привело к тому, что Назарбаеву предложили стать кандидатом в члены партии. Это сделал бригадир его смены. «Однажды он заговорил со мной и стал убеждать в преимуществах вступления в партию, — вспоминает Назарбаев. — Он говорил, что, мол, «у тебя впереди хорошая карьера, но для успеха нужно вступить в партию». Собственно, меня не нужно было убеждать. Я сам хотел в партию, потому что для честолюбивого человека другого пути не существовало».

Назарбаеву сказали, что цеховой партком проголосовал за его принятие кандидатом в члены партии, и ему дается один год кандидатского стажа. «Мне объяснили, что в течение этого года за мной будут наблюдать и испытывать меня, — вспоминает он. — Если за это время я покажу себя хорошим рабочим, не попаду в милицию, не буду слишком много пить, не буду манкировать своими обязанностями и не попаду в неприятности с девушками, можно ожидать, что через год товарищи на собрании изберут меня членом партии».

При избрании будущих членов партии коммунистическая система предпочитала не яркую индивидуальность, а серую однообразность. По словам Назарбаева, год кандидатства «оказался нелегким». Его товарищ по комнате в рабочем общежитии Темиртау Кабидулла Сарекенов поведал об одной из проблем, с которой Назарбаев постоянно сталкивался — он часто влюблялся. «В те дни Нурсултан вел себя, как покоритель сердец или дамский угодник, — вспоминает Сарекенов. — Отчасти потому, что он был привлекателен, как на знаменитой фотографии в газете «Казахстанская правда». Но к тому же был романтиком. У него была большая любовь с красавицей-гимнасткой из Украины Людмилой Керениш и с еще более красивой высокой русской официанткой по фамилии Орлова, работавшей в столовой. Мы даже шутили, будто Нурсултан собирается стать графом Орловым. Но было и множество других. Женщины просто бросались на него».

Страсти в личной жизни двадцатилетнего Назарбаева явно не дошли до ушей бдительного комитета партии. Хотя этот орган отслеживал слабости в личном поведении кандидата, тот прошел все испытания. В июле 1962 года, когда ему исполнилось 22 года и истёк год его кандидатского стажа, Нурсултан Назарбаев стал полноправным членом Коммунистической партии.

Партийность давала некоторые привилегии, например, возможность покупать в магазине товары, предна-

значенные для членов партии. Однако на деле изменения состояли в том, что его общественные обязанности сильно возросли. Назарбаеву в качестве комсомольского вожака пришлось нести дополнительную нагрузку по участию в многочисленных партийных собраниях и выступать с речами. Самая крупная аудитория собралась на X ежегодной конференции комсомола Казахстана. Более тысячи делегатов пришли в Оперный театр в Алматы, в том числе молодая комсомолка Манура Ахметова, которая позже сделала себе успешную политическую карьеру. «Тогда я впервые познакомилась с Назарбаевым, он меня просто потряс, — вспоминает она. — Он обладал привлекательностью и харизмой, его речи пробуждали всех, потому что он не боялся критиковать плохие условия труда и быта рабочих на сталелитейном заводе в Караганде: плохое жилье, неэффективный транспорт, нехватку больниц и так далее. Он производил большое впечатление».

Выведение делегатов из апатии на крупных партийных собраниях путем критики становилось фирменным знаком в выступлениях Назарбаева. Но в те ранние дни критика звучала приглушенно, вызывая положительную реакцию. За ораторские качества Назарбаева выбрали делегатом от комсомола на международный фестиваль молодежи и студентов в Хельсинки, собравший представителей более ста стран со всех континентов. Для Назарбаева эта первая поездка за пределы Советского Союза и встреча с ровесниками из западных стран, в том числе из Соединенных Штатов Америки, стала волнующим событием.

Во время Хельсинкского фестиваля проводились многочисленные пленарные заседания, рабочие встречи, семинары и дебаты. Назарбаев, живший на советском теплоходе вместе с другими делегатами от комсомола, с удовольствием участвовал в этих мероприятиях. Одним из мероприятий, привлечшим значительное внимание СМИ, стал диспут между американскими и со-

ветскими участниками о преимуществах коммунизма и капитализма. Партийные кураторы тщательно «подковали» Назарбаева. Он хорошо подготовился, имел статистические данные и серьезные аргументы в поддержку преимуществ Советского Союза. Американские выступающие из Колумбийского университета в Нью-Йорке Питер Хорн и Карен Лагодо обвинили Назарбаева в том, что он, как выступающий, слишком элегантен, чтобы быть настоящим сталеваром. «Наверно, тебя послали на этот фестиваль, потому что твой папа высокопоставленный партийный деятель», — предположила Лагодо.

«Такого папы у меня нет. Я простой рабочий доменной печи на сталелитейном заводе. Посмотри на мои руки!» — ответил Назарбаев, протянув свои мозолистые пальцы и загрубевшие ладони оппонентке, у которой отметил гладкую кожу и ногти с маникюром. Этот театральный жест сотворил чудо, так как Карен Лагодо была вынуждена осмотреть руки Назарбаева и признать, что они тверды, грубы и побиты, свидетельствуя о принадлежности их владельца к рабочей профессии. Местная и международная пресса публиковала живописные репортажи об этой стычке, встав на сторону Назарбаева. Такая известность подняла его авторитет на фестивале, и организаторы пригласили его сфотографироваться на Сенатской площади Хельсинки вместе с суперзвездой советской делегации, первым космонавтом мира Юрием Гагариным.

По возвращении из Хельсинки Назарбаева тепло встретили руководители комсомола Казахстана и отправили с выступлениями по республике. Хотя этот новый уровень политической деятельности показался ему интересным, его занимали более важные мысли. Уже когда его товарищ по комнате в общежитии Кабидулла Саркенов провожал его в Хельсинки, Назарбаев на платформе вокзала Алматы сказал ему: «Когда приеду из Хельсинки, я женюсь на Саре».

* * *

Сара была красивой дочерью Алпыса Кунакаева, продавца магазина из Караганды. Мать Сары умерла, когда девочке было всего пять лет. Для семьи настали тяжелые времена. Саре пришлось бросить школу в 12 лет и пойти работать в швейную мастерскую, затем она приобрела профессию электрика. В этом качестве она работала на Карагандинском сталелитейном заводе. Поселилась в женском общежитии в Темиртау, всего в ста метрах от мужского общежития, где проживал Назарбаев.

Возможностей для отдыха и развлечений у рабочих Караганды было не густо, поэтому по субботним вечерам многие ходили на танцы. На таких вечерах мужчин собиралось намного больше, чем девушек, поэтому у Сары не было недостатка в партнерах по танцам. Кроме Назарбаева, ее поразительной красотой пленились еще несколько молодых сталеваров, но Нурсултан не решался подойти к ней. «По своему воспитанию я полагал в то время, что подойти к незнакомой девушке и пригласить ее на танец было невежливо. Это казалось мне слишком развязным, — вспоминает он. — Но потом заметил, что другие парни приглашают Сару танцевать, поэтому я решил поступить так же. Помню, она была одета в элегантную черную юбку и белую блузку. Выглядела очень красивой».

Хотя Сара согласилась танцевать с Назарбаевым, их вкусы, по крайней мере в отношении одежды, не совпадали. По словам их дочери Дариги, ее матери отец поначалу не приглянулся. «Он показался маме провинциальным, деревенским парнем. Ей не нравилась его манера одеваться. Мужчины носили в то время брюки в обтяжку и рубашки, а отец надевал широкие брюки и толстую водолазку. Однако мать обратила внимание, что под свитером у отца были сильные широкие плечи».

После первого танца Нурсултан был покорен Сарой и добился права проводить ее до дома. Но на дальнейшие встречи она не соглашалась. По правде, у нее имелось столько поклонников, что широкие плечи могли пригодиться Назарбаеву, чтобы самому защищаться от нападений. Некоторые воздыхатели ревновали и вели себя агрессивно по отношению к потенциальным соперникам. Один из них даже грозился столкнуть Назарбаева в доменную печь, если тот не перестанет ухаживать за Сарой. Вероятно, это скорее была всего лишь попытка запугать, но так как Сара продолжала держать его на дистанции, а поклонники предостерегать, Назарбаев прибегнул к более тонкой тактике.

В любви, как и на войне, разведка всегда полезна. Назарбаев тщательно изучил распорядок дня Сары. Он выяснил, что она поет в хоре Темиртау. Дальнейшие наблюдения показали, что она ходит на репетиции хора один раз в неделю, а сразу после репетиции, как правило, на уроки танцев. В отличие от танцевальных вечеров по субботам, там Сару не осаждали толпы пылких партнеров.

Добиваясь благосклонности Сары, Назарбаев решил записаться в хор Темиртау. Он попросил своего друга Кабидуллу Сарекенова поддержать его в этом мероприятии. «Пойти в хор! Что на тебя нашло?» — удивленно воскликнул его товарищ по комнате. Когда выяснилось, что внезапное желание Назарбаева петь в хоре связано с Сарой, а не с музыкой, Сарекенов попытался разубедить его. «Но он, в конце концов, уговорил меня. Обычно он, если постарается, может уговорить кого угодно на что угодно».

Оба новых певца в хоре оказались тенорами. Они стояли в заднем ряду, в то время как сопрано, в том числе Сара, в переднем. С этой наблюдательной позиции Назарбаев мог видеть лишь затылок Сары. Но даже это можно назвать любовью с первого взгляда. На протяжении многих лет потом Назарбаев шутил в кругу друзей:

«Я полюбил ее за вид сзади. Но еще больше влюбился, когда увидел ее лицо».

После репетиции хора Назарбаев также записался на уроки танцев. Вскоре, не сталкиваясь с конкуренцией, он танцевал с Сарой вальсы и квикстепы. Она начала реагировать на его ухаживания. Позже она говорила дочери Дариге: «Мне понравилось, как он говорит, его энергия и честолюбие. Я начала понимать, что у него есть большая внутренняя сила, что я могу ему доверять».

Однако прежде чем подобные чувства взаимного доверия могли перерасти в роман, предстояло преодолеть весьма трудное препятствие. Назарбаев уже был помолвлен. Впрочем, эта была необычная помолвка, потому что он никогда не делал предложения этой невесте и испытывал к ней чувства отнюдь не жениховские.

Отношения Назарбаева с первой невестой правильнее было бы назвать соглашением, так как решение о том, что они поженятся, принималось их родителями. Когда оно принималось, Нурсултану было всего пять лет. Осенью 1945 года он с отцом Абишем был в гостях у семьи друга отца, своих соседей в Чемолгане. Они праздновали рождение дочери, которую называли Астай. Церемония именин переросла в церемонию помолвки, так как оба родителя формально согласились, что их дети должны пожениться. Несмотря на то, что Астай еще лежала в колыбели, а Нурсултан был совсем ребенком, помолвка, в соответствии с традициями казахов, стала обязательством.

Из шести членов семьи, которые участвовали в церемонии, лишь Нурсултан не понимал действительной силы этой помолвки, заключенной по традициям средневековья. Это начало его беспокоить уже когда он пошел в школу. «Даже в первом классе меня дразнили одноклассники, крича мне вслед: «Вон идет жених», — вспоминает он. — Это меня сильно смущало. Поддразнива-

ние продолжалось, и я начал избегать ее. В детстве, увидев ее, я убегал».

Побег или даже просто отъезд в Темиртау на работу сталеваром не означали, что обязательство Нурсултана Назарбаева жениться на Аксай Исанович аннулировано. Таково было твердое убеждение Альжан, матери Нурсултана, которая настаивала на соблюдении этого обычая. Она постоянно приглашала Аксай, невесту в возрасте подростка, в дом Назарбаевых, тепло принимая ее и заявляя: «Однажды наш дом станет твоим». Это традиционное выражение означало, что свадьба неизбежна. Но это совершенно не входило в намерения жениха, чьи мысли по данному вопросу все больше склонялись в сторону Сары Кунакаевой.

Летом 1962 года Назарбаев во время отпуска приехал домой в Чемолган навестить семью. Мать настояла на походе со старшим сыном к дому семьи Астай, которые были в трауре по случаю недавней смерти главы семьи. При входе в дом Нурсултан столкнулся с Астай, которая уже стала 17-летней девушкой и по традиционным понятиям достигла брачного возраста. «Я был настолько настроен против нее, что не мог смотреть ей в лицо, — вспоминал Назарбаев. — Я даже попытался сразу же уйти из комнаты. Но она побежала за мной, схватила за руки и спросила: «Почему ты убегаешь?»».

В первый раз в жизни Астай и Нурсултан поговорили о своей помолвке. Астай сказала, что перед смертью отец напомнил ей об обещании отдать ее замуж за сына Абиша. Единственным способом отменить это обещание будет, если сам Нурсултан официально согласится отказаться от помолвки и освободит ее.

«Так что ты должен прямо сейчас сказать, женишься ты на мне или освобождаешь», — потребовала Астай. Сейчас неясно, на какой ответ надеялась девушка, когда предъявила ультиматум. Нурсултан сомнений не испытывал. «Я освобождаю тебя, ты можешь выйти замуж за другого человека, — ответил он, вспоминая об этом поз-

же. — Я произнес эти слова с большим облегчением, потому что с того момента я мог свободно ухаживать за Сарой».

* * *

Стать женихом Сары оказалось делом нелегким. После разрыва помолвки Альжан пришла в ярость. Гнев в тот момент осложнил ее отношения с сыном, а позже и с будущей невесткой. Сам Назарбаев, избавившись от одной помолвки, обнаружил, что не так уж просто, как он надеялся, найти счастье в другой. Сара оставалась недоступной, ее все еще окружали и преследовали другие поклонники. Ее отношение к Назарбаеву изменилось во время встречи, которая не имела ничего общего с репетициями хора или субботними танцами. Их свела серьезная производственная авария в цехе сталелитейного завода.

В начале лета 1962 года во время ночной смены Назарбаева в доменной печи произошла утечка расплавленного металла. Раскаленный поток жидкого чугуна прорвал стенку и растекся по полу цеха, ранив нескольких рабочих. На случай таких происшествий существовала строгая процедура. Полагалось, чтобы при аварии рабочие смены оставались на дежурстве столько, сколько необходимо для очистки цеха и запуска производства. Назарбаев целые сутки изнемогал на посту, убирая разлившийся металл и очищая пол в цехе. После длившихся более суток операций он весь покрылся сажей, лишь глаза и зубы сверкали на черном лице. В момент полного истощения сил к нему подошла женщина и спросила, не нужна ли помощь. Это была Сара. В ту ночь она дежурила на электрической подстанции. Эта встреча оказалась поворотной точкой в их отношениях. Огонь в доменной печи был укрощен, но вспыхнуло пламя любви. Через несколько недель Назарбаев сделал Саре предложение, сказав: «Выходи за меня, я покажу тебе весь мир». Она

согласилась. Ни один из них не мог даже представить, насколько сбудется это романтическое обещание.

Во время их помолвки весь мир этой пары состоял из завода, Коммунистической партии и города Темиртау. Именно в этих пределах Нурсултан Назарбаев и Сара Кунакаева связали свои жизни тем, что один из гостей назвал «типичной комсомольской свадьбой». Это значило, что это событие организовывалось, контролировалось и оплачивалось из своего бюджета комсомолом.

Свадьба состоялась 25 августа 1962 года. Она включала короткую гражданскую церемонию, за которой следовала вечеринка в местном ресторане. Присутствовало примерно шестьдесят гостей, в основном сталевары и партийные работники, а также родственники жениха и невесты. Самым молодым был 10-летний брат Назарбаева Болат, который вспоминает «очень волнующий веселый вечер, много музыки, танцев и песен», закончившийся хоровым пением старинной казахской народной песни «Айнам көз». Супругам на свадьбу подарили три крупных подарка. Первым была двуспальная кровать, купленная вскладчину коллегами-рабочими. Вторым был конверт от Абиша и Альжан со всеми деньгами, что Нурсултан посылал им четыре года по 200 рублей в месяц с момента, когда стал сталеваром. Оказывается, они не потратили на себя ни копейки, чтобы обеспечить своему старшему сыну хороший старт в жизни. Третьим и самым значительным стал подарок от комсомола — ключи от новой квартиры на окраине Темиртау.

Церемония вручения ключей на свадьбе проводилась торжественно, но сам подарок не оправдал ожиданий. Явившись по адресу, жених и невеста обнаружили лишь стройку. Сдача дома на 80 квартир планировалась только через год, и только тогда можно было вселяться.

Разочарованные открытием, что у них нет пока семейного очага, Нурсултан и Сара поселились у друга в крошечной квартире с одной спальней, где тот жил вместе с женой, двумя малолетними детьми и бабушкой. Но-

вобрачные провели свою первую ночь в одной комнате с бабушкой, и Назарбаев назвал это событие «незабываемым». Он также усвоил важный урок о том, что Коммунистическая партия обещала гораздо больше, чем могла выполнить.

* * *

Назарбаев не разочаровался в Коммунистической партии, но и не питал иллюзий. Членство в партии его удовлетворяло, он продолжал выполнять свою работу комсомольского вожака; его все более ценили как оратора. Растущая общественная нагрузка, а он уже выступал в качестве делегата на республиканском и всесоюзном съездах комсомола, временами приводила к напряжению в семейной жизни. Его близкий друг Кабидулла Сарекенов вспоминает случай, когда молодая жена Сара Назарбаева выражала недовольство большим количеством речей, которые готовит ее муж. «Однажды вечером я встретил Нурсултана, на вид очень довольного собой, так как ему горячо аплодировали после одной из речей, — вспоминает Сарекенов. — Я спросил, о чем же он говорил, и он гордо ответил: «О моих впечатлениях на Хельсинкской конференции». Я шутливо поинтересовался: «Ну, и что в этом нового?», так как знал, что он такую речь произносил много-много раз. К моему удивлению, Нурсултан обиделся, когда я сказал, что он слишком много выступает. Он потащил меня к себе домой, а по дороге продолжал спорить со мной, утверждая, что он не так уж часто выступает. Когда мы, наконец, пришли, на пороге стояла Сара в пурпурном халате и со скрещенными на груди руками. Она была рассержена, что он снова пришел поздно после очередного выступления».

Хотя Назарбаев и вел себя как одержимый молодой политик, он настаивал, что не собирается им быть. «Мне нравилась моя работа сталевара, я не собирался ее бросать», — вспоминает он. В возрасте 26 лет у него уже был

семилетний стаж работы на производстве, его трижды повышали на должности помощника оператора и дважды на должности газовщика. К 1967 году он уже работал старшим газовщиком смены. Он получал премии и зарплату свыше 500 рублей в месяц. За плечами уже был Карагандинский политехнический институт, а в руках — диплом инженера-металлурга. Его будущее на сталелитейном заводе не сулило неожиданных поворотов, когда вдруг его вызвали в комитет Коммунистической партии и предложили пост первого секретаря городской комсомольской организации Темиртау.

Предложение занять пост влиятельного освобожденного работника в партийной иерархии могло показаться заманчивым для Назарбаева в качестве первого шага по лестнице политической карьеры. Но он отказался. Причины отказа были чисто прагматическими. Он получал высокую зарплату и содержал молодую семью. Ему нравилась его работа. Он не хотел бросать ее. Он не хотел терять две трети заработка из-за ухода на пост комсомольского работника и не собирался терять льготы по стажу сталевара.

Но это было личное отношение Назарбаева к предложенной новой работе, он не стал высказывать его вслух, представ перед городским партийным комитетом Темиртау. «Я ничего не сказал про зарплату или стаж, — вспоминает он. — В конце концов, член партии обязан думать о «высших интересах».

Поскольку Назарбаев не стал объяснять подлинные мотивы отказа занять пост комсомольского лидера, это было воспринято как упрямство, если не сказать — наглость. Такая позиция немедленно вызвала коллизию с Лазарем Катковым, могущественным секретарем городского комитета партии. «Не дразни товарища Каткова», — советовали друзья Назарбаеву, когда узнали о его отказе. Несмотря на эти советы, Нурсултан отказывался повиноваться даже после второго вызова в комитет и яростной речи Каткова о важности соблюдения партий-

ной дисциплины. Катков считал Назарбаева бунтарем, которого следовало приструнить. Его вызвали на третье собеседование в присутствии полного состава комитета. На этот раз Назарбаев явился с правдоподобным, хотя и менее честным, объяснением своего поведения. «Прошу понять, что я обеспокоен нехваткой квалифицированных металлургов на сталелитейном заводе, — заявил он. — Меня посылали учиться, чтобы я приобрел профессиональные навыки сталевара. Я нужен на заводе, а вам нетрудно найти сколько угодно других людей, способных занять этот пост в комсомоле».

Этот аргумент не смягчил Лазаря Каткова, который обвинил Назарбаева в неповиновении и заявил: «Или ты согласишься служить, или будешь исключен из партии». Эта угроза прозвучала настолько серьезно, что Назарбаев чуть не сдался. Но, в конце концов, он выдержал натиск. Позже он говорил: «У меня появилось неодолимое желание сопротивляться такому давлению. Поэтому я просто сказал, что тщательно подумаю».

Некоторые члены комитета также тщательно поразмыслили, особенно директор завода, который, возможно, был согласен с аргументом о нехватке квалифицированных металлургов. Он предложил более мягкое решение. Другие присутствующие поддержали его мнение о том, что исключение является слишком тяжким наказанием. В конце концов на пост комсомольского лидера назначили другого, а Назарбаеву объявили выговор. Назарбаев предупреждался «за отказ... из-за политической незрелости... за проявление безразличия». Документ заключила фраза: «Данный строгий выговор занести в его личное дело в качестве примера для других».

Назарбаева настолько разъярила несправедливая санкция, что он решил оспорить решение. Покинув помещение, в котором ему вынесли приговор, он немедленно сел в машину и поехал в партийный комитет Карагандинской области. Руководители этого областного

Семья Абиша Назарбаева

С мамой Альжан, 1956 г.

Нурсултан Назарбаев с отцом

Одноклассники, 1956 г.

Юннаты, 1957 г.

Встреча с Юрием Гагариным, 1961 г.

Сара и Нурсултан Назарбаевы. Начало 60-х гг.

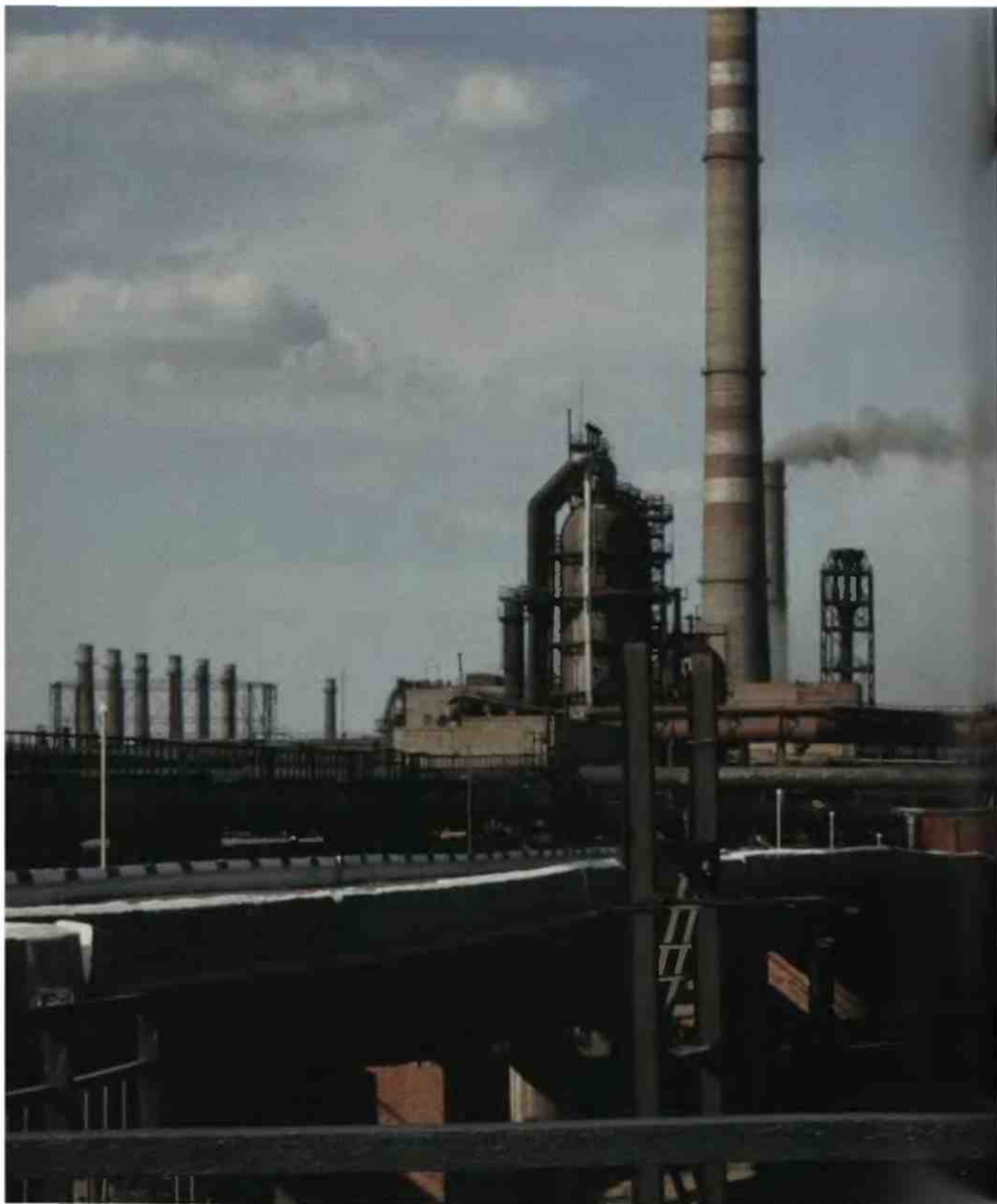

Металлург Нурсултан Назарбаев, 1959 г.

Металл пошел

Коллеги

Казахстан индустриальный

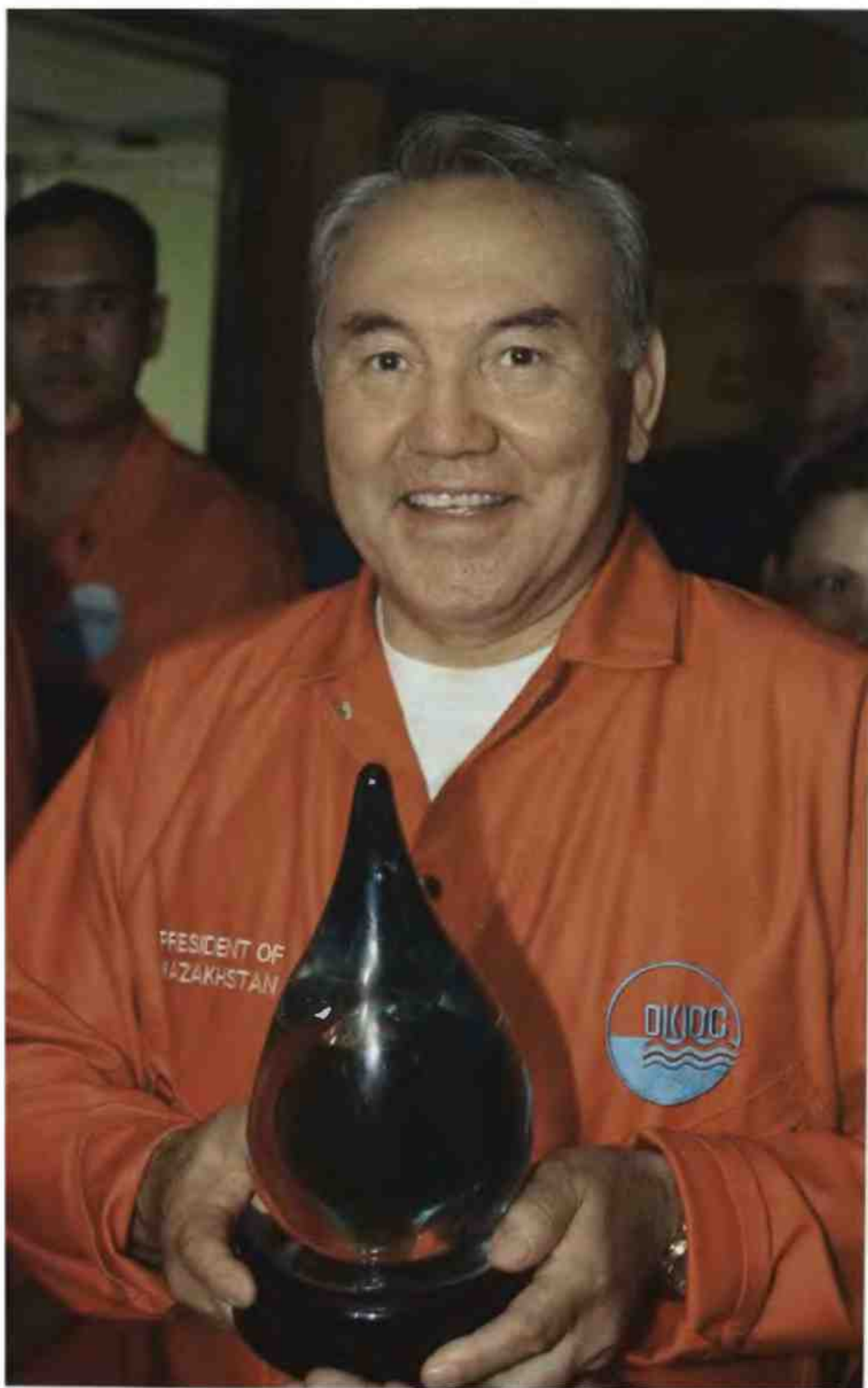
Павлодар

Есть что рассказать Президенту...

Новый урожай

Нефть есты!

На капитанском мостике

На рейде «Астана»

С десантниками

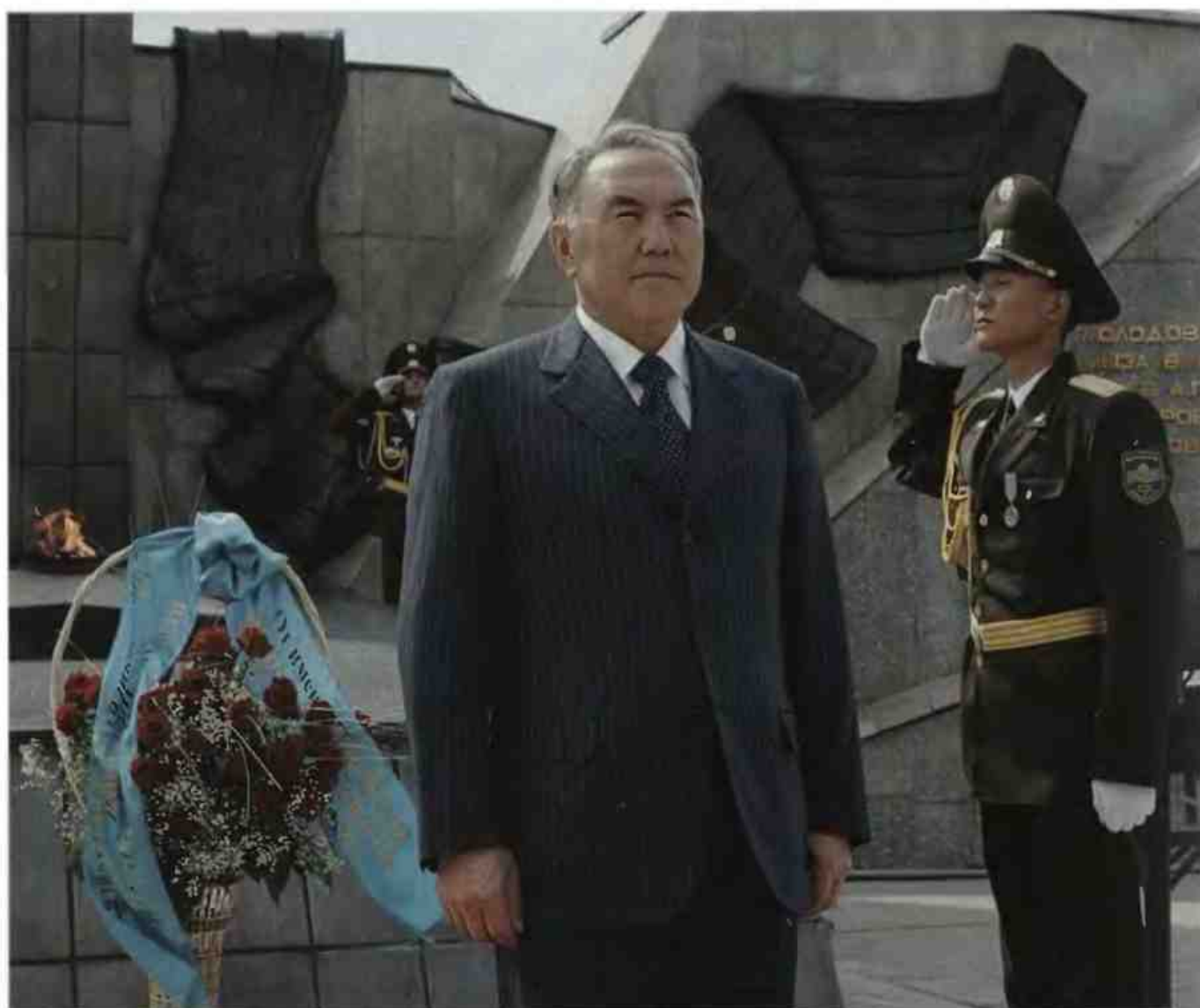

Будущие офицеры

День Победы

С ветеранами

Память о Великой Победе

органа были по положению выше, чем городской комитет.

«Вот тут мне повезло, — вспоминает Назарбаев, — потому что случилось так, что глава областного комитета партии Николай Банников ненавидел главу городского комитета Лазаря Каткова. Так что, выслушав мою жалобу, Павлов рассердился и начал кричать: «Что это делается? Мы с таким трудом набираем хороших металлургов, зачем же нам выкидывать одного из них и сажать его на комсомольскую работу? Городской комитет Темиртау неправ!»

Через несколько дней областной комитет партии отменил решение городского комитета. Выговор с Назарбаева сняли, а Лазарь Катков подвергся критике за ошибочный подход к подбору кадров. Он пришел в ярость, кричал на Назарбаева: «Я еще до тебя доберусь!». Эту угрозу выполнить не удалось, так как через три месяца Каткова перевели на какую-то мелкую административную работу в Джамбульской области.

Хотя эта победа молодого мятежника над всемогущим городским чиновником и могла некоторое время доставлять удовольствие Назарбаеву, оно долго не продлилось. Менее чем через год Николай Давыдов, сменивший Каткова на посту секретаря городского комитета партии, вызвал Назарбаева в свой кабинет. «Я все знаю о тебе и твоих проблемах с Катковым, — сказал Давыдов, — но я все же хотел бы попросить тебя поработать в комитете партии в качестве второго секретаря, отвечающего за тяжелую промышленность. Ты будешь иметь дело с заводом, так что дело сталевара не бросаешь».

Назарбаеву это предложение совсем не понравилось, он собирался отказаться от него по тем же причинам, по которым отказался от первого. Но имелись еще два фактора, которые следовало учесть. Во-первых, Давыдов просил его заняться тяжелой промышленностью только в течение одного года. Во-вторых, друзья Назар-

баева посоветовали ему: «Не испытывай судьбу еще одним мятежом».

По этим соображениям Назарбаев принял новое назначение. Он согласился, считая, что через двенадцать месяцев он вернется к работе сталевара. Надежда оказалась напрасной, так как вскоре его ожидали такие повышения по службе, от которых он уже не хотел отказываться. К 1968 году время бунтарства для молодого Назарбаева закончилось. Началась его карьера освобожденного работника Коммунистической партии.

ВВЕРХ ПО ПАРТИЙНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Новая работа Назарбаева в качестве второго секретаря городского комитета партии Темиртау, отвечавшего за промышленность и капитальное строительство, означала уменьшение его зарплаты и повышение ответственности. Вместо 500 рублей в месяц на должности старшего газовщика у домны он получал зарплату партийного работника 150 рублей в месяц. В то же время на заводе он находился гораздо больше времени, чем раньше. «Я не сидел в кабинете с карандашом в руках. Я день и ночь проводил на стройках завода, организуя политическую деятельность», — вспоминает он.

Работа была живой, так как в 60-х годах в промышленности Темиртау ничего не могло произойти без поли-

тического одобрения партии. Восемнадцатичасовой рабочий день Назарбаева мог включать принятие важных решений, например, утверждение плана директора завода по строительству дополнительных производственных площадей на предприятии. Приходилось также сталкиваться с людскими проблемами и незначительными инцидентами. «Каждый день я встречался с десятками людей, которые приходили круглосуточно с самыми разными, иногда неожиданными, вопросами, — вспоминает он. — Какой-нибудь бригадир мог придти с угрозой снять бригаду с работы, если не будут регулярно подвозить бетон, или жена рабочего — потребовать от нас повлиять на ее мужа-алкоголика, чтобы он бросил пить». Энергия Назарбаева при решении такого широкого круга проблем произвела впечатление на его начальство. Вскоре его перевели на должность, от которой он в свое время отказался — пост первого секретаря комсомольской организации. Это стало серьезным повышением, учитывая демографическую ситуацию в Темиртау. Перепись населения 1963 года показала, что здесь самая высокая рождаемость в Советском Союзе. В городе также наблюдался самый большой приток молодых рабочих. В результате союз молодежи, который возглавил Назарбаев, насчитывал более 30 000 членов. Он делился на три основные группы: ученики средних школ, студенты и рабочие сталелитейного завода. В школах он контролировал преподавание марксистско-ленинской доктрины и разрабатывал программы для пионеров (руководства для скаутов). В институтах и техникумах он постоянно убеждал студентов учиться упорнее. На сталелитейном заводе призывал рабочих производить больше стали высокого качества. В этой роли молодежного лидера Назарбаев сталкивался с проблемами, которые впоследствии явились причиной экономического спада в Советском Союзе. Отсутствие мотивации, недисциплинированность, прогулы, алкоголизм и низкая производительность труда были характерными для советского поколения 60-х

годов. Темиртау выражал местные проявления коммунистических недостатков, а также имел собственные проблемы. Поскольку молодым людям в городе было нечем заняться, они часто нарушали порядок на улицах, особенно по выходным дням. Назарбаев добился определенных успехов в усмирении хулиганов, организовав патрулирование дружинников под руководством комсомольских работников, ходивших с красными повязками на рукавах.

В Темиртау большой проблемой была высокая текучесть трудовых ресурсов. Число рабочих сталелитейного завода выросло до 40 000 человек, но треть работников бросали работу в течение шести месяцев и возвращались домой. Эта постоянная смена кадров вызывалась нежеланием рабочих терпеть ухудшающиеся условия жизни в городе. Назарбаев хорошо знал о недовольстве населения, но не мог убедить власти в Москве исправить ситуацию. «Я не помню ни одного разговора с приезжими чиновниками об условиях жизни сталеваров или строителей, — вспоминает он. — Такие разговоры не велись, потому что наверху никто не думал об обычных людях, о жилье, больницах, детях, продуктах питания или потребительских товарах. Однако проблемы эти росли, как снежный ком, катящийся с горы».

Эффект снежного кома вызывал задержки в реализации программы строительства. Он также срывал производство на сталелитейном заводе. Как комсомольский вожак, Назарбаев не отвечал за эти срывы. Но два быстрых повышения выдвинули его в передние ряды лиц, принимающих решения. В 1970-е годы он был назначен заместителем Николая Давыдова, первого секретаря комитета партии Темиртау, а в 1972 году стал отвечать за производство стали в качестве секретаря комитета партии Карагандинского (Темиртауского) сталелитейного завода.

Когда Назарбаев принимал дела, на Карагандинском сталелитейном заводе сложилась ситуация, которую он

называл «состоянием, близким к анархии». Высокая текучесть кадров являлась лишь одной из множества проблем, которые включали в себя и халатное руководство, и острую нехватку опытных инженеров, пугающее число несчастных случаев, хаотичное чередование рабочих смен, продолжительные остановки производства и сильные сокращения зарплаты в соответствии с нелепым политическим приказом Москвы: «Ниже зарплата — выше производительность».

В первые месяцы после назначения Назарбаев навлек на себя много критики за низкие производственные показатели и плохую дисциплину на заводе. Критиковали также и директора завода Олега Тищенко. Однако Назарбаев, который постепенно обретал черты проницательного политика, стал действовать по двум направлениям, что постепенно укрепило и его положение, и состояние Казахстанской Магнитки.

Он начал с того, что собрал коммунистов завода. В числе 40 000 рабочих было примерно 3000 членов партии, но Назарбаев упорно работал, чтобы сплотить их в группу лидеров, которые бы убеждали своих коллег соблюдать дисциплину и добросовестно работать. «Мне кажется, что, став секретарем партийного комитета, я принял правильное решение, полностью положившись на рядовых членов партии, работавших на производстве, — вспоминает он. — Я много раз замечал, как пять или десять процентов сознательных коммунистов в бригаде могут объединить вокруг себя остальных и изменить ситуацию. Именно с их помощью мы смогли спасти коллектив от развала».

Хотя улучшение морального климата и прекращение анархии на заводе являлось большим достижением, тем не менее производственные показатели ухудшались. Назарбаев вскоре понял, что эти проблемы невозможно решить на местном уровне. Для повышения эффективности работы Казахстанской Магнитки решения о реструктуризации и перераспределении ресурсов требо-

валось принимать в Москве. До сих пор на протяжении всего существования сталелитейного завода в Темиртау московские политики не обращали внимания на его проблемы. Для того, чтобы громко заявить о них, Назарбаев применил весьма рискованную стратегию. Он стал активно работать с прессой.

В Советском Союзе *«Правда»* была единственной газетой, с которой считались. Хотя ее передовицы тщательно контролировались, на ее новостных страницах иногда появлялись сообщения, которые партийная верхушка читала с большим смущением. Одна из таких хорошо обоснованных статей появилась 29 декабря 1976 года под заголовком *«Причислен к отстающим»*. Публикация явилась результатом журналистского сотрудничества между Назарбаевым и хорошо известным журналистом *«Правды»* Михаилом Полтораниным, который интересовался проблемами Казахстанской Магнитки. После нескольких встреч с Полтораниным Назарбаев написал статью, согласившись, чтобы ее напечатали под его именем. В результате появилась сокрушительная детальная критика всех недостатков проекта, ошибок в строительстве и технических проблем, которые стали причиной падения производства на сталелитейном заводе. Кроме того, Назарбаев привел объяснения, почему рабочие уходят с завода, подчеркнув нехватку жилья, школ, больниц, коммунальных служб, транспорта и других условий, необходимых для рабочих и их семей в Темиртау.

Статья Назарбаева произвела эффект разорвавшейся бомбы. Его резко критиковали партийные чиновники, коллеги по партии в Темиртау, они обвиняли его в том, что он ворошит на людях грязное белье. Но рядовые коммунисты на заводе поддержали его и его статью. На деле именно они являлись основным источником информации, напечатанной в *«Правде»*, так как Назарбаев внимательно выслушивал их жалобы. «Поскольку я был их коллегой, сталеваром, они были со мной откровенными, — вспоминает он. — Многие спрашивали: «Почему

ты ничего не делаешь? Почему ты не расскажешь этим шишкам о здешних проблемах? Мы тебя для этого выбрали».

Кремлевские бонзы прочитали критику Назарбаева в «Правде» и начали действовать. Через несколько недель на Казахстанской Магнитке была создана Государственная комиссия по расследованию причин неудовлетворительного состояния дел на предприятии. В её состав входили пятьдесят партийных чиновников и экспертов по производству стали из Москвы. Возглавлял комиссию Владимир Долгих, секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Когда она собралась в Темиртау для начала расследования, Назарбаева вызвали в качестве первого свидетеля. С самого начала Долгих спросил его: «Объясни, почему ты это все опубликовал в газете?».

Пораженный суровым тоном Долгих, Назарбаев сказал себе: «Вот и все! Моя партийная карьера закончилась. Пойду назад на производство, продолжу работать инженером». Но такой пессимизм оказался неоправданным. Долгих хорошо знал производство стали, так как долго работал в промышленности директором Норильского горно-металлургического комбината до своего назначения в Центральный Комитет в Москве. По мере того, как Назарбаев продолжал давать показания, отношение Долгих и других членов комиссии сменилось от враждебности к симпатии. В течение следующих четырех дней Назарбаев водил членов комиссии по заводским цехам и многим стройкам, где имелись проблемы. Он также сопровождал Долгих и его коллег в поездках по Темиртау, показывая им то, что Назарбаев назвал «катастрофическими условиями жизни для наших рабочих», а также отмечая явное отсутствие всех остальных городских служб. Несколькими месяцами позже комиссия опубликовала свой отчет под заголовком «Об усилиях комитета партии Карагандинского сталелитейного завода по укреплению дисциплины и созданию

сплоченного коллектива». Общая идея отчета состояла в том, что она приветствует работу местного партийного комитета, возглавляемого Назарбаевым, и объясняет плохую работу завода ошибками центра, которые заключались в плохом планировании, недостатке капитальных вложений и неверных решениях. Результат оказался неожиданным. По крайней мере, необычным стало то, что комиссия, назначенная Москвой, обвиняла московских политиков за провалы производства в далекой советской республике.

Следующим событием в этой саге о Казахстанской Магнитке стало решение Центрального Комитета Коммунистической партии провести обсуждение отчета комиссии по расследованию. Оно проходило под председательством легендарного Михаила Суслова, одного из наиболее могущественных советских лидеров еще с тех пор, когда его в 40-х годах выдвинул в Президиум Сталин. К 1972 году он стал главным идеологом и старейшим членом Политбюро, оказывая огромное влияние на весь спектр политических, оборонных и промышленных решений. Как этот 70-летний «серый кардинал» из Кремля начал взаимодействовать с 32-летним Нурсултаном Назарбаевым, политическим неопитом из Казахстана, — история захватывающая.

В декабре 1972 года Назарбаев прилетел в Москву для участия в заседании по вопросу работы Казахстанской Магнитки в составе делегации из 20 партийных чиновников Казахстана. Но не успели они вселиться в гостиницу, Назарбаев с изумлением получил известие, что товарищ Суслов хочет немедленно с ним встретиться. По пути в кабинет одного из главных лиц Политбюро Назарбаев волновался. «Что за чертовщина? — спрашивал он себя. — Суслов — бог в Советском Союзе, он на небесах. Зачем я ему понадобился?»

Ожидая в приемной Суслова, исполненный почтения Назарбаев заметил под вешалкой пару дешевых резиновых калош. Вид этой простой обуви, которой в основном

пользовались представители старшего поколения во время суровой русской зимы, заставил его изменить свое мнение о хозяине кабинета. Он начал осознавать, что владелец этих дедовских калош вовсе не небожитель, а обыкновенный человек. «С этого момента я решил поговорить с товарищем Сусловым откровенно, как мужчина с мужчиной», — вспоминает Назарбаев.

Разговор между кремлевским старцем и молодым секретарем партийного комитета Казахстанской Магнитки начался с сюрреалистической ноты. Оставшись с ним наедине, Суслов подвел гостя к гигантской карте Советского Союза на стене.

«Покажи мне свой Темиртау и расскажи о нем все», — начал он.

«Это пустыня. До сталелитейного завода там ничего не было», — ответил Назарбаев, показывая точку на карте.

«А деревья, зелень?»

«Ничего. Слишком ровное место и слишком суровый климат».

«Какая там погода?»

«Зимой минус 30. Летом выше 40».

«И вы решили построить сталелитейный завод в таком месте?»

«Я не имел никакого отношения к этому решению», — ответил Назарбаев.

Получив основные сведения о климате и географии Темиртау, Суслов начал забрасывать посетителя подробными вопросами. Некоторые ответы его шокировали, особенно описание Назарбаевым плохих условий жизни рабочих и отсутствие охраны на заводе. «Когда на завод поступают строительные материалы для ремонта, их разворовывают еще до начала ремонта, потому что на заводе нет ограждений и охраняемых территорий», — объяснял молодой посетитель, подчеркивая, что без новых инвестиций в инфраструктуру работа Казахстанской Магнитки так и останется плохой. Целый час таких откровений убедил Михаила Суслова.

«Что ты планируешь сказать завтра на заседании?» — спросил он.

«Вот мои тезисы выступления, — ответил Назарбаев. — Мне сказали, что у меня будет только десять минут».

Суслов пробежал глазами текст заготовленной речи.

«Вероятно, областной комитет распорядился, чтобы ты все это говорил». Когда Назарбаев кивнул, старейший член Политбюро дал ему недвусмысленный приказ:

«Не говори этой ерунды. Давай голые факты так, как давал в ответах на мои вопросы».

«Но тогда у меня потом будут неприятности», — возразил Назарбаев.

«Не беспокойся. Ты в безопасности. Я буду тебя защищать», — заявил Михаил Суслов.

Воодушевленный обещанием своего покровителя, Назарбаев при обращении к Центральному Комитету отбросил осторожность. Вместо безобидных замечаний в подготовленном тексте он яростно обрушился на ошибки высокопоставленных московских бюрократов в отношении Казахстанской Магнитки. «Атмосфера накалилась, — вспоминает Назарбаев. — Никто, за исключением Суслова, не ожидал услышать подобную критику. Боссы проснулись и слушали меня, неизвестного молодого человека неизвестно откуда, который рассказывал им, что Министерство угольной промышленности не поставило качественный кокс для печей; что Министерство строительства построило скверные сооружения не в том месте; что Министерство жилищного строительства возвело плохое жилье для рабочих в пяти километрах от завода и что Министерство металлургии и тяжелого машиностроения совершенно не справилось со многими задачами, которые я подробно описал».

Дополнительные подробности, подтверждающие критические замечания Назарбаева, представил директор сталелитейного завода. Суслов предложил задавать вопросы различным чиновникам и министрам, которые подверглись критике. Те сбивчиво говорили, будучи не

в состоянии дать убедительные ответы. В конце концов, Суслов пришел в бешенство. «Вы растратили деньги Советского Союза», — заявил он министру промышленности. — «Вы превратили крупный государственный проект в шарашкину контору», — прозвучало обвинение по адресу министра металлургии. Другие высокопоставленные чиновники также подверглись гневным нападениям Сусллова за нехватку жилья и других объектов в Темиртау. В конце заседания Суслов заявил: «ЦК подготовил специальное постановление, требующее от Совета Министров СССР улучшить жилищно-бытовые условия для рабочих сталелитейного завода в Караганде». На прощанье он назначил Назарбаева членом редакционной комиссии по разработке этого специального постановления.

Хотя Назарбаев был самым молодым членом заседания, его голос оказался наиболее влиятельным. Резолюция, быстро одобренная Советом Министров СССР, содержала годовую программу строительства, включающую сдачу 80 000 квадратных метров жилья, двух детских садов, трех школ и спортивного комплекса. Кроме того, планировались специальные проекты развития, предусматривающие строительство новой больницы, дворца культуры, института металлургии, стадиона на 15 000 мест, плавательного бассейна на 50 метров и дома отдыха для рабочих сталелитейного завода. Затем Назарбаеву дали задание обеспечить выполнение этого постановления на месте. Это оказалось непростой задачей там, где не хватало рабочей силы и оборудования. Но за четыре года вся программа была завершена. «Нашим главным достижением стало обеспечение жильем всех очередников, так как мы построили больше 100 000 квадратных метров жилья, — вспоминает Назарбаев. — Мы также обеспечили гораздо более высокое качество жизни для семей Темиртау. Конечным результатом стало то, что текучесть рабочих на заводе в течение года сократилась с 33 процентов до 9 процентов».

Более стабильная рабочая сила на Казахстанской Магнитке стала и более производительной. За тот же четырехлетний период строительства жилья и социальных объектов производительность труда на сталелитейном заводе повысилась на 60 процентов. Этот результат был достигнут с помощью двух сил. Первой стала политическая поддержка Совета Министров из Москвы, который обеспечил инвестиции на сумму свыше 300 миллионов рублей для строительства новой инфраструктуры в Темиртау и на заводе. Второй силой стал личный вклад Нурсултана Назарбаева, который заслуживает подробного анализа, так как проливает свет на формирование его характера и репутации как политического деятеля.

Выполнение указа Совета Министров также потребовало значительных усилий от Назарбаева. Одобренное в Москве не могло быть выполнено в Темиртау. Основная причина состояла в том, что при множествестроек было слишком мало рабочих. «Чтобы получить больше рабочих для строительства, я решил заявить, что 1500 тружеников, присылаемых Москвой в помощь колхозам во время уборки урожая, нужны в течение всего года. Но как только убрали урожай, я перебросил их на строительные объекты, — говорит Назарбаев. — Эта "лишняя" рабочая сила помогла нам вовремя завершить работу».

Личное честолюбие стало еще одной важной составляющей в деятельности Назарбаева. Победа в бюрократической борьбе с помощью Суслова была хорошим началом, но Назарбаев четко осознавал, что его новый покровитель будет строго следить за выполнением работ. Поэтому завершение программы строительства было важным для сохранения благосклонности Москвы. Именно это заставляло Назарбаева изо всех сил напрягать себя и рабочих Темиртау, чтобы принести пользу обществу и удовлетворить собственное честолюбие.

Это сочетание оказалось эффективным. Через четыре года после первой встречи с Сусловым Назарбаева снова

вызвали на беседу со старейшим членом Политбюро в его московском кабинете. «Помнишь тот день, когда пришел сюда в первый раз? — спросил Суслов. — Ну и мы тебя не забыли. Я сам звонил Кунаеву. Тебя скоро повысят».

Динмухамед Кунаев был Первым секретарем Коммунистической партии Казахстана. Этот пост обеспечивал ему положение самого могущественного политика в республике. Он также являлся влиятельной фигурой в Советском Союзе, так как благодаря дружбе с Леонидом Брежневым состоял членом Политбюро более десяти лет. Мнение Кунаева о Назарбаеве на протяжении следующих десяти лет много раз менялось от безоговорочного признания до антипатии. Позже их взаимоотношения приобретут большое политическое значение для Советского Союза, но в 1976 году эти два человека не имели между собой ничего общего и были едва знакомы. Поэтому рекомендация Суслова сыграла решающую роль в решении Кунаева назначить Назарбаева на пост секретаря Карагандинского областного комитета партии, ответственного за промышленность.

Это было значительное продвижение по партийной лестнице для 35-летнего Назарбаева. Оно означало повышение его статуса от местного чиновника до областного уровня с обязанностями, выходящими далеко за пределы сталелитейного завода в Темиртау. Теперь он отвечал за шахты, заводы, химические предприятия и строительные проекты по всей области. Однако, несмотря на то, что новое назначение тешило самолюбие, Назарбаева в душе тревожила мысль: «Мой опыт на Казахстанской Магнитке заставил меня понять, что весь Советский Союз был огромным мыльным пузырем, неспособным рентабельно управлять промышленными объектами». Такой вывод сделал он для себя в ходе общения с московской бюрократией. Настроение было неважным для деятеля Коммунистической партии, только что назначенного ответственным за промышленность одного из важнейших регионов Казахстана.

* * *

Продвижение Назарбаева по службе в сочетании с его личным мнением о неработоспособности советской модели промышленности поставило перед ним дилемму. «Мне предстояло сделать серьезный выбор, как жить и работать дальше», — вспоминает он. Смысл выбора состоял в том, присоединиться ли ему к тесному кругу партийных чиновников или же сохранять дистанцию, оставаться чужаком в этой увековечивающей саму себя элите. К выбору роли чужака его подтолкнули два фактора. Первым стал его пессимистический диагноз в отношении болезни, которая начала приводить к параличу экономическую и промышленную политику Советского Союза. Вторым было его сильное чувство принадлежности к рядовым членам Коммунистической партии, простым рабочим.

Опыт работы с партийными чиновниками по проблемам Казахстанской Магнитки буквально шокировал Назарбаева. Тот факт, что ему при поддержке Михаила Суслова удалось разрешить многие из этих проблем, не помешало заметить глубокие трещины, испещрившие всю коммунистическую систему руководства промышленностью. «Я начал понимать, что существует круг безответственных партийных чиновников, которые торжественно принимают фиктивные отчеты, делают фальшивые доклады, основанные на подтасованных фактах и цифрах, — говорит Назарбаев. — Карагандинский сталелитейный завод явился типичным примером этого. Собственно, он и планировался для работы в убыток. До тех пор, пока я не выступил в «Правде», а затем не поговорил с Сусловым, вся чиновничья верхушка делала вид, что завод является рентабельным государственным предприятием. Пока я старался реформировать его в течение следующих четырех лет, мне стало ясно, что Казахстанская Магнитка — лишь один из объектов целой системы нерентабельных предприятий-гигантов, субсидируемых

государством. Так что уже в середине 70-х годов я видел, что однажды деньги во всех государственных бюджетах Советского Союза иссякнут».

Поскольку ему претило притворство и очковтирательство, присущие многим из его коллег-чиновников в партийных коридорах власти, Назарбаев держался в стороне от них и предпринимал значительные усилия, чтобы оказаться рядом с рабочими на производстве. Его не всегда встречали с распростертыми объятиями, поскольку он стал одним из их «больших начальников». Вскоре после того, как он начал работать в новой должности, один из старых друзей-заводчан крикнул ему на улице: «Ты что там делаешь в белой рубашке и в машине с шофером? Давай, приходи к домне, своими глазами увидишь наши проблемы». Надо отдать ему должное, Назарбаев немедленно пошел к домне, где его костюм и рубашка быстро промокли от пота из-за температуры в 70 градусов по Цельсию. Проблему — утечку расплавленного металла — удалось ликвидировать в три дня после специального заседания комитета партии, на котором были выделены средства на ремонт.

Этот инцидент стал для Назарбаева уроком, который сослужил ему добрую службу на самом трудном участке его работы — в горнодобывающей промышленности. Он понимал, что должен завоевать доверие рабочих. Этого особенно трудно было достичь среди шахтеров Караганды, которые работали на 26 подземных разработках области. Эти люди принадлежали к особой касте; они угрюмо жаловались на условия работы и на критику партии за то, что не выполняют производственные задания.

Отношение Назарбаева к шахтерам было скорее доброжелательным, чем критическим. Он внимательно выслушал их жалобы, посетил все до единой шахты, лично убедившись в реальной опасности для жизни шахтеров на участках с высоким содержанием метана, в нестабильности структур угольных пластов, в обрушениях забоев. Во время одного из посещений подземных штолен

произошло обрушение породы всего в нескольких метрах от места, где он стоял. В тот раз никто не пострадал, но шум падающих обломков послужил напоминанием о недостаточности мер по безопасности труда на карагандинских шахтах. На поверхности эта проблема усугублялась плохими жилищными условиями для горняков и полным отсутствием социальных и бытовых служб в поселках горняков.

Вскоре Назарбаев понял, что опять сталкивается с провалами, которые ликвидировал в сталелитейной промышленности области. Такие общие проблемы включали плохое централизованное планирование, недостаток капиталовложений, ненадежную инфраструктуру и равнодушное, если не пренебрежительное, отношение партийных чиновников к необходимости обеспечить рабочих достойными условиями жизни.

Во второй раз в своей карьере Назарбаев вступил в сражение с Москвой по проблемам рабочих в Караганде. Он представил в Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза убедительный доклад о шахтах, вслед за которым начал интенсивное лоббирование. В результате в июне 1977 года, через год после того, как Назарбаев стал секретарем областного комитета партии по промышленности, Совет Министров СССР принял постановление об улучшении условий жизни и работы шахтеров Караганды. Рабочие угольных шахт почувствовали благодарность к Назарбаеву, который использовал деньги, выделенные Москвой, на строительство для них огромного числа новых квартир поблизости от шахт, на обеспечение широкого ряда бытовых услуг и на улучшение условий работы в шахтах. В ходе последующих реформ Назарбаев и генеральный директор шахтоуправления Николай Дрижд ввели в эксплуатацию несколько новых шахт и огромный открытый карьер Бурлинский на север от Караганды. В результате этих инициатив производство угля перестало падать, а к концу 1978 возросло на 40 процентов.

Уголь и сталь принадлежали лишь к двум отраслям промышленности в Карагандинской области, за которые Назарбаев отвечал в качестве секретаря областного комитета, но достигнутые им результаты укрепили его репутацию в партийной иерархии. Однако чувство уважения не было взаимным. «Промышленный прогресс стал порочным кругом, так как каждый прорыв требовал от нас чрезвычайных усилий, — вспоминал Назарбаев. — Становилось все более ясным, что этот порочный круг порожден жутко деформированной экономической системой, которая практически игнорировала потребности людей».

Эти мысли, которые высказываются сейчас при взгляде в прошлое, в 70-е годы Назарбаев держал при себе. В те дни он был молодым честолюбивым политиком, которому приходилось работать с системой, даже если он тайно порицал ее бездушие. Он оставался спокойным, много работал и заслужил свое новое повышение: в 1979 году из фигуры областного масштаба он поднялся на республиканский уровень. В возрасте 38 лет он стал секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана, что ввело его в руководство Казахской Советской Социалистической Республики.

* * *

Ему и его семье не понравился переезд в Алматы¹. Еще меньше им понравились соперничество и ревность нового круга общения в Алматы, которые выражались в различных формах в первые годы после его назначения.

Назарбаев никогда не скрывал своего провинциального происхождения. Молодость его прошла в деревне, следующие 20 лет — в далеком от фешенебельности Темиртау. Он и Сара занимали скромную квартиру. Круг его друзей и родственников в основном состоял из про-

¹ Алматы прежде назывался Алма-Ата. Название города изменено в 1992 году. Во избежание путаницы во всей книге используется современное название.

стых рабочих. За исключением нескольких поездок в Москву, он редко выезжал за пределы Карагандинской области. Он все еще довольно много читал, в основном газеты и романы, но горизонт общения оставался узким. После тяжелой работы Назарбаев оставался в атмосфере своего дома, счастливого брака с Сарой, занимался воспитанием троих дочерей, Дариги (1963 года рождения), Динары (1967 года рождения) и Алии (1980 года рождения). Простота семейного образа жизни не подготовила их к сложностям переезда в официальную резиденцию, которая автоматически полагалась в Алматы высокопоставленному политику Коммунистической партии.

На протяжении веков Алматы считался космополитичным городом. Его расположение как связующего центра древнего шелкового пути обеспечило ему репутацию международного узла, где встречались и смешивались различные расы, культурные традиции, торговые потоки. При советской власти казахи в Алматы считались гражданами второго, если не третьего, сорта. Они принадлежали к угнетаемому меньшинству, этнические русские презирали их за кочевое прошлое. *Номенклатурная* элита Коммунистической партии разделяла это пренебрежительное отношение к коренному народу Казахстана. Ее отношение не могло измениться мгновенно только потому, что на пост республиканского секретаря с необычной скоростью поднялся молодой казахский политик из Темиртау.

Первые признаки недовольства таким головокружительным взлетом Назарбаева проявились в форме социального снобизма и пренебрежения. «Мы в семье были обижены тем, как нас принимали, — вспоминает Дарига Назарбаева. — Когда партийные боссы навещали нас в новом доме в Алматы, их жены делали обидные замечания о нашей дешевой посуде и платьях. Мы чувствовали, что эти круги нас не принимают».

Еще одним любопытным проявлением остракизма стала серия анонимных писем, пришедших в ЦК, в кото-

рых критиковалось назначение Назарбаева и его поведение. Авторами, вероятно, являлись высокопоставленные партийные чиновники, которым не нравилась оригинальность и неформальность нового секретаря. Однако именно эти качества оказались близкими младшим административным работникам Алматы, особенно казахам по национальности. Среди них был молодой заместитель министра культуры, Канат Саудабаев; он понимал ту напряженность, которую создало прибытие нового секретаря. «Когда Назарбаев приехал в Алматы в 1979 году, это стало как глоток свежего воздуха. Большинство высокопоставленных чиновников держали себя в рамках жестких официальных нравов, по которым не допускалось неформальное общение с нижестоящими чиновниками. Он оказался совсем другим. Он нарушил все правила, поступая так, как партийные руководители не поступали никогда, например, был душой общественных мероприятий, играл там на домбре, пел народные песни, тепло и по-дружески относился к более молодым. По субботам приходил в свой кабинет в будничной одежде. Он с удовольствием занимался спортом. В то время лицам его ранга не подобало, например, играть в теннис. А он брал уроки тенниса и стал неплохо играть, хотя многие не одобряли его выбора, так как этот спорт считался частью западного образа жизни».

Как бы ни раздражало это некоторых промосковски настроенных чиновников в республиканской администрации, поведение Назарбаева устраивало его политического начальника Динмухамеда Кунаева, Первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана. Кунаев сам был казахом, но прекрасно владел русским языком и отлично разбирался в политике Кремля. Назарбаев также свободно владел обоими языками, а его знания о Кремле быстро расширялись. Однако между взглядами этих двух выдающихся казахских политических лидеров разных поколений была характерная разница. В то время как Кунаев был человеком

Москвы во-первых и казахом во-вторых, Назарбаев в душе скептически относился к московской бюрократии и открыто гордился своим казахским происхождением и культурой своего народа. Как говорил Канат Саудабаев: «Назарбаев часто ходил смотреть казахские пьесы, читал казахские стихи и цитировал казахских писателей. В начале 80-х годов это было почти немыслимым для партийного деятеля его ранга, поэтому молодое поколение казахов его обожало».

Динмухамед Кунаев, наиболее влиятельная фигура старшего поколения казахов, также полюбил Назарбаева. Вскоре между ними установились теплые личные отношения, которые через несколько месяцев стали походить на отношения между отцом и сыном. Возможно, старый функционер инстинктивно чувствовал, что ему пора подумать о преемнике на посту Первого секретаря. Действительно, Кунаев выразил эту мысль в неожиданном замечании, которое сделал в присутствии высокопоставленных членов руководства республики. В 1981 году в неофициальном разговоре с членами ЦК Компартии республики Кунаев откровенно, не заботясь о такте, заявил им: «Никто из вас не станет следующим руководителем Казахской Советской Социалистической Республики. Не обижайтесь за такие слова! Только у Нурсултана Назарбаева есть неплохие шансы стать моим преемником. Он достаточно молод и достаточно талантлив». Этими словами Кунаев объяснил, почему он доверил своему новому протеже ключевой пост секретаря, ответственного за промышленное и экономическое развитие республики.

Султан Джиенбаев находился среди руководителей республики, которые слышали, как Кунаев дал такую неожиданную характеристику Назарбаеву. «Некоторым из моих коллег это не понравилось, — вспоминает он. — Они завидовали Назарбаеву. Я — нет, возможно потому, что был на 20 лет старше его. Что касается меня, я его уважал, и вскоре у нас установились хорошие отношения».

Среди партийной иерархии Советского Казахстана имелись и другие значительные личности, доброжелательно относившиеся к Назарбаеву. Среди них Ибрагим Едильбаев, заместитель министра цветной металлургии. В 1979–1980 годах он со своим новым начальником посетил более 30 шахт и промышленных предприятий. «Назарбаев мне понравился с самого начала, он был очень энергичен, — вспоминает Едильбаев. — Через месяц после своего назначения он вызвал меня и заявил, что хочет объехать крупнейшие шахты и предприятия металлургической промышленности в областях Казахстана. Во время этой поездки меня изумило множество вопросов, которые он задавал руководству и рабочим. Он никогда не вел себя казенно, постоянно собирал информацию, делал подробные записи, а потом давал распоряжения, выполнение которых потом обязательно контролировал. Это был действительно партийный лидер-практик. На шахтах и заводах, которые он посещал, к Назарбаеву неизменно относились с большим уважением, так как он был квалифицированным металлургом, работавшим на самом трудном участке сталелитейной промышленности».

При том, что Назарбаев хорошо разбирался в тонкостях производства, еще большие способности он проявлял в стратегическом мышлении. Постоянно интересовался долгосрочными прогнозами на развитие каждой посещаемой шахты и промышленного предприятия. Особенно его интересовали геология, запасы, мощности и планы маркетинга. «Я видел направление его мышления, когда он разрабатывал стратегию. Она состояла в диверсификации, отходе от добывающей промышленности в направлении производственной базы, — вспоминает Едильбаев. — Несмотря на трудности в получении одобрения Москвы, Назарбаеву удалось предпринять несколько важных инициатив. Не могу забыть его решение, которое он принял по медным рудникам в Джеккагане в 1980 году. Он сам выдвинул предложение построить завод по производству медной проволоки поблизости

от рудника. План оказался успешным с самого начала и продемонстрировал наш громадный потенциал для развития вторичной производственной базы при нашей добывающей промышленности».

Назарбаева постоянно беспокоило отношение Москвы к Казахстану как к гигантскому руднику, работающему на остальную часть Советского Союза. В республике имелись богатые запасы цинка, меди, хрома, угля, свинца, титана, урана, фосфора и многих других ценных ископаемых — почти вся периодическая таблица Менделеева. Однако более 90 процентов всей добычи вывозилось в другие районы Советской империи без видимой выгоды для Казахстана. «Экспорт готовой продукции в другие республики составлял всего 12–15 процентов. Остальное приходилось на сырье, — вспоминает Назарбаев. — Я прилагал большие усилия, чтобы изменить это соотношение в пользу промышленных изделий, но без особых результатов. Проблема состояла в необходимости новых капиталовложений в промышленное производство, а нам не позволяли потратить ни одного рубля без разрешения центрального правительства. Если мы что-то получали, то только благодаря нашей настойчивости».

При обращении с Москвой Назарбаев использовал обаяние, острый ум и настойчивость, стремясь протолкнуть проекты развития республики. Личные связи в коридорах власти играли гораздо более важную роль, чем достоинства предлагаемых проектов. Забавным, хотя и пугающим примером этого неписанного правила кремлевских джунглей является история о том, как Назарбаев в 1980 году добился постройки завода дизельных двигателей в Северном Казахстане.

Вскоре после назначения секретарем ЦК Компартии Казахстана по промышленности Назарбаев узнал, что Совет Министров СССР планировал строительство крупного завода дизельных двигателей в городе Елабуге в глубине России. Назарбаев тогда решил добиться, чтобы строительство перенесли в Кустанай, удаленный го-

род на севере Казахстана, нуждавшийся в притоке мужской рабочей силы, так как там имелось большое число незамужних женщин, работавших на текстильной фабрике. Обойдя обычные бюрократические каналы, Назарбаев добился приема у А.П. Кириленко, ключевого кремлевского политика, высокопоставленного чиновника в Политбюро, фактического заместителя Генсека Леонида Брежнева. Кириленко являлся типичным представителем Советской геронтократии в руководстве того периода. Ему было далеко за 70. Здоровье его было слабым, потребление водки значительным, дееспособность упала настолько, что он не имел даже понятия о том, кем являлся его посетитель из Казахстана. Несмотря на такое незнание или, возможно, благодаря этому, он встретил Назарбаева крепкими объятиями и теми поцелуями в щеки, которые обычно приберегают для близких друзей. После такого радушного приема внимание Кириленко ослабло. Он дремал и обращал мало внимания на доводы Назарбаева в пользу переноса предприятия в Кустанай. Однако в конце этой странной беседы Кириленко пришел в себя и спросил: «Так что тебе нужно?»

«Нужно, чтобы завод дизелей строился в Казахстане».

«Кому я должен позвонить?» — осведомился член Политбюро.

«Позвоните Полякову, министру автомобильной промышленности», — ответил Назарбаев.

Кириленко порылся на своем столе, нашел телефонный справочник Кремля. Он протянул его посетителю и распорядился:

«Найди его номер и набери!»

Когда министр Поляков поднял трубку, он услышал: «Это Кириленко. Я направляю к тебе товарища Назарбаева. Сделай то, что он скажет».

Через несколько минут Назарбаев приводил свои доводы в кабинете министра. Поляков выглядел недовольным, он несколько раз спросил: «Как ты добился поддержки товарища Кириленко?» Но каким бы ни было

его недовольство, министр автомобильной промышленности не стал оспаривать распоряжение одной из ключевых фигур в Политбюро. Еще до завершения этого приема приказ расположить завод по производству дизелей в северном Казахстане был подписан. Назарбаев добился стратегического успеха для промышленности своей республики. Новые рабочие места, создаваемые проектом, соответствовали также романтическим ожиданиям кустанайских дам, которые приветствовали прибытие в их город на работу 5000 мужчин. Станный способ добиться успеха, но именно так устраивались дела в последние годы эпохи Брежнева.

Леонид Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС в период 1964–1982 годов, не произвел благоприятного впечатления на Назарбаева. Стареющий государственный деятель нанес крайне неудачный визит в Казахстан в 1980 году для участия в праздновании 60-й годовщины республики. В сопровождении всего Политбюро Брежнев прибыл на прием для более тысячи приглашенных. Советский лидер явно не мог ни связно говорить, ни самостоятельно передвигаться. Глаза его были пусты и невыразительны. Он мог произносить лишь односложные восклицания. Двигался он с большим трудом с помощью двух плечистых медицинских работников. Непонятно, узнал ли он даже хозяина приема и своего близкого друга Динмухамеда Кунаева, которого назначил Первым секретарем ЦК КПК и фактически главой Казахстана за 20 лет до этого.

Когда гости заняли свои места, Кунаев поднялся, чтобы произнести тост в честь руководителя СССР. После того, как были названы все многочисленные официальные титулы Брежнева, приглашенные дружно осушили бокалы. Но когда настал момент произнести ответный тост, Брежнев с трудом поднялся на ноги и, не говоря ни слова, направился к выходу. Все сидящие во главе стола, включая Назарбаева, поспешили за ним, когда тот неожиданно вышел из зала, оставив изумленных гостей.

Ему помогли сесть в машину и увезли. Стало ясно, что Брежнев полностью забыл, где он находился и зачем туда приехал. «Что, кроме жалости, можно почувствовать к этому человеку?» — комментировал Назарбаев этот тягостный спектакль.

Печальное состояние хворой, стареющей советской геронтократии все более ухудшалось. Сползание Брежнева в беспомощность продолжалось еще два года до самой смерти в 1982 году. Юрий Андропов, его преемник, страдал смертельной болезнью, когда принимал бразды правления, и продержался всего 15 месяцев. У следующего Генерального секретаря, Константина Черненко, была настолько острая эмфизема легких, что он с трудом исполнял свои официальные обязанности и умер в марте 1985 года. В Вашингтоне Президент Роналд Рейган язвительно обронил: «Я не успеваю договориться с советскими руководителями о встрече, как они умирают».

Эти кончины и смертельные болезни парализовали процесс принятия решений по всему Советскому Союзу и углубили экономическую и политическую стагнацию. Тем не менее, в Казахской Советской Социалистической Республике в 1984 году было принято одно конструктивное решение. Пожилой Премьер-министр Байкен Ашимов в возрасте 68 лет после двадцати лет работы на этом посту перешел на другую работу — стал Председателем Президиума Верховного Совета Республики. С точки зрения способностей и репутации его явным преемником должен был стать Назарбаев. В тот момент он пользовался полной поддержкой наиболее влиятельного советского деятеля в Казахстане, Первого секретаря ЦК КПК Динмухамеда Кунаева, который рекомендовал его на заседании Политбюро в Москве. Поэтому в январе 1984 года Нурсултан Назарбаев в возрасте 44 лет готовился стать самым молодым премьер-министром из всех премьеров республик Советского Союза.

РАЗОЧАРОВАНИЕ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

1984 – 1986

Следуя протоколу, до вступления в должность Премьер-министра Назарбаеву требовалось представиться в Москве Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза Константину Черненко. Поскольку советский лидер чувствовал себя плохо, организовать встречу с ним оказалось нелегко, но, когда аудиенция в конце концов состоялась, впечатление от нее осталось тягостным.

Во время первой поездки в Москву в качестве Премьер-министра Назарбаев три дня просидел в гостиничном номере, ожидая вызова из кабинета Черненко. Когда же звонок, наконец, последовал, сообщение оказалось не-

ожиданным: «Генеральный секретарь не может вас принять. Он болен. Возвращайтесь домой».

Через неделю после возвращения в Казахстан Назарбаева вновь вызвали в Москву, где ему опять пришлось просидеть в гостинице три дня. На третий день он получил приказ: «Ждите. Генеральный секретарь сейчас не в Москве. Возможно, он отдыхает в загородной резиденции». На следующий день Назарбаеву приказали вернуться в Алматы, поскольку Черненко так и не появился.

На третий раз Назарбаева провел в кабинет Генерального секретаря член Политбюро Егор Лигачев. Черненко не смог подняться, чтобы приветствовать своего гостя. Его лицо, не выражающее никаких эмоций, пустые глаза и землистый цвет кожи выдавали смертельную болезнь. Он протянул для рукопожатия безвольную руку. Это движение вызвало одышку, он начал задыхаться, не в состоянии вымолвить ни слова. Лигачев взял инициативу в свои руки, представил Назарбаева, кратко изложил его послужной список и в конце упомянул, что тот будет самым молодым премьер-министром Союзной республики. После завершения долгого монолога Лигачева Черненко, наконец, внес свой вклад в разговор, прохрипев вопрос: «Сколько ему лет?»

«Скоро будет 44. Самый молодой Премьер-министр», — повторил Лигачев.

Черненко попытался встать с кресла, чтобы подойти к Назарбаеву. Но такое усилие оказалось чрезмерным для страдающего от эмфиземы легких Генерального секретаря. Его колени подогнулись, он рухнул в кресло, задыхаясь от напряжения. От падения на пол его спас молодой плечистый санитар, который подхватил его за руку. Встреча закончилась. «Она оставила ужасное впечатление», — вспоминает Назарбаев.

До отъезда из Москвы Назарбаев имел еще одну встречу на высоком уровне, которая оказала на него благотворное влияние. Он повидался с Михаилом Гор-

бачевым, новым членом Политбюро, который, по мнению многих кремлевских политиков, являлся возможным преемником Черненко. К этому времени они уже были знакомы. Их судьбы в последние годы существования Советского Союза тесно переплелись, но сейчас у них впервые появилась возможность откровенно поговорить о многих политических проблемах. Хотя те два термина, *перестройка* и *гласность*, которые тесно ассоциировались с Горбачевым, еще не упоминались, обоих политиков объединяло общее стремление к реформам. «Назарбаев мне очень понравился, — вспоминает Горбачев. — Энергичная и привлекательная личность. Приветствует новые идеи. Умен. Неинтеллектуал, но интуитивно умен. Мы быстро стали понимать друг друга».

Еще до окончания разговора в январе 1984 года это взаимопонимание стало настолько прочным, что Горбачев решился задать своему гостю странный вопрос: «Как вы считаете, у вас крепкий хребет?»

Поначалу Назарбаев не понял значения этих туманных слов, но Горбачев пояснил: «Предстоят тяжелые времена. Будет борьба. Нелегко придется».

Став Премьер-министром Казахской Советской Социалистической Республики, Назарбаев осознал, что свое первое сражение ему придется вести с инертностью. Байкен Ашимов, его пожилой предшественник, двадцать лет продержался на своем посту, поддерживая статус-кво, скрывая неудобные факты, во всем соглашаясь с Москвой и делая все, чтобы доставить удовольствие своему политическому боссу Динмухамеду Кунаеву. Кунаев ожидал, что его новый премьер-министр также будет придерживать такого порядка, он считал кабинет министров Казахстана придатком Центрального Комитета партии. При таком типе правления все директивы Москвы по традиции автоматически одобрялись Премьер-министром в Алматы. Назарбаев намеревался воспротивиться такому послушанию, которое, по его мне-

нию, было совершенно невыгодно для Казахстана. Уже начиная со второго заседания кабинета, он отбросил привычные гладкие процедуры. Подчинение уступило место дебатам, так как он настаивал на обсуждении и оценке целесообразности инструкций Кремля. Он часто их дополнял или изменял и отдавал собственные распоряжения вместе с графиком их исполнения министрами. Один из них впоследствии говорил: «Мы поняли, что этого человека не обманешь. Мы осознали, что для исполнения его приказов нам придется работать намного больше».

Назарбаев быстро установил режим в соответствии с собственными стандартами упорной работы. Еще будучи секретарем ЦК по промышленности, он хорошо изучил эту область управления. Но теперь он возглавлял Совет Министров, и ему предстояло быстро освоить существующие проблемы в остальных отраслях, особенно в сельском хозяйстве, транспорте, социальном обеспечении, жилищном строительстве и экономике.

Сельское хозяйство являлось важнейшей отраслью Казахстана, так как обширные территории сельскохозяйственных земель (примерно 150 миллионов гектаров) играли решающую роль в ежегодной «битве за урожай». Это было выражение пропагандистской машины Москвы, которое отражало регулярно возникающую задачу: как накормить 250 миллионов человек населения Советского Союза. Чтобы изучить проблему низких урожаев и плохой производительности животноводства в республике, Назарбаев назначил себе двух советников. Один являлся ученым в области сельского хозяйства, второй был агрономом-практиком. Поскольку распорядок дня премьер-министра был весьма плотным, эксперты встречались с шефом каждый вечер в 9 часов и давали ему ежедневные консультации по всем аспектам сельского хозяйства. Нуртай Абыкаев, один из молодых помощников премьер-министра, присутствовал на таких встречах. «Будучи помощником Нурсултана Назарбаева, я

изумлялся, как упорно он работал, вечер за вечером, чтобы освоить эту тему. Его интерес был практически безграничен, — вспоминает Абыкаев. — Он не боялся задавать подробные вопросы, например, «сколько семян нужно сеять на один квадратный метр и на какую глубину, чтобы получить хороший урожай на уровне плановых показателей?»

Московские плановые показатели для сельского хозяйства Казахстана и официально объявляемые производственные достижения республики по их выполнению представляли собой своеобразную игру воображения. Назарбаев быстро понял это и решил, что должен узнать действительное положение вещей, чтобы поставить реалистичные цели на основе существующего сельскохозяйственного потенциала республики. Однако обнаружилось, что в этом ему на каждом шагу мешают высокопоставленные чиновники, часть из которых была близка к Первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Кунаеву.

По мере проведения обследования Назарбаева стало особенно тревожить положение в животноводстве. Он обнаружил, что в Семипалатинской области поголовье скота оказалось на 330 000 голов меньше, чем по официальным сводкам. «Что вы собираетесь с этим делать?» — спросил он главу области Сагидуллу Кубашева, который доложил премьер-министру о нехватке скота.

«А что я могу сделать, если мне вон там говорят об этом не шуметь? — ответил Кубашев, показывая пальцем на потолок. — Кроме того, они мне обещают восстановить поголовье».

«Вон там» означало чиновников вокруг Д.А. Кунаева, который сосредоточил в своих руках всю административную и политическую власть в Республике Казахстан. Чем больше Назарбаев занимался состоянием дел в животноводстве, тем больше обнаруживал нарушений. Временами он вскрывал явное жульничество, как, например, несуществующий табун лошадей поблизости от

города Кзыл-Орда. Пастухи получали зарплату, но их четвероногие подопечные в количестве 30 000 голов загадочно исчезли. Еще более распространенное мошенничество заключалось в том, что большое количество скота снималось с баланса государственных предприятий и переводилось на личные хозяйства, в некоторых случаях принадлежавшие государственным чиновникам. Расхождения в показателях животноводства, вызванные такой коррупционной деятельностью, оказались настолько огромными, что Назарбаев решил произвести пересчет поголовья скота в республике. Он направил два письма в Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана с просьбой разрешить ему провести такую инвентаризацию. В просьбе было отказано. Назарбаев чувствовал, что Кунаев или его окружение из высших чиновников защищают преступников. Премьер-министр откровенно поговорил об этой проблеме с Первым секретарем, но никаких результатов эта беседа не принесла.

Еще одной сферой напряженности между Кунаевым и Назарбаевым стало расширение влияния и растущие связи последнего в Москве. За предыдущие двадцать лет отношения Казахстана с высокопоставленными политиками Кремля оставались прерогативой Первого секретаря. Но, начиная с 1984 года, в республике появился Премьер-министр, который свободно чувствовал себя в коридорах власти и не боялся там высказывать смелые суждения. Если Кунаев находился в подчиненном положении в отношениях с *номенклатурой*, то Назарбаев придерживался твердых позиций. Одним из осведомленных наблюдателей, отметивших такую смену стиля, был постоянный представитель Казахстана в Совете Министров СССР Сабит Жаданов. Он заведовал Резиденцией Постпредства Казахстана, зданием гостиничного типа в центре Москвы, служившей базой для прибывающих делегаций. «Поскольку Премьер-министр Назарбаев приезжал сюда по два или три раза в месяц, я

часто с ним встречался, — вспоминает Жаданов. — Не в пример другим, он часто предпочитал останавливаться в нашем доме, а не в одном из кремлевских особняков для гостей. Он очень успешно работал в Москве, так как прекрасно говорил по-русски, был искусным переговорщиком, сочетавшим в себе жесткость и обаяние. Он отстаивал интересы Казахстана, как никто другой. За это его уважали».

Одним из признаков растущего уважения к Казахстану стало изменение того, что называлось «конституционным порядком» на официальных заседаниях представителей всех пятнадцати Советских республик. На этих собраниях, проводимых каждый квартал, премьер-министр каждой республики представлял отчет. На протяжении десятков лет существовал порядок представлений: Россия, Украина, Беларусь, Узбекистан, Казахстан. Начиная с 1985 года, Казахстан в этом списке передвинулся на два места вперед, его отчет следовал под номером 3, сразу вслед за Россией и Украиной, имевшими самое большое население. Такое повышение рассматривалось как личное достижение Премьер-министра Назарбаева. «Его отчеты производили большое впечатление на советское Правительство, — вспоминает Сабит Жаданов. — Премьер-министр СССР Тихонов говорил, что на этих заседаниях отчет Казахстана должен заслушиваться как можно раньше, потому что выступления Назарбаева являются хорошим примером стиля и содержания, которому другие республики должны следовать».

Другие достижения Назарбаева в качестве Премьер-министра были более важными, чем продвижение в иерархии выступлений на заседаниях в Кабмине СССР, чьи дни были сочтены. Дома во главу угла его политики ставилось развитие нефтяной и газовой промышленности, которая в начале 80-х годов находилась в зачаточном состоянии. «Он лично следил за ходом выполнения широкомасштабных проектов по бурению нефтяных

скважин и сооружению установок добычи природного газа, — вспоминает министр промышленности того времени И.Б. Едилбаев. — Именно благодаря его решениям 20 лет назад сегодня Казахстан добывает такое большое количество энергоносителей».

Некоторые из своих первых решений в секторе энергетики Назарбаев принял в результате катастрофического выброса нефти на захолустной буровой скважине № Т-37 в Гурьевской области поблизости от Каспия. В ходе бурения на глубину 4000 м на этом объекте в июне 1985 года «черное золото» было не только обнаружено, оно прорвалось наверх; возник гигантский фонтан сырой нефти высотой 150 м над землей, окутанный языками пламени. Более года крупнейшие специалисты и самые опытные пожарные бригады со всего Советского Союза безуспешно пытались справиться с огнем. Хотя оперативное управление борьбой с катастрофой велось первым заместителем министра нефтяной промышленности СССР, Назарбаев несколько раз посещал скважину Т-37 и наблюдал за ужасным ущербом, наносимым природе. В атмосферу было выброшено более 8 миллиардов кубических метров горящего сероводорода, несущего гибель флоре и фауне региона. Один нефтяник погиб, десятки пожарных получили ожоги третьей степени. Через тринадцать месяцев безуспешных попыток укротить пламя стало ясно, что Советское министерство нефтяной промышленности не обладает технологиями и опытом, позволяющим бороться с выбросами под таким давлением. В один из моментов развития драмы заместитель министра из Москвы предложил подавить горящий нефтяной фонтан атомным взрывом. Премьер-министр Назарбаев решительно воспротивился на том основании, что это вызовет выпадение радиоактивных осадков, которые «накроют» селения всего региона. В конце концов он выиграл этот спор. От плана с атомной бомбой отказались. Вместо него пригласили эксперта по выбросам нефти из Техаса Реда Адера, чтобы провести в

жизнь его план бурения альтернативных скважин к Т-37 и закачки в них тяжелых химических растворов. Через четыреста суток после начала катастрофы данная стратегия успешно погасила скважину. Самый мощный пожар нефти за всю историю нефтяной промышленности Советского Союза был ликвидирован, хотя в ходе этой катастрофы сгорело более 34 миллионов баррелей нефти.

Этот эпизод послужил важным уроком для Назарбаева. Он стал первым симптомом того, что месторождение нефти возле Каспийского моря, известное как Тенгиз, может иметь огромные запасы. Назарбаев также четко понял, что Министерство нефтяной промышленности Советского Союза было слишком отсталым в техническом и управленческом отношении для разработки месторождения подобного масштаба. «Я понял, что в СССР нет современной технологии для разработки такого огромного месторождения, как Тенгиз, — говорил Назарбаев. — Я знал, что однажды нам придется обратиться к западным нефтяным компаниям, чтобы покончить с пренебрежительным отношением к нашим запасам энергоносителей».

Еще одной заброшенной сферой была инфраструктура транспорта. В 1984 году попасть в 40 процентов провинциальных городков республики можно было только по грунтовым дорогам. Это серьезно мешало транспортному сообщению в сельской местности и перевозке сельскохозяйственной продукции. Назарбаев выиграл борьбу за бюджет в Москве, которая разрешила ему создать фонд для строительства инфраструктуры транспортных путей. С помощью этого фонда было построено более 2000 километров новых дорог. Он также построил аэропорты с длинной взлетно-посадочной полосой рядом со всеми крупными областными городами и промышленными центрами. «Впервые в своей истории мы построили солидную сеть автомобильных и воздушных путей, — вспоминает Шамиль Бекболатов, ми-

нистр транспорта в период с 1981 по 1992 годы. — Наша огромная страна сильно нуждалась в ней, но Назарбаев оказался первым политическим деятелем, который ее создал».

«Сделать» стало фирменным знаком Назарбаева. В Америке его называли бы 'can-do' («делающим») политиком. В условиях централизованной коммунистической бюрократии такую репутацию заработать было гораздо труднее, но Назарбаев научился правилам игры с новыми инициативами. Он стремился открывать как можно больше учебных заведений для коренного населения — казахов и развивать казахскую культуру. Одним из его ключевых союзников стала известная женщина-политик республики Манура Ахметова, заместитель председателя Совета Министров. «Когда Нурсултан Назарбаев работал премьер-министром, то доказал, что он на деле заботится о нашем культурном наследии, — вспоминала она. — Книжки, пьесы, картины казахских художников и писателей находили путь к его сердцу. В то время представителям культуры было чрезвычайно трудно получить квартиру. Поэтому можете себе представить, насколько ситуация изменилась, когда он издал указ, по которому 260 квартир в Алматы выделялось государством для писателей, художников, композиторов и актеров».

Несмотря на то, что Назарбаев был новатором в своих политических инициативах, первые годы его работы премьер-министром были отмечены скорее неудачами, чем успехами. В самых важных областях тяжелой промышленности, сельского хозяйства и экономики ему мешала общая стагнация системы и обструкционизм Первого секретаря Кунаева. Единственным ярким лучом света в этом темном царстве оказалось назначение 11 марта 1985 года Михаила Горбачева Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Этот энергичный 54-летний руководитель, первый лидер страны, родившийся после революции 1917

года, явил собой разительный контраст по сравнению со своими дряхлыми предшественниками. Ключевым фактором, который подталкивал Горбачева к реформам, стало осознание им того, что по всем экономическим и производственным показателям Советский Союз сильно отставал от своих западных конкурентов. Понимание новым лидером того, что пропасть между конкурентоспособностью коммунизма и капитализма растет, пришло после его знакомства в начале 80-х годов с процветающей экономикой Западной Германии Гельмута Коля, Канады — Пьера Трюдо и Великобритании — Маргарет Тэтчер.

Неудовлетворенность Назарбаева трудностями склеротичной экономики Казахстана усугублялась и его знанием обстановки в других странах. В начале 1985 года он нанес свой первый визит в качестве Премьер-министра за пределы Советского Союза, в Австрию. На следующий день после возвращения из Вены в Алматы он за обедом поделился с коллегами-министрами своими впечатлениями. Назарбаев описывал процветание австрийских фермеров, которые выращивали столько зерна, что его производство пришлось ограничить квотами, устанавливаемыми правительством. «Они явно процветают, — продолжил он. — Если это загнивающий капитализм, пахнет он совсем неплохо».

Эти последние слова прозвучали как шутка, но Назарбаев иронично перефразировал хорошо известное пропагандистское выражение для того, чтобы передать серьезную мысль. В то время одним из главных лозунгов в Советском Союзе был: «Коммунизм процветает. Капитализм загнивает». Открытое возражение против этой доктрины означало неверие. «Все, кто был за столом, знали, что Назарбаев говорит правду и хочет, чтобы его отчет об экономическом положении Австрии был принят всерьез, — вспоминает Эрик Гукасов, заместитель председателя Совета Министров. — Однако присутствие Кунаева на этом обеде подобную критику делало

опасной. Именно поэтому Назарбаев подал ее в шуточной форме, как реплику в сторону. Кунаев сделал вид, что шутки не понял, но было видно, что он раздражен».

Чувство раздражения в отношениях между первым секретарем Компартии Казахстана и премьер-министром становилось взаимным. Одной из причин растущей напряженности стал отказ Назарбаева играть в ежегодную игру в планы и бюджеты по традиционным правилам Москвы. Его возражения против двух наиболее влиятельных органов по бюджету Советского Союза — Госплана и Госснаба — состояли в том, что их методы примитивны, а министры коррумпированы. Система работала таким образом, что каждый рубль из доходов государственных предприятий республик перечислялся в Москву, которая затем выделяла ресурсы республиканским министерствам и проектам с одобрения центральных плановых органов. На их решение часто влияли личные подарки, получаемые ими в ходе ежегодных заседаний, где принимался бюджет.

Впервые Назарбаев восстал против такой практики вскоре после своего назначения Премьер-министром, когда председатель Госплана Казахстана пришел к нему с просьбой выделения крупных сумм на премирование своих сотрудников. Эти средства нужны были для «защиты» плана.

«Для чего эти расходы?» — осведомился Назарбаев.

«Разве вы не знаете, что мы едем в Москву защищать план на следующий год?»

«Ну и что?»

«Нам придется работать со всеми начальниками отделов Госплана, приглашать их к себе, угощать».

По мере продолжения разговора Назарбаев выяснил, что слово «угощение» имело гораздо более широкое значение, чем просто угощать вином и ужинами, хотя и это было важной частью ритуала планирования бюджета Советского Союза. Ему доложили о системе взяток, по которой для министров на полках гардероба

гостевых помещений оставались подарки. Ему также подробно рассказали о конкретных подарках, которые получатели ожидали уже вне офисных помещений. «Никогда не забуду, как мне на полном серьезе рассказывали, что один министр любит, чтобы ему дарили поросят, другой — свежие помидоры, еще один — вина Бордо», — вспоминает он.

Подобная мелкая коррупция на вечеринках сочеталась с колоссальной некомпетентностью на заседаниях по планированию. Цифры и статистика, приводимые министрами, не соответствовали истине. Все знали, что реальные данные постоянно были на 20–30 процентов ниже, чем официально объявляемые ресурсы и бюджетные ассигнования. Поэтому плановые показатели Москвы являлись фикцией, и они еще больше искажались благодаря услугам «по блату» и коррупции. Назарбаев презирал эту систему, но ему пришлось приспособиться к ней, прежде чем искать ей альтернативу. Вот его собственное ироничное описание тактики борьбы за бюджет, до которой он опустился в первые месяцы на посту премьер-министра:

«Если вы находились в хороших отношениях с министром финансов, можно было «выбить» несколько лишних миллионов рублей. А если вы дружили с председателем Госснаба, можно было получить цемент, металл и древесину. Никого не волновало, что они забирают долю кого-то другого из общего котла, и совесть за это не мучила... Нравилось вам это или нет, надо было следовать неписанным законам, так что вы заискивали, раздавали подарки и угощения. В противном случае не вы, а ваша республика, ваша промышленность, ваш завод сели бы на голодную диету. Нужно было шевелить мозгами, чтобы получить деньги».

Назарбаев, безусловно, был умен и осторожен, но, когда нужно, мог и вступать в схватки. Осмелев после назначения Горбачева на пост Генерального секретаря и подкрепляемый призывами нового руководителя к глас-

ности в общественных делах, Назарбаев доставлял много неприятностей *номенклатуре*. Проявляя свои бойцовские качества, он начал кампанию за изменение баланса экономической власти между республиками и центральным Правительством. Одним из ближайших помощников премьер-министра, который поддерживал его во время первых столкновений со старой московской гвардией за фонды развития для Казахстана, являлся Нуртай Абыкаев. «Г-н Назарбаев — первый казахский политик, который стал бороться за децентрализацию и принятие решений на местах, — вспоминает он. — Он критиковал партийных боссов в Москве за эксплуатацию Казахстана в качестве поставщика сырья всему Советскому Союзу. Он говорил: «Это несправедливо, что Казахстан вывозит 95 процентов добытых ископаемых в другие республики за *копейки*, а те перерабатывают наши материалы и имеют хорошие доходы». Он постоянно поднимал этот вопрос, иногда в довольно резкой форме. Я помню, как он сказал: «Если Москва считает это плановой экономикой, значит, планы неверны».

Высокопоставленным чиновникам верхних эшелонов советской иерархии не нравилось, когда им говорили, что они ошибаются, особенно, если это говорил молодой «неотесанный» казахский политик, да еще в резкой форме. Некоторые министры, испытавшие на себе хлесткие высказывания Назарбаева, звонили Кунаеву в Алматы и советовали: «Объясните своему премьер-министру, что так поступать нельзя. Центр находится в Москве, он лучше знает, что нужно для всего Советского Союза».

Кунаева беспокоила критика его назначенца. Прежний любимец вдруг стал доставлять неприятности. Будучи влиятельным членом Политбюро, близким другом Брежнева и всемогущим первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, Кунаев единолично управлял отношениями своей республики с Москвой. Внезапно этим хорошим отношениям стал угрожать Назарбаев, кото-

рый опасно нарушал равновесие. Это дестабилизировало единый фронт Первого секретаря и Премьер-министра и вскоре переросло в политический конфликт.

* * *

Напряженность в отношениях Назарбаева и Кунаева росла. Один из ее наиболее примечательных признаков дал о себе знать через несколько недель после того, как Горбачев стал руководителем Советского Союза и прибыл с визитом в Целиноград (позже переименованный в Астану) на севере Казахстана. Местные руководители Коммунистической партии дали обед в честь нового Генерального секретаря, прибывшего в сопровождении жены Раисы и большой свиты московских чиновников. Во главе встречающих находились Кунаев и Назарбаев, а с ними весь кабинет министров республики. Несмотря на присутствие внушительного числа известных политиков, едва ли не больше всех говорила г-жа Раиса Горбачева, не принадлежавшая к политическим фигурам. Ее говорливость раздражала Назарбаева.

«Раиса быстро стала доминировать в разговоре, — вспоминает он. — Я тотчас же понял, что у нее имеется мнение абсолютно по любому вопросу, и что ее муж относится к ней весьма серьезно. Мы молча слушали, как она выражала свои категоричные и часто просто абсурдные суждения. В какой-то момент она заявила, что Казахстан, хотя и сельскохозяйственная республика, не производит своего вина. Я осмелился ей возразить».

Возражения Назарбаева оказались провокацией. Он заявил, что казахское вино настолько хорошее, что все обязаны немедленно его попробовать. Это выглядело дерзостью по отношению к г-же Горбачевой и политическим неповиновением по отношению к ее мужу, который незадолго до этого произнес программную речь с призывом ко всем добропорядочным советским гражданам воздержаться от соблазнов алкоголя. Кунаев пнул

Премьер-министра под столом. Несмотря на удар по ноге, Назарбаев повел себя еще более безрассудно. Он не только приказал официанту принести несколько бутылок местного вина, но несколькими минутами позже послал и за местной водкой, утверждая, что в такой холодный, не по сезону, день одним вином без водки не обойтись. Кунаев пришел в бешенство от поведения своего Премьер-министра, но ничего не мог сделать, так как Горбачев весело согласился с предложением Назарбаева. Когда Генеральный секретарь выпил рюмку водки, стало ясно, что он забыл про взятую на себя роль главного трезвенника Советского Союза, хотя бы на этот день в Казахстане.

Вызов Назарбаева по отношению к своему боссу более открыто прозвучал тремя месяцами позже, когда 15 мая 1985 года он выступал на ежеквартальном совещании Центрального Комитета республики. Вместо обычного гладкого отчета премьер-министра Назарбаев представил ЦК разгромную сорокаминутную критическую речь о том, что происходит с распределением государственного бюджета в нескольких областях. Общая мысль его анализа состояла в том, что важнейшим для сельской местности отраслям, таким, как жилищное и дорожное строительство, а также объектам соцобеспечения, отказывают в финансировании из-за перерасходов на то, что он назвал «строительством помпезных зданий» в Алматы. Под ними он подразумевал обширные резиденции и здания министерств и ведомств в центре столицы республики. Для чиновников построили даже эксклюзивную баню. В голосе 44-летнего премьер-министра звучало неподдельное возмущение, когда он описывал, как 3000 семей ветеранов войны вынуждены мириться с примитивным неблагоустроенным жильем, в то время как высокопоставленные партийные чиновники открыто получали без очереди трех- и четырехкомнатные квартиры для своих родственников. «За последние два с половиной года горисполком выделил в столице лишь

один процент жилья людям, стоящим в официальной очереди», — заявил Назарбаев, в заключение выдвинув обвинение, что этим неудачникам отказано в их праве на достойное жилье из-за злоупотреблений властью со стороны высокопоставленных чиновников. «Они устраивают это всякими незаконными путями. Это требует специального расследования», — заявил он.

Речь Назарбаева была встречена не аплодисментами, а ошеломленным молчанием. Когда он сошел с трибуны, полная тишина в зале нарушилась заключительным словом руководителя Центрального Комитета, Первого секретаря Кунаева. «Информацию примем к сведению. Соповещение окончено», — мрачно бросил он. «В течение нескольких часов после этого пугающего финала совещания между сторонниками Кунаева и мной выросла стена отчуждения», — говорил Назарбаев.

Вскоре это отчуждение переросло в личное противостояние между стареющим Первым секретарем и Премьер-министром, выбравшим путь реформ. В сентябре 1985 года Назарбаев представил своему шефу докладную записку с рекомендацией масштабной чистки в рядах партийной бюрократии, с увольнением многих коррумпированных или некомпетентных работников. Кунаев вызвал подчиненного и задал ему вопрос: «И что же мне делать с этими твоими идеями?»

«Созовите совещание руководителей областей, и мы сделаем это», — ответил Назарбаев.

После долгой паузы Кунаев промолвил: «Послушай, ты уже работаешь со мной шесть лет. Ты знаешь, что в Москве хорошее мнение о Казахстане. Ты хочешь разрушить эту добрую репутацию? Беспорядки идут по всему Советскому Союзу. И что, мы должны стать первой республикой, которая начала кампанию против этой давней грязи?»

На этот риторический вопрос премьер-министр ответил: «Да». И в ответ на нежелание первого секретаря провести предлагаемую чистку Назарбаев принялся за

дело самостоятельно. Вскоре он обнаружил, что его политические нововведения и смена кадров на каждом шагу встречают сопротивление. Чувствуя опасность стычек со своим непосредственным начальником, Назарбаев поддерживал каналы связи с Горбачевым. На одной из московских встреч в ноябре 1985 года он заявил Генеральному секретарю: «Кунаев меня сильно не любит». Послушав рассказ о напряженности в отношениях двух казахских лидеров, Горбачев спросил: «Помните, я интересовался, крепкий ли у вас хребет, чтобы драться? То-то и оно! Эта старая гвардия ненавидит вас и, вероятно, ненавидит меня. Но мы должны с нею бороться».

Эти слова Назарбаев принял как заверение, что у него есть поддержка Горбачева. Однако советский лидер, который в середине 80-х годов находился на пике международного признания, не имел ни времени, ни желания возиться с внутренними дразгмами в Бюро ЦК Казахстана. Так что, хотя до Назарбаева и доходили сведения из высших эшелонов Москвы, например, от Егора Лигачева, что Горбачев любит и поддерживает его, эта поддержка в московских верхах оказалась скорее теоретической, чем практической, когда речь зашла о конфронтации в Алматы.

В этой борьбе за власть Кунаев, со своей стороны, констатировал, что не может устранить своего мятежного премьер-министра политически, но тем не менее в состоянии нанести ему серьезный психологический урон. В этой борьбе нервов основным оружием Первого секретаря стал КГБ.

К осени 1985 года Назарбаев узнал, что КГБ ведет против него полномасштабное расследование. Оно приняло форму подслушивания его разговоров, персональной слежки с помощью не слишком маскирующихся филеров и, самое главное, официальной проверки его финансового положения. «Очень неприятно было, — говорил его давний помощник Владимир Ни. — Меня са-

мого допрашивали весьма подробно. КГБ интересовало, пользовался ли мой шеф государственными средствами для покупки одежды и не оказывалось ли давление на продавцов в магазинах и гастрономах, чтобы ему делали подарки. Был даже какой-то документ о том, что он, якобы, потратил огромные деньги из бюджета на строительство памятника на могиле своих родителей».

Все подобные происки закончились ничем, так как оказались неправдой. На могиле родителей Назарбаева стояли простые памятники, за которые он заплатил из собственного кармана. Расследование «финансовых злоупотреблений» рухнуло, когда, к радостному удивлению Назарбаева, Владимир Ни предъявил КГБ огромный коричневый конверт с чеками на каждую покупку, сделанную от имени Премьер-министра за два года его работы на этом посту. Больше всего чеков было за совсем недорогие яйца с сосисками, которые Ни регулярно жарил для своего начальника в маленькой кухне при кабинете. «Это почти единственное блюдо, что я для него готовил за все это время, — вспоминает Ни. — Он совсем не привередлив в еде. Он трудоголик, который приступал к работе ровно в 8.45 утра и часто оставался в кабинете до полуночи. Всегда старался как можно быстрее поесть, чтобы продолжать работу. Расточительных привычек у него не было, и он очень тщательно избегал подарков. КГБ ничего на него не собрал».

Хотя Владимир Ни чувствовал, что все расследования проходят впустую, сам Назарбаев нервничал от подобного давления больше, чем признавался своим сотрудникам. Частично эта озабоченность вызывалась его семьей. «Моя жена Сара так нервничала из-за слезки и слухов, будто меня скоро посадят в тюрьму, что серьезно заболела, — вспоминает Назарбаев. — Она по многу дней не вставала с постели. Однажды она сказала мне: «Почему бы нам не бросить все это и не поехать назад в Темиртау. Ты все-таки хороший металлург». — «Не торопи меня, завод никуда не денется», — отвечал Назарбаев.

Несмотря на свою показную решительность перед супругой и перед всем миром в тот период расследования КГБ в 1985–1986 годах, Назарбаев начинал приходить в отчаяние. В декабре 1985 года он отправил конфиденциальное письмо Михаилу Горбачеву с просьбой разрешить ему уйти с поста Премьер-министра Казахстана. «Я больше не в состоянии работать в таких условиях», — писал Назарбаев. В ответ Горбачев выслал в Алматы для разговора с отчаявшимся Премьер-министром Дмитрия Валового, занимавшего важный пост заместителя редактора газеты «Правда». Валовой убеждал Назарбаева нанести ответный удар по режиму Кунаева, дав интервью газете «Правда» о нарушениях и коррупции на высшем уровне Коммунистической партии Казахстана. «Нет, я не хочу разносить эту грязь по всему Советскому Союзу», — ответил Назарбаев. «Если вы не будете бороться, эти люди в конце концов вас победят», — убеждал Валовой. «Пусть попробуют, — ответил Назарбаев, — но я сначала буду откровенно говорить здесь, в Алматы».

Этот разговор с тайным посланцем Горбачева в сочетании с озабоченностью и разочарованием, которые подрывали его силу духа и пугали семью, заставили его пойти на риск и выступить с чрезвычайной речью на XVI-м партийном съезде Казахстана в феврале 1986 года. За несколько дней до открытия съезда порядок работы Назарбаева настолько изменился, что Владимир Ни, его помощник, почувствовал, что что-то произошло: «Он закрывался в кабинете и оставался там до 3 часов утра, — вспоминает Ни. — Ночью выходил гулять. Он не говорил мне, чем занимается. Я догадывался, что он готовил что-то особое для выступления на партийном съезде, но в тексте речи, который заранее послали Кунаеву, не было ничего необычного».

Официальный текст оказался прикрытием. Реальный текст, который Назарбаев готовил так интенсивно, содержал беспрецедентную критику. В рамках тра-

диции партийных съездов перед премьер-министром стояла задача приветствовать ежегодный доклад первого секретаря. Вместо выполнения этого ритуала Назарбаев предпринял атаку. Используя многочисленные статистические данные, он обрушил критику на то, что назвал «вопиющими фактами» некомпетентности, растрат и хищений в сельском хозяйстве и других ключевых секторах экономики. Затем вернулся к кризису жилищного строительства для простых трудящихся, который, как он заявил, вызван отвлечением бюджетных средств на престижные стройки, роскошные квартиры и величественные загородные резиденции крупных чиновников. «Рабочий класс, из которого вышли многие из этих чиновников, имеет право возмущаться такого рода барскими замашками», — заявил Назарбаев.

Сменив тон своего выступления, Назарбаев воспользовался мощным оружием своего юмора, высмеивая некомпетентность некоторых видных членов Бюро ЦК. Главной мишенью оказался Е.И. Джерембаев, занимавший теплое местечко министра плодоовощной промышленности в Кабинете министров Казахстана.

«Знаете ли вы, как министр плодоовощной промышленности отрабатывает свою зарплату? — осведомился Назарбаев игривым тоном. — Все, что он делает, это — приносит корзины с фруктами членам Бюро. В сезон арбузов он преподносит отборные вкусные арбузы. Когда созревают яблоки, он поставляет лучше яблоки. Это его единственная работа — подносить подарки руководству».

Присутствующие смеялись, а Назарбаев продолжал: «Зимой, когда нет ни фруктов, ни овощей, министр не знает, чем ему заняться на работе. Но на прошлой неделе ему удалось кое-что сделать. Он принес в мой кабинет три стеклянных банки с клубничным, малиновым и черносмородиновым вареньем. Мы отослали их назад. Вы их получили, министр?»

Назарбаев громко обратился с этим вопросом к министру, которого так зло высмеивал. Несчастный министр, проспавший в своем кресле все заседание съезда, внезапно проснулся. Слыша смех, но не подозревая, что смеются над ним, министр Е.И. Джерембаев воодушевленно захолопал. Такая реакция усугубила его глупое положение, и смех в зале усилился.

Вслед за этим «лирическим» отступлением Назарбаев перешел к своей главной цели, Динмухамеду Кунаеву. Однако он не обрушился непосредственно на него. Вместо этого объектом жесткой критики Назарбаева стал брат Первого секретаря, Аскар Кунаев, известный своим пристрастием к алкоголю. Аскар занимал пост президента Академии Наук Казахстана и отвечал за программу научных исследований по развитию промышленности Казахстана. Его пребывание на этом посту стало настолько формальным, что вызывало возмущение. Аскар Кунаев не брезговал выпивкой, редко появлялся в своем кабинете, никогда не присутствовал на заседаниях Кабинета министров и был печально известен ночными гулянками в Алматы. Похмелье после этих кутежей бывало настолько сильным, что он был не в силах встать с кровати по понедельникам, не появлялся на работе по вторникам, средам и четвергам. В Академии Наук это называлось «кефирными днями президента». Но благодаря родственным связям с Первым секретарем его прогулы замалчивались. Открытой критике Аскар Кунаев никогда не подвергался, до того самого момента, когда Назарбаев упомянул о нем в своей речи на партийном съезде.

«Руководство Академии Наук, возглавляемое ее президентом Аскармом Кунаевым, ведет дела инертно, — заявил премьер-министр. — Ни один институт академии не вошел в состав научно-технических комплексов. За всю прошлую пятилетку не заключено ни одного лицензионного соглашения на изобретения... Сегодня на съезде необходимо прямо сказать о том, что Академия Наук

оказалась у нас организацией вне критики. Именно поэтому президент Академии не приходит на заседания Совета Министров. Он не выполняет своих обязанностей. Думаю, что пора призвать его к порядку». Для того времени это была беспрецедентная политическая дерзость и демонстрация неповиновения.

Трудно придумать атаку, которая могла бы больше разъярить Первого секретаря Кунаева, чем нападение на его брата Аскара. Назарбаев знал это, но отбросил свою обычную осторожность. «Я просто устал больше года жить под таким напряжением. Мне хотелось избавиться от всего этого, — объяснял он, — так что я решил сделать ставку на свое выступление».

Результат такого рискованного хода было трудно предсказать. Кунаев не мог предпринять немедленных действий против премьер-министра, выбор которого одобрил в Москве генеральный секретарь. Назначенцев на таком уровне можно было сместить только по приказу Политбюро ЦК КПСС. Поэтому Назарбаев располагал временем, чтобы подождать и посмотреть, каковы же будут последствия его речи.

С точки зрения краткосрочного результата представлялось, что она принесла делу Назарбаева больше вреда, чем пользы. В зале съезда атака на Аскара Кунаева была встречена озадаченным молчанием. Сразу после нее даже сторонники Премьер-министра считали, что он зашел слишком далеко. «Неужели ты не мог представить эту мысль более дипломатично?» — с сожалением произнесла министр культуры Манура Ахметова, одна из его вернейших союзниц в Кабинете министров. Однако в течение нескольких последующих недель мнение в рядах партии начало поворачиваться в пользу Назарбаева, а областные руководители со всей страны наносили ему конфиденциальные визиты, хвалили его выступление и заверяли о своей поддержке. С другой стороны, не унималась ярость в кругу друзей Кунаева, которые благоговели перед Первым секретарем как по-

литическим патриархом Казахстана. Эти лояльно настроенные чиновники нападали на Назарбаева, обвиняя его в «клевете на брата великого сына казахского народа». Подобные обвинения отравляли политическую атмосферу в Алматы. Наиболее лихорадочным симптомом стал поток анонимных писем, клеветнических заявлений, слухов и обвинений, направленных против Назарбаева. За три недели, последовавших за его выступлением, против него было подано 53 официальных жалобы. Все они по распоряжению властей расследовались республиканскими прокурорами, различными комиссиями и КГБ. «Это было ужасное время для нашей семьи, — вспоминала Дарига Назарбаева. — Мы чувствовали враждебность определенных политических руководителей, которая принимала самые неприятные формы. Мы жили под сильным давлением».

Это давление на Назарбаева еще более усилилось летом 1986 года, когда политическая судьба Кунаева неожиданно расцвела. До этого бытовало мнение, что в июне Горбачев использует XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза для начала своих реформистских программ и, как их часть, отправит в отставку определенных представителей старой гвардии Кремля, включая 74-летнего Кунаева. Вместо этого старый ветеран был вновь утвержден в качестве Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана и переизбран в Политбюро.

Воодушевленный такими событиями, Кунаев решил предпринять действия против своего премьер-министра. В октябре он тайно вылетел в Москву на встречу с Горбачевым с целью заручиться согласием Генерального секретаря на отставку Назарбаева — его Кунаев охарактеризовал как «опасного человека, которого необходимо остановить». Выстрел прошел мимо цели. Вот слова Горбачева: «Меня очень удивило, когда Кунаев сообщил мне, что у него проблемы с Нурсултаном Назарбаевым, потому что в прошлом их отношения были, как

у отца с сыном. Конечно, я знал, что в Казахстане существуют трудности, но так можно было сказать о любой республике Советского Союза. Это был период, когда появлялись новые лидеры. Возможно, именно это беспокоило Кунаева в отношении его «сына», так как все, кто знал Назарбаева, видели, что он никогда не боялся конфронтации и борьбы. Увидев проблему, он встречал ее с открытым забралом. Это был его стиль».

Поскольку Горбачев дважды сам поощрял Назарбаева развивать свой стиль борьбы, говоря о «хребте для драки», и поскольку казахский Премьер-министр рассматривался Москвой как надежный союзник в борьбе за *перестройку*, предложение Кунаева просто так отправить такого союзника в отставку Генеральному секретарю не понравилось. Возможно, поняв, что план «А» — отправить в отставку Назарбаева — не встретил понимания, Кунаев ввел в действие эксцентричный план «Б», по которому он намеревался отправить своего премьер-министра в поездку по всему миру для ведения постоянных, но бесполезных дипломатических переговоров. «В разгар нашего разговора Кунаев спросил меня, не могу ли я предложить Назарбаеву новую работу ответственного за внешние торговые и экономические отношения Советского Союза, — вспоминает Горбачев. — Понятно, что целью являлось держать его подальше от Казахстана и как можно дольше».

Такая новая идея отправить Назарбаева в ссылку с помощью билета на самолет не понравилась советскому руководителю. Он и сам, хотя и по другим причинам, начал разочаровываться в Кунаеве. За несколько недель до этого в Москве побывала депутация из трех высокопоставленных членов высшего руководства из Алматы во главе с Олегом Мирошхиным, описавшая растущие проблемы экономического и политического застоя в их республике. В ходе приватной встречи с Горбачевым они убеждали его рассмотреть возможность смены руководства Казахстана. Такая просьба сама по себе означа-

ла вотум недоверия коллег к Кунаеву, который теперь подтвердил гибельность своего положения, потребовав уволить собственного премьер-министра. Генеральному секретарю стало понятно, что в политических верхах Казахстана началась сумятица.

«Я сказал себе, что там происходит что-то серьезное, — вспоминает Горбачев, — поэтому вместо того, чтобы согласиться с планом Кунаева избавиться от Назарбаева, я сделал альтернативное предложение. Я рассказал ему о критике со стороны трех приехавших руководителей, а затем сказал: «Динмухамед Ахметович, я очень серьезно воспринимаю ваши слова. Я хотел бы, чтобы вы собрали совещание руководства Казахстана здесь, в Москве, чтобы сесть вместе со всеми членами Политбюро ЦК КПСС. Давайте вместе открыто обсудим проблемы Казахстана и вместе найдем правильное решение».

Услышав эти слова, Кунаев понял, что его дни в качестве Первого секретаря Компартии Казахской Советской Социалистической Республики сочтены. Согласись он на совместное совещание в присутствии Политбюро, это означало бы открытое признание слабости его собственной власти. Это также приводило к открытой схватке с Назарбаевым, которую более молодой соперник вполне мог выиграть. Чтобы избежать подобного унижения, Кунаев немедленно сдался. «Михаил Сергеевич, если таково ваше предложение, я уйду в отставку», — заявил он Горбачеву, который официально принял отставку Первого секретаря восемью неделями позже.

Эра Кунаева закончилась последним драматическим актом, который оставил в наследство крупные неприятности для Советского Союза и принес ветер перемен в Казахстан. Все произошло в ходе прощальной встречи в Москве, на которой Горбачев спросил совета уходящего Первого секретаря по поводу назначения его преемника — с совершенно неожиданным результатом.

Передача знамени лидерства в Казахстане Назарбаеву казалась неизбежным результатом после решения Кунаева уйти в отставку. Кремль ожидал, что Премьер-министр станет новым вождем республики. В качестве кандидата Назарбаев не имел конкуренции с точки зрения опыта, национальности, приемлемости для Москвы и общих способностей к руководству. Хотя своей критикой экономической стагнации и коррупции он нажил себе множество врагов в окружении Кунаева, эти трения ни разу не выразились в открытых личных столкновениях между двумя влиятельными политиками. Даже несмотря на то, что разочарование Назарбаева в ряде случаев приводило его к нелояльному отношению к своему шефу за последние 18 месяцев, многие считали, что предстоит мирная, хотя и прохладная, передача власти от Первого секретаря к Премьер-министру.

Михаил Горбачев также ожидал, что преемником станет Назарбаев. Поэтому он был поражен, когда во время его прощальной встречи с Кунаевым произошел следующий разговор:

Горбачев: «Хочу спросить вашей рекомендации по вашему преемнику. Все-таки вы руководили республикой последние 24 года. Кого вы рекомендуете?»

Кунаев: «В данный момент реального кандидата на пост нет. Есть несколько человек, которые интригуют и ходят вокруг, но ни один из них не способен стать лидером. Поэтому я советую вам назначить для руководства Казахстаном сильного русского».

Горбачева удивил этот совет, но он его принял. Будучи сам сильной русской личностью, он верил, что еще один представитель из той же когорты сможет стать нужным руководителем для решения проблем Казахстана. Но Генеральный секретарь не единолично принимал это решение. Он вынес его на Политбюро, которое согласилось с Кунаевым. Никто из присутствующих на заседании Политбюро не заподозрил, что уходящим Первым секретарем могли двигать чувства

горечи или ревности по отношению к Назарбаеву. Напротив, общее мнение заключалось в том, что совет Кунаева по преемнику был достоин государственного деятеля-патриота. «Политбюро приняло совет, так как никто не мог подумать, будто Кунаев желает плохого своей республике, — вспоминает Горбачев. — Поэтому мы следовали его рекомендации. Мы попались в ловушку, расставленную нам старой лисой. И сделали крупную ошибку».

ДЕКАБРЬ 1986 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В декабре 1986 года Михаил Горбачев сделал серьезную ошибку, отвергнув кандидатуру Нурсултана Назарбаева на пост Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Вместо этого занять вакантный пост, освобожденный после вынужденной отставки Динмухамеда Кунаева, он поручил высокопоставленному российскому чиновнику Геннадию Колбину. Это был не просто неудачный выбор назначенца. Это оказалось ошибкой, имевшей глубокие стратегические и исторические последствия, так как демонстрации казахской молодежи, последовавшие за прибытием Колбина, стали первым признаком проявления проблемы национальностей, которая в конце концов и разрушила Советский Союз.

Назарбаева не удивил уход Кунаева, так как он ожидал этого уже несколько месяцев. Однако, как и все в Казахстане, Назарбаев был удивлен назначением Колбина. Первый секретарь Ульяновского обкома КПСС являлся типичным советским аппаратчиком и протеже Горбачева. К сожалению, этим исчерпывались его достоинства, что было недостаточно для занятия новой должности. Колбин не знал Казахстан и не имел с ним связей ранее. Он не знал ни слова по-казахски, он никогда не посещал эту республику; народ не имел о нем представления. Его назначение вызвало шок, потому что создавало впечатление возврата к старому стилю централизованной автократии — «Москва знает, как лучше». Такое отношение к нерусским республикам выглядело тем более неприемлемым для Казахстана, потому что Горбачев пробудил надежды на новое политическое мышление, предполагавшее расширение самостоятельности в регионах Советского Союза.

Назарбаев узнал, что его обошли при назначении Первого секретаря, 15 декабря 1986 года, когда Колбин прибыл в Алматы в сопровождении Георгия Разумовского, секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. На следующий день состоялось заседание Центрального Комитета Компартии Казахстана с единственным пунктом повестки дня — «организационные вопросы». Это известный советский эвфемизм, означавший изменения в руководстве. На этом заседании Разумовский объявил об уходе Кунаева на пенсию и предложил Колбина в качестве единственного кандидата на вакантную должность. Предложенная им кандидатура была избрана присутствующими единогласно, в ошеломленном молчании. Через 18 минут заседание закончилось.

Назарбаев был расстроен, хотя и не выдавал своих чувств. Он считал, что назначение Колбина представляло собой «худший вариант принятия решений по старинке», он молчал и не делал попыток критики такого

решения, не говоря уже об оппозиции к нему. Как и остальные члены Центрального Комитета и коллеги по Кабмину, Назарбаев воспитывался в духе беспрекословного подчинения Москве. Однако более молодое поколение казахов такой подход не разделяло.

Студенты Алматы первыми выразили протест против навязанного республике Первого секретаря. Наиболее известным лидером студентов был Нуртай Сабильянов, 24-летний выпускник, работавший над кандидатской диссертацией в Институте экономики. Услышав по радио об официальном назначении Колбина вечером 16 декабря, Сабильянов искренне возмутился: «Я заявил коллегам-студентам в общежитии: «Что это за Колбин из России? Неужели в нашей огромной республике нет ни одного человека, достойного такой должности? До сих пор нас ни разу не просили принять руководителя из другой республики, почему мы должны принять его сейчас? Если мы позволим Москве навязать нам этого чужака, это подорвет чувства и доверие казахского народа!»

Сабильянов был симпатичным молодым человеком, обладавшим изрядной долей харизмы и ораторскими способностями. Его слова наэлектризовали все общежитие. Еще до наступления ночи он успел выступить перед студентами в соседних институтах сельского хозяйства, зооветеринарном, энергетическом, педагогическом, политехническом и художественном. Все они одинаково возмущались назначением Колбина. «Я убедил их выйти на площадь следующим утром в 9 часов, предъявить наши претензии московским руководителям и попытаться заставить их изменить это ошибочное решение», — вспоминал Сабильянов.

Назарбаев ничего не знал об этих планах, строившихся в институтских общежитиях. Когда он явился в свой кабинет утром 17 декабря, один из его помощников сообщил ему о начале марша молодежи и о том, что несколько сот людей уже собрались на открытой площади у здания Центрального Комитета, известной под назва-

нием «Площадь Брежнева». Многие студенты несли транспаранты и плакаты с лозунгами «Мы требуем руководителя-казаха», «Долой диктатуру», «Каждый народ желает национального лидера», «Мы за ленинскую национальную политику» и «Перестройка есть, а где демократия?». За исключением размахивания транспарантами и периодического скандирования, демонстранты вели себя мирно. Изначально участников было не более 300, в основном из университетов и институтов.

Из своего правительственного кабинета Назарбаев не мог видеть демонстрацию, но, услышав рассказ о ней от других руководителей, чьи кабинеты выходили на площадь Брежнева, он решил переместиться на место событий. Вызвав водителя, он отправился туда в служебной машине, но вскоре был окружен сотнями молодых людей и рабочих, двигавшихся по центральным улицам Алматы. Назарбаев решил выйти из машины и пройтись вместе с протестующими. Вскоре он уже разговаривал с организаторами. «Назарбаев в основном хотел предупредить нас о том, что мы можем пострадать, — вспоминал Нуртай Сабильянов. — Он все время повторял: «Не теряйте контроля. Я доложу о вашем мнении, но будьте терпеливыми. Москва всегда выбирает руководителя, и она не собирается изменять свое решение».

К тому моменту, когда Назарбаев прибыл на площадь Брежнева, число демонстрантов увеличилось до 2000 молодых людей. Но атмосфера оставалась мирной. Хотя количество транспарантов на казахском и русском языках росло и разные лозунги звучали через мегафоны, настроение участников оставалось сравнительно спокойным. Однако спокойствие отсутствовало в другом месте, куда Назарбаев явился вслед за этим, — в кабинете секретаря ЦК Компартии Казахстана по идеологии. Поскольку в нем были большие окна, выходящие на площадь, многие высокопоставленные партийные чиновники, в том числе новый Первый секретарь Геннадий Колбин, собрались здесь, чтобы наблюдать за демонстрацией.

Обстановка среди наблюдавших партийных, чиновников приближалась к панической. Демонстрации протеста подобного размаха и характера были практически немыслимы в Советском Союзе, особенно в Казахстане, который имел репутацию наиболее мирной и этнически гармоничной республики. Посланцы Москвы, прибывшие, чтобы представить Колбина, не знали, как справиться с этой ситуацией. Оглядываясь по сторонам в попытках найти виновного, они роняли туманные обвинения по адресу местных казахских руководителей, позволивших подобным националистическим настроениям выйти из-под контроля. Однако местные руководители и сами были растеряны и высказывали разные мнения о том, что следует делать. Назарбаев призывал к осторожности и заявил, что необходимо тщательно проанализировать ситуацию, прежде чем принимать какие-либо меры против демонстрантов. Он предложил чиновникам пойти пообщаться с людьми и завязать с ними диалог. Этот совет поначалу отвергли.

Геннадий Колбин, у которого начался первый день на посту Первого секретаря, выслушал множество советов, некоторые из них оказались противоречивыми. Его московские помощники, в основном из КГБ и Центрального Комитета КПСС, рекомендовали авторитарный подход подавления демонстрации силой. С этой целью привели в боевую готовность военный гарнизон Алматы, милиция получила приказ окружить площадь кордоном, на службу вызвали дружинников. Однако вскоре такая стратегия высветила свои проблемы, так как становилось ясным, что многие милиционеры, а особенно дружинники, симпатизировали демонстрантам. Например, в ключевом Фрунзенском районе, соседствующем с площадью Брежнева, было решено вооружить дружинников дубинками для разгона протестующих. Главе Фрунзенского района Нуртаю Абыкаеву, бывшему помощнику Назарбаева, подложили две связки стальных дубинок — отрезков арматуры. Но Абыкаев, не колеб-

лясь, запретил дружинникам, многие из которых были преподавателями, представителями интеллигенции, избивать дубинками студентов. «Мне казалось, что это все неправильно. Нам не следует этого делать, — вспоминал Абыкаев, — поэтому я не вооружал дружинников стальными дубинками, несмотря на то, что это было нарушением приказа высокопоставленного члена Центрального Комитета».

Уличные беспорядки продолжались в Алматы весь день 17 декабря. Командующий войсками Среднеазиатского военного округа генерал Владимир Лобов отказался вывести на улицы своих солдат, заявив Колбину: «По закону я не имею права вовлекать армию в гражданский конфликт». Это явилось смелым решением, которое, несомненно, предотвратило гораздо более сильное кровопролитие, чем то, которое произошло позже. Но отказ военных на просьбу о помощи в подавлении демонстрации лишь усилил панику среди руководства. Главным образом они были озабочены числом рабочих, поддерживающих студентов. Назарбаева попросили, как он и предлагал, начать диалог с демонстрантами. В сопровождении Камалитденова, секретаря по идеологии, Мендыбаева, Первого секретаря Алматинского областного комитета партии, и Мукашева, председателя Президиума Верховного Совета, он поднялся на трибуну на площади Брежнева. Вышли только руководители-казахи. Колбин не вышел. Толпа, в которой возбуждение нарастало, встретила эту четверку довольно недружелюбно.

Когда они попытались говорить, их перебивали свистом, улюлюканьем и требованиями предоставить микрофон протестующим. Через некоторое время наладилось некое подобие диалога. Казалось, Назарбаев начал устанавливать контакт со студентами, многие из которых выкрикивали его имя в качестве кандидата на пост Первого секретаря. Однако звучали и другие имена, включая имена членов казахстанского руководства русского происхождения, так что требования толпы касались ско-

рее назначения местных, чем национальных чиновников. Больше всего возмущенных возгласов вызывало назначение никому не известного Колбина, хотя были и другие протесты, в частности, против фаворитизма, который недавно ушедший в отставку Кунаев выказывал своим родственникам и членам своего клана.

Сползающая в хаос обстановка нервировала высокопоставленных партийных чиновников, которые наблюдали за ней из окон кабинетов, выходящих на площадь. Они отдали приказ заглушить речи громкой музыкой, транслировавшейся через огромные громкоговорители, установленные вокруг оцепленной площади. Это взбесило толпу, которая начала швырять снежные комья, куски льда и камни в сторону трибуны. Крупный камень попал в микрофон, в который говорил Назарбаев, и рикошетом оцарапал ему щеку, оставив болезненную царапину. Эта рана и ухудшающееся настроение толпы вынудили Премьер-министра и его коллег уйти.

Тактику включения громкой музыки приказали применить непосредственно из Москвы руководящие чиновники, которые находились в постоянном телефонном контакте с Колбиным. По их подсказке он велел ввести в действие водяные пушки, но это не остудило, а еще больше распалило протест вымокших студентов. Потребление спиртного в толпе также заметно возросло, кто-то пустил самодельную ракету, которая угодила в окно кабинета Колбина. Об этом в Москву было доложено как о «ракетной атаке». Такое сообщение заставило Михаила Горбачева вечером 17 декабря связаться непосредственно с Алматы. «Источники в контрразведке сообщили мне, что эта демонстрация тщательно организована в университетах этническими казахами, — вспоминал он. — Мне доложили, что они могут пойти на штурм правительственных зданий. Поэтому я решил вмешаться лично. Я попросил немедленно связать меня с Кунаевым».

Недавно ушедшего в отставку Первого секретаря нашли в его квартире, которая все еще была оборудована

прямой телефонной связью с Кремлем. Используя эту линию, Горбачев начал сердитый разговор с бывшим коллегой по Политбюро. «Динмухамед Ахмедович, что происходит? Что вы делаете? Вы это намеренно? Это вы организовали?»

«Нет, нет, нет! Это молодежь, — отвечал Кунаев и добавил колкость, направленную на Назарбаева, — их поощряют те, кто борется друг с другом, чтобы обеспечить себе места в руководстве».

Горбачев не обратил внимания на эту попытку возложить вину на другого. Он продолжал давление на Кунаева, предъявив ему ультиматум, невозможный для выполнения. «Я знаю, как много значат ваши слова для казахов, — заявил Горбачев. — Я знаю, как вас уважает народ. Так что даю вам 40 минут. Если вы не остановите этот марш молодежи к правительственным зданиям, я отдам приказ правоохранительным органам остановить их силой. Вот так!»

Слова Генерального секретаря ЦК КПСС прозвучали зловеще, но на Кунаева особо не подействовали. Он не сделал попыток оказать влияние на демонстрантов. Но те и так уже начали расходиться, потому что темнело, вечерний воздух стал морозным. Однако гнев их не ослаб, как показали события следующего дня.

Ночью в Алматы специальным рейсом прилетела еще одна группа высокопоставленных чиновников из Кремля. Ее возглавлял и Михаил Соломенцев, член Политбюро, и Евгений Разумов, первый заместитель главы организационного отдела Центрального комитета КПСС. Тем же рейсом прилетели руководящие сотрудники Министерства внутренних дел. Они провели оценку ситуации и отправили рапорт в Москву министру внутренних дел Александру Власову. В противоположность осторожной позиции командующего армией генерала Лобова накануне, Власов приказал ввести в действие спецназ, элитные силы Министерства внутренних дел. Эти войска переправили самолетом в Казахстан ночью 17 дека-

бря из казарм таких российских городов, как Свердловск, Москва и Ленинград.

Поздним утром 18 декабря улицы Алматы заполнились примерно 15 тысячами демонстрантов. Их настроение выразалось массовым пением казахских песен, в особенности *Елимай*, торжественной мелодии 17-го века о воинах-кочевниках, мужественно оказывавших сопротивление джунгарским завоевателям. Протестующие 20-го века нуждались в таком же мужестве, так как против собравшихся на площади Брежнева милиция и спецназ начали тщательно спланированную атаку под кодовым названием *Операция Метель*.

Назарбаеву не сообщили о секретных планах операции. Хотя он являлся Премьер-министром республики, его исключили из процесса принятия решений, который оставался в руках московской группы, так как его имя в качестве альтернативной кандидатуры на место Колбина накануне скандировали демонстранты.

Поэтому Назарбаев с ужасом узнал о том, как милиция и подразделения спецназа атаковали протестующих, используя стальные дубинки, армейские лопатки и служебных собак. Невольным свидетелем этих событий стал 16-летний старшеклассник Нурлан Каппаров, который наблюдал эту смуту с балкона родительской квартиры, выходявшего на площадь Брежнева. «Это была кровавая бойня», — вспоминал он. — Я был глубоко шокирован видом солдат и милиции, врезающихся в гущу студентов». Подобная тактика быстро рассеяла демонстрантов, но за счет двух смертей и 200 тяжелых ранений. Еще одним болезненным ударом оказались насильственные и бесцеремонные действия сил безопасности, которые произвели более 8000 арестов. Поскольку в тюрьмах и участках милиции места для такого огромного числа задержанных не оказалось, почти все они были отпущены на свободу поздно вечером 18 декабря. Однако до того, как быть отправленными на улицу в жестокий ночной мороз, многие оказались избитыми

и полураздетыми. Данные беспощадные меры, казалось, положили конец публичным протестам. Однако в долгосрочной перспективе в Казахстане и далеко за его пределами широко распространилось чувство разочарования. В течение последующих четырех лет это вызвало серьезные последствия по всему Советскому Союзу, поскольку другие нации и национальные движения последовали примеру протестующих Алматы и вышли на улицы с собственными действиями сопротивления централизованному правлению Москвы.

После событий декабря 1986 года, которые стали называть *Желтоқсан*, Казахстан оставался беспокойной республикой. «Злоупотребление силой против молодежи стало трагедией, — говорил Назарбаев. — Парадоксально то, что демонстрации начались потому, что большинство участников искренне верили в слова Михаила Горбачева о перестройке и гласности. После такого насилия они потеряли всякое уважение к советской системе правления».

* * *

Назарбаев оставался вторым человеком в руководстве Казахской Советской Республики, но у него возникало множество проблем при работе с новым первым руководителем, Геннадием Колбиным. Вместо того, чтобы успокоить народ после травмы декабрьских событий, Колбин намеревался начать охоту на ведьм, преследуя людей, которых он обвинял в организации демонстраций. Назарбаев пытался остановить его в этих попытках. В течение первых недель 1987 года оба руководителя много и откровенно разговаривали на эту тему. Поначалу казалось, что Колбин охотно выслушивает советы премьер-министра. Однако их рабочие отношения постепенно подрывались тремя факторами: вмешательством Москвы, декларативным стилем руководства, при котором делалось слишком много пустых

обещаний, и атмосферой взаимных уколов и ударов, которая обнажала трещины на фасаде их лояльности друг к другу.

К решению проблем, обнаженных демонстрациями декабря 1986 года, Москва подошла с обвинениями участников в «приверженности национализму», она заняла жесткую линию, настаивая на том, чтобы все ответственные за поддержку протестующих были исключены из ВУЗов и наказаны. Провели расследование, из каких учебных заведений были студенты, участвовавшие в демонстрациях на площади Брежнева. Многие преподаватели и руководители таких ВУЗов были уволены. Наиболее заметной фигурой, пострадавшей в этой чистке, стал министр высшего образования Купжасар Нармбаев. Его обвинили в поощрении казахского национализма, так как он позволил принять в университеты слишком много этнических казахов. Данное обвинение было предъявлено Купжасару Нармбаеву в подробном выступлении Геннадия Колбина на заседании кабинета министров. Он потребовал немедленного его освобождения от должности.

К чести своей, Назарбаев выступил в защиту своего опального министра, заявив, что увеличение числа этнических казахов среди студентов университетов частично объясняется высоким уровнем рождаемости в Казахстане и частично — распространенной политикой поощрять прием казахов на работу в министерства и на предприятия. «Нармбаев работает министром всего три года, — заявил премьер-министр. — Он реализует политику, которая проводилась гораздо более долгое время, так в чем же его обвинять? Идеология в республике давно всеми нами согласована. Он просто выполнял инструкции. Поэтому я считаю, что его не следует освобождать от должности министра. Мы могли бы дать ему письменное предупреждение и оставить его в министерстве, чтобы помочь нам исправить ошибки и слабые места в высшем образовании».

Призыв Назарбаева не был услышан. Больше никто в кабинете министров не высказался в поддержку Наримбаева. Осознав, что голосование будет против него, министр образования решил уйти, прежде чем его снимут, и предложил немедленную отставку. Вскоре после этого заседания, когда он уже выносил личные вещи из своего кабинета, раздался телефонный звонок премьер-министра. «Я сожалею о том, что произошло, — говорил Назарбаев, — не принимайте это близко к сердцу. Оставайтесь на связи. Думаю, что мы еще поработаем вместе». Эти слова не были просто жестом человеческой доброты. Они оказались точным политическим прогнозом. Через три года Назарбаев и Наримбаев снова работали вместе, отстраненный от должности министр образования вернулся на руководящую работу в качестве ректора Казахского национального государственного университета.

Чистки Колбина среди казахских руководящих работников причудливо сочетались с политическими авансами казахскому населению. Он распорядился, чтобы все правительственные работники, не говорящие по-казахски, немедленно выучили язык. Колбин и сам объявил, что представит доклад Первого секретаря на следующем пленарном заседании Центрального Комитета на казахском языке. Ни одно из его обещаний не было выполнено. Они стали частью растущей системы политики жестов, не приносящей результатов. Колбин уделял большое внимание организации крупных областных совещаний, которые заканчивались политическими инициативами, объявляемыми под фанфары, но никогда не выполняемыми. Например, он объявил, что нехватка жилья в Казахстане будет ликвидирована в течение пяти лет, но строительство жилья не возросло. Было объявлено, что дефицит продуктов питания будет ликвидирован, однако сельскохозяйственное производство не развивалось. Было объявлено о борьбе против алкоголизма и образовании зон трезвости, однако усилий для этого приложили мало или не делали ничего, хотя объявление о

самой борьбе неожиданно привело к увеличению злоупотреблений алкоголем. В то же время экономический спад продолжался, количество прогулов на работе росло. Прошло время, когда простые люди боялись своего правительства. Началась эра неприятия и высмеивания чрезмерно централизованной власти Советского Союза.

* * *

Геннадий Колбин по-своему ускорил закат советской власти. Даже по своей внешности он являл собой стереотип российского аппаратчика: коренастый, краснолицый, с угрозой в голосе... По своим манерам он представлял собой строгого администратора старой школы, не осознающего, что старые методы уже не работают. Некоторые из его распоряжений оказывались смехотворными, например, его инструкция провести национальный день охоты на гусей, чтобы смягчить нехватку мясных товаров в магазинах. Провал этого распоряжения вызвал среди казахов анекдоты о том, что единственной жертвой в этой операции оказался жирный гусь, который застрелился сам. Его звали Гусь Колбин.

Неудачи Первого секретаря портили его отношения с Премьер-министром. Колбин последовал примеру Кунаева, приказав КГБ провести расследование в отношении своего подчиненного и попытавшись добиться для Назарбаева перевода на какой-либо высокий пост в московском аппарате. Однако Горбачев не принимал подобные предложения. Тем не менее, даже при поддержке Генерального секретаря, год 1987 стал для Назарбаева годом трудностей и переживаний. Худшим моментом явилась публикация в июне результатов официального расследования Центральным Комитетом КПСС демонстраций, имевших место в Алматы за восемь месяцев до этого. Основной мыслью отчета стало обвинение Кунаева и его правительства в несправедливом назначении молодых казахов на ключевые посты за счет этнических русских,

в возрождении «буржуазного национализма» и в поощрении роста «националистических проявлений», которые вылились в протесты против назначения Колбина. Высказывалась также резкая критика Кунаева за создание «нездоровой атмосферы» в политической жизни Казахстана, что привело к самым низким показателям экономического роста среди всех советских республик.

Через неделю после опубликования этого отчета Кунаева лишили всех оставшихся регалий. В своем официальном выступлении об отставке на пленуме ЦК КПСС бывший Первый секретарь обрушился с критикой на Назарбаева за создание всех проблем в Казахстане и за покровительство декабрьским событиям по причине его «жажды власти». Тут в ход заседания Центрального комитета вмешался Горбачев. Он заставил Кунаева замолчать и отверг все его обвинения. Однако факт выдвижения публичных обвинений чрезвычайно расстроил Назарбаева. В результате эмоционального стресса от подобных нападков его кровяное давление подскочило, и его отправили в кардиологическое отделение скорой помощи Кремлевской больницы. Многие свидетели такого драматического отъезда с заседания Центрального Комитета считали, что карьера Назарбаева также окончена. Лишь одна из его казахских коллег позвонила ему в больницу. Этим единственным человеком, побеспокоившимся о его здоровье, оказалась его давняя политическая союзница из Алматы, госпожа Манура Ахметова. «Он сообщил мне, что сердце в порядке и что высокое кровяное давление оказалось просто временной реакцией, — вспоминает она. — Он сказал мне: «Не нервничай, успокойся, все будет хорошо».

В Казахстане же все было плохо, даже несмотря на то, что Назарбаев быстро поправился и вернулся к обязанностям премьер-министра. Экономический спад продолжался, недовольство Геннадием Колбиным росло. Оно усугублялось проявлениями националистических проблем в других регионах Советского Союза, такими, как волнения в Прибалтийских республиках и

демонстрации в Москве, организованные движением *Память*, российской националистической группой. В ноябре Михаил Горбачев опубликовал свою книгу «*Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*». Назарбаев полностью поддерживал философию реформизма, изложенную в этой книге. Однако его беспокоило отсутствие конкретных предложений по реформе. Его заботило то, что если Коммунистическая партия не собиралась начинать эти изменения с самой себя, как она может изменить экономику Советского Союза? «Мы продолжали наблюдать все те же тенденции в партийном руководстве, — вспоминает Назарбаев. — Видели полное отсутствие самокритики и нежелание слушать критику и предупреждения. Партия оказалась неспособной выдвинуть серьезные предложения по изменениям, так как не имела адекватного мозгового центра».

Что касается Казахстана, Назарбаев оставался единственным влиятельным политическим деятелем, который серьезно обдумывал пути применения идей перестройки и гласности. Он стремился к расширению независимости своей республики, он интересовался возможностью в ограниченном объеме поэкспериментировать со свободной экономикой западного образца, но рассматривал такие потенциальные изменения в контексте пребывания Казахстана в составе Советского Союза. «В то время я считал Назарбаева верным союзником, — вспоминает Михаил Горбачев. — Он всегда был абсолютно откровенен со мной. Он добивался реформ, но считал, что развал Советского Союза станет большой катастрофой. В этом он оказался совершенно прав».

Семена развала в течение 1987–1988 годов прорастали слишком быстро, в том числе и в Казахстане. Колбин проявил себя как некомпетентный и непопулярный организатор в период экономического спада. В январе 1988 года партийный пленум в Алматы стал для него крушением. Он пытался уйти от волны критики и

воспользовался своим положением Первого секретаря, заняв надменную позицию «разделяй и властвуй». Но его попытки натравить одного министра на другого привели к обратному результату, точно такой же неудачной оказалась попытка изолировать Назарбаева повышением по службе его потенциальных соперников. На деле Колбин терял авторитет, а не укреплял его. Почву из-под его ног выбивали не враждебно настроенные подчиненные или инакомыслящие студенты, а реальные события. Положение Назарбаева в правительстве становилось двусмысленным. На людях он делал все возможное, чтобы поддержать находившегося в шатком положении Первого секретаря, хотя сам понимал, что дни Колбина сочтены. Руководство Коммунистической партии в Москве постепенно пришло к тому же мнению. В мае 1989 года Съезд народных депутатов СССР проголосовал за назначение Геннадия Колбина на новый пост в Кремле с оруэлловским титулом Председателя комитета народного контроля. Это означало, что руководящий пост Первого секретаря ЦК Компартии Казахской Советской Социалистической Республики отныне свободен.

Теоретически подобная вакансия могла быть заполнена при помощи *диктата* Москвы. На практике же любая попытка Центра навязать какого-либо властного назначенца неказахского происхождения, по опыту демонстраций в декабре 1986 года, оказалась бы политической катастрофой. Никто не понимал это лучше Михаила Горбачева. «Требовалось исправить ошибку, которую мы сделали с Колбиным, — признался он. — Это стало нашей первой крупной ошибкой в сфере международных отношений, и я решил не повторять ее. Мы все пришли к выводу, что казахи должны сами управлять своей республикой, и дали им право решать, кто станет их новым руководителем».

Таким образом, перед выбором нового Первого секретаря правление сверху заменили удивительно демок-

ратическим процессом консультаций с представителями народа. На этот раз предложения о кандидатурах собирались от широких кругов общества Казахстана, включая народных депутатов, областных чиновников, руководителей муниципалитетов, влиятельных представителей интеллигенции, рабочих коллективов различных предприятий и даже рядовых людей на улице. Лишь после такого тщательного анализа было проведено заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана по вопросу о выборах Первого секретаря. Решение принималось свободным тайным голосованием, впервые в истории любой из советских республик. Данное голосование прошло 22 июня 1989 года. Подавляющим большинством и при поддержке многих из его бывших оппонентов избрали Нурсултана Назарбаева, который стал новым руководителем Казахстана.

* * *

Новый Первый секретарь был доволен своей победой, но эйфории не испытывал. «Я знал, что у меня совсем немного времени, чтобы провести все необходимые изменения, — вспоминает он. — Мои три важнейших задачи заключались в укреплении стабильности и межнационального согласия, выработке и проведении в жизнь программы экономических реформ и точном разделении полномочий между руководством республики и Москвой».

Наиболее срочной проблемой Назарбаева стало заживление ран, нанесенных в декабре 1986 года. Он искусно решил ее как в личном отношении, так и политически. Одним из первых успехов стало его примирение с Динмухамедом Кунаевым, вызванное смертью супруги бывшего Первого секретаря. По казахской традиции Назарбаев посетил дом скорбящего мужа. Кунаев встретил гостя теплым объятием, прошептав, «Прости меня, пожалуйста, прости меня». Назарбаев, также глубоко

тронутый, отвечал: «Нет, это я должен просить у вас прощения. Вы простите меня?»

Этот разговор в присутствии родственников и сторонников Кунаева разрушил барьер между двумя казахскими лидерами. С этого времени у них наладились хорошие отношения. Назарбаев оказывал своему бывшему руководителю бытовую поддержку, в которой ему было отказано при Колбине, включая обеспечение служебной машиной и водителем, а также небольшую квартиру для его домработницы. Более трудная проблема состояла в том, как успокоить недовольство многих казахов по поводу жестокого обращения с демонстрантами во время декабрьских событий. Некоторых из них подвергли показательным судебным процессам и осудили на длительные сроки тюремного заключения. Один из подсудимых умер в заключении и стал народным мучеником. Гнев также вызывал официальный советский отчет о событиях декабря 1986 года. Это чувство вылилось в интенсивное политическое давление в пользу нового расследования по поводу демонстраций на площади Брежнева. Назарбаев согласился с таким требованием и сделал все возможное, чтобы сформулировать круг полномочий комиссии по расследованию в духе гласности. «Я с самого начала осознавал, что если комиссии придется работать над этой проблемой, ее следует создавать очень тщательно и открыто, — констатировал он. — Кроме того, она должна была получить доступ ко всем официальным документам и иметь полномочия допрашивать любых чиновников по своему выбору. Каковы бы ни оказались ее выводы, это был единственный путь к положительным результатам».

Пока новая комиссия занималась расследованием, Назарбаев пытался ввести перестроечные реформы в экономику Казахстана. Одной из его инициатив стал эксперимент со свободными рыночными ценами в продуктовых магазинах Алматы. Это называлось «системой аренды», по которой частные бизнесмены могли

арендовать магазины, снабжать их продукцией хорошего качества, приобретаемой непосредственно у местных фермеров, и продавать такую продукцию по рыночной цене. Система оказалась противоречивой, так как привела к повышению цен на продукты, но заметно более высокого качества. Назарбаева немедленно начали критиковать за «введение капитализма» и за «эксплуатацию бедных и пенсионеров». Однако он оставался твердым в своем решении и готовым защитить свою политику. Эрик Гукасов, заместитель председателя Кабинета министров Казахстана, отвечавший за сельское хозяйство, вспоминает, как Назарбаев объяснял правительству: «Это первый шаг на пути к рыночной экономике. Нам нужно двигаться вперед в этом направлении, чтобы дать народу больше товаров и услуг, повысить их качество».

Пока Назарбаев двигался вперед, в Москве делались попытки вынудить Горбачева повернуть назад. В июле 1989 года Генеральный секретарь объявил о своем намерении провести чистку среди чиновников, противостоявших перестройке, сторонников так называемого «жесткого курса». На первой волне усиливающегося сопротивления авторитету Горбачева сторонники жесткого курса выступили против него, утверждая, что сама перестройка является источником широких проявлений несогласия по всему Советскому Союзу. Главным носителем подобных мнений в Политбюро стал Егор Лигачев, призывавший обуздать средства массовой информации и обрушиться на то, что он называл «антикоммунистическими группировками». Назарбаев откровенно выступал против Лигачева, которого обвинял в «страхе перед демократизацией» и «традиционно отрицательном отношении к инакомыслию».

В 1990–1991 годах инакомыслие распространилось по всему Советскому Союзу. На улицах Прибалтийских республик происходили постоянные волнения, в Тбилиси вспыхивали демонстрации с требованием отставки из

Политбюро Эдуарда Шеварднадзе; как в Украине, так и в России организовывались националистические выступления. Казахстан не остался в стороне от подобных движений, которые Михаил Горбачев назвал «темными силами национализма». В Алматы, где прошли самые первые демонстрации национального недовольства в декабре 1986 года, протесты снова вылились на улицы в феврале 1990 года. Несмотря на то, что комиссия, расследовавшая события 1986 года, далеко продвинулась в своей работе, нетерпеливые демонстранты шумно требовали немедленной и полной реабилитации тех, кого уволили, наказали или подвергли тюремному заключению после первых волнений на площади Брежнева. Назарбаев сочувствовал этим требованиям. Он направил комиссии письмо, констатировав свое согласие с ними и изложив свою личную оценку причины кризиса.

Комиссия по расследованию опубликовала свой отчет в сентябре 1990 года, ее работа привела к оправданию демонстрантов и осуждению советских властей и секретных служб, которые жестко подавили выступление молодежи. Назарбаев приветствовал такие заключения и впоследствии издал указ, официально реабилитирующий тех, кто подвергся преследованию за участие в событиях декабря 1986 года. Он также объявил 17 декабря днем памяти этих событий, назвав его «Днем демократического обновления Республики Казахстан». «Случившееся никогда не должно быть забыто, — заявил Назарбаев. — Более чем что-либо другое, эти ужасные часы на площади Брежнева служат постоянным напоминанием того, как будущие власти не должны относиться к людям и общественному мнению».

* * *

Реакция Назарбаева на общественное мнение после публикации отчета комиссии по расследованию событий в декабре 1986 года принесла ему репутацию «де-

мократа». Такую же метку присвоили Борису Ельцину, вышедшему из партийной иерархии и становившемуся все более популярной фигурой в России. Едва ли оба эти лидера имели глубоко устоявшиеся убеждения о демократических началах в тот период. Тем не менее сторонники приветствовали их как своих единомышленников, которые оказались достаточно смелыми, чтобы критиковать провалы советской централизованной системы.

К лету 1991 года эта волна недовольства подобными провалами достигла новых высот с избранием Ельцина Президентом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Авторитет Горбачева таял с каждым днем. «В это время мы с Ельциным стали действительно близки друг другу, — вспоминает Назарбаев. — Мы знакомы с 1986 года, но теперь он стал первым человеком в России, а я первым в Казахстане, и мы начали регулярно встречаться вне Кремля. Мы говорили друг другу, что тот Советский Союз, какой мы знали, долго не проживет. Но мы обсуждали план, как сохранить новый СССР в качестве федерации автономных республик».

Это был план соглашения в *Ново-Огареве*, который Горбачев выдвинул несколькими месяцами ранее. Назарбаев поддержал его с самого первого совещания, так как твердо верил, что какая-то форма добровольной федерации необходима в экономических и политических интересах всех советских республик. В конце июля Горбачев созвал второе совещание в *Ново-Огареве*. Наиболее важные темы дискуссии между Назарбаевым, Ельциным и Горбачевым вращались вокруг изменений в советском руководстве, необходимых после подписания нового Союзного договора.

Трое лидеров согласились, что необходимо заменить некоторых консервативных сторонников жесткой линии в Политбюро. Основными кандидатами на отставку стали министр обороны Дмитрий Язов, председатель КГБ Владимир Крючков и Премьер-министр Валентин Павлов. Ельцин предложил Назарбаева на место Павло-

ва в качестве премьер-министра перестроенного Советского Союза. Горбачев принял это предложение, но Назарбаев настаивал на сохранении своей должности. Во время перерыва в дискуссиях Горбачев пригласил казахского лидера на частную беседу и попросил его объяснить свои колебания по поводу занятия поста Премьер-министра СССР. «У меня свои условия, — заявил Назарбаев. — Во-первых, мне придется посетить все республики, включая Казахстан, и просить их одобрить мое назначение голосованием в своих парламентах. Если они одобряют мое назначение, мне придется принимать некоторые экстренные меры. Поэтому я должен буду держать в руках всю экономическую политику, а вы не должны будете вмешиваться в эти дела».

«А что останется делать мне?», — осведомился Горбачев.

«Вы останетесь президентом. Вы будете заниматься международными отношениями», — отвечал Назарбаев.

Горбачев не мог согласиться на такое ограничение его президентских полномочий. Тем не менее, поскольку власть неумолимо уходила из рук Михаила Горбачёва, это был аргумент, которым, в конце концов, Назарбаев вполне мог убедить собеседника, если бы не вмешались другие силы, в тот момент незамеченные. Лишь один из троих лидеров интуитивно ощущал присутствие этих невидимых сил. Так, когда в *Ново-Огарево* продолжались обсуждения перестройки КГБ, Ельцин внезапно стал мелодраматически показывать на потолок, как бы желая предупредить своих коллег-президентов, что их разговор может быть подслушан. Горбачев отверг подобные страхи как абсурдные. «Как вы можете такое подумать? Я — президент Советского Союза», — возмущенно заявил он. Но Ельцин оказался прав. Без ведома троих руководителей, подслушивающие устройства КГБ и в самом деле ловили каждое слово их разговора. Поэтому едва ли стало совпадением то, что, как только они узнали о планах их собственной отставки, председатель

КГБ Крючков, Премьер-министр Павлов и министр обороны Язов начали готовить переворот с целью свержения Советского правительства и президента.

* * *

Не зная ни о каких заговорах против себя, 4 августа Горбачев отправился на две недели отдохнуть на даче в Форосе, что на побережье Крыма. Ельцин, забыв о своих страхах по поводу подслушивания, в выходные августовские дни решил нанести визит Назарбаеву, своему лучшему другу по советской политике. Оба президента находились в праздничном настроении, но поначалу им предстояло заняться серьезными делами. 16 августа они подписали двустороннее соглашение о дружбе между Россией и Казахстаном, которое включало соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве между республиками. Они предложили совместную инициативу по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта. Но самое важное — они подписали соглашения об усилении практических аспектов сотрудничества и существования между республиками в рамках предстоящего нового Союзного Договора. Соглашения назывались «О едином экономическом пространстве» и «О гарантиях стабильности в Союзе Суверенных Государств» и демонстрировали серьезность двух президентов в вопросе проведения в жизнь ново-огаревских принципов. В частных беседах Ельцин и Назарбаев оптимистично говорили, что Договор даст присоединившимся странам максимум автономии при сохранении минимальной структуры, предохраняющей Советский Союз от развала и сохраняющей упорядоченную экономическую деятельность между республиками.

Поздравив друг друга с хорошо выполненной работой, президенты решили развлечься. В первый вечер визита они поехали в урочище Медео в горах Алатау. После осмотра знаменитого городского музея музыкальных

инструментов лидеры выпили за здоровье друг друга и расположились послушать неофициальный концерт, организованный в субботний вечер. Внезапно Ельцин решил присоединиться к исполнителям. «Принесите мои ложки», — обратился он к одному из своих помощников. Принесли набор ложек с длинными рукоятками, и российский лидер присоединился к ударным инструментам оркестра, с энтузиазмом, хотя и невпопад отбивая такт, сначала ударяя по инструментам, а потом по головам местных музыкантов. На следующий день желание наслаждаться жизнью у Ельцина усилилось. Первая остановка была сделана на Панфиловском государственном конном заводе, где Назарбаев подарил своему почетному гостю изумительного черного жеребца. Ельцин объявив, что немедленно собирается испытать коня, потребовал сейчас же оседлать его.

«А он раньше садился на лошадь?» — спросил Назарбаев начальника службы безопасности российского президента.

«Нет, — ответил тот, — но остановить его невозможно».

Понадобилось четверо крепких помощников, чтобы поднять тяжелого Ельцина в седло, еще двое с каждой стороны, чтобы поддерживать его, и двое, чтобы удерживать жеребца. Конь не желал повиноваться такому неудобному седоку. «Я ничего подобного еще не видел, — вспоминает Назарбаев. — Он все время сползал с седла то в одну сторону, то в другую, а его охрана едва успевала удерживать его от падения, потому что жеребец взбрыкивал и бешено плясал. Это было довольно опасно».

Следующая остановка в поездке, организованной Назарбаевым, состоялась в ущелье Талгар высоко над Алматы, там, где эффектно сливаются горные реки. Быстрая и пенная вода рек в ущелье была ледяной. Ельцин настаивал на купании в ней, отвергая все возражения на том основании, что он регулярно купался в Москва-реке, когда температура воды в ней была едва выше

нуля. Когда российский лидер начал раздеваться, Назарбаев встревожился. Он лучше, чем его гость, знал опасность быстрого течения и острых подводных камней. «Хотя казахская традиция говорит, что желание гостя — закон для хозяев, я позволил себе в данном случае нарушить эту традицию», — вспоминает он. Приведенные слова не вполне отражают содержание спора двух президентов, состоявшегося над водами ущелья.

«Здесь нельзя купаться. Вас отнесет к скалам», — протестовал Назарбаев.

«Нет, я пойду!», — кричал Ельцин.

Пока кипел спор между двумя лидерами, их объединенные группы служб безопасности применили изобретательный маневр. Они быстро построили дамбу в мелководье, отгородив спокойный участок, в котором течение не должно было унести купальщиков. Вода, конечно, оставалась ледяной, чуть выше 8 градусов, а течение в ущелье по-прежнему сильным, но Ельцин искупался.

Приключения с верховой ездой и купанием серьезно нарушили расписание Ельцина. Назарбаев предусмотрительно обеспечил своему гостю юрту для продолжительного послеобеденного сна.

Когда самолет Ельцина вылетел в Москву, было 8 часов вечера воскресенья 18 августа. Вылет состоялся на три часа позже, чем было запланировано.

Эта трехчасовая задержка, возможно, спасла жизнь Бориса Ельцина. Судя по истории, которую российский президент рассказывал некоторым своим помощникам через несколько лет, то, когда он плавал в ущелье Талгар, участники переворота начали свои первые шаги в Москве с целью свергнуть правительство Советского Союза. По словам Ельцина, один из первых и наиболее зловещих их приказов был получен советскими противовоздушными силами на военной базе в Актюбинске на западе Казахстана утром 18 августа. Это был приказ сбить самолет, взлетевший из Алматы в 5 часов вечера в направлении Москвы. Так ли это было, точно не известно.

Военнослужащие на базе должным образом подготовились выполнить приказ и выпустить ракеты класса земля – воздух. Однако в 5 часов вечера самолет на Москву из Алматы не вылетел. После часа или двух ожидания военнослужащие отменили дежурство и деактивировали ракеты, поскольку зачинщики переворота не давали дополнительного приказа на случай задержки. В результате Борис Ельцин ночью 18 августа спокойно вернулся в Москву, а Нурсултан Назарбаев крепко спал в своей кровати в официальной резиденции в Алматы. Ни один из них не имел даже тени подозрений о планах зачинщиков переворота, проснувшись утром в день, полный драматизма и политических волнений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И РАСПАД СОЮЗА

На следующее утро после отбытия Ельцина Назарбаев крепко спал. В 9 утра его разбудила Сара, вошедшая в спальню со словами: «Я только что услышала, что Михаил Горбачев заболел. Он не может работать. Его место занял вице-президент Янаев».

Включив радио у кровати, Назарбаев прослушал утренние новости из Москвы. Диктор объявил, что выступает «по распоряжению Государственного комитета по чрезвычайному положению». Последующие заявления, сделанные от имени этого комитета (до той поры никому не известного) провозглашали серию радикальных мер по предотвращению распада Советского Союза. В них говорилось, что Горбачев слишком болен, чтобы зани-

маться этими проблемами, поэтому руководство взял на себя вице-президент Геннадий Янаев.

Назарбаев сразу же почуял неладное. Подозрения о перевороте немедленно укрепились, когда обнаружилось, что прямая связь с Кремлем отсутствует и что служебная машина с водителем, обычно отвозившая его на работу, также не прибыла. На ум пришли воспоминания о сталинском терроре и других советских чистках. Назарбаев спросил жену: «В доме есть что-либо компрометирующее, что они могут использовать против меня?» Под словом «они» он имел в виду КГБ, агенты которого, как уже ожидал Назарбаев, должны по сценарию *путча* приехать и арестовать его.

Атмосфера слегка разрядилась, когда прибыл служебный автомобиль и водитель извинился за задержку, вызванную простой технической неисправностью. Зайдя в свой кабинет, Назарбаев убедился, что его сотрудники знают не больше него. Единственным источником информации служили объявления из Москвы.

Был понедельник 19 августа. Около 10 часов утра (7 часов по московскому времени) позвонил Борис Ельцин. «Что там происходит, Борис Николаевич?», — спросил Президент Республики Казахстан. «Не знаю, — ответил Президент Российской Федерации. — Но думаю, что это реальный переворот, и мы должны готовиться к худшему. Горбачев арестован. На Москву двинулись танки». — «Где вы?», — поинтересовался Назарбаев. — «На даче», — сообщил Ельцин, добавив, что собирается ехать в Белый дом — так в народе было прозвано здание российского парламента. «Случиться может что угодно, — продолжал он. — Главное, что нам нужно вместе выступить против этого Государственного комитета по чрезвычайному положению».

Через несколько минут Назарбаеву позвонил глава загадочного комитета вице-президент Геннадий Янаев, который желал узнать реакцию Казахстана на новости из Москвы. Вместо ответа Назарбаев засыпал его вопро-

сами о Горбачеве. Где он? Как он себя чувствует? Что с ним? Ответы были уклончивыми, но из них по крайней мере следовало, что Горбачев жив и находится на даче в Крыму. Однако затем Янаев покривил душой, заявив, что Горбачев согласен с мерами, предпринимаемыми ГКЧП, и поддерживает мнение, что «в стране необходимо восстановить порядок». На последующие вопросы Янаев отвечал, что Горбачев дал свое «добро» плану действий Государственного комитета по чрезвычайному положению.

«Я никогда не был высокого мнения о Янаеве, но даже не представлял, что он способен на такой наглый обман», — говорил Назарбаев, вспоминая о шоке, который произвел на него невероятный рассказ вице-президента. После долгих бесед с совершенно здоровым Горбачевым по вопросам нового Союзного договора всего два дня назад Назарбаев осознавал, что преподнесенная история об уходе советского президента из политики является небылицей.

В первое утро после переворота Назарбаеву было трудно установить истину о новом самопровозглашенном правительстве Советского Союза. Возможные последствия для Казахстана стали вызывать еще большее беспокойство после телефонного разговора с Крючковым, председателем КГБ. Тот обращался к президенту Казахстана «снисходительно, если не высокомерно», намекал, что в новом руководстве ему будет предложен высокий пост. Глава всемогущего ведомства представил ситуацию как конституционно свершившийся и не подлежащий обсуждению факт, заявив, что все полномочия центральной власти Советского Союза законно переданы Государственному комитету по чрезвычайному положению. Поскольку данный орган обладал полномочиями вводить советские войска в любую республику, Назарбаев опасался, что новое руководство ответит на любые национальные манифестации или волнения демонстрацией военной силы.

Полный опасений, Назарбаев созвал экстренное совещание казахстанского руководства в 2 часа дня. Он сообщил главам ключевых ведомств всю информацию, которую ему удалось собрать за утро из телефонных разговоров с вице-президентом Янаевым, председателем КГБ Крючковым и Премьер-министром Павловым. Особенно тревожило то, что ни один из собеседников не ответил на вопросы Назарбаева, *где* в Советском Союзе будет вводиться чрезвычайное положение. Из передач по радио вытекало, что чрезвычайное положение будет введено «в отдельных регионах страны». Такое туманное объяснение, по мнению Назарбаева, несло опасность для Казахстана, так как на практике давало возможность так называемому Государственному комитету по чрезвычайному положению шантажировать любую республику, регион или город.

Мнения на заседании в Алматы разделились. Некоторые руководители явно перепугались. Другие заняли угодническую позицию, заявив, что приказы новых московских властей следует выполнять беспрекословно. Однако большинство высказывались за занятие политической позиции, независимой от приказов, отдаваемых новым «советским правительством», по крайней мере, пока не будет установлена его конституционная законность.

Как на заседании руководства республики, так и при обращении по телевидению и радио к народу Казахстана через несколько часов, перед Назарбаевым стояли две важнейшие проблемы. Первая заключалась в защите своей республики от любого злоупотребления властью со стороны организаторов переворота в Москве. Второй являлось предотвращение любой реакции националистического толка, которая могла быть использована в качестве предлога для ввода войск по приказу Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Свое выступление вечером 19 августа Назарбаев начал с призыва к сдержанности, сказав, что она жиз-

ненно важна в такое критическое время, «поскольку любое эмоциональное, неправильно воспринятое действие любого из нас может высечь искру социального взрыва». Он явно остерегался от повторения демонстраций декабря 1986 года в Алматы, призвав все политические организации «отложить в сторону тактические противоречия, занять рациональную и ответственную позицию и не допускать развиваться конфронтации». После этого Назарбаев обратился к другой части своих слушателей, а именно — к воинским и военизированным формированиям, расквартированным в республике. «Я призываю военнослужащих и сотрудников КГБ и Министерства внутренних дел, находящихся на территории Казахстана, придерживаться конституционных норм, — говорил он. — В частности, я хотел бы подчеркнуть тот факт, что в Казахстане не вводится чрезвычайное положение». Он завершил выступление выражением своей поддержки «укреплению суверенитета республики, принципам демократии и сохранения Союза».

Это было искусное обращение, позволявшее выиграть время и сбить напряжение. Назарбаев взывал к внутреннему чувству осторожности, которое доминировало как в политических кругах страны, так и среди местных командиров воинских подразделений и КГБ, которые, должно быть, следили за событиями в Москве с некоторой растерянностью. Тем временем не все складывалось гладко для организаторов переворота. Назарбаеву это стало ясно вечером 19 августа, когда вице-президент Янаев позвонил ему во второй раз в попытке заручиться поддержкой Казахстана. Попытка не удалась. Назарбаев, решительно настроенный на сопротивление, заявил советскому вице-президенту, что его действия по отстранению Горбачева от власти и захвату его роли являются нарушением конституции СССР. Янаев с циничной откровенностью отвечал, что согласен с этим, но политика не требует сохранять руки чистыми, и что

цель оправдывает средства. Он добавил, что Верховный Совет задним числом так или иначе придаст законность власти, захваченной комитетом.

Назарбаева шокировало подобное саморазоблачение, и он удвоил усилия по противодействию государственному перевороту. На следующий день им было составлено личное заявление, в котором в резких выражениях отрицалась законность Государственного комитета по чрезвычайному положению. Закончил он словами: «Если мы продолжим следовать порочным путем беззакония, народ нам не простит. В эти трудные дни мы более всего желаем услышать мнение самого Михаила Горбачева. Он должен лично заявить о своей неспособности выполнять возложенные на него обязанности». Данное заявление было зачитано Назарбаевым по казахскому радио и телевидению 20 августа. Казахстан стал второй республикой после России, осудившей переворот. Хотя новость об оппозиции Назарбаева не была предана гласности в Москве, его заявление передавалось по всему миру международными СМИ. Бескомпромиссная позиция неприятия переворота, занятая Казахстаном, стала большим подспорьем для Бориса Ельцина и его сторонников, уже поднимавших народ на массовые демонстрации в Москве.

Днем 20 августа Ельцин позвонил Назарбаеву по единственной действующей высокочастотной линии связи между Москвой и Алматы. Говоря из Белого дома, Ельцин был сильно возбужден. Он сообщил, что руководители переворота собираются штурмовать его штаб с помощью танков. Он призывал Назарбаева сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить кровопролитие. Назарбаев предложил немедленно прилететь в Москву и лично переговорить с зачинщиками переворота, но Ельцин категорически возражал. «Нурсултан, не делайте ни шага за пределы республики, — советовал Президент России. — В такой ситуации ваш дом — ваша крепость».

Срывающийся голос, каким это предупреждение было высказано, обеспокоил Назарбаева. «Я видел, что Ельцин был сильно напуган, — вспоминает он. — Мне известно, после переворота он всем говорил, что никогда не боится, но в том разговоре в его голосе слышался страх, особенно, когда он несколько раз повторил: «Сделайте все возможное, чтобы не допустить их нападения на меня».

Единственное, что Назарбаев мог сделать из Алматы, — это позвонить главарям Государственного комитета по чрезвычайному положению с решительным протестом против их предполагаемых планов штурмовать Белый дом. Первый звонок он сделал Владимиру Крючкову, главе КГБ.

«Что происходит? Я требую информации в качестве одного из руководителей Советского Союза!», — начал разговор Назарбаев.

«Мы восстанавливаем закон и порядок, — отвечал Крючков. — Вы знаете, насколько плачевна ситуация в стране. Здесь, в Москве, по улицам разгуливают преступники и мародеры. Мы должны взять ситуацию под контроль. Вот чем мы занимаемся».

«Где Горбачев?», — осведомился Назарбаев.

«Горбачев все знает, — ответил глава КГБ. — Он вернется в Москву, когда мы восстановим закон и порядок. Если бы вместо Горбачева руководил сильный человек, например, вы, все это никогда не случилось».

«Вы это прекратите! — бросил Назарбаев, гнев которого возрастал с каждой минутой. — У меня к вам один вопрос: вы планируете штурм здания парламента?»

Крючков отрицал существование такого плана, хотя и в менее убедительных выражениях. «Нет, штурма не будет, — заявил он, — но люди здесь убивают друг друга, и нам необходимо восстановить порядок». Назарбаев рассердился. «Если вы погубите невиновных людей, все советские республики поднимутся против вас», — повысил он голос, добавив, что он уже переговорил с

руководителями других республик и что они едины в осуждении государственного переворота.

Следующий звонок Назарбаев сделал Геннадию Янаеву, но вице-президент, похоже, совсем не контролировал ситуацию. Так что, повторив предупреждение об отрицательном отношении других республик, Назарбаев переключился на ключевого члена комитета по чрезвычайному положению, который распоряжался танками и солдатами на улицах Москвы — министра обороны Дмитрия Язова, который несколько лет назад был командующим Военным округом в Казахстане и жил в Алматы.

Назарбаев и Язов дружили. Их семьи были хорошо знакомы и ходили друг к другу в гости. «Я считал его хорошим и честным человеком», — вспоминает Назарбаев, который воспользовался этим звонком, чтобы повлиять на министра обороны как с политической точки зрения, так и с позиции личной дружбы. Еще раз описав мощь противостояния перевороту в Казахстане и других республиках, Назарбаев задал вопрос: «Так как же вы завязли в этом, Дмитрий Тимофеевич? Что вы собираетесь делать теперь?»

«Не знаю, — ответил министр обороны Советского Союза голосом, в котором прослушивались нотки отчаяния. — Я попался с этими глупцами. А что вы предлагаете?»

Назарбаев воспользовался этой возможностью. Громким от волнения голосом он постарался сделать все возможное, чтобы убедить старого друга избежать кровопролития.

«Вы настоящий герой войны. Вы сражались командиром батальона специального назначения. Вы отец и дед, — начал Назарбаев. — И вы собираетесь отдать приказ стрелять в женщин и детей на улицах Москвы? Хотите запятнать руки кровью молодых людей, виноватых только в том, что они стоят напротив Белого дома и защищают президента от штурма?»

Язов отвечал: «Я ввел танки в Москву, но у меня нет дальнейших приказов».

«Забудьте про приказы. Вам следует арестовать людей, которые организовали этот переворот, — посоветовал Назарбаев. — Но сначала уберите танки из Москвы».

Вероятно, совет был принят, потому что менее чем через двадцать минут Назарбаеву позвонил один из ближайших помощников и доложил, что танки, двигавшиеся в направлении Белого дома, остановились. В течение следующих четырех часов, по мере того как на улицы выходило все больше демонстрантов, солдаты начали дезертировать из своих подразделений. Когда Ельцин взобрался на один из танков, чтобы произнести памятную речь перед толпой, стало еще яснее, что общественная поддержка переворота рухнула.

Хотя Назарбаев ликовал от того, что момент главной опасности для Ельцина и его сторонников как внутри, так и снаружи Белого дома миновал без кровопролития, была полная неопределенность в отношении того, что могло случиться дальше. В Казахстане все телефонные связи с внешним миром были отключены Москвой. Поэтому Назарбаев мог следить за событиями только через спутниковые репортажи компании CNN по телевизору в своем кабинете. Больше всего его занимали вопросы: что собираются делать организаторы переворота? Какова судьба Горбачева? Мысль о том, что ответы на оба эти вопроса связаны с одной и той же географической точкой, даже в голову не приходила. Предположение, что заговорщики могут полететь в Крым искать защиты у президента, которого сами же собирались свергнуть, казалось слишком фантастичным. Однако именно так и случилось.

Поздним днем 21 августа Михаил Горбачев позвонил Назарбаеву со своей дачи в крымском Форосе. На глаза Назарбаева навернулись слезы радости, когда он услышал голос советского президента, так как он опа-

сался, что путчисты могли его убить. Эмоции, охватившие Назарбаева, усиливались необычным тоном, которым говорил Горбачев. Привычная самоуверенность советского лидера исчезла, он говорил тихим монотонным голосом. Назарбаев вспоминал: «Никогда не забуду этого непривычно доверительного тона его дрожащего голоса, который выдавал пережитое им огромное потрясение».

Тем не менее, шок не помешал Горбачеву выразить свою признательность Назарбаеву. Взволнованно и красноречиво он благодарил президента и народ Казахстана за решительную поддержку принципов свободы и демократии. Он также высоко отозвался об их верности законно избранным органам власти СССР. Затем, с некоторым удивлением, Горбачев заметил, что несколько лидеров неудавшегося переворота, включая Язова и Крючкова, находятся в прихожей его дачи, ожидая встречи с ним. Он согласился принять их, но только при условии, что сначала поговорит с двумя президентами, которые с самого начала противостояли перевороту, — Ельциным и Назарбаевым.

В конце этого исторического разговора, длившегося менее десяти минут, Назарбаев впервые за последние три дня расслабился. Его помощники думали, что он на некоторое время впал в транс. Он сидел неподвижно в своем кабинете, ничего не слыша и не замечая, даже когда к нему входили и пытались с ним заговорить.

В половине десятого вечера Назарбаев встрепнулся, когда внезапно осознал, что является единственным человеком в Казахстане, кто точно знает о провале переворота. Он бросил взгляд на часы и на экран телевизора, понял, что в эфире вечерняя программа новостей. Подумал, что есть прекрасная возможность выступить и самому объявить новость о том, что Горбачев вернулся к управлению и что переворот закончился крахом.

Спешно прибыв в телецентр Алматы, Назарбаев и его помощники поначалу были с недоумением встрече-

ны техниками и помощниками режиссера, которые обеспечивали передачу программы новостей. Они заявили, что прервать новости в прямом эфире совершенно невозможно; впрочем, это мнение быстро изменили, когда в студии появился Президент собственной персоной. На него навели камеры, и Назарбаев объявил сенсационную новость. «Я только что разговаривал с Михаилом Горбачевым. Он в добром здравии и вернулся к своим обязанностям», — начал президент. Экспромтом, короткими фразами Назарбаев изложил свой разговор с вернувшимся советским руководителем, особо выделив благодарность Горбачева народу Казахстана за его нерушимую верность. Назарбаев также поблагодарил телезрителей за их спокойную, твердую реакцию в непростой обстановке и заверил, что кризис закончился, полностью преодолен.

После выступления в прямом эфире Назарбаев немедленно покинул студию, преследуемый телевизионщиками, которые в спешке и от неожиданности его появления забыли записать выступление на пленку. Президента без труда убедили вернуться к камерам и повторить речь. На этот раз её засняли и позже вставляли в многочисленные бюллетени новостей. Назарбаев вернулся в кабинет. «Я приехал в отличном настроении, — вспоминает он. — Несмотря на поздний час, там еще были почти все члены руководства и мои помощники. Я никогда не держу алкоголь у себя в кабинете, но тут неизвестно откуда появилась бутылка шампанского, и на этот раз я не отказался».

На более же широкой политической арене Советского Союза доверительные связи рушились по мере того, как распадалась на глазах отношения между Кремлем и республиками. Горбачев вернулся в Москву, но вскоре обнаружил, что за ним остался пост, но не власть. После ареста мятежников, часть из которых уже устранилась самоубийством или побегом, заполнение вакантных должностей в Политбюро продемонстрировало бесси-

лие Горбачева. Практически все новые назначения диктовались Ельциным. В некоторых случаях Горбачев назначал члена Политбюро, но через несколько дней его оттуда выводили по настоянию Ельцина. В этой борьбе за власть Назарбаев иногда выступал посредником. Например, когда Горбачев назначил генерала Михаила Моисеева на ключевой пост начальника Генштаба Советской Армии, Ельцин быстро добился его смещения, так как продвигал собственную кандидатуру маршала Шапошникова. Это столкновение интересов уладил Назарбаев, предложив компромиссную кандидатуру генерала Владимира Лобова. «Хороший человек, он показал свое мужество в Алматы во время событий декабря 1986 года, когда от него требовали использовать солдат для подавления студентов, а он отказался», — вспоминает Назарбаев. Выбор Лобова совсем не являлся компромиссом в его собственных глазах, он показал, насколько сильно демонстрации на площади Брежнева пятью годами ранее повлияли на суждения и процесс принятия решений Назарбаева.

Кадровые вопросы, хотя и ставшие сложными в Кремле после переворота, не входили ни в какое сравнение с конституционными кризисами, разразившимися в каждой из республик Советского Союза. Отношение Назарбаева к проблемам, возникшим в СССР, поначалу было реформаторским. «Мы понимали, что империя рухнула и что нам нужно выкарабкиваться из руин с возможно меньшими потерями, чтобы начать строительство совершенно нового государства, — так он оценивал ситуацию через несколько недель после провала переворота. — По моему мнению, в то время у нас был хороший шанс на успех».

Но шансы успешной перестройки нового Советского Союза сводились на нет Борисом Ельциным. Правительство России не только последовательно прибирало к рукам силовые структуры и министерства союзного правительства, но и сам Ельцин сделал серию провоцирую-

щих и необдуманных заявлений о будущем Союза, которые вызвали волну опасений в соседних столицах. Наиболее сенсационным стало ультимативное заявление Ельцина о том, что Россия оставляет за собой право предъявлять территориальные претензии к другим республикам, в частности, к Украине и Казахстану.

Назарбаева ужаснула такая явная угроза самому существованию Казахстана. Он в срочном порядке несколько раз связался по телефону с Ельциным, который отвечал на озабоченность своего друга то невразумительно, то неубедительно. «Честно говоря, Ельцин не смог сколько-нибудь понятно объяснить этот свой шаг и, в конце концов, дезавуировал его как неудачное заявление своего пресс-секретаря, — вспоминает Назарбаев. — Естественно, меня не удовлетворила тактика уклонения в таком жизненно важном вопросе для республики, как ее границы».

26 августа в атмосфере сильной нервозности, созданной заявлением Ельцина, собралась внеочередная сессия Верховного Совета СССР, парламента Советского Союза. По иронии судьбы эту сессию несколькими днями ранее созвали руководители неудавшегося переворота, чтобы узаконить захват власти Государственным комитетом по чрезвычайному положению. Теперь же депутатам парламента предстояло заняться совсем иным чрезвычайным положением, а именно — попыткой Ельцина использовать хаос, последовавший после переворота, в пользу России. По мнению Казахстана и большинства других республик, Ельцин, похоже, пытался создать федерацию под контролем России, которая не уважала бы ни территориальную целостность, ни суверенитет соседних государств.

27 августа, на второй день сессии, Назарбаев выступил с решительной речью, содержащей прямую критику имперских планов Ельцина сформировать федерацию, управляемую Россией. Напомнив своим коллегам-депутатам о том, что он всегда поддерживал предложения

Горбачева по новому Союзному договору на основе *Ново-огаревских* принципов, Назарбаев бросился в атаку. Процитировал слова Андрея Сахарова, что Союз должен стать сообществом равных республик, и заявил: «Пришло время осознать истину этих слов. Для меня уже стало ясным, что обновленный Союз не может быть федерацией... В новом Союзе не может быть ни союзного кабинета, ни парламента, ничего, за исключением согласованных отношений между республиками. Сегодня для нас наступил момент истины, и я не представляю другой основы, на которой Казахстан мог бы вступить в союз с другими республиками... Мы никогда не согласимся стать «придатком» другой территории и никогда не станем чьим-то «младшим братом». Мы войдем в Союз с равными правами и возможностями».

Когда Назарбаев вернулся на свое место, председательствующий в парламенте пессимистично заявил: «Вот и все! Если это позиция Назарбаева, который всегда высказывался за интеграцию, то это конец Советского Союза».

На деле же Назарбаев делал все, чтобы спасти Советский Союз, хотя стремился к его сохранению в совершенно новой форме с изменением названия СССР на Свободный Союз Суверенных Республик. Он страстно поддерживал право Казахстана и других республик на собственную независимость. Однако считал, что республики должны объединиться в содружество национальных государств с единой валютой, рублем, и общей торговой политикой. «Возможно, лучше, чем другие руководители, я понимал всю степень переплетения наших экономик», — говорил Назарбаев. Он также был серьезно озабочен судьбой ядерного оружия Советского Союза, часть которого размещалась в Казахстане. Остроту подобных военных, экономических и связанных с суверенитетом проблем, стоявших перед Назарбаевым в августе 1991 года, трудно переоценить. В гуще событий, которые разворачивались в непредсказуемых

направлениях с головокружительной быстротой, он лучше других главных участников видел надвигающийся шторм, приведший к развалу Советского Союза еще до окончания года.

Среди иностранных наблюдателей, встречавшихся в этот период с Назарбаевым и составивших благоприятное мнение о его взглядах и политических способностях, была Маргарет Тэтчер. 31 августа по пути в Токио с лекционным туром бывший Премьер-министр Великобритании сделала остановку в Алматы. Назарбаев ознакомил свою гостью с важнейшими изменениями, происходившими в Казахстане. Он рассказал Тэтчер о движении его республики к свободной рыночной экономике и добавил, что несколькими днями ранее он вышел из состава советского Политбюро и ушел с поста Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Казахстана. «Господин президент, похоже, что вы отошли от коммунизма к тэтчеризму», — заявила Железная Леди. Такой комментарий стал пророческим описанием политического пути, на который встали Казахстан и его Президент.

2 сентября собрался советский Съезд народных депутатов, в котором участвовали все, за исключением трех прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы, уже объявивших независимость и встретивших широкое дипломатическое признание международного сообщества. Политическая атмосфера в Кремле напоминала тонущий корабль, так как появились слухи, что и другие республики собираются объявить независимость. Однако Назарбаев продолжал бороться за плавучесть корабля. «Я считал, что главной задачей было спасти все, что можно, от развала и помешать центробежным силам разрушить экономические связи, соединявшие наши республики многие десятилетия», — заявлял он. На практике это означало попытку создать структуры и процессы движения в некоей форме экономического союза. Так, был создан Межгосударственный экономи-

ческий совет, на котором согласились, что необходимо подготовить проект договора об экономическом союзе для обсуждения на встрече в Алматы 12 октября. В качестве хозяина и главного координатора этой встречи Назарбаев добился кратковременного успеха. Из двенадцати республик, все еще остававшихся в Союзе, участвовали одиннадцать и достигли вселяющего надежду прогресса. Они согласовали более 25 детальных договорных документов по таким вопросам, как создание таможенного союза, единого экономического пространства, расчетного союза и по единой валюте. Степень согласия оказалась настолько высокой, что руководители республик договорились встретиться в Москве 18 октября для подписания окончательной редакции договора.

К сожалению для Назарбаева, договоренности, достигнутые в Алматы, не просуществовали и одной недели. На московской встрече через шесть дней появились только восемь из одиннадцати глав государств. Самым заметным было отсутствие президента Украины Леонида Кравчука. Он проводил кампанию президентских выборов, в которых мог победить только на волне воинствующего национализма. В такой атмосфере не могло быть и речи о подписании какого-либо соглашения, которое его электорат мог интерпретировать как возврат к эпохе подчинения старым порядкам Советского Союза. Назарбаев был разочарован Кравчуком, но его также возмущало поведение Ельцина, который становился все более враждебным к Горбачеву, как политически, так и в личном плане. Несмотря на проблемы, Назарбаев продолжал призывать к некоей форме экономического союза по примеру Европейского Союза, где сохранился национальный суверенитет в рамках сообщества экономического сотрудничества.

«Мы работали весь октябрь и ноябрь 1991 года, но не смогли достичь никакого соглашения, — вспоминает он. —

Я видел, что выход в решении проблемы лежит в примирении Горбачева и Ельцина, и пытался лично сгладить противоречия между ними. Посоветовал им встретиться с глазу на глаз и попытаться преодолеть взаимную антипатию друг к другу на том основании, что вся страна ждет этого. Однако отношения Горбачева с украинским руководством были почти такими же скверными. Становилось все более очевидно, что эти трое никогда ни о чем не договорятся».

Противоречия в антагонистическом трио Горбачева, Кравчука и Ельцина стали безнадежно непримиримыми, когда референдум в Украине 1 декабря недвусмысленно повернул эту страну на путь независимости. В тот же день Назарбаев был вновь выбран на пост Президента Казахстана, но с обязательством придерживаться плана создания союза суверенных государств. «Однако я предупредил свой народ, что мы должны быть готовыми к полной автономии, если такой план окажется невыполнимым», — вспоминает он.

В последней попытке спасти план экономического союза суверенных республик Горбачев 9 декабря созвал в Кремле встречу в верхах с участием президентов республик Советского Союза, включая Россию, Украину и Казахстан. Назарбаев, все еще надеясь на чудо, на то, что предлагаемый союз оживет, отправился в Москву 8 декабря, за день до встречи. Но вскоре после прибытия в аэропорт Назарбаеву позвонил Ельцин, который находился с визитом в Беларуси. Он находился в республике проездом для переговоров с ее Президентом Станиславом Шушкевичем, а также с Президентом Украины Леонидом Кравчуком, якобы для выработки совместной российско-белорусско-украинской платформы переговоров на предстоящей встрече в верхах с Горбачевым на следующий день.

Ельцин начал разговор с объяснения, что он, Кравчук и Шушкевич собрались вместе в Беларуси и будут ужинать в старом брежневском охотничьем домике «Беловежская пуца».

«Приезжайте к нам», — предложил Ельцин.

В какой-то момент Назарбаев подумал, что мог бы принять это предложение, так как его самолет уже находился на взлетной полосе и мог вылететь в Беларусь уже через час. Но сначала он хотел выяснить цель этого застолья.

«Зачем?», — осведомился он.

«Мы только что создали Содружество Независимых Государств», — ответил Ельцин.

Назарбаев сильно удивился.

«Но мы же собирались обсудить все эти вопросы вместе в Москве», — запротестовал он.

«Ну ладно, прилетайте, поговорим об этом, — отвечал Ельцин. — Мы еще заседаем, все готово, нужна только ваша подпись».

Назарбаев еще больше удивился.

«Погодите! — воскликнул он. — Вы хотите, чтобы я это просто подписал? Мне нужно сначала изучить документ».

«Мы и сами его не читали, — отвечал Ельцин безразличным тоном человека, который не стал вчитываться в мелкий шрифт на счете в ресторане. — Мы просто сели и подписали его».

По игривому тону Ельцина на фоне смеха и звона бокалов Назарбаев понял, что выпивка перед ужином уже давно началась. Он попросил ввести его в курс соглашения о создании Содружества Независимых Государств. Ельцин передал трубку Премьер-министру Беларуси Вячеславу Кебичу, который начал с никчемного комментария: «Здесь атмосфера очень теплая и дружеская».

Назарбаев перешел на прохладный официальный тон. С некоторым трудом он уговорил Кебича зачитать документы, только что подписанные тремя президентами. Выслушивая условия их соглашения, Назарбаев ужаснулся полному отсутствию роли федеральных органов нового союза. Его не убедило объяснение того, что

устранение таких связей объясняется давлением Украины. Назарбаев считал, что у данного соглашения имеется скрытая подоплека. «В его основе лежала личная антипатия между Ельциным и Горбачевым, — рассуждал он. — Представлялось, что главной целью было лишить незадачливого советского руководителя всей власти, оставить его абсолютно ни с чем».

С растущим недовольством в отношении мотивации членов этого сговора, подписавших соглашение, Назарбаев спросил, как они обосновывают законность данного шага. Те отвечали, что Советский Союз был образован в 1922 году четырьмя сторонами: Россией, Украиной, Беларусью и Закавказьем (последняя республика перестала существовать, так как разделилась на несколько республик). Поэтому в качестве трех существующих основателей они посчитали себя обладателями конституционного права распустить юридическое образование, созданное их странами. Назарбаев возражал, что это не может быть законным основанием, так как между 1922 и 1940 годами к союзу присоединились еще двенадцать республик, включая Казахстан. Как могут Россия, Беларусь и Украина взять на себя право распустить более широкую структуру без предварительных консультаций со всеми остальными сторонами?

Каковы бы ни были конституционные возражения, спор вокруг них не оказал никакого влияния на «теплое и дружественное трио» президентов в брежневском охотничьем доме в Беларуси. Поэтому Назарбаев прекратил свои попытки продолжить диалог. Вместо этого он позвонил вице-президенту России Александру Руцкому и попытался передать свое несогласие ему. Это оказалось бесполезным, так как Руцкой ничего не знал о соглашении, подписанном его боссом. Рассерженный вице-президент обиженно жаловался, что Ельцин оставил его в Москве, а сам тайно уехал в Беларусь, взяв с собой только Геннадия Бурбулиса, первого заместителя премьер-министра, и Андрея Козырева, министра ино-

странных дел. Это они составляли текст соглашения, но Руцкому ничего не сообщили.

После этого Назарбаеву позвонил еще более рассерженный, но точно так же несведущий Горбачев. Он желал знать, что замышляют три президента в Беларуси, и совсем разгорячился, когда узнал скверную новость. Назарбаев и сам возмущался тайным характером сделки, но, будучи реалистом, отметил некоторую пользу самой договоренности. Содружество Независимых Государств (СНГ) не так уж сильно отличалось от Свободного Союза Суверенных Республик (СССР), который он предлагал несколькими неделями ранее. Как он выразился: «Стало ясно, что Советскому Союзу пришел конец, но чем-то нужно было его заменить. Соглашение, заключенное тремя президентами в Беларуси, могло оказаться таким решением. Но я настаивал на том, чтобы это стало открытым пактом, к которому остальные бывшие советские республики могли свободно присоединиться. Это было бы справедливо. По этой причине я считал, что мы обязаны сообщить руководителям остальных республик и Горбачеву о том, что делаем. Тайная сделка мне совсем не нравилась».

Утром 9 декабря, в день, изначально назначенный для встречи в верхах в Москве глав республик Советского Союза, Назарбаев получил сообщение, что Ельцин возвращается из Беларуси в одиночестве. Похоже, два подписанта соглашения в охотничьем домике решили, что российский президент сам должен представить их совместную позицию.

Назарбаев сообщил эту новость Горбачеву по телефону и спросил: «А мне что делать? Возвращаться домой?»

«Нет, приходите!» — настоял советский руководитель.

Назарбаев пришел в кремлевский кабинет Горбачева. Несколько минут они сидели одни, читая текст соглашения, подписанного в Беларуси без их участия. Нако-

нец прибыл Ельцин. С плохо скрытым гневом в голосе Горбачев немедленно начал задавать вопросы.

«Так вы все это согласовали. Как же поступить с ядерным оружием?»

Ельцин молчал.

«А как быть с армией? — осведомился Горбачев. — Как с вопросами гражданства?»

Ельцин не отвечал.

С нарастающим раздражением советский Президент бомбардировал его вопросами. Как республики СНГ будут сотрудничать в торговле? Возведут ли они границы и станут ли взимать друг с друга таможенную пошлину? Останется ли рубль их валютой? Будет ли разрешено гражданам свободно передвигаться между новыми независимыми государствами? Если нет, что станет с многими семьями, чьи родственники проживают в различных республиках?

Не имея ответов на все эти вопросы, Ельцин вышел из себя. «Это что, допрос?» — взорвался он. Назарбаев взял на себя роль примирителя сторон. Мира ему добиться не удалось, но, по крайней мере, он предотвратил потасовку между разъяренными коллегами-президентами. Постепенно восстановилось спокойствие, но противоречия между Горбачевым и Ельциным стали как никогда острыми. Хотя дискуссия закончилась тем, что Горбачев обещал все изучить и вскоре опять встретиться с ними, Назарбаев ясно видел, что раскол стал необратимым и без всякой надежды на примирение. В будущем бывших советских республик места для Президента Советского Союза не оставалось.

Теперь Назарбаев начал размышлять над проблемой еще более жгучей, чем распад Союза. Ею стала весьма реальная возможность того, что в вакууме, оставленном советской властью, возникнет острая конфронтация между славянами и мусульманами. Соглашение о Содружестве Независимых Государств, состоящем из России, Украины и Беларуси, означало

формирование мощного славянского блока стран. Формирование собственного блока центрально-азиатских тюрко-мусульманских республик Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана было просто вопросом времени. «Существовала явная опасность, что подобная ситуация могла привести к открытой конфронтации между этими блоками, — утверждал Назарбаев. Это могло привести к катастрофическим последствиям для Казахстана, так как наше население включает этнических русских, то есть славян, и исконных казахов, произошедших от тюркских кочевых народностей с мусульманскими корнями. Народы сами желали жить рядом в мире, но российские националисты могли сыграть на их различиях».

Назарбаев предпринимал экстренные меры, чтобы не допустить возможности славяно-мусульманского раскола между республиками. Он позвонил руководителям всех четырех среднеазиатских республик и предложил каждому срочно встретиться с ним. Он тщательно избегал того, чтобы у собеседников создалось впечатление, будто это его инициатива или что на встрече будет доминировать Казахстан. Поэтому он уговорил Президента Туркменистана организовать такую встречу 13 декабря в своей столице Ашхабад. Однако туркменский руководитель во главу угла повестки дня встречи поставил резолюцию, призывающую создать «Туркестанский Союз» — Федерацию Центрально-Азиатских Республик и Казахстана. Таким образом, пролог к славяно-мусульманскому расколу, которого так опасался Назарбаев, уже был готов.

Дискуссии на ашхабадском саммите продолжались до 4 часов утра 14 декабря. Выступления Назарбаева часто прерывались телефонными звонками Ельцина, который настаивал, чтобы тот уговорил все четыре среднеазиатские республики присоединиться к СНГ. Такое давление Ельцина стало желанным противовесом давлению Туркменистана в пользу создания Центрально-Ази-

атской Федерации. Назарбаев искусно разыграл свои козыри, представив членство в СНГ как предпочтительную альтернативу отдельной федерации. В конце концов, когда с минаретов Ашхабада раздались утренние призывы к намазу, руководители азиатских республик приняли свое решение. Они согласились войти в состав СНГ при условии, что они становятся его основателями наравне с Россией, Беларусью и Украиной. Они также потребовали, чтобы президенты Ельцин, Кравчук и Шушкевич прибыли в Алматы 21 декабря для официальной церемонии подписания главами всех государств-основателей договора о создании СНГ.

21 декабря стало историческим днем для Назарбаева. Эта дата явилась не только началом официальной независимости Казахстана в качестве национального государства, но также открыла страну в качестве международной сцены, на которой Советский Союз стал достоянием истории, и его заменил СНГ. Осознавая политическое и дипломатическое значение этого события, для репортажей о церемонии в Алматы прибыла почти тысяча иностранных журналистов, операторов и телевизионных бригад. Назарбаев так описывает это событие: «Мы выполняли одно из самых значительных решений XX века. Советский Союз прекратил существование. На его месте образовались 15 истинно независимых государств».

Самым примечательным было то, что на церемонии в Алматы отсутствовал Михаил Горбачев. Через 72 часа, в день католического Рождества 1991 года, он ушел в отставку с поста Президента Советского Союза и без всякой борьбы или серьезных возражений сложил с себя бремя власти над всё еще громадной военной мощью. Пожалуй, Горбачев явился наиболее объективным участником этих драматических событий, давшим ретроспективную оценку роли, сыгранной Нурсултаном Назарбаевым в распаде того, что являлось одной из наиболее устрашающих и влиятельных властных структур современного мира.

«У нас были расхождения во мнениях, но я отдаю должное Назарбаеву как единственному руководителю, который постоянно оказывался прав по важнейшим вопросам, — вспоминает Горбачев. — Он один из первых заметил необходимость реформирования Советского Союза и был одним из последних, кто продолжал бороться за предотвращение его полного развала, потому что знал, какой катастрофой это обернется. Он оказался абсолютно прав в обоих случаях. Мы все еще боремся с последствиями этой катастрофы. Но я также могу сказать, что Назарбаев справился с бедствием лучше, чем любое другое независимое государство бывшего Советского Союза».

НЕЗАВИСИМОСТЬ, РОЖДЕННАЯ В МУКАХ

Независимость Казахстана начиналась с катастрофы. Большая часть его многонационального населения вместо чувства радости испытала шок, люди были обескуражены, узнав, что они теперь не являются гражданами Советского Союза. В начале нового, 1992 года проблемы, вставшие перед первым Президентом Нурсултаном Назарбаевым, оказались настолько серьезными, что шансы на выживание страны представлялись в лучшем случае слабыми, а в худшем — ничтожными.

Оптимисты из числа международных наблюдателей считали, что Казахстан может протянуть десять лет. Пессимисты опасались, что крах наступит гораздо рань-

ше. Угрозой являлось не военное вторжение со стороны внешнего агрессора, а внутренний взрыв, который могла спровоцировать любая из нескольких причин возникшего хаоса. Диапазон источников нестабильности простирался от гиперинфляции до внутреннего конституционного кризиса. Они включали неспособность правительства выплачивать зарплаты и пенсии, неоднозначное поведение Москвы, исход более двух миллионов этнических русских, паралич президентской программы реформ, вызванный неопытностью парламента, неопределенность в отношении международных границ и беспрецедентные демонстрации против ядерного оружия, которым обладала страна. Борьба Назарбаева с этими проблемами на начальном этапе представляет собой историю мук рождения Казахстана в качестве национального государства.

Эпидемия гиперинфляции, охватившая Казахстан в 1992–1994 годах, явилась жестокой иллюстрацией старой поговорки: «Когда Россия чихает, у её соседей начинается воспаление легких». Назарбаев надеялся, что здоровье экономики страны может стать предметом сотрудничества с правительством, возглавляемым его другом Борисом Ельциным. Такой оптимизм оказался неоправданным. Даже несмотря на то, что 90 процентов торгового баланса Казахстана приходилось на Россию, новая правящая элита Москвы с полным безразличием взирала на сотрудничество с Алматы. Первый признак подобного ее отношения проявился 2 января 1992 года, когда исполняющий обязанности российского премьер-министра Егор Гайдар одним распоряжением отменил всякий контроль над ценами. Назарбаев и сам склонялся к свободной рыночной экономике, но скорость, секретность и масштабы подобной инициативы шокировали его. Он обвинил Гайдара в том, что тот «лучше разрушает, чем строит,.. он больше ученый-теоретик. Он никогда не работал в промыш-

ленности... и не понимает психологии руководителей-промышленников».

Психология же потребителей в Казахстане стала приближаться к панике, когда цены в магазинах взлетели до небес. В течение нескольких недель после заложной Гайдаром бомбы Назарбаев пытался сохранить контроль над ценами, но из-за разгула спекулянтов на границе России с Казахстаном протяженностью 7 тысяч километров был вынужден последовательно повышать цены на основные продукты 16, 24 и 30 января, а затем в начале февраля отпустить их вообще.

Пустые полки магазинов стали лишь частью проблемы. Поскольку инфляция за год составила 2600 процентов, возникла дополнительная трудность. Не хватало наличности, чтобы купить даже сильно подорожавшие товары. Это произошло из-за того, что Госбанк России являлся монополистом в поставке всех рублевых банкнот, а его московские руководители сами испытывали острый дефицит наличности. В их приоритетах оборот денежной наличности Казахстана особо важного места не занимал. Несмотря на личные звонки Назарбаева председателю Госбанка и Президенту Ельцину, её поставки Казахстану иссякали. Это стало катастрофой для страны, где чековые книжки были редкостью, а кредитных карточек не существовало. Поскольку наличности не хватало, выплата зарплат и пенсий оказалось невозможной. Коммерческая и финансовая деятельность страны застыла. Тысячи предприятий, крупных и мелких, прекратили торговлю. Через несколько месяцев начало шириться естественное недовольство среди пенсионеров и рабочих. Правительство чувствовало гнев общества, но не имело средств, которые могли бы облегчить положение.

В душе Назарбаев тяжело переживал из-за тягот, выпавших на долю народа, но сохранял внешнее спокой-

ствие. Это умение владеть собой сослужило ему хорошую службу в отношениях как с тесным кругом его советников, так и с обществом в целом.

Назарбаев-политик всегда внимательно выслушивал советы. Проблемой же стало то, что сразу после обретения независимости в его окружении не оказалось специалистов с опытом свободной рыночной экономики. В данном кризисе старая гвардия бывших чиновников от Коммунистической партии была бесполезной. Вместо них он обратился к молодым ученым, которые, по крайней мере теоретически, изучали различные модели капитализма в своих университетах в Москве. Одним из них стал Серик Аханов, которому в период обретения независимости исполнилось 29 лет. Он изучал концепцию свободного рынка в Московском институте экономики и финансов. Другим был еще более молодой статистик с российским образованием Умирзак Шукеев. Из них и еще четверых или пятерых молодых казахов президент формировал собственный экономический мозговой трест. С помощью МВФ и Всемирного банка эта группа стала командой Назарбаева по кризисному управлению. «Мы работали двумя этажами ниже кабинета президента в Алматы, — вспоминает Аханов. — Встречались с ним почти ежедневно, обычно после 9 вечера. От нас требовалась быстрая реакция, так как президент выстреливал вопросы по сводкам, которые мы ему писали. Иногда наши дискуссии приобретали академический характер, когда он хотел узнать о различных вариантах ответа на его любимый вопрос: «Какова роль правительства в рыночной экономике?» Но чаще мы предлагали ему практические шаги по исправлению того, что делалось неправильно в конкретном правительственном секторе или сфере. Такие встречи нас очень стимулировали, надо было тщательно готовиться, потому что Президент очень серьезно относился к разговору с нами».

Принимая ответственность за будущее нового Казахстана

На выборах с супругой С. Назарбаевой

Праздник

Инаугурация Президента

В Парламенте страны

С визитом в дружественный Казахстан прибыл первый Президент России Б.Н. Ельцин

Москва. Красная площадь. День Победы. 2005 г.

С лидерами России В.В. Путиным и Д.А. Медведевым у Нурсултана Назарбаева всегда особые, доверительные отношения

С Королевой Великобритании Елизаветой II

С Императором Японии Акихито

С Папой Римским Бенедиктом XVI

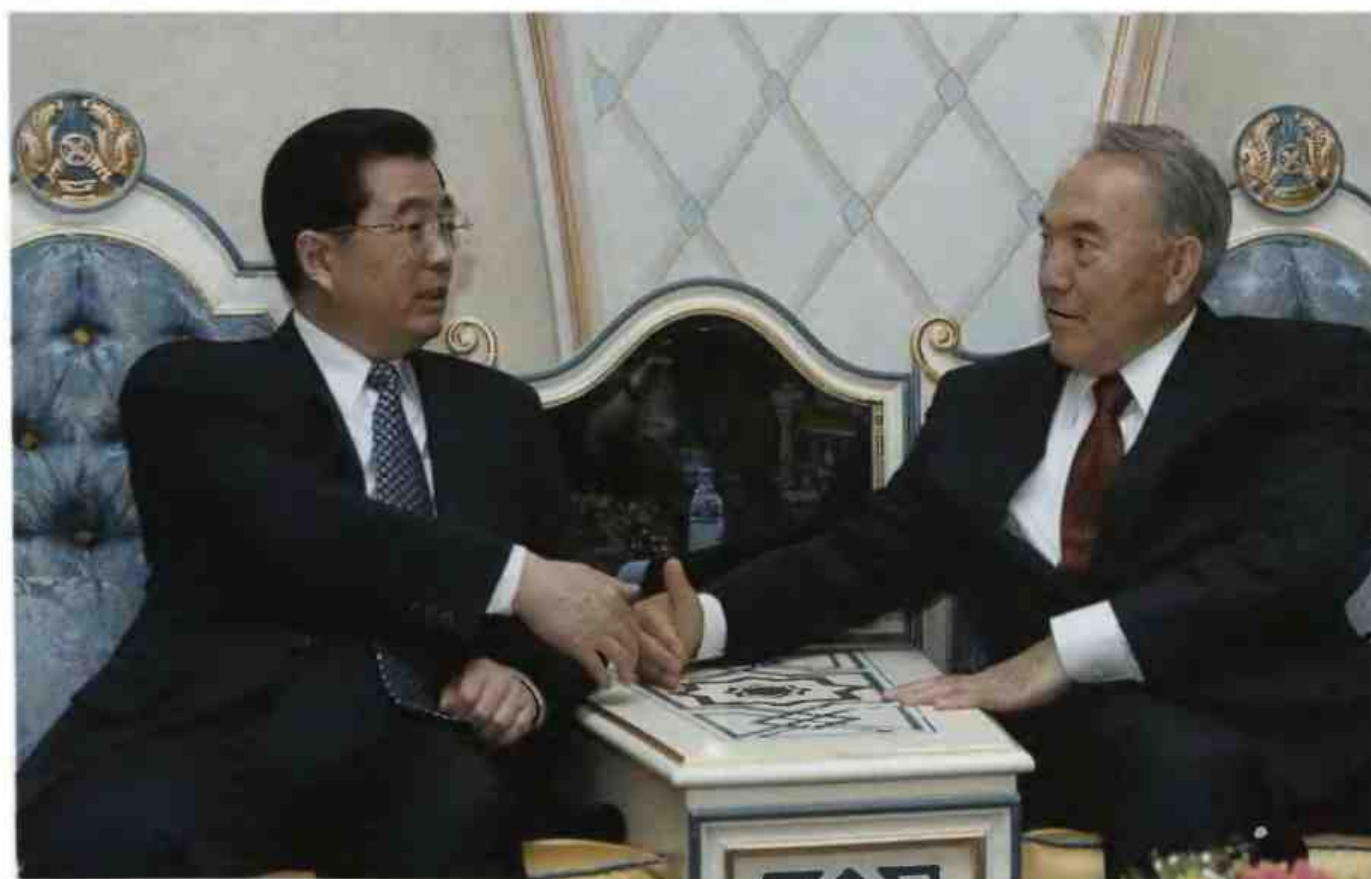
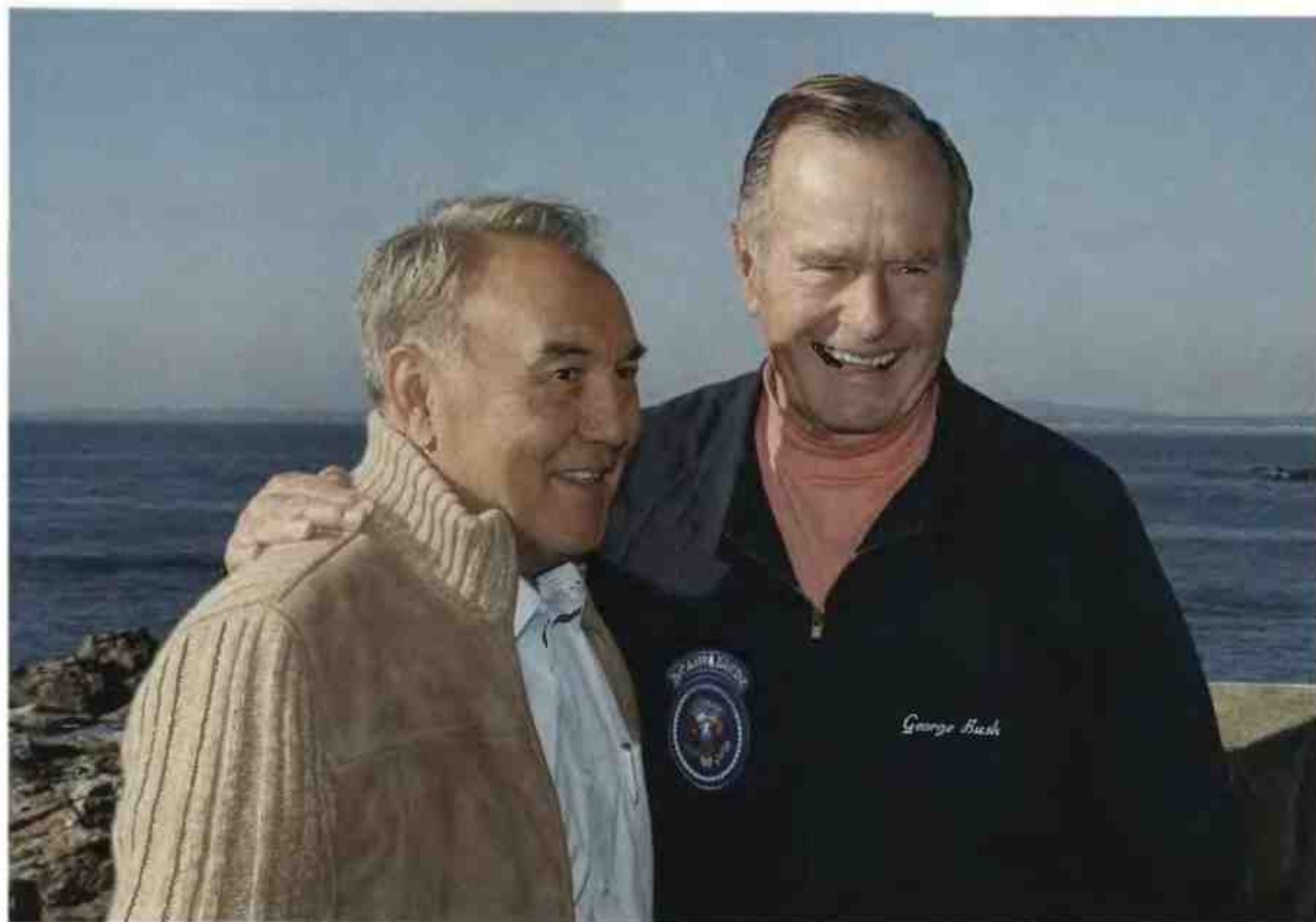
С канцлером ФРГ Анжелой Меркель

С Премьер-министром Италии Сильвио Берлускони

С Президентом Франции Николя Саркози

С Джорджем Бушем старшим

С лидером Китая Ху Цзиньтао

С Королем Саудовской Аравии

С Маргарет Тэтчер

Стилем руководства Назарбаева стало использование этих способных молодых людей в качестве фильтра как для концептуальных, так и практических планов выведения Казахстана из болота, в которое его затянул коллапс российской экономики. Такие неформальные «практические занятия» служили подготовкой к заседаниям Высшего экономического совета, состоявшего из министров и высокопоставленных чиновников. Президент председательствовал на них и позволял своим «младотюркам» откровенно критиковать министерства и ведомства, которые, по их мнению, плохо работали. «Он давал нам полную свободу говорить откровенно, — вспоминает Шукеев, — особенно по таким вопросам, как сокращение правительственных расходов. Но, в конце концов, мы осознавали, что говорим чисто теоретически, в то время только президент имел достаточно опыта, чтобы знать, как поступать с политической точки зрения».

Бремя политических решений легло тяжким грузом на плечи Назарбаева. Убедившись с помощью своих молодых советников в том, что революционная политика, например, в отношении экономики поставок, приватизации, сокращения затрат и свободного рынка, является верной стратегией, он начинал энергичные усилия, чтобы убедить в этом страну. Его выступления выигрывали от того, что он эмоционально поддерживал новую политику, поэтому говорил с такой страстью, что убеждал даже тех, кто неохотно его слушал. Минусом было то, что он почти ничего не мог предложить рабочим, не получавшим зарплаты, пенсионерам, не получавшим пенсий, и обществу, которое не могло понять, почему люди страдают от такого острого кризиса.

Назарбаеву помогли три фактора. Первым было то, что масштаб и темпы экономической катастрофы в стране вызвали к жизни инстинкты самосохранения у на-

селения. Президент знал свой народ и правильно просчитал, что присущие ему черты индивидуального стоицизма помогут его согражданам пережить суровую зиму постсоветских несчастий. Однако он также осознавал, что примирение народа с таким положением частично зависит от второго фактора кризиса — его личной способности объяснить, что происходит во время, которое он эвфемистически называл «переходным периодом». Поэтому Назарбаев уделял львиную долю своего времени общению с народом в любой форме, от сельских встреч до выступлений по национальному телевидению. Одним из постоянных свидетелей его интенсивных связей с общественностью стал пресс-секретарь президента Игорь Романов. «Я ездил с Назарбаевым по всей стране, — вспоминает Романов. — Лучшее в его характере, — это то, что он никогда не боялся выйти и поговорить с людьми. Помню, зимой он проезжал по аулу и заметил пожилых мужчин и женщин, державших плакаты со словами «Мы хотим получить свою пенсию». Он остановил машину, вышел, пригласил демонстрантов в теплое помещение и объяснил, почему их пенсии пока не могут выплачиваться. Во время забастовки на Карагандинской угольной шахте он спустился в забой. Там он разговаривал с рабочими, не получавшими зарплату, отвечал на их вопросы восемь часов кряду. Убеждать их было нелегко. В конце концов они возвращались к работе. Кроме встреч лицом к лицу, он постоянно выступал в средствах массовой информации. Раз в месяц давал пресс-конференцию на телевидении в прямом эфире. Там время не ограничивалось, он не выходил из эфира до последнего вопроса».

Благодаря таким методам общения Назарбаев выигрывал время. Ему также благоприятствовал третий фактор — понимание народом Казахстана, что не он один подвержен страданиям. Преобладание московских СМИ (практически все газеты, радиостанции и телевизионные каналы были русскоязычными) обеспе-

чивало равное освещение экономических проблем всего бывшего Советского Союза. Именно благодаря такому наследию Советов глава государства не стал центральной мишенью убийственной критики за падение жизненного уровня. Такое понимание помогало Назарбаеву оставаться выше явных провалов, допущенных министрами его правительства. Многие из них он сместил за некомпетентность. Другие с работой справлялись, но служили для президента громом отводом, отвлекая на себя гнев общественности. Примером этого стал первый Премьер-министр страны Сергей Терещенко. «Конечно, я понимал, от чего люди приходили в ярость, — вспоминает он. — Это меня больше всего беспокоило, я просыпался по ночам, весь день чувствовал тревогу. Самый главный вопрос, волновавший меня, был: как мы будем платить простым людям зарплату?»

* * *

Причина отсутствия ответа на этот вопрос в Казахстане заключалась в том, что высшие российские правительственные чиновники откровенно пренебрегали требованиями Назарбаева о справедливом отношении. Москва ограничивалась перечислением наличности лицам, предприятиям и правительству Казахстана в рамках рутинных операций, например, по торговым сделкам. «Чиновники, отвечавшие за российскую экономику, устанавливали собственные приоритеты и придерживались выделения наличности Казахстану, — вспоминает Назарбаев. — Там работала группа так называемых реформистов, таких как Гайдар, Шохин, Федоров, Шахрай и другие, которые откровенно говорили, что в интересах России избавиться от бремени «субсидируемого Казахстана», так как мы неизбежно приползем к ним, принимая их условия и отказавшись от каких-либо политических гарантий или независимо-

сти. Заставить нас «приползти на коленях» рассматривалось как один из путей восстановления Советского Союза».

Назарбаеву непросто было изменить подобный политический подход Москвы, несмотря на то, что он сумел сохранить дружеские личные отношения с Борисом Ельциным. К сожалению, эффективность работы Ельцина как президента неуклонно снижалась из-за его пристрастия к алкоголю. В частности, это проявилось в начале 1993 года, когда Назарбаев прилетел в Москву на встречу глав государств и ему сообщили, что Ельцин не может встретиться с ним, так как он «болеет» на личной даче в Завидово.

Прибыв в Завидово холодным зимним утром, Назарбаев встретил Ельцина, закутанного в шубу и одиноко удившего рыбу из проруби. Вид оставленного всеми человека тронул Назарбаева до глубины души. Он нашел еще одну удочку и присоединился к хозяину дачи. Пока оба руководителя сидели на ветру, ловя рыбу из одной лунки, Ельцина волновала не столько повестка дня российско-казахского саммита, сколько запрещение ему врачами употребления спиртного. В поисках запрещенного Ельцин предложил пройтись до гостевого особняка, где остановился Назарбаев, так как там наверняка имелся холодильник с запасом еды и напитков для важных персон. Этот эпизод закончился дружеской вечеринкой, но он показал, что российский президент был далек от руководства делами правительства.

В попытках стабилизировать экономику Казахстана и обеспечить адекватный поток наличности Назарбаев и его Премьер-министр Сергей Терещенко постоянно испытывали разочарования и сталкивались с изменчивым поведением Москвы. «В то время экономическая политика России была совершенно непредсказуемой, — вспоминает Назарбаев. — Перед лицом колоссального дефицита наличности мы были вынуждены совершать постоянные поездки в Москву, чтобы «вырвать» живые

деньги для выплаты зарплат, не говоря уже об общих потребностях экономики. Такие поездки продолжались все лето и осень 1992 года».

Эти слова не отражают полную картину предательства, шантажа, подстрекательства к взяткам и издевательствам, которые терпели руководители Казахстана от высокопоставленных чиновников в Москве в продолжающейся борьбе за экономическое выживание. На деле Казахстан был вынужден платить за собственную наличность, получаемую из Госбанка, центрального банка Москвы, контролировавшего все поставки наличных рублей. Этот постоянный кризис и непомерные расходы на «вырывание» даже совершенно недостаточного объема наличности вскоре заставили Назарбаева и его экономистов всерьез подумать о введении в Казахстане собственной валюты.

В следующей главе подробно изложено, как Назарбаева вынудили покинуть рублевую зону и как он ввел казахстанскую валюту «тенге». Это драматическая история. Но чтобы понять специфическое поведение некоторых ключевых фигур в Москве в этом вопросе и во всей саге борьбы Казахстана за экономическое выживание, необходимо уяснить для себя проблему этнической напряженности в стране, в особенности — трений между русскими и казахами.

В глазах многих русских Казахстан не являлся национальным государством. Это мнение коренилось в демографии молодой страны. Исторически и еще в начале XX столетия казахские кочевники составляли 90 процентов населения. Но в 90-х годах казахов оказалось всего 40 процентов от 17 миллионов казахстанцев. Это было меньше, чем русских, которые составляли самую большую этническую группу страны в 41 процент. Опасения последних, что казахи будут доминировать над ними, разделялись многими в этой этнической мозаике, состоявшей также из немцев,

украинцев, белорусов, поляков, болгар, чеченцев, корейцев, турков, китайцев, крымских татар, молдаван и представителей более 50 других национальностей. Руководство Советского Союза, которое депортировало целые народы на обширные просторы Казахстана в результате сталинских репрессий и хрущевской политики освоения целинных земель, подавляло их национальную идентичность. Но теперь, когда независимость Казахстана отвела железную руку коммунизма, бывшие страхи и междоусобицы между этими этническими группами возобновились. Борьба с этой проблемой стала одной из труднейших задач Назарбаева в первые годы национального строительства в Казахстане.

Поднятию культуры и духа молодой страны способствовало то, что ее первый Президент сам всегда отличался личной толерантностью и был исполнен уважения к этническому разнообразию. Это отношение уходило корнями в его детство, проведенное в многонациональном селе, его студенчество в русскоговорящей Украине и в его работу сталеваром у пышущей жаром печи, бок о бок с рабочими самых разных национальностей на Казахстанской Магнитке. Назарбаев с сыновней гордостью вспоминает, как уважаем был его отец Абиш среди разноликих обитателей Чемолгана за свою доброжелательность и отзывчивость. Яблоко от яблони недалеко падает. Кроме того, дружелюбие к иностранцам является казахской традицией. В связи с этим Назарбаев часто цитировал двух своих героев. Один из них — Абай, казахский поэт и философ XIX века, чьи советы включали такое изречение: «Знание языка и культуры другой нации делает человека равным этим людям... если их надежды и тревоги близки его сердцу, то он не сможет стоять в стороне от них».

Другим мудрецом, которого цитировал Назарбаев, был поэт-суфий Ходжа Ахмет Ясави, который писал:

У пророка такое желание:
Когда однажды ты встретишь незнакомца,
Не обижай его.
Бог не любит людей с жестоким сердцем.

Эти слова выгравированы на надгробье Ясави в городе Туркестан на юге Казахстана. До сегодняшнего дня его мавзолеей остается местом поклонения и часто посещается мусульманскими паломниками всего мира. Назарбаев не является особо набожным мусульманином, но как политик он обратился к этим строкам, используя их, чтобы успокоить этнические общины, опасавшиеся за свои религиозные права в новом государстве.

Снимать опасения было важной частью работы Президента Назарбаева в первые годы, не в последнюю очередь потому, что отдельные голоса сеяли тревогу среди этнических русских. Александр Солженицын, бывший узником ГУЛАГа в Казахстане, опубликовал брошюру, в которой призвал присоединить северные районы страны к территории России в целях создания нового Советского Союза. Предложение Солженицына вызвало демонстрации в Алматы и других городах. Еще один известный российский политик правого толка, Владимир Жириновский, также вызвал протесты на улицах Алматы (кстати, города, где родился) своими речами с требованием аннексировать то, что он называл «российскими землями» Северного Казахстана, в пользу России.

Такие же экстремистские голоса раздавались и с казахской стороны. Некоторые члены местного парламента пытались ввести в Конституцию положения, по которым политические права предоставлялись бы только коренным казахам. Предлагались также изменения, исключающие возможность неказахам занимать высшие государственные посты, включая посты Президента и Председателя Совета министров. Назарбаев,

который на должность первого премьер-министра назначил этнического русского Сергея Терещенко, ужаснулся. «Мне пришлось дать решительный отпор таким лже-патриотам, — вспоминает Президент. — Я постоянно напоминал этим депутатам, что мы разрабатываем конституцию, объединяющую народ, а не разделяющую его по национальному признаку». Назарбаев твердо придерживался этой линии не только в публичных заявлениях, но и в частных беседах. Через несколько месяцев после обретения независимости его давний помощник Владимир Ни рекомендовал принять на работу в штат президента местного сотрудника, добавив — «этнический кореец». Поскольку Ни и сам являлся этническим корейцем, этот комментарий мыслился как положительная характеристика данного кандидата. К его удивлению, Назарбаев упрекнул его, сказав: «Брось ты эти разговоры про «этнически такой», «этнически этакий»! Национальное происхождение в Казахстане теперь ничего не значит. Мы — одна большая семья».

* * *

Каковы бы ни были надежды Назарбаева на этническую гармонию в большой казахстанской семье на начальный момент, национальные сообщества возможность такой гармонии в долгосрочной перспективе не признавали. В первые годы независимости уехали более 2 миллионов русских. Следующей крупнейшей группой новых эмигрантов стали 400 тысяч немцев. Такой массовый исход стал серьезным ударом по стремлению Назарбаева к стабильности. Многие из русских и немцев, ногами проголосовавшие против Казахстана, работали менеджерами или техническими специалистами. Такая потеря создала широкую прореху в сельскохозяйственной, машиностроительной и горнодобывающей отраслях. Назарбаева удручала утечка

мозгов и сокращение населения страны с 17,6 миллиона до 15,2 миллиона в первые три года независимости. Он упрекал уехавших в том, что они «страдали от психологического стресса... Они запаниковали и бросились назад на исторические родины». Однако причина заключалась не только в этом. На многих из тех, кто покинул страну, повлияли приукрашенные рассказы о радушном приеме, который их ожидает по месту возвращения. Но самым мощным фактором, вызвавшим исход, стало мнение о слабых перспективах для экономики Казахстана. Назарбаев и сам косвенно признал масштаб проблемы, когда заявил: «Этот процесс усугубился экономическим и политическим хаосом, который характеризовал начало 90-х годов».

* * *

Политический хаос вызвала нарастающая конфронтация между Президентом и парламентом. Назарбаев не ожидал такого поворота событий. Он считал, что будет сравнительно просто разработать Основной закон, который, как он надеялся, «будет соответствовать новым реалиям и ожиданиям, вместит опыт предыдущих поколений и даст уверенность в лучшем будущем». Легче было сказать, чем сделать. В момент обретения независимости Конституция страны представляла собой устаревший вариант Основного Закона Казахской Советской Социалистической Республики 1978 года. Составленная в Москве в эпоху Брежнева, она была совершенно непригодной в качестве законодательной основы для молодого государства, стремящегося стать свободной, демократической и капиталистической страной. Противоречия между законом, принятым 13 годами ранее в условиях мощной советской власти, и тем, что происходило в Казахстане в 1992–1993 годах, стали настолько огромными, что большая часть этой старой конституции потеряла смысл. Например, Ста-

тья 6 содержала положения о правах и полномочиях коммунистической партии, которой более не существовало. Однако наиболее неприемлемой частью конституции стало положение, по которому высшая власть принадлежала парламенту, сохранившему название «Верховный Совет». Напротив, полномочия президента, который считался главой исполнительной власти, определялись недостаточно и расплывчато. Полномочия ему передавались лишь в общих политических чертах законом, известным как «Декларация государственной независимости», принятым в большой спешке и с серьезными неточностями Верховным Советом в октябре 1990 года.

Назарбаев определял разработку новой Конституции в качестве одного из высших приоритетов. Он образовал Конституционную комиссию, которую возглавил. Комиссия включала 35 членов из числа парламентариев, министров, судей, ученых, юристов и представителей бывшей Коммунистической партии и комсомола. Состав Конституционной комиссии оказался настолько всеобъемлющим, а диапазон мнений настолько широким, что на заседаниях этого органа практически ничего достигнуть не удалось. Отсутствие прогресса все сильнее беспокоило Назарбаева. Его собственные планы реформ буксовали, пока комиссия безуспешно пыталась согласовать даже рамки конституционного закона. Однако по одному вопросу, который большинство её членов считали краеугольным, комиссия согласилась, а именно в том, что высшая власть должна оставаться у Верховного Совета. Назарбаев раздраженно описывал: «Атмосфера накалялась... большинство членов считали, что их основная цель — сохранить старые коммунистические структуры вертикали власти с Верховным Советом на вершине. Они не были готовы к открытому диалогу или обсуждению альтернативных предложений. Стало ясно, что двигаться вперед будет все труднее и труднее».

На деле парламентарии двигались скорее назад, чем вперед. Частично причина была в них самих. Они заняли свой пост не в рамках признанного демократического процесса, а по коммунистической протекции. Большинство выдвигались коллективами колхозов или промышленных предприятий. Это означало, что казахстанские законодатели являлись старой гвардией, сформированной из недемократически выдвинутых колхозников или рабочих, которые застряли в дебрях старой коммунистической доктрины и практики. Многим из них Назарбаев нравился, но они не могли понять, что он собирается делать. Поэтому возникла реальная пропасть между реформами Президента и реакцией на них со стороны депутатов. Зачастую она заполнялась законодательными фантазиями, не имевшими ничего общего с происходящим в реальной экономике. Например, в 1993 году парламент отреагировал на кризис безработицы в сельскохозяйственном секторе Казахстана, проголосовав за закон о выходе на пенсию в возрасте 45 лет для водителей тракторов и рабочих молочных предприятий. Был принят и обошедшийся еще дороже закон, предоставляющий огромные суммы компенсации фермерам, чьи земли оказались экологически загрязненными. Видя этот укоренившийся принцип «голосуй сейчас, а платить кто-нибудь будет позже», Назарбаев язвительно заметил: «Верховный Совет работал по принципу «мы принимаем законы и выделяем деньги, а правительство, если хочет, пусть их исполняет».

Подобный нереалистичный и безответственный популизм при осуществлении власти парламентом долго продолжаться не мог. Тем не менее на протяжении 1992 и начала 1993 годов Назарбаев еще цеплялся за надежду, что его искусство общаться с людьми вразумит парламентариев. Он вел борьбу, долгими часами убеждая членов Верховного Совета ввести конституционные изменения, которые создали бы базовое законодательство по таким вопросам, как право собственности, от-

ветственность парламента, полномочия Президента. К сожалению, эта задача оказалась не легче, чем научить динозавров танцевать. Старая гвардия была попросту неспособной постичь такие концепции, как верховенство закона, частное владение землей, двухпалатный парламент, право президента распустить парламент или право парламента объявить импичмент президенту. Бауржан Мухамеджанов, 29-летний преподаватель права из Казахского государственного университета, окончивший Московский институт права и юриспруденции, непосредственно наблюдал за долгим изнурительным диалогом между Назарбаевым и Верховным Советом в 1992–1993 годы. Мухамеджанов входил в небольшую группу молодых юристов-экспертов, которых Назарбаев использовал в качестве личного мозгового штаба по вопросам конституционных реформ. По своему значению они не уступали группе «младотюрков», ставших его главными советниками по экономическим вопросам. «Я сопровождал президента на многих заседаниях с участием представителей Верховного Совета, — вспоминает Мухамеджанов. — День за днем я наблюдал, как он объясняет 360 членам парламента, почему Казахстан нуждается в новой конституции. Депутаты же сидели с пустыми глазами. Они не понимали половины того, что он говорил. А когда президент заканчивал, эти старые гвардейцы говорили что-то вроде: «Почему бы просто не изменить старую конституцию?», «Зачем нам иностранные инвестиции?», «Зачем разрешать частную собственность на землю?», «Зачем нам объявлять импичмент президенту?», «Зачем Верховному Совету две палаты?». Все это сильно расстраивало президента».

Поначалу Назарбаев пытался прикрыть свое разочарование юмором. Он развлекал упрямых депутатов остроумными шутками и анекдотами. Но ему не удалось вывести их из чрезмерного консерватизма по отношению к конституционной реформе, даже посвящая

этому львиную долю своего времени. «Иногда я утрюмо шутил, что после полного рабочего дня в Верховном Совете я возвращался домой, чтобы дома заниматься еще более срочными вопросами страны», — вспоминает Назарбаев.

Тупик в отношениях между президентом и парламентом удалось временно разрешить с помощью шаткого компромисса. Таким компромиссом стала конституция 1993 года. На деле это было поражение для Назарбаева, так как для ее принятия ему пришлось отказаться от положений о правах собственности, равноправных языках и многих других изменений, которых он добивался.

Назарбаев отступил по трем причинам. Во-первых, у президента не хватало времени и терпения, так как следовало заниматься многими другими срочными государственными проблемами. Во-вторых, он стремился избежать глубокого раскола в общественном мнении Казахстана в период, когда пример других соседних стран показал, что споры вокруг Основного закона могут привести к вспышке насилия или даже гражданской войне. Наблюдая за подобными региональными потрясениями, Назарбаев часто рассказывал поучительную историю о семье кочевников. В его изложении эта легенда звучала так:

«Когда старый кочевник умер, его сыновья решили разделить оставленное им имущество поровну между собой. Пока делили овец, верблюдов, лошадей и мебель, каждый оставался доволен своей долей. Потом вдруг они вспомнили о медной кастрюле отца. Кому она достанется? Они не могли разделить ее, но никто не желал от нее отказаться, так что началась драка. После долгой борьбы братья, наконец, решили помириться. Но к этому времени они уже все потеряли. Все их овцы, кони и верблюды разбрелись. Единственное, что осталось, — это медная кастрюля, но она уже никому не была нужна, так как нечего было в ней варить».

Будучи живым рассказчиком, Назарбаев с удовольствием заканчивал эту притчу моралью: «Мы не сделаем ту же ошибку в Казахстане». Именно эта позиция также обусловила его уклонение от конфронтации с Верховным Советом. Он считал, что принять временную или переходную конституцию лучше, чем оставить в силе конституцию 1978 года. Вероятно, он был прав, хотя куцый Основной закон 1993 года оказался настолько несовершенным, что просто отсрочил конституционный кризис между президентом-реформистом и консервативным парламентом. Следующий этап проблем Назарбаева при разработке приемлемой конституции описывается в других главах.

Почему же президент вкладывал столько усилий в конституционную реформу? Одна из причин в том, что Назарбаев стремился закрепить законность Казахстана как суверенного государства. Несмотря на внутренние неудачи с конституцией и экономикой, он в то же время смог далеко продвинуться в вопросе внешней политики, добившись признания страны на международной арене. Однако и здесь не обошлось без проблем, так как Казахстан совершенно не имел опыта в международных делах.

Начинать внешнюю политику с нуля стало одной из труднейших задач Назарбаева, так как ранее Казахстан не имел полноценных международных отношений с другими странами. Дипломатические связи, членство в международных организациях, соглашения с иностранными правительствами, договоры, даже кадры для министерства иностранных дел — все это было прерогативой Советского Союза. В кадровом вакууме при отсутствии достаточного опыта первые шаги страны во внешних сношениях нередко представляли собой театр одного актера. Первый дипломатический приказ Назарбаева после независимости был отдан единственному чиновнику его правительства, находящемуся за пределами Казахстана. Это был Канат Саудабаев, быв-

ший министр культуры Казахской Советской Республики, который с 1990 года находился в Москве в качестве личного представителя Назарбаева при Михаиле Горбачеве. Получив в конце декабря 1991 года указание Президента заручиться признанием Казахстана от возможно большего числа иностранных правительств, Саудабаев столкнулся с трудной задачей. Но он обратился за советом к знакомому казаху, работавшему в советском министерстве иностранных дел. Его звали Касым-Жомарт Токаев, он приобрел профессию дипломата в Московском государственном институте международных отношений после окончания школы в Алматы. Так как он владел китайским языком, Токаева назначили в отдел Дальнего Востока с долгосрочными командировками в советское посольство в Пекине в 80-е годы. Токаев достаточно хорошо знал тонкости профессиональной дипломатии, чтобы составить нужные обращения о признании к ряду иностранных правительств и направить их в соответствующие посольства в Москве. Реакция на них оказалась положительной. Более сорока стран признали независимый Казахстан в течение первых шести месяцев его существования, включая все ведущие страны ЕС и АСЕАН. Казахстан также приняли в ООН. Назарбаев был доволен и прилагал большие усилия, встречая прибывающих в Алматы с визитами иностранных министров и послов. Однако наиболее активные дипломатические усилия направлялись в сторону трех крупнейших государств, от доброй воли которых, вероятно, зависела будущая безопасность Казахстана — России, Соединенных Штатов и Китая.

Наибольшее расположение из них к новому Казахстану демонстрировал Китай. Когда в декабре 1991 года Касым-Жомарт Токаев разослал просьбы о признании по дипломатическим представительствам в Москве, именно посольство Китайской Народной Республики

дало теплый благоприятный ответ. Отчасти это можно было объяснить торжеством Пекина по поводу распада Советского Союза. Но свою роль сыграло и положительное отношение китайского руководства к Назарбаеву, отвечавшего взаимностью.

Любопытство Назарбаева по отношению к Китаю зародилось в школьные годы. Будучи подростком в Каскелене, он, как уже упоминалось, вступил в переписку с китайским школьником. Хотя она вскоре угасла, Назарбаев продолжал интересоваться Китаем, отслеживая трудности советско-китайских отношений по газетам и журналам. Они улучшились к середине 80-х годов, в сентябре 1985 года в Пекин с официальным визитом отправилась делегация советских политиков — впервые за последнюю четверть века. Назарбаев, новоиспеченный 45-тилетний премьер-министр Казахской Советской Республики, добился своего включения в делегацию. Хотя номинально её возглавлял престарелый московский депутат Лев Толкунов, именно Назарбаев взял на себя роль лидера и основного переговорщика. Его молодость, динамизм и восприимчивость к новым идеям, возникшим в ходе дискуссий, произвели впечатление на китайских собеседников. Это благоприятное впечатление усилилось, когда Назарбаев нанес второй официальный визит в Пекин в июле 1991 года. Китайцы, как и многие другие наблюдатели за событиями в Москве, уже предчувствовали распад Советского Союза. Поэтому они торжественно встретили Назарбаева, видя в нем будущего политического лидера, с которым вскоре придется иметь дело в двухсторонних отношениях.

Эра этих отношений наступила раньше, чем ожидалось. В качестве президента независимого Казахстана Назарбаев немедленно начал переговоры с Китаем по одной из важнейших проблем. В феврале 1992 года он направил своего премьер-министра Сергея Терещенко

в Пекин. Касым-Жомарт Токаев сопровождал его в качестве главного советника и переводчика. До отбытия делегации Назарбаев обозначил позицию Казахстана по чувствительной проблеме Тайваня, заявив, что остров является неотъемлемой частью КНР. Это открыло двери для хороших личных и политических отношений президента с китайским руководством. «Я готов регулярно встречаться с ними, примерно раз в год», — сказал он Токаеву, чье знание Китая привело к его назначению в 1992 году заместителем министра иностранных дел. Через несколько месяцев он стал министром. По инициативе Токаева Назарбаев нанёс свой первый визит в Пекин в качестве президента в октябре 1993 года, удивив принимающую сторону своей готовностью к урегулированию споров о границах. Такие споры в XVII и XVIII веках вызвали серьезную напряженность между казахскими кочевыми племенами и китайской династией Цин. В 1960-х годах XX века произошло кровопролитное столкновение между советскими и китайскими войсками на приграничной территории Жаланащ, менее чем в пятистах милях от Алматы. Поэтому весьма примечательно, что Назарбаеву удалось достичь взаимопонимания по данному вопросу с руководством Китая и лично с Председателем КНР Цзян Цземинем. «Мы говорили на одном языке», — прокомментировал Назарбаев (метафорически) первый раунд переговоров со своим коллегой в Пекине. Начиная с этой встречи, трудная проблема казахско-китайской границы потеряла остроту, наметился постоянный прогресс в описании и демаркации границы протяженностью 1760 километров.

Подобного постоянства в отношениях Назарбаева с руководством России в первые годы независимости не наблюдалось. Самым мягким термином, характеризующим отношение московских руководителей к Казахстану в период 1991 – 1993 годов, вероятно, было бы сло-

во «изменчивое», хотя применительно к некоторым периодам и эпизодам подошли бы и более уничижительные определения. На этих американских горках бурных отношений между двумя странами постоянными оставались лишь дружеские отношения с Борисом Ельциным, которые Назарбаев чудом умудрялся поддерживать.

В периоды взлетов и спадов российско-казахских отношений, на раннем этапе, дружеские связи не выходили за пределы отношений между президентами. На менее высоком уровне московской иерархии часто слышались угрозы в сторону «этих кочевников», как иногда называли казахов. Такое отношение лично демонстрировал российский посол в Алматы Борис Красников. По словам одного из наблюдателей, Красников был «типичным коммунистом-аппаратчиком старой гвардии», не обладавшим дипломатическим тактом. «Он часто заявлял мне, что однажды Ельцина уберут, что не будет особых отношений с Назарбаевым, Советский Союз будет восстановлен, а Казахстан вернут на место как советскую республику», — вспоминал Касым-Жомарт Токаев, который в качестве министра иностранных дел имел немало бесед с российским послом в Алматы. Однако ни одна из них не была такой странной с дипломатической точки зрения, как обмен фразами между послом Красниковым и недавно назначенным российским премьер-министром Виктором Черномырдиным по случаю его первого официального визита в Казахстан в декабре 1992 года. В аэропорту его встречал чрезвычайный и полномочный представитель его страны. «Я российский посол», — начал Борис Красников. «Кто?» — переспросил премьер-министр, изображая удивление. «Я российский посол», — повторил Красников. «Что вы имеете в виду? Кто вы, черт возьми?» — настаивал Черномырдин, продолжая засыпать пустыми вопросами незадачливого дипломата, а затем

громко заявил: «Если Казахстан думает, что он иностранное государство, не зависящее от России, пусть подумает еще раз».

К чести Назарбаева, он игнорировал подобные нотки в голосе Черномырдина и других сановников Москвы, а вместо этого сконцентрировался на действительно важных вопросах. Некоторые уже были урегулированы в казахско-российском договоре, подписанном двумя президентами в марте 1992 года. Ельцину пришлось преодолеть множество возражений собственных чиновников, которым не нравились положения, гарантирующие соблюдение территориальной целостности обеих стран и отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга. Однако договор был составлен скорее в общих словах, чем в конкретных формулировках, поэтому оставались вопросы по границам, правам граждан, движениям сепаратистов и, главное, по рублевой зоне, которые возникали с разным уровнем остроты на протяжении 1990-х годов. Поскольку Назарбаев хорошо понимал российский политический менталитет и знал основных деятелей в Москве, он искусно вел свой казахский корабль по опасным водам. «Он всегда знал, что необходимо сохранять хорошие отношения с Россией, — вспоминает Токаев, — но в ранние годы эти отношения сильно зависели от отношений между Назарбаевым и Ельциным».

Существовала одна исключительно важная проблема, которая потенциально могла повредить или даже свести на нет усилия Назарбаева наладить хорошие отношения с могущественными соседями, Россией и Китаем. Она также могла способствовать или помешать его дипломатическим авансам в сторону Вашингтона. Кроме того, вопрос был чреват внутренними осложнениями, так как являлся в значительной степени эмоциональным, в отличие от экономических или конституционных проблем, способным вывести десятки тысяч казахов на ули-

цы. Этот вопрос, заставивший Назарбаева принимать чрезвычайно важные решения по национальной и международной безопасности, стал самым трудным экзаменом для руководителя страны в период первых шагов независимости Казахстана. Ему предстояло разрешить проблему нештучного арсенала ядерного оружия, которое в течение долгого времени размещалось и испытывалось на земле его страны.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВОЙ?

Разрешение масштабных вопросов, касающихся судьбы ядерного оружия в Казахстане, стало самой сложной проблемой Назарбаева непосредственно после обретения независимости. Сложности в основном возникали из-за конфликта между его человеческими чувствами и политическим мышлением президента. В душе Назарбаев давно склонялся к запрещению ядерных испытаний и вывозу ядерного оружия за пределы территории Казахстана. Однако с политической точки зрения приходилось учитывать противоположные позиции по этому вопросу, существовавшие как внутри страны, так и за ее пределами. Кроме того, методы и технология разоружения требо-

вали крайней осторожности в принятии решения. Поэтому Назарбаев, став Президентом, сдержал инстинктивное стремление проводить политику жестов и немедленно отказаться от ядерного оружия. Вместо этого он вступил в деликатный дипломатический разговор с крупнейшими ядерными державами с целью получить максимальные выгоды для Казахстана. Метод ведения Назарбаевым своих переговоров по ядерному оружию раскрывает его как человека и как государственного деятеля.

Чтобы понять отношение Назарбаева к ядерным испытаниям и ядерному оружию, необходимо вернуться назад, в его юность, задолго до начала его политической карьеры. Когда он был девятилетним школьником в деревне Чемолган, советское верховное командование приняло стратегическое решение использовать регион вокруг Семипалатинска в северо-восточном Казахстане в качестве главного испытательного полигона для ядерного оружия. Первые ядерные испытания в атмосфере на Семипалатинском полигоне (размером примерно с Италию) были проведены Советской Армией в 1949 году. Через несколько лет после этих первых термоядерных взрывов, временами в 20 раз мощнее, чем бомба в Хиросиме, по степи распространилась молва об их ужасных последствиях для животных и человека. Казахи, которые составляли более 99 процентов населения вокруг Семипалатинска, пришли в ужас. Их националистический гнев разрастался частично потому, что худшее влияние радиации, такое, как мертворожденные дети, уродства, раковые и умственные заболевания, испытали на себе коренные жители этого региона; частично потому, что район вокруг Семипалатинска считался почти священным для казахской культуры, так как являлся местом рождения известного поэта Абая; а также потому, что казахи чувствовали естественную, даже мистическую, связь между человеком и землей, которую внезапно и насильственно разорвала

изоощренная военная наука, требующая ядерных испытаний.

Впервые об этом беспокойстве, охватившем население в районе Семипалатинска, Назарбаев узнал еще в молодые годы, когда работал металлургом в городе Темиртау. Он иногда ездил с друзьями в Каркалинск, идиллическое место примерно в 40 милях от полигона. Местные жители описывали пугающие вспышки в небе и сильные толчки, сотрясавшие их жилища после загадочных взрывов. Но они боялись даже говорить о том, что видели, тем более связывать это с экспериментами военных. В Советском Союзе периода 1950–1990 годов раскрытие информации, связанной с программой ядерных испытаний, считалось уголовным преступлением, каравшимся смертной казнью.

Несмотря на угрозу смертной казни, молодые казахи обсуждали между собой возмутительные события, происходившие в районе Семипалатинска. В первые месяцы работы сталеваром на Казахстанской Магнитке Назарбаев крепко подружился с сокурсником по училищу Толеутаем Сулейменовым. Он происходил из семьи, проживавшей у подножия Дегелен, горы в самом центре испытательного полигона. Когда Сулейменову было 13 лет, его отец умер от рака мозга; через два года его сестра умерла от лейкемии; вторая сестра была умственно неполноценной; третья сестра всю жизнь мучилась от радиационных язв на лбу. Страдания семьи Сулейменовых глубоко поразили Назарбаева, который вспомнил их в качестве наглядного примера из истории ужасов Семипалатинского полигона, когда тридцатью годами позже проводил международные переговоры по разоружению.

Переселившись со своей семьей в Караганду, Назарбаев продолжал ощущать воздействие ядерных взрывов, хотя его дом находился в 200 милях от Семипалатинска. Его дочери, испуганные колебаниями земли после каждого ядерного взрыва, бросались к нему с

криком: «Папа, папа, это землетрясение!» Позже он вспоминал: «Постепенно мы стали воспринимать каждое новое «землетрясение» как часть нашей советской реальности».

Реальностью было то, что во время гонки ядерных вооружений периода холодной войны огромные территории Казахстана стали лабораторией для испытаний вооружений Советского Союза. Между 1949 и 1989 годами испытания проводились каждые три недели, было произведено 752 взрыва: 78 на поверхности земли, 26 в атмосфере, а остальные под землей. Регулярность таких испытаний и радиация вызвали жуткие последствия для здоровья населения и окружающей среды.

По причине безжалостной секретности, окружавшей испытания в Семипалатинске, никто в Казахстане не имел ясного представления о действительной природе и масштабе ядерной программы. «Мне ничего об этом не говорили, когда я был Премьер-министром, и я уверен, что мой предшественник на посту Первого секретаря Динмухамед Кунаев ничего не знал, даже в свою бытность членом советского Политбюро, — вспоминал Назарбаев. — Эти вопросы считались строжайшим государственным секретом. О них знали только высшие военные чины».

Трещины в этой стене секретности стали появляться лишь в период гласности, особенно после Чернобыльской катастрофы 1986 года в Украине. Чернобыль унес жизни 47 человек, более 4000 заболели раком, вызванным радиацией. По мнению Назарбаева и ученых, которые позднее стали его советниками, долговременные последствия программы ядерных испытаний в Семипалатинске «равны, как минимум, двум Чернобылям». Хотя в то время у него не было точных статистических данных о том, что количество радиоактивного материала, накопившегося в окружающей среде после ядерных взрывов в Семипалатинске, в два раза превышало выброшенное из Чернобыльского реактора, все равно На-

зарбаева шокировала недостаточность информации по катастрофе в Украине, которую он получал, являясь премьер-министром другой республики, имевшей ядерные установки. «Когда я узнал, что творилось в Семипалатинске, мне трудно найти слова, чтобы описать мое возмущение и ненависть по отношению к тем, кто проводил эти ядерные испытания в Казахстане с полным безразличием к обеспечению безопасности людей», — вспоминает он.

Возмущение Назарбаева еще больше возросло, когда через несколько месяцев после Чернобыля он получил на редкость бездушный приказ расширить площадь Семипалатинского испытательного полигона. Это случилось в январе 1987 года, когда по поручению Совета Министров Назарбаеву позвонил высокопоставленный чиновник Министерства обороны в Москве. Чиновник сообщил, что принято решение построить новый полигон для испытаний ядерного оружия в Талды-Курганской области Казахстана. Он добавил, что недавно назначенный Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Геннадий Колбин дал свое согласие на данный проект. «Так что теперь нам срочно нужна земля, — продолжал собеседник Назарбаева. — Просим организовать выделение от 10 000 до 12 000 гектаров. Кроме того, готовьтесь встречать делегацию генералов и специалистов, которые займутся конкретными приготовлениями».

Назарбаев пришел в ужас. «Извините, — ответил он, — у вас что, уже есть конкретная резолюция Центрального Комитета Коммунистической партии и правительства? А вы с кем-нибудь консультировались в Талды-Кургане? И почему я, глава правительства Казахстана, сейчас слышу об этом впервые?»

«Какая разница, — рявкнул чиновник, рассерженный тем, что кто-то осмелился подвергнуть сомнению требования советского военного аппарата. — Проект разработан, Центральный Комитет согласился. Просто

подпишите документ, когда мы его пришлем, и делайте, как сказано!»

Назарбаев возмутился. «Прошу прощения, но я не собираюсь подписывать такой документ, — ответил он. — Более того, я собираюсь официально потребовать его пересмотра».

«Только попробуйте!» — прорычал голос из Москвы, и разговор прекратился.

Назарбаев позвонил Геннадию Колбину, которому он был непосредственно подчинен как назначенцу Москвы на пост Первого Секретаря Коммунистической партии Казахстана. Однако после беспрецедентных демонстраций против него в декабре 1986 года Колбин находился в политически шатком положении, и его отношения с Назарбаевым были натянутыми.

«Геннадий Васильевич, мне только что сообщили, что Москва решила построить в республике новый ядерный полигон, и что вы дали свое согласие. Это правда?» — спросил Назарбаев.

«Такой разговор был, — ответил Колбин, — но, насколько я помню, речь шла не о строительстве нового полигона, а о расширении старого. А почему вы спрашиваете? Есть проблема?» Назарбаев пояснил, что есть огромная проблема. Неприятие казахами ядерных испытаний уже и так становилось все более заметным. Объявление о строительстве нового испытательного полигона могло вызвать широкий народный протест, в особенности, если при этом необходимо убирать поселки, дома и сельскохозяйственные угодья с сотен квадратных километров земли поблизости от Алматы. Колбин не спорил с оценками Назарбаева, но явно не желал даже пытаться поддержать своего Премьер-министра. «Почему вы хотите выступить против этих испытаний? Военные уберут нас обоих, если мы попытаемся остановить их», — таков был испуганный ответ Первого секретаря. Далее он еще больше дистанцировался от озабоченности своего подчиненного, сказав: «Ну ладно, если вы в са-

мом деле против нового полигона, попытайтесь сами остановить их».

Поняв, что он остается в одиночестве, Назарбаев начал выступать против проекта в разговорах с высокими военными чинами и секретарями Центрального комитета Коммунистической партии. Ему не удалось убедить их. Тогда, изменив своим привычкам, Назарбаев попытался лично переговорить с Горбачевым о недальновидности строительства нового огромного ядерного полигона в Казахстане. Советский руководитель не захотел обсуждать этот проект, возможно, по причине того, что доверие, оказанное ему при избрании на пост Генерального секретаря, не распространялось на изменение планов советской военной машины.

Придя в отчаяние, Назарбаев решил прибегнуть к нетрадиционной тактике. Одним из его старейших политических союзников в Казахстане был Сеилбек Шаухаманов, руководитель Талды-Курганской области, где предполагалось построить новый испытательный полигон. Назарбаев тайно встретился с Шаухамановым, сообщил ему о планах военных и дал своему подчиненному неожиданные указания.

«Сеилбек, можете делать, что хотите, но обеспечьте распространение слухов о планах строительства этого полигона, — заявил Премьер-министр. — Кроме того, через несколько дней устройте спонтанный массовый митинг протеста, этого может оказаться достаточным, чтобы остановить такие планы».

После подобного необычного предложения Шаухаманов испугался последствий того, что ему придется раскрывать военные секреты и поощрять публичные демонстрации. «Но ведь мы оба можем потерять работу, если займемся этим», — возражал он. «Вы точно потеряете работу, если не сделаете этого, — пообещал Назарбаев, — потому что я сам вас уволю».

Под таким давлением Шаухаманов подчинился приказу. «Он хорошо справился с заданием», — вспоминал

Назарбаев. В течение нескольких последующих дней в Талды-Кургане распространилась новость о строительстве в области крупного испытательного полигона. Общественные протесты усилились после того, как Назарбаев дал просочиться в прессу секретным данным министерства здравоохранения, свидетельствующим о чрезвычайно высоком уровне раковых заболеваний в районе Семипалатинска. Обеспокоенные ростом протестных настроений в обществе, сотрудники местных органов КГБ доложили о них высшему командованию государственной системы безопасности. Из Алматы Назарбаев слал и собственные донесения высшему руководству советского правительства, предупреждая о том, что протесты являются серьезными и легко могут разрастись до уровня волнений декабря 1986 года. В конце концов в Москве вняли этим сигналам, и вскоре проект отменили.

Искусная организация Назарбаевым оппозиции строительству нового ядерного полигона показывает, насколько быстро и далеко он отходил от позиции лояльного деятеля Коммунистической партии. Теперь он все чаще выступал с самостоятельных позиций, хотя и скрывал это. Официально он работал главой республиканского правительства в неудобной упряжке с Первым секретарем Геннадием Колбиным. Однако их личные отношения переросли в обоюдную антипатию, которая особенно усилилась, когда Колбин распорядился начать новое расследование КГБ в отношении личных расходов Назарбаева.

Пережив предыдущий период подобной слежки при предшественнике Колбина Динмухамеде Кунаеве, в немалой степени благодаря поддержке Михаила Горбачева, Назарбаев рассматривал расследование КГБ как досадную помеху, но не как катастрофу. Его не спрашивали о затратах, тем более не обвиняли в злоупотреблениях. Тем не менее на протяжении 1987–1988 годов его передвижения и встречи в качестве премьер-

министра находились под тайным наблюдением КГБ и его секретных агентов. «Я знал об этом, — признавался Назарбаев. — Меня несколько раз предупреждали друзья в Москве, они мне говорили: «Будь осторожен!» Но я рассматривал все это как злобные нападки. Они только усиливали напряжение в моих отношениях с Колбиным. Когда два партийных босса не в ладах, это трясет все правительство».

Трясло также и территорию Казахстана, так как в конце 80-х годов советская военная машина продолжала проводить подземные ядерные испытания. В результате одного подземного взрыва в феврале 1989 года произошел выброс радиации, что вызвало массовые демонстрации в Алматы напротив Дома писателей, возглавляемые известным поэтом Олжасом Сулейменовым. Это стало началом Международного Антиядерного Движения «Невада-Семипалатинск», которое получило массовую поддержку не только среди основавших его писателей и журналистов, но и во всех слоях казахского общества. Назарбаев, чьи личные симпатии и политические взгляды были целиком на стороне таких протестов, тайно оказывал им всестороннюю помощь. Назарбаев посоветовал О. Сулейменову выставить свою кандидатуру на выборах в Верховный Совет СССР в Семипалатинском избирательном округе и главной темой предвыборной кампании сделать проблему полигона. Пообещал он ему и поддержку руководства региона. Поощряемый таким образом, Олжас Сулейменов выдвинул свою кандидатуру от Семипалатинского округа и победил на выборах, что обеспечило ему и его антиядерному движению мощную платформу.

Назарбаев открыто выразил свои взгляды на испытания ядерного оружия, выступив с речью на пленарном заседании Верховного Совета в Москве 30 мая 1989 года. В ранге депутата парламента от Алма-Атинско-Илийского избирательного округа Казахстана Назарбаев был приглашен выступить на общем об-

суждении вопросов внутреннего положения страны. Обсуждение ядерной политики на публичном форуме до этого момента являлось абсолютно беспрецедентным. Но уже наступила эра гласности. Поскольку архитектор гласности Михаил Горбачев в своих очках, отражающих сияние люстр, сидел всего в нескольких метрах от трибуны, Назарбаев воспользовался предоставленной возможностью и, вызвав возгласы удивления среди присутствующих, произнес: «Я хочу поговорить о Семипалатинском ядерном полигоне, который работает с 1949 года и на котором начинали с взрывов в атмосфере. С того времени население в этой местности возросло вчетверо. Однако военные пытаются убедить нас, что ядерные испытания практически благотворно влияют на здоровье человека. Мы понимаем, что сегодня это государственная необходимость, но при этом следует провести реальный глубокий анализ влияния атомных взрывов на окружающую среду. А его результаты доложить народу».

Эти слова были далеки от призыва к ядерному разоружению или даже к прекращению испытаний ядерного оружия. Но по своему содержанию эта речь явилась смелой инициативой. Хотя Назарбаев и не подвергся за это непосредственным нападениям публично, вскоре он обнаружил, что его злобно и клеветнически критикуют. Несколько депутатов Верховного Совета, некоторые из них в военной форме, обрушили на казахского лидера злобные выпады в кулуарах и коридорах здания парламента. Назарбаева обвиняли в предательстве (хотя не совсем ясно, в чью пользу?) в том, что он «выносит сор из избы». Самым серьезным стало обвинение в том, что он «подрывает обороноспособность Советского Союза». Однако политической реальностью того времени являлось то, что Советский Союз подрывал самого себя.

Зимой 1989–1990 годов борьба между консерваторами и сторонниками реформ в Москве набирала силу,

а в то же время в республиках росло стремление к расширению суверенитета. Сочетание экономического и политического кризисов, усугубленных кровавыми этническими столкновениями, ускорило сползание в хаос. «Самым бурным стал 1990 год, когда временами казалось, что весь Союз пылает в огне», — вспоминает Назарбаев. Сам он извлек выгоду из этой бури, когда в рамках общей децентрализации власти в пользу республик 22 апреля 1990 года Верховный Совет избрал его первым Президентом Казахстана. Если Горбачев и другие, поддержавшие повышение Назарбаева в должности, думали, что назначают послушного руководителя, который будет управлять республикой в соответствии с высочайшими приоритетами Советского Союза, они вскоре поняли, что это не так. Потому что уже через месяц, став Президентом, Назарбаев выдвинул политическую инициативу, которая потрясла военную машину Москвы до самого ее ядерного основания. Это была международная конференция, проведенная в Алматы в середине мая 1990 года, под названием «*Избиратели мира против ядерного оружия*». Она собрала вместе активистов борьбы с ядерным оружием из всех регионов Казахстана и из 30 стран мира. Конференция завершилась маршем мира в Алматы и подобными ему массовыми демонстрациями в Семипалатинске и Караганде. Митинг протеста в Караганде поддержали более 130 тысяч горняков Карагандинского угольного бассейна. «Участники выступали с неподготовленными заранее речами, говоря о молчаливом страхе, накопившемся за все эти годы, когда мы просто сидели и ждали радиоактивного дождя в своих городах и селах, — вспоминает Назарбаев. — Внезапно оказалось, что весь Казахстан и весь его народ объединила одна цель — сказать «нет» испытаниям ядерного оружия!»

Но даже у ослабленного правительства Советского Союза нашлись силы бороться с волной противодействия ядерным исследованиям, растущей в Казахстане.

Назарбаева вызвали в Москву для экстренной встречи с Олегом Баклановым, секретарем ЦК КПСС, отвечавшим за военно-промышленный комплекс, Николаем Рыжковым, Председателем Правительства СССР, и Михаилом Горбачевым, формально назначенным на новый пост Президента Советского Союза в марте 1990 года. На одном из таких совещаний Горбачев призывал Назарбаева: «Успокойте людей. Они вас послушают. Стране нужно три-пять лет, чтобы все поставить на место. Тогда мы закроем ядерный полигон».

Назарбаев объяснил, что такая отсрочка невозможна при существующем общественном мнении в Казахстане. Он заявил кремлевским лидерам: «При проведении таких испытаний вам следовало создать систему защиты местного населения. По меньшей мере, вы могли бы обеспечить жителей больницами, чистой питьевой водой и надлежащей защитой от радиоактивных осадков».

«Давайте обеспечим это теперь», — предложил Горбачев.

«Теперь слишком поздно, — ответил Назарбаев. — Людей уже не успокоишь. Единственный выход — полностью закрыть ядерный полигон».

Военное командование Советского Союза не подавало никаких признаков согласия с «единственным решением», рекомендованным руководителем Казахстана. Наоборот, Назарбаеву в Москве объявили, что осенью 1991 года на Семипалатинском полигоне будет произведено еще три ядерных взрыва. Однако конец этим планам положил другой взрыв, политический. Им оказалась попытка свержения Горбачева 19–23 августа 1991 года. В ней Назарбаев увидел свой шанс и воспользовался им.

«Неудачная попытка переворота в корне изменила ситуацию, — вспоминает он. — При сильно ослабленной центральной власти у меня появились полномочия раз и навсегда покончить с ядерными испытаниями. 29 август-

та я издал президентский указ, запрещающий дальнейшее проведение ядерных испытаний любого рода на территории Казахстана».

У советской военной машины не оставалось выбора, она сдалась после упреждающего удара Назарбаева. В день издания президентского указа в Алматы новый советский министр обороны Евгений Шапошников объявил, что дальнейшие три взрыва, намеченные в Семипалатинске, будут произведены на арктическом испытательном полигоне острова Новая Земля. Это стало началом конца сорокалетнего кошмара ядерных испытаний в Казахстане.

* * *

История борьбы Назарбаева с ядерным оружием в целом в 1991 году далеко не закончилась. По мере приближения конечной стадии существования Советского Союза в декабре того же года, одним из ключевых вопросов для военных и политических лидеров во всем мире стал вопрос: что произойдет с ядерным вооружением умирающей сверхдержавы — особенно в тех ее частях, которые могут оказаться вне контроля Москвы?

В ходе секретных совещаний, проведенных в декабре 1991 года Борисом Ельциным в качестве президента России, претендовавшей на наследие военной мощи СССР, Назарбаев впервые получил полные сведения об оружии массового уничтожения, дислоцированном на территории Казахстана. «Полученная информация оказалась для меня новой, — вспоминает он. — До этого ее держали в строгом секрете, о котором знали только высшие чины Советской Армии». Эта информация шокировала Назарбаева. Он узнал, что с точки зрения огневой мощи Казахстан являлся хранителем более 1200 ядерных боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Арсе-

нал включал 104 МБР СС-18, каждая из которых оборудована разделяющейся головной частью с 10 боеголовками индивидуального наведения при радиусе действия примерно 12 000 километров. Ракеты располагались на 148 пусковых шахтах по всей стране, больше всего их находилось в Акмолинске, Кзыл-Орде и Семипалатинске. Они состояли под управлением Стратегического командования ракетных сил Советской Армии, высшей военной элиты бывшего СССР. Кроме того, Казахстан являлся базой 79-й воздушной дивизии, чей флот из 40 самолетов-ракетоносителей Х-6 и Х-16 был вооружен бомбами и ракетами дальнего действия. В целом эта военная техника и оружие делали Казахстан четвертой страной в мире по концентрации ядерного оружия после Соединенных Штатов, России и бывших советских баз в Украине. Для сравнения, количество боеголовок под контролем Великобритании (296), Франции (512) и Китая (284), вместе взятых, оказалось меньше, чем в Казахстане. Назарбаев обнаружил, что является президентом страны, которая внезапно унаследовала обширный и устрашающий ядерный арсенал. Когда он инспектировал базы и ракетно-пусковые шахты (особенно пусковые установки в Акмолинске, вооруженные огромными МБР СС-18, известными на Западе под названием «Сатана»), его охватили дурные предчувствия.

«Действительно, было нечто сатанинское в этом грозном ряду баллистических ракет с разделяющимися ядерными головками, которые базировались на нашей территории, — вспоминает Назарбаев. — Они поражали своими размерами. Даже просто смотря на огромный корпус «Сатаны», я всегда чувствовал себя неудобно — 34 метра высоты и три метра в диаметре. Уже своим существованием эти ракеты внушали мне чувство трепета и ужаса. Мне представлялось, что они с сатанинской непредсказуемостью в любой момент могут повернуться против своих владельцев».

* * *

Став главным «новым владельцем» ядерного оружия в Казахстане, Назарбаев не испытывал недостатка в советах о том, как с ним поступать. Его сограждане, хотя и единодушно настроенные против испытаний ядерного оружия, придерживались на удивление разных взглядов на национальную политику в отношении самих вооружений. Были ястребы, желавшие сохранить постоянную ударную ядерную группировку под контролем Казахстана в качестве фактора, сдерживающего потенциальных агрессоров. Были сторонники торгов, которые выступали за сохранение ядерных головок в течение нескольких лет, пока не наступит время обменять их на гарантии безопасности Казахстана от мировых ядерных держав. Были и голуби, требовавшие немедленного одностороннего и полного ядерного разоружения. Выслушивая подобные противоречивые мнения, Назарбаев временами вспоминал старую казахскую пословицу: «Впустить тебя? Но ты же чудовище! Выгнать тебя? Но ты же сокровище». Этим он признавал, что вопрос, как поступить с ядерным оружием страны, сложен, лучше всего его решать осторожными переговорами и, если возможно, на основе общенационального консенсуса. Как позже высказался Назарбаев: «У нас не было выбора, мы вступили на трудный путь оценки выводов и контраргументов, сомнений и страхов, в ходе широких дебатов о том, станет ли Казахстан ядерной державой».

Пространные дебаты проходили не только среди политиков и граждан Казахстана. Еще до завоевания независимости Назарбаев получал весомые советы от государственных деятелей великих держав, таких, как Маргарет Тэтчер, Президент Джордж Буш и его государственный секретарь Джеймс Бейкер. Государственный секретарь США впервые прибыл с визитом в Алматы 11 декабря 1991 года, за пять дней до того, как Казахстан официально стал независимым государством.

Бейкера сопровождал Роберт Штраус, Посол США в Москве. Назарбаев пригласил гостей к себе домой на семейный ужин. В программе вечера были казахские и американские песни, которым его дочь Дарига аккомпанировала на пианино. Их сменили тосты с водкой за то, что Назарбаев назвал «американо-казахским стратегическим альянсом».

Джеймс Бейкер, который считал Назарбаева «чрезвычайно умным и способным политиком», изложил ему «Пять принципов», которые, по мнению Америки, должны лежать в основе процесса постсоветского сосуществования в этом регионе. Эти принципы включали уважение существующих границ, уважение демократии и свободные выборы, уважение прав меньшинств и прав человека, уважение международного права и обязательств, уважение самоопределения в соответствии с демократическими ценностями. Назарбаев быстро понял, что эти концепции могут помочь его стране. «Однако казалось, что демократическая составляющая принципов заинтересовала его в меньшей степени», — вспоминал Бейкер, который вслед за этим предупредил хозяина дома, что уважение всех пяти принципов будет крайне важным не только для обеспечения политической поддержки Америки, но и для получения ее экономической помощи.

На этом этапе беседы Назарбаев предложил гостям попариться в бане. Это было частью обычного казахского гостеприимства, но проведение дипломатических дискуссий в парилке для американцев оказалось неожиданным. Посол Штраус испугался, когда в парилке, следуя традиции, Назарбаев взял березовый веник и принялся хлестать Бейкера по голой спине, чтобы усилить терапевтический эффект жара. Посол вышел из парилки и в шутку крикнул агенту спецслужб, стоявшему снаружи: «Соедините меня с Президентом Соединенных Штатов! Его государственный секретарь раздет догола и подвергается избиению Президентом Казахстана».

Продолжавшаяся беседа выявила серьезную озабоченность администрации США тем, что независимый Казахстан может стать несговорчивым государством, имеющим под своим контролем ядерное оружие бывшего Советского Союза. Назарбаев остудил эти опасения так же, как поливал водой в парилке раскаленные камни. Он заверил своих американских гостей, что Казахстан не намерен стать членом клуба ядерных держав, что страна реально осознает свою неспособность овладеть ядерными технологиями и оплачивать стоимость содержания ракет на своей территории, заявив также, что президент имеет давнюю репутацию противника присутствия ядерных установок в его стране. Однако Назарбаев тем не менее дал и ясно понять, что он не собирается отказаться от контроля над ядерным оружием, не получив ничего взамен. «Я с самого начала добивался гарантий безопасности», — вспоминает он. Джеймс Бейкер, зная, что Соединенные Штаты не в состоянии стать гарантом безопасности для бывшей советской республики, попытался отговорить Назарбаева от данного требования с помощью жестких аргументов. Он закончил зловещим предупреждением, что на каждую МБР, дислоцированную в Казахстане, нацелены три американские ракеты. «Меня это не пугает, в любом случае главное в другом, — ответил Назарбаев. — Все должно решаться на основе равноправия. Прежде всего, нам нужно выяснить, что Казахстан получит в обмен на вывод из страны этого оружия».

Еще до того, как эти разговоры в парилке Америка развернула в конструктивную программу разоружения, весь остальной мир начал стучаться в дверь к Назарбаеву, чтобы обсудить тот же вопрос. Начиная с января 1992 года в Алматы наблюдался постоянный поток дипломатических представителей, временами по два посланника в день. «Все они, даже министры из таких крошечных государств, как Люксембург или Мальта, задавали нам один и тот же вопрос: «Что вы собираетесь делать с ва-

шим ядерным оружием? — вспоминал Толеутай Сулейменов, новый министр иностранных дел, назначенный Назарбаевым. — Как правило, я отвечал: «Мы работаем над этим с нашими партнерами».

Сулейменов оказался удачным кандидатом на пост первого министра иностранных дел Казахстана. Он пользовался доверием Президента, так как они дружили с 60-х годов, когда оба работали на Карагандинской Магнитке. Впоследствии Сулейменов сделал карьеру в Министерстве иностранных дел Советского Союза, где пользовался репутацией надежного человека. Одним из важнейших факторов в его пользу при ведении переговоров по разоружению с иностранными делегациями являлось то, что он сам и его семья стали жертвами трагической истории ядерных испытаний в Казахстане. Случившееся с семьей Сулейменовых запало в сердце Назарбаева, когда его друг рассказал эту историю в годы их работы на сталелитейном заводе. Единственный оставшийся в живых член семьи из Семипалатинска, теперь министр иностранных дел Казахстана, по просьбе Назарбаева описывал влияние программы испытаний Советского Союза на здоровье человека. «Я рассказывал им, как видел ослепляющие взрывы в небе над нашей землей, а затем наблюдал зловещие грибовидные облака, двигавшиеся в нашем направлении, — вспоминал Сулейменов. — Я описывал, как из этих облаков выпадали густые хлопья серой золы, и как скот приходил в бешенство. Нас также пугали нарушения нашего жилища, например, когда в результате взрыва трубы водопровода были буквально вырваны из гнезд крепления... Что же касается долговременного влияния на здоровье людей, то мой отец и одна из сестер рано умерли от рака. Жизнь еще двух моих сестер оказалась разрушенной умственными и физическими недугами из-за радиоактивных осадков».

Назарбаев настаивал на том, чтобы прибывающие с визитами министры иностранных дел, такие, как Дуглас

Херд из Великобритании, Ханс-Фридрих Геншер из Германии, Ролан Дюма из Франции и Джеймс Бейкер из США, выслушали живое свидетельство Сулейменова об ужасах Семипалатинска и поняли, насколько народ Казахстана настроен против ядерного прошлого своей страны. Назарбаев также стремился к тому, чтобы у Казахстана не было ядерного будущего. Он не поддерживал высказываемое в стране мнение казахских неоконсерваторов, которые стремились, чтобы молодые, необученные вооруженные силы страны взяли на себя управление ракетами и играли роль независимой силы ядерного сдерживания. Точно так же президент отмахивался от тайных предложений, которые получал от арабских посланников, убеждавших его сохранить то, что они называли «исламской бомбой». Один из таких эмиссаров доставил цветистое письмо от ливийского лидера Муаммара Каддафи, в котором тот убеждал Назарбаева сохранить ядерный арсенал «на благо ислама». Еще один представитель богатого нефтедобывающего государства Ближнего Востока предложил Казахстану 6 миллиардов долларов США на содержание ядерных сил. Назарбаев считал подобные предложения нелепыми. Он стремился к международному признанию, уважению, привлечению инвестиций и обеспечению безопасности. Эти цели были несовместимы с сохранением ядерного арсенала, потому что в этом случае Казахстан быстро оказался бы в изоляции и стал государством-изгоем. Так что по причинам морального идеализма, а также исходя из политического реализма, Назарбаев намеревался вести свою страну к ядерному разоружению.

В этой стратегии разоружения наиболее эффективными партнерами являлись россияне и американцы. Содействие оказывали обе сверхдержавы, но именно военное руководство Москвы обеспечило львиную долю практической помощи на ранних этапах. «Как только россияне убедились, что мы всерьез стремимся к разоружению, они с готовностью обеспечили нас инфор-

мацией и поддержкой, — вспоминал Сулейменов. — Огромную помощь оказал мой коллега, российский Министр иностранных дел Андрей Козырев. У нас на всех уровнях сложились хорошие отношения, и в данном вопросе мы находились гораздо ближе к россиянам, чем к американцам. Даже в период, когда у нас с Москвой возникали большие трудности в отношении рубля или по поводу границ, по всем ядерным вопросам мы сотрудничали с Россией плечом к плечу».

Один из признаков такого сотрудничества проявился, когда Назарбаев в мае 1992 года улетал в Вашингтон для переговоров по ядерным вопросам с правительством США. По пути он остановился в Москве для бесед с Борисом Ельциным. «Это был не просто визит вежливости, — вспоминает Назарбаев. — Я хотел узнать его отношение к ядерному вооружению на нашей территории. Расположение ракет на территории наших двух республик — вопрос, который нам следовало решить вместе».

Отправившись в Вашингтон, Назарбаев включил в состав своей официальной делегации нового члена, генерала Васелевича, который являлся ключевой фигурой российского генерального штаба и заместителем командующего четвертой дивизией ПВО СССР. Он выполнял обязанности специального советника президента Казахстана в предстоящих переговорах.

Американцы начали проявлять беспокойство по поводу позиции Назарбаева, называя его «ядерным уклонистом» и высказывая в прессе предположения, что он не сдерживает обещаний, данных за полгода до этого в сауне, сделать свою страну безъядерной. Однако все было не так просто. Назарбаев на самом деле набивал себе цену, но не стратегически, а тактически. Его тактика заключалась в том, что он называл «третьим путем» ядерного разоружения. В апреле 1992 года в своем письме Президенту Джорджу Х.В. Бушу он предложил считать Казахстан «временно ядерной державой». Он намеревался отложить подписание Договора о нерас-

пространении ядерного оружия до той поры, когда Америка и другие ядерные державы предоставят гарантии безопасности Казахстану.

Колебания Назарбаева заставили Государственный департамент США вместо дипломатического менюэта станцевать если не галоп, то, по крайней мере, квик-степ. Джеймс Бейкер провел экстренные переговоры с Россией, Украиной и другими крупными ядерными державами. В результате этого к моменту прибытия Назарбаева в Вашингтон все остальные ключевые стороны согласовали условия договора. Но даже с учетом этого в течение первых двух дней визита Назарбаева, 17–18 мая, когда он находился в резиденции Блэр-Хаус напротив Белого дома, его встреча с Президентом Джорджем Х. В. Бушем откладывалась три раза. Джеймс Бейкер четыре раза посещал Блэр-Хаус, чтобы завершить сложные переговоры по ядерному статусу Казахстана. «Российский генерал постоянно сидел рядом со мной, давая советы и поправляя мои ошибки», — вспоминает Назарбаев.

В конце концов, после встреч с Президентом Бушем, которые включали неофициальный визит в его личные апартаменты в Белом доме, Назарбаев принял обязательство подписать Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о сокращении стратегических вооружений и с помощью России вывезти 120 советских ядерных ракет СС-18 с территории Казахстана. В обмен Назарбаев уехал из Вашингтона с целым пакетом соглашений о технической помощи и торговле, энергетическом сотрудничестве, об инвестициях американской компании Шеврон в разработку нефтяных месторождений Казахстана на сумму в 10 миллиардов долларов США и с обязательством, что Соединенные Штаты Америки в соответствии с Уставом ООН предпримут все необходимые шаги в случае угрозы агрессии в отношении Казахстана. Несмотря на то, что последнее обещание далеко не соответствовало полной гарантии

безопасности, которой добивался Назарбаев, он успешно завершил переговоры. Их непосредственным результатом явилось подписание двумя днями позже Лиссабонского протокола. По этому соглашению Казахстан, Украина и Беларусь обязались (в сотрудничестве с Россией и Соединенными Штатами Америки) вывести из своих стран все ядерные вооружения к концу десятилетия. Это положило конец тревогам и беспокойству международного сообщества по поводу судьбы ядерных сил в бывших республиках Советского Союза. В этой игре Назарбаев проявил себя искуснейшим игроком, добившись большей части моральных и военных результатов, к которым стремился с самого начала.

Хотя принципы разоружения были сформулированы в Лиссабоне 22 мая 1992 года, практические и технические вопросы разрешались еще в течение многих месяцев, при этом в нескольких драматических эпизодах Назарбаев играл главную роль. В ноябре 1992 года он принимал в Алматы делегацию Конгресса США, возглавляемую Сэмом Нанном, председателем комитета Сената по вооруженным силам, и Ричардом Лугаром, членом комитета Сената по внешним сношениям. Назарбаев добивался финансовой компенсации и практической помощи по физическому вывозу казахских ракет из 40-метровых пусковых шахт. Он также намеревался получить денежный эквивалент стоимости обогащенного урана, содержавшегося в 1200 боеголовках. После трудных переговоров, в ходе которых Назарбаев произвел большое впечатление на гостей своим знанием сложных деталей, американцы предложили программу Нанна-Лугара, по которой Конгрессом выделялось 800 миллионов долларов США на оплату таких расходов в трех бывших советских республиках, Казахстане, Украине и Беларуси, которые все еще контролировали ядерное оружие.

Следующим важным гостем в Казахстане стал Уоррен Кристофер, новый государственный секретарь в

администрации Клинтона. Он прибыл в Алматы в октябре 1993 года с пакетом предложений экономической помощи на сумму 140 миллионов долларов США и соглашением о расходовании Казахстаном дополнительных 85 миллионов долларов США, первого транша программы Нанна-Лугара, при демонтаже своего ядерного оружия. К разочарованию Уоррена Кристофера, Назарбаев отказался подписать такое соглашение. Его отказу предшествовали три часа переговоров, в ходе которых Государственному секретарю был дан урок географии. Назарбаев развернул перед гостем обширную карту, продемонстрировав географическое положение Казахстана, как Казахстан окружен с севера Россией, с востока Китаем и с юга Ираном. «Нам нужны гарантии безопасности», — заявил Президент Казахстана, обещая подписать соглашение, но только при встрече с президентом Клинтонем. Тактика проволочек Назарбаева частично объяснялась обеспечением политического престижа ведения дел на президентском уровне, частично же инстинктивным чувством того, что Кристофер был слабым звеном в администрации Клинтона. После продолжительных, но безуспешных попыток заставить Назарбаева изменить свое решение госсекретарь США признал свое поражение и обещал вскоре организовать церемонию подписания с участием обоих глав государств. «Вы крепкий орешек, господин президент», — удрученно заметил Кристофер по завершении своих неудачных переговоров. Корреспондентка газеты «Нью-Йорк Таймс», писавшая об этом визите, начала свой репортаж еще более откровенно: «Сегодня президент Казахстана сыграл в политику с Соединенными Штатами и выиграл». В заметке газеты «Таймс» говорилось, что Назарбаев настоял на «торжественной церемонии с участием президента Клинтона. «Неважно, что деньги выделяют только после подписания соглашения. 53-летний бывший инженер стремится выглядеть ру-

ководителем первого ранга как дома, так и за рубежом, и для него очень важна возможность оказаться на фотографии вместе с президентом США».

Возможность оказаться на фотографии Назарбаев получил в начале 1994 года, но прежде ему пришлось подписать соглашение о разоружении с вице-президентом Альбертом Гором, который прибыл в Казахстан в декабре 1993 года. После задержки из-за тумана в аэропорту Алматы случилась еще одна проволочка, так как Назарбаев был вынужден прервать встречу с вице-президентом, чтобы успокоить часть консервативно настроенных законодателей Казахстана, взбунтовавшихся против ядерной политики собственного правительства. Отложенная дата визита Гора случайно совпала с парламентскими слушаниями по вопросу о ратификации Договора о нераспространении ядерного оружия. Группе бескомпромиссно настроенных парламентариев, в последнюю минуту выступивших против договора, чуть не удалось сорвать переговоры с вице-президентом США. В конце концов, выслушав пламенную речь Назарбаева, 238 депутатов проголосовали за ратификацию при 1 голосе против. После этой победы Назарбаев устроил для американских гостей праздничный ужин. Продолжая дипломатию сауны дипломатией домбры, он развлекал делегацию вице-президента мелодиями казахских народных песен, сыгранными на этом казахском струнном инструменте в дуэте с дочерью Даригой. В ответ Альберт Гор и его супруга Типпер спели песню *Jingle Bells*. Празднование закончилось речью А. Гора с официальным приглашением Президента Назарбаева нанести визит Президенту Клинтону в Вашингтоне через восемь недель.

Визит Назарбаева в Белый дом 14 февраля 1994 года, в День Святого Валентина, проходил в соответствующей атмосфере всеобщей политической любви. На телевизионной пресс-конференции после встречи в Овальном кабинете Клинтон высоко отозвался о прогрессе Казах-

стана в ликвидации своих ядерных вооружений и его присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия. Еще одной победой Назарбаева стало заявление, сделанное Клинтоном, об увеличении помощи США Казахстану на сумму 400 миллионов долларов США, а также о соглашении по ликвидации двойного налогообложения, что являлось весьма важным для 70 американских компаний, делающих инвестиции в казахстанскую экономику.

За добродушием и сердечностью президентов скрывался отдельный и в тот момент совершенно секретный договор о продолжении сотрудничества между США и Казахстаном в ядерной области под кодовым названием *Операция Сапфир*. Она началась с проведенной несколькими месяцами ранее инвентаризации всех ядерных материалов на территории Казахстана, помимо ядерных боеголовок для ракет СС-18.

В ходе инвентаризации было сделано два неожиданных открытия, которые выглядели «забытыми» Советским Союзом. Первым был склад высокообогащенного урана на металлургическом заводе в Ульбе поблизости от Усть-Каменогорска на востоке Казахстана. Вторым оказался невзорванный заряд радиоактивного плутония, заложенный в глубокой шахте под Семипалатинском. В обоих случаях потребовалось личное вмешательство Назарбаева.

Инвентаризация, проведенная инспекторами по ядерному оружию с помощью казахских экспертов, показала, что на заводе по переработке радиоактивных отходов в Ульбе поблизости от Усть-Каменогорска в восточном Казахстане, находится неизвестный до этого склад, содержащий 600 килограммов высокообогащенного оружейного урана. Там имелось достаточно материала для производства не менее 20 ядерных боеголовок. Назарбаев немедленно сообщил об этом открытии военному руководству, ответственному за ядерное оружие в Москве. Его поразила ответная равнодушная реакция,

которая фактически обнаруживала полное неведение относительно этого смертоносного запаса урана и означала: «Возьмите его себе».

«Россияне должны были знать об этих материалах, — вспоминает Назарбаев. — В конце концов, Советский Союз был одной страной, и все данные по ядерным запасам и хранилищам должны были находиться в одном месте, предположительно в Москве. Сначала я подумал, что этот запас оружейного урана был частью секретных планов советских военных стратегов в рамках военных столкновений с Китаем в 60-х годах. Тогда они строили подземные базы и хранилища по всему Восточному Казахстану для этих целей. Но каковы бы ни были реальные причины, я в конце концов решил, что военные попросту утеряти базу данных и забыли о складе оружейного урана на Ульбе. Они дали нам четко понять, что уран наш и что мы свободны им распорядиться по своему усмотрению».

Зная, что у Казахстана нет технических ресурсов, чтобы распорядиться оружейным ураном, Назарбаев по дипломатическим каналам послал запрос в Вашингтон. В результате в Алматы срочно прибыл министр обороны США Уильям Дж. Перри, который позже претендовал на заслугу по предотвращению того, «что можно назвать самым крупным и разрушительным в истории случаем неконтролируемого ядерного оружия». Скорее, это было неконтролируемой болтовней Перри, так как там не было никакого «ядерного оружия», а склад урана всегда находился под строгой охраной. Тем не менее появились слухи, собранные агентами ЦРУ и Агентства национальной безопасности, что иранская группа террористов узнала о складе оружейного урана в Ульбе и обсуждала возможность прибрать его к рукам. Эта разведывательная информация, хотя и шаткая, вызвала озабоченность в кругах специалистов по вопросам безопасности в Вашингтоне. Теоретически их озабоченность оправдана, так как если бы даже несколько килограммов такого

оружейного урана попало в руки террористов, последствия могли оказаться катастрофическими. Для примера. Если бы аль-Каида использовала 1 процент, т.е. 6 килограммов урана из Ульбы в нападении на Всемирный торговый центр, большая часть нижнего Манхэттена лежала бы в руинах.

Однако на практике никакой вероятности подобной катастрофы не существовало, Министр обороны Перри и Президент Назарбаев быстро и эффективно сработались. После их совместных приказов «Операция «Сапфир» заработала в темпе захватывающего шпионского фильма. Как только американские эксперты были допущены на металлургический завод Ульбы вблизи бывшего «закрытого» города Усть-Каменогорск, они проследили связь «забытых» 600 килограммов урана с советской программой военно-морского флота 70-х годов, направленной на создание совершенно нового типа реактора для атомных подводных лодок. Реактор должен был давать возможность советским подводным лодкам погружаться глубже, оставаться под водой дольше и ходить быстрее, чем любая субмарина флота США. Этот проект оказался настолько дорогим, что советские ученые нарекли его «Золотой рыбкой», потому что строить подводные лодки из золота было бы дешевле. В конце концов реактор не заработал, «Золотая рыбка» в море не вышла, проект был закрыт, а оружейный уран поместили в тысячу стальных контейнеров на складе Ульбы, где он оставался в безопасности, хотя и забытым, более 20 лет.

Вероятно, Назарбаев стал первым политическим руководителем после Леонида Брежнева, узнавшим об этом проекте. Президент Казахстана ни минуты не колебался с решением о смертельно опасном складе урана, обогащенного до 90 процентов. Он продал его американцам по текущим рыночным ценам за обогащенный уран (примерно за 90 миллионов долларов. США) и передал им ответственность за его перевозку в США. Так что, в один из выходных дней ноября 1994 года в Алматы при-

была группа транспортных самолетов С5. Под предлогом того, что они представляли агентство по атомной энергии, 31 специалист военно-морского флота США переместили уран в меньшие контейнеры для радиоактивных веществ, загрузили их в самолеты С5 и перевезли весь груз на атомный завод в Оук-Бридже, штат Теннесси. Только после того как прибыли последние контейнеры, 25 ноября 1994 года, министр Перри объявил об успешном завершении «Операции «Сапфир» на пресс-конференции в Вашингтоне. В тот же день в своем письме из Белого дома Президент Клинтон писал Назарбаеву: «Вы заслуживаете признательности всего мира... Данная важная операция отражает расширение доверия в крепнувшем партнерстве между двумя нашими странами».

Ядерная дипломатия Назарбаева принесла ему признание и в других столицах, которые имели важнейшее значение для долговременной национальной безопасности Казахстана. Через десять дней после завершения «Операции «Сапфир» он добился еще одного успеха во время саммита ОБСЕ¹ в Будапеште, где президенты Ельцин, Клинтон и премьер-министр Джон Мейджор из Великобритании подписали *Меморандум о гарантиях ядерной безопасности для Казахстана*. Аналогичный документ по гарантиям безопасности для безъядерных государств, включая Казахстан, был принят в феврале 1995 года, двумя месяцами позже, в Пекине. Данные соглашения обеспечили Казахстану международное признание в качестве безъядерного государства, подписавшего Договор о нераспространении ядерного оружия. Они также предоставили потенциальную защиту со стороны международного сообщества против агрессии или угрозы агрессии. «Как Президент, я чувствовал, что сделал нужное для своей страны дело», — произнес Назарбаев в завершение указанных международных конференций и заявлений.

¹ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

* * *

Атомный фронт преподнес еще один, последний, сюрприз, потребовавший от Назарбаева продуманного решения, прежде чем закончить историю Семипалатинского испытательного полигона. Им оказался невзорванный заряд плутония мощностью 0,4 килотонны, захороненный на глубине 130 метров в шахте № 108-К. Назарбаев назвал этот заряд радиоактивной взрывчатки «забытым пасынком полигона». Его в обстановке строгой секретности подготовили для взрыва советские ученые в мае 1991 года в рамках испытаний под названием «Эксперимент ФО-100-СЗЛР». Однако политические беспорядки в Советском Союзе летом 1991 года, включая неудавшуюся попытку сместить Горбачева, вызвали задержку в проведении испытаний. Затем президентский указ Назарбаева от 29 августа 1991 года, запретивший все ядерные испытания в Казахстане, превратил задержку в запрет. С того времени Семипалатинск официально считался закрытым в качестве ядерного испытательного полигона, однако неожиданно обнаружилась его тайная жизнь в виде невзорванного заряда плутония, захороненного в шахте № 108-К.

Уничтожение невзорванного ядерного устройства глубоко под землей оказалось весьма сложной задачей. Назарбаева главным образом беспокоило: не взорвется ли оно самопроизвольно? Заверения экспертов его не убедили, в особенности, когда его главный эксперт заявил, мол, «опасности нет», а затем тут же добавил, что есть возможность взрыва, если произвести подземное бурение поблизости от шахты.

Рассмотрев различные варианты, включая извлечение устройства и его транспортировку в Россию, Назарбаев решил, что наиболее безопасным методом будет его разрушение в подземной шахте с помощью химических веществ. Так, 31 мая 1995 года 400 килограммов химических взрывчатых веществ уничтожили «Объект 108-К» —

заряд радиоактивного плутония мощностью 0,4 килотонны. Назарбаев считал символическим то, что последнее ядерное устройство на полигоне в Семипалатинске было не взорвано, а уничтожено. «Этот неядерный взрыв символизирует, что Казахстан стал территорией, свободной от ядерного оружия», — заявил он.

* * *

Оглядываясь назад на отношение и подходы Назарбаева к ядерным вопросам, которые он решал, можно выделить четыре основных этапа на этом пути.

Первый этап, который длился более 45 лет, — это период молчания и обеспокоенности. Как и большинство казахов, его тревожили слухи и рассказы о личных страданиях, приходившие от жителей Семипалатинска. Однако у него не было ни знаний, ни смелости бороться со стеной советской секретности и военной мощи. Но начиная с 1986 года сочетание гласности, Чернобыля и закамуфлированная угроза расширить Семипалатинский полигон зажгли в Назарбаеве горячее моральное возмущение. Это знаменовало переход ко второму этапу его стремления к разоружению. Вскоре он перешел к третьей фазе, которую можно назвать осознанием и затем — использованием демократических сил. Поначалу мощь Движения за ядерное разоружение «Невада-Семипалатинск» беспокоила Назарбаева. Но, поскольку он был с ним согласен и обладал политической реакцией, чтобы плыть в его потоке, ему удалось включить этот протест в свой план суверенизации страны. Вот гранёные формулировки из его исторического президентского указа № 408, изданного 29 августа 1990 года, о закрытии полигона в Семипалатинске: «В те дни мы учились демократии. Это был один из первых независимых шагов независимого Казахстана. Мы признали и начали исправлять ошибки тоталитарного советского прошлого. Мы ступили на новый,

демократический путь. А основа этого пути была заложена в том историческом решении о безъядерном Казахстане».

За этими простыми словами скрывается вся сложность четвертого этапа в углублении Назарбаевым его познаний в области ядерных вооружений, которое состояло из изучения реалий международных переговоров. В то время, когда его отношения с Москвой по экономическим и этническим вопросам складывались весьма сложно, он мудро поддерживал эффективный канал секретной связи с советским ведомством по сотрудничеству в ядерной сфере. В течение короткого времени казалось, что Назарбаев наивно и парадоксально верит в то, что судьба Казахстана заключается в новых отношениях с Соединенными Штатами. Он и в самом деле построил такие отношения, но не в ущерб отношениям с Россией. Эта образовательная парабола привела его к нескольким выходящим за пределы обычного дипломатического протокола эпизодам с участием представителей Запада, например, дипломатии в парилке с Джеймсом Бейкером, встречам с Президентом Клинтон в Белом доме, саммиту ОБСЕ и *Операции Сапфир*. Тем не менее данные эпизоды стали лишь узором на торте, который изготовили, испекли и съели в сотрудничестве с Россией.

В результате завершения трагической ядерной истории Казахстана Назарбаев укрепил свою репутацию. Как только это стало возможным, он начал смелую борьбу с моральным злом ядерных испытаний и вооружений. Ощувив зарождение демократии, он почувствовал волю своего народа и его необоримое стремление к разоружению. На волне такой народной поддержки первым шагом Назарбаева на международной арене в качестве президента стал запрет на все ядерные испытания. После обретения независимости он рассматривал все варианты в отношении вооружений, унаследованных Казахстаном, но решительно воспротивился как

финансовым соблазнам сотрудничества с исламскими кругами в области ядерного оружия, так и националистическим призывам к ядерной независимости. Встав на путь разоружения, он мудро торговался с американцами, четко выстроил отношения с Китаем и реалистично вел дела с Россией. На протяжении этого трудного процесса все его основные действия оказались правильными. В результате он приобрел широкое уважение на международной арене, что усилило его позиции в решении конституционных и экономических проблем у себя в стране.

НОВАЯ ВАЛЮТА. НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ. НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Некоторые кризисы длятся дольше, чем другие. Нурсултан Назарбаев быстро урегулировал проблему ядерного оружия, которая вызывала споры среди его сограждан и беспокоила весь мир. Напротив, экономические и конституционные трудности Казахстана оказались более затяжными. На ранних стадиях Назарбаев допускал ошибки в суждениях. Но, в конце концов, он предпринял смелые шаги и разрешил большую часть проблем. Однако по мере того, как он решительно продвигался по пути радикальных реформ, критики начали обвинять его в недемократических, даже диктаторских действиях.

Валютный кризис с рублем был предсказуемым, тем не менее его наступление стало шоком для Назарбаева. В считанные дни после обретения независимости Казахстаном он осознал недвусмысленную опасность российского рубля, поставки которого и обменный курс целиком зависели от банкиров Москвы. Поэтому одним из его первых решений в качестве президента стал совершенно секретный указ о подготовке к введению национальной валюты. Кроме него, лишь пять человек знали этот государственный секрет; самым главным из них был председатель Национального банка Казахстана Галым Байназаров. Он вспоминает: «Президент подписал указ и отдал мне его единственный экземпляр на хранение в Национальном банке. Думаю, он надеялся, что исполнять его не потребуются, но в то же время опасался планов России в отношении будущего рублевой зоны. Поэтому меня уполномочили начать планирование нашей собственной валюты, что я и сделал, закупив новые компьютеры, сделав денежные подсчеты и даже подготовив дизайн банкнот».

Подготовка обсуждалась на ежемесячных совещаниях под председательством самого Назарбаева. На одном из них произошла забавная сцена, когда для просмотра принесли первые эскизы новых банкнот. На самой крупной купюре имелось изображение президента. Назарбаев, то ли из скромности, то ли из предосторожности, — а на тот момент инфляция превышала 2000 процентов, — отказался быть увековеченным таким образом, заявив: «Только где-то в Африке, кажется, в Гамбии, и еще где-то президенты при жизни печатают собственные физиономии на банкнотах».

Казахстанским художникам было поручено разработать дизайн национальной валюты. Еще одной задачей было найти для нее подходящее название. Назарбаев выбрал слово «тенге», которое имеет корни в средневековой истории казахов, когда в степи ходили монеты «таньга». Это название имеет и современное звучание,

так как русское слово «деньги» того же корня, что и «тенге». Такое сочетание древней и современной культуры характерно для Назарбаева.

Более проблематичным оказалось изготовление новой валюты. В Казахстане не было подходящего печатного оборудования. На российском монетном дворе заказ был невозможен, это сразу же выдало бы секрет. В конце концов контракт заключили с двумя опытными британскими компаниями Томас де ля Ру и Харрисон энд Санз. «Качество их банкнот, финансовая сторона контракта и вопросы конфиденциальности нас устроили», — рассказывал Назарбаев.

Несмотря на то, что первые образцы тенге тайно привезли в Алматы в начале 1993 года, Назарбаев был убежден, что в новой валюте не будет нужды еще несколько лет. Его ожидания основывались на очевидных фактах экономической жизни в рублевой зоне бывшего Советского Союза. Нравилось это казахским националистам или нет, большая часть торговли страны велась с Россией и оплачивалась в рублях. Назарбаев был в достаточной степени прагматиком, чтобы ясно осознавать: в краткосрочной и среднесрочной перспективе данное положение служит национальным интересам. «Я хотел обеспечить, чтобы мы оставались в рублевой зоне, — вспоминает он. — Конечно, за это приходилось платить ограничением суверенитета, так как россияне по понятным причинам настаивали на некоторой степени контроля над нашим дефицитом бюджета и потоком наличности. Наш Центральный банк подчинялся российскому. Однако оно того стоило, если означало, что наши заводы не потеряют связей со своими традиционными партнерами по бизнесу, а уровень жизни людей сильно не страдает».

К 1993 году многие заводы банкротились, рассыпаясь, как карточные домики, а уровень жизни простых людей катастрофически падал. Поэтому оптимизм президента выглядел, как триумф надежды над опытом. Тем

не менее Назарбаев упорно верил, что Казахстан останется в рублевой зоне. Почему? «Я доверял своим личным отношениям с тогдашним руководством России», — объясняет он. Этот комментарий о многом говорит. Не только потому, что в данном случае речь идет об ошибочном политическом суждении, но и потому, что раскрывает личные слабости Назарбаева. На протяжении всей своей карьеры он слишком легко доверялся ближайшим соратникам. Такая ахиллесова пята удивительна для политика, имеющего репутацию жесткой личности. Тем не менее, установив личные доверительные отношения с коллегой-политиком или правительственным чиновником, Назарбаев обычно слишком полагался на него. Однако «наградой» за такое доверие в первые годы независимости часто бывало разочарование.

В карьере Назарбаева было немного более плачевных примеров чрезмерного доверия, сменявшихся сокрушительным разочарованием, чем история его отношений с Виктором Черномырдиным. Тот стал Премьер-министром России в декабре 1992 года, после того как Егор Гайдар не набрал для утверждения на этот пост необходимого количества голосов в парламенте. Получив назначение, Черномырдин нанес свой первый зарубежный визит в Казахстан. Через три дня после вступления в должность он вылетел в Алматы для обсуждения некоторых важных двусторонних вопросов с Назарбаевым. Важнейшим был вопрос о валюте, в особенности о дефиците наличных рублей, тормозившем экономику Казахстана. Черномырдин обещал, что поставки наличности из Москвы увеличатся. Он также обещал, что в случае введения Россией собственной валюты Казахстан останется в рублевой зоне.

Данные заверения были подтверждены, когда Назарбаев и Черномырдин встретились вновь через несколько недель на Всемирном экономическом форуме в швейцарском Давосе в январе 1993 года. Они устроили совместный ужин в присутствии своих официальных де-

легаций. После трапезы и многочисленных тостов за дружбу президент и премьер-министр решили прогуляться. Во время прогулки по заснеженным улицам Давоса Черномырдин поделился важным секретом. С 1 апреля Россия выведет из обращения старый рубль с портретом Ленина и выпустит новые банкноты. «Однако это изменение не затронет Казахстан», — заявил Премьер-министр. Назарбаев говорил, что во время этого диалога Черномырдиным было обещано: «Не беспокойтесь, мы напечатаем деньги для Казахстана тоже».

«Хорошо. Но вы уверены в этом?» — переспросил Назарбаев.

«Да».

«Я могу надеяться?»

«Да».

Назарбаев не был настолько наивным, как может показаться из этого эпизода. Считая в душе, что российский лидер сдержит свое обещание, он также прислушивался и к рассуждениям своих молодых советников по экономическим вопросам, которые докладывали о слухах из Москвы, будто Центральный банк планирует меры, противоположные тем, что обещал Черномырдин в Давосе. «У нас было сильное подозрение, что тут ведут нечестную игру, — вспоминает Даулет Сембаев, первый заместитель премьер-министра Казахстана, отвечавший за текущее руководство экономикой. — Поэтому мы советовали президенту стратегию запасного коня».

Езда на двух конях не удалась, когда российский конь Назарбаева сошел с дистанции. Обещание Черномырдина обеспечить поставки новых банкнот в Казахстан 1 апреля оказалось первоапрельской шуткой. Деньги не прибыли. Центральный банк России прекратил печатать старые банкноты несколькими неделями ранее, обострив кризис Казахстана в выплате зарплат и пенсий. В это время печатались новые деньги. Однако они предназначались исключительно для России, так как московс-

кое руководство тайно вынесло решение создать новую национальную валюту, исключаящую Казахстан. Но об этом решении Назарбаев узнал из телефонного звонка Черномырдина 30 июня 1993 года. Сообщение российского премьер-министра было представлено в форме свершившегося факта, не подлежавшего обсуждению. Это шокировало Назарбаева. «Тогда мне казалось, да и теперь я так считаю, что это было несправедливо, — вспоминает он. — Мы доверяли России и нашим добрососедским связям. Этот шаг явился для Казахстана громом среди ясного неба».

После звонка Черномырдина Назарбаев сразу позвонил Даулету Сембаеву. «Все кончено, — срывающимся голосом сообщил президент. — Рублевой зоны больше нет. С завтрашнего дня Россия вводит новую валюту».

В следующие несколько недель в Казахстане царил экономический хаос. Несмотря ни на что, Назарбаев продолжал попытки честно вести переговоры с руководством России. Чтобы смягчить ущерб, он в августе вылетел в Москву для разговора с Борисом Ельциным и подписал с ним соглашение, сохранявшее Казахстан в новой рублевой зоне. Несмотря на дополнительные встречи с Черномырдиным в том же месяце, выполнение соглашения последовательно срывалось. Пока обсуждались условия поставки новых рублей, Казахстан наводнило огромное количество уже не имевших хождения старых рублей — не только в результате трансграничных спекуляций, но также и из восьми военных баз в стране, все еще находившихся под контролем России. Поток обесцененных денег в эти базы был явно частью чьего-то замысла в Москве. В течение нескольких недель общественность Казахстана почувствовала на себе тяжесть произошедшего. Старые деньги обесценились, инфляция усилилась, во всей стране воцарилась экономическая нестабильность, граничащая с паникой. 7 октября Назарбаев сделал попытку уладить проблему, под-

писав соглашение в Москве с участием представителей Узбекистана, Армении, Таджикистана и Беларуси о создании новой рублевой зоны. Она включала эти четыре страны плюс Казахстан и Россию. Однако российское правительство выдвинуло тяжелые условия. Оно настаивало, чтобы Центральный банк в Москве контролировал поставки наличности. Оно также потребовало, чтобы бюджет, налоги, таможенные сборы и процентные ставки Казахстана и остальных республик были объединены с российскими. Это означало потерю значительной части суверенитета, но Назарбаев решил принять эти условия и убедил парламент Казахстана ратифицировать соглашение 12 октября 1993 года.

Однако проблемы экономической жизни были заслонены куда более драматическими событиями в Москве, где Ельцин попал под пресс народных волнений и восстания парламента. В середине октября он подавил бунт силой, вызвав танки для расстрела российского Белого дома, здания парламента. Эти события обострили политический кризис. В российском правительстве образовалась фракция, решительно выступавшая против нового соглашения о рублевой зоне. О подобной оппозиции Назарбаев узнал только 19 октября, когда Александр Шохин, заместитель Премьер-министра, отвечавший за интеграцию денежных систем шести республик, прилетел в Алматы. Назарбаев поинтересовался, будет ли продолжаться строительство новой рублевой зоны?

«Нам не удастся этого сделать, — отвечал Шохин. — Теперь у нас разные интересы». Назарбаев был потрясен. «Стало ясно, что идея сохранения Казахстана в рублевой зоне себя исчерпала, — вспоминает он. — Все декларации и совместные заявления, подписанные мной с Ельциным и Черномырдиным, ничего не стоили. С самого начала они собирались вытолкнуть из нее Казахстан». Позже, говоря о своем горьком опыте, Назарбаев рассуждал: «Я получил урок, что главы государств дру-

зей не имеют. Они имеют интересы своей страны и народа. Независимое государство должно полагаться на собственные силы и заранее быть готовым к любым трудностям».

Несмотря на наивность Назарбаева в отношениях с Черномырдиным и Ельциным, у него имелся план «Б» введения в Казахстане собственной валюты. Секретный указ об осуществлении подготовительной работы по введению тенге, подписанный в начале 1992 года, в срочном порядке изменили, включив в него положение о создании официальной правительственной комиссии по введению тенге. Изучив различные временные решения, комиссия, возглавляемая Назарбаевым, решила ввести новую валюту одним внезапным и быстрым маневром. Это была широкомасштабная операция с организационной, политической и экономической точек зрения. Организационная работа потребовала отправки группы специальных транспортных самолетов в Лондон для перевозки новых банкнот, а вслед за этим — быстрой акции по их распределению по стране. «Эту операцию провели в глубокой тайне под контролем Комитета национальной безопасности, — вспоминает Назарбаев. — Я недвусмысленно объявил, что любой, раскрывший тайну, будет немедленно уволен и предан суду. В невероятно короткий срок, всего за неделю, и с завидной четкостью банкноты доставили не только в банки каждого города и области, но и на почтовые отделения даже самых малых деревень».

После физического распределения наступил момент политического заявления. Эту работу мог проделать только президент. Готовясь к выступлению по национальному телевидению в пятницу вечером 12 ноября для объявления народу о введении новой валюты со следующего понедельника, Назарбаев в несвойственной ему манере признал, что чувствует себя «чрезвычайно взволнованным». Для подобного состояния духа существовало несколько причин. Больше всего его беспокоило, что

он не имел ни малейшего понятия, как отреагирует общество. Он осознавал, что введение тенге было навязано Казахстану обманом и предательством российских чиновников. Но он не мог признать этого в своем выступлении перед народом, который по этническому составу примерно на 30 процентов состоял из русских. Поэтому ему пришлось сделать вид, будто раскола с Москвой не существует, а введение новой валюты не повредит экономическим и деловым связям с могущественным соседом. Поскольку ввоз валюты держался в глубокой тайне даже от правительства Ельцина, которое и не подозревало, что она будет введена настолько быстро, Назарбаев пытался также угадать и его реакцию. В своем выступлении он выбрал осторожную линию, стараясь не оскорбить россиян и в то же время апеллируя к казахской национальной гордости по поводу исторического шага по укреплению суверенитета страны. Такого баланса было трудно достичь, но тщательно подобранные Назарбаевым выражения вылились в речь, политическая составляющая которой оказалась приемлемой для большей части его слушателей.

Что касается изначальных экономических суждений на момент введения тенге, то они оказались намного менее удачными. Хотя практически операция была проведена успешно, в течение пятидневного переходного периода, когда в обращении находились новая и старая валюты, были сделаны серьезные ошибки. Золотовалютные резервы страны, составлявшие 700 миллионов долларов, оказались недостаточными для поддержания курса новой валюты. Первоначальный обменный курс тенге по отношению к доллару США, был установлен слишком высоким, 1:5. Однако в считанные дни курс вынужденно девальвировался на 50%. Президенту, с естественной ловкостью избегавшему вовлеченности в неудачные решения, удалось подняться выше неизбежной критики со стороны общества, которая последовала за девальвацией денег с соответствующими отрицательными послед-

ствиями для сбережений, пенсий и финансового состояния промышленных предприятий. Позже, комментируя эти события, Назарбаев возложил ответственность за ошибочные суждения на своего премьер-министра. «Девальвация стала серьезной ошибкой Сергея Терещенко, — заявил Президент. — Ему следовало немедленно уйти в отставку, а не оставаться в должности, как он это сделал, до октября 1994 года». В других высказываниях в падении тенге был обвинен парламент. Такие отговорки представляли собой лишь политический манёвр, особенно со стороны президента, который редко тянул с отставками плохо работавших министров. На самом деле ключевые решения по тенге, в том числе по его обменному курсу, принимались коллективно всей экономической группой, возглавляемой президентом. Со своей стороны, Терещенко признал свою ошибку, но с оговоркой: «В момент введения новой валюты мы все оказались в плену своих иллюзий. Мы все были уверены, что удержим курс на уровне 1:5, но это оказалось слишком уж романтическим взглядом». Нет сомнений, что в то время Назарбаев также разделял подобные романтические взгляды.

Несмотря на то, что новую валюту лихорадило в течение первых нескольких месяцев, с точки зрения исторической перспективы введение тенге стало важнейшим достижением, принесшим экономическую и политическую стабильность. С тактической стороны имелись проблемы. Но стратегически это стало смелым шагом, который укрепил независимость и суверенитет Казахстана. В конце концов тенге начал котироваться на международных рынках по курсу примерно 70 за один доллар. С этим курсом экспорт и производительность Казахстана начали расти. Наблюдалось сравнительное улучшение платежного баланса страны, а также состояния ее золотовалютных запасов. Таким образом тенге стал важной составляющей выхода страны из экономического хаоса и обретения ею конкурентоспособности.

Влияние тенге на национальное самосознание казахов оказалось даже важнее, чем его вклад в экономический успех. В тот момент выход из рублевой зоны был вынужденным, но темпы и решительность, с которыми была введена новая валюта, обеспечивались усилиями Назарбаева, Терещенко и других ключевых членов комиссии по валюте. Ни народ, ни парламент Казахстана не были психологически готовы к подобному важному событию, но после того как банкноты получили хождение, а грозные темпы девальвации сменились более плавным изменением курса, независимая валюта стала предметом национальной гордости. Она стала важным шагом в становлении суверенитета страны. Назарбаев совершенно справедливо говорил: «Тенге является неотъемлемой частью нашей истории и вехой нашего времени».

* * *

В истории с тенге действия Назарбаева представляли собой рискованное сочетание консерватизма и активности. Перед лицом своего следующего масштабного кризиса, связанного с парламентом и конституцией, он повел себя гораздо решительнее. Частично это объясняется тем, что данная драма разворачивалась внутри страны. Однако, как и в случае с тенге, там возникла цепочка удивительных событий, давших ему возможность действовать решительно.

Введение новой валюты выявило фундаментальные пороки конституции 1993 года и Верховного Совета как высшего органа парламентской власти Казахстана. Многие депутаты старой гвардии не понимали, за что они голосовали при замене рубля на тенге. Еще менее того они понимали необходимость принятия срочных законодательных мер для реформирования склеротичной экономики, испытывавшей давление инфляции и валютных спекуляций. Отношения парламента и президента стре-

нительно ухудшались. Как говорил Назарбаев, «Верховный Совет оказался неспособным принимать законы. На его заседаниях происходили долгие бесполезные дискуссии, а между сессиями — длинные перерывы. Мы бесконечно ожидали решений парламента, это производило впечатление, что он просто блокирует разработку законодательной базы экономической реформы... вопрос высшей власти постоянно оспаривался».

Разочарование президента разделялось все большим числом парламентариев. В декабре 1993 года 200 из 360 членов Верховного Совета подали в отставку. Подобный самороспуск, описанный Назарбаевым, как «одно из наиболее драматических событий в истории независимого Казахстана», был подобен голосованию индеек за Рождество. Почему они так поступили? Это можно объяснить испугом от событий, происходивших внутри и за пределами страны. Страх вызывали гиперинфляция и шатающаяся валюта. Еще более тревожным стал пример столкновения между исполнительной и законодательной властью в соседней России, где Ельцин приказал Кантемировской танковой дивизии открыть огонь по зданию парламента. Аналогичные столкновения происходили по всему региону, в частности, в Грузии, Азербайджане и Таджикистане. Неудивительно, что большая часть казахских депутатов захотела уйти от ответственности за потенциальное кровопролитие в собственной стране. По этой причине 8 декабря 1993 года они проголосовали за роспуск парламента, передав свои полномочия исполнительной власти.

В период с декабря 1993 года по март 1994 года Назарбаев управлял страной президентскими указами. Он начал программу экономических реформ и назначил дату следующих выборов. После интенсивных переговоров было решено, что новый парламента будет однопалатным и состоять из 177 профессиональных депутатов. К сожалению, их профессионализма хватило всего на несколько недель с момента мартовских выборов. Через 12 не-

дель парламент вернулся к скверным привычкам своих предшественников оттягивать принятие законов, мешать программе реформ и обустроивать собственное гнездышко. После тринадцати недель бесполезных дебатов, задержавших исполнение его бюджета, Назарбаев заявил, что «он глубоко разочарован». Он остро критиковал депутатов за то, что в течение первого года они приняли всего семь новых законов, в то же время повысив себе зарплату и надбавки, обошедшиеся республике более чем в миллиард тенге. Еще серьезнее оказалось нежелание парламента голосовать за важнейшие правительственные реформы, включавшие равноправие языков, равенство перед законом, права частной собственности и приватизацию крупных производственных предприятий.

От дальнейших разочарований законодательной властью Назарбаева спасло неожиданное событие. Оно возникло из скандала в одном из избирательных округов, где проигравший кандидат на мартовских выборах 1994 года заявила о допущенных там нарушениях выборного законодательства. Этот кандидат, Татьяна Квятковская, обратилась с жалобой в Центральную избирательную комиссию, в газеты и в суд. К удивлению многих наблюдателей, в том числе президента, в марте 1995 года Конституционный суд вынес решение в пользу Татьяны Квятковской. Суд постановил, что в ее округе и в округах по всей стране метод подсчета голосов, введенный Центральной избирательной комиссией, привел к широкомасштабным нарушениям конституционного принципа «один человек — один голос», что обернулось искажением результатов голосования.

Потребовав дальнейших разъяснений от Конституционного суда, Назарбаев пришел к выводу, что решение высшей правовой инстанции лишает конституционной силы мандаты всех депутатов. По этой причине он распорядился распустить парламент. Это его решение встретило сильное противодействие, в особенности сре-

ди самих депутатов. Руководимые Олжасом Сулейменовым, не только депутатом, но и известным поэтом, 70 из 177 членов парламента проголосовали против роспуска. Еще несколько голосов против могли вызвать серьезный конституционный кризис. Назарбаев понимал, что его решение стало «одним из самых трудных в его карьере», но сохранял твердую позицию, несмотря на демонстрации, голодовки и другие протесты несогласных депутатов. Вскоре выяснилось, что общественное мнение проявляло гораздо больше безразличия к существованию парламента, чем сами парламентарии. Депутатам не удалось продолжить свои протесты, не пользовавшиеся народной поддержкой. Заметив, что обвинения его критиков в диктаторских устремлениях общественность игнорирует, Назарбаев предпринял молниеносный ход. Он объявил референдум, продлив срок своего президентства еще на шесть лет. Избирателям задавался один простой вопрос: «Поддерживаете ли вы продление срока полномочий избранного народом Президента до декабря 2000 года?» На деле это был запрос на вотум доверия. Возражая своим критикам, Назарбаев начал кампанию по референдуму вызовом: «Мы слышим крики о том, что будет диктатура. Да, будет диктатура, но диктатура конституции и верховенства закона. Опасность реальной диктатуры возникает, когда под прикрытием демократических лозунгов рождается хаос и анархия. Тогда народ требует твердой руки».

Требование Назарбаева управлять твердой рукой возмутило его оппонентов, но встретило согласие среди народных масс. Большинство казахов были обеспокоены борьбой за власть между президентом и парламентом. Они опасались повторения в Алматы кровопролитных столкновений, имевших место в Москве несколькими месяцами ранее, и инстинктивно предпочли решительное правление с сильной личностью шаткому застою со слабым парламентом. Кроме того, в общественном мнении за стенами парламента ширилось

понимание, что реформаторский курс на приватизацию и свободный рынок является единственной жизнеспособной альтернативой для экономики. По этим причинам президентский референдум встретил волну поддержки. В результате голосования 29 апреля 1995 года Назарбаев победил подавляющим большинством голосов, получив 95 процентов от брошенных бюллетеней. Хотя в глазах скептически настроенных наблюдателей такое преимущество выглядело неправдоподобно большим, их утверждения о махинациях при подсчете голосов можно оставить без внимания. Не было сомнений, что большая часть избирателей действительно поддерживают своего президента.

Назарбаев охотно пользовался президентскими полномочиями, но был слишком умным политиком, чтобы использовать победу на референдуме в качестве опоры для неприкрытой диктатуры. Он понимал, что это сделает его парией в глазах международных СМИ и демократических стран мира. Он также осознавал, что незаконными и неконституционными действиями в долгосрочной перспективе утратит поддержку собственного народа. Поэтому он постоянно подчеркивал, что правит страной в соответствии с разделом конституции 1993 года, допускающим *временное* предоставление дополнительных полномочий президенту республики. В соответствии с данными полномочиями Назарбаев своей первоочередной задачей считал разработку новой конституции.

В 1993 году, в период своей неудачной попытки разработать приемлемый Основной закон, президент сформировал группу молодых преподавателей-юристов и специалистов по конституционному праву. В апреле 1995 года после роспуска парламента эту группу возродили. К Назарбаеву вызвали двух самых сильных и квалифицированных её членов, Бауржана Мухамеджанова и Константина Колпакова. Возглавлял группу министр юстиции Н.А. Шайкенов. Президент сказал им: «Поручаю вам работу по разработке новой конституции Казахста-

на. Вы освобождаетесь от всех других обязанностей. Переселяйтесь в мою официальную резиденцию и работайте самостоятельно. В этом великом деле вам никто не будет мешать».

Молодые преподаватели-юристы, которым не исполнилось и 30-ти, принялись за работу. Они имели хорошую закалку, обладая опытом двухлетних баталий в попытках написать конституцию 1993 года, оказавшуюся неудачной. Теперь, избавленные от императива сделать свою работу приемлемой для консерваторов в ныне распущенном Верховном Совете, Колпаков и Мухамеджанов заработали на пределе человеческих возможностей. «Мы не чувствовали бремени своей исторической миссии, — вспоминал Мухамеджанов. — Мы были просто молодыми юристами, полными творческих идей, которые без конца дебатировали и опробовали в интенсивных дискуссиях с президентом. Он бывал у нас каждый день. Обычно он приезжал около 8 часов вечера, привозил с собой множество записей. За ужином он часто говорил: «Вот то, что, по-моему, должно быть в той или иной части новой конституции, но я этого не навязываю. Скажите, что вы думаете об этом, после дополнительного анализа».

Свидетельницей царившей атмосферы академического обмена была Загипа Балиева, безработный депутат, будущий министр юстиции. Однажды вечером она посетила президентскую резиденцию Алатау, когда группа по разработке конституции обсуждала вопрос, быть ли законодательному органу однопалатным или двухпалатным.

«Меня поразила неформальность и интенсивность процесса, — вспоминает госпожа Балиева. — В тот прекрасный майский вечер Президент сидел в саду в рубашке с расстегнутым воротом, вместе с этими молодыми людьми просматривая множество бумаг. Он страстно обсуждал аргументы за и против второй палаты, зачитывая цитаты из конституций других стран. Помню выкри-

ки: «Неправильно!», «Докажите мне!», по мере того, как дебаты принимали тот или иной оборот. Потом наступил перерыв, Президент ушел, и я слышала, как один из молодых советников сказал другому: «По идее, мы — юристы по вопросам конституции, но он знает аргументацию лучше нас».

Из этих и других живых рассказов о процессе разработки конституции видно, что Назарбаев лично и глубоко вникал во все аспекты составления ее текста. В разгаре этого процесса он взял то, что он назвал «двухнедельным отпуском», который использовал для изучения конституций более 20 стран, азиатских и западных. Среди важнейших источников находились конституции Франции и Сингапура. Но Назарбаев подчеркивал своим экспертам: «Нам не нужно копировать чью-то конституцию. Наш Основной закон должен иметь казахский почерк, включать древние казахские традиции и казахское видение будущего, к которому мы стремимся».

После того как президент и его молодые помощники выковали первую редакцию новой конституции, ее проанализировал и в значительной степени изменил Консультативный экспертный совет, возглавляемый министром юстиции Н.А. Шайкеновым. Совет включал двух видных политиков Франции Жака Аттали и Ролана Дюма. Их влияние оказалось значительным, так как в результате конституция устанавливала деголлевскую президентскую Республику Казахстан, где главе государства придавались важнейшие полномочия. Однако у президента Казахстана оказалось больше ограничений, чем имел президент Франции, на что часто указывал Назарбаев в спорах со своими критиками. Но в ней содержались и некоторые жесткие запреты против организаций, пытающихся нарушить целостность республики, возбудить расовую, религиозную или клановую вражду или же насильственно изменить конституционный строй. Назарбаев настаивал, что в эпоху международного терроризма и религиозного экстремизма такие пол-

номочия, предоставляемые президенту, являются необходимыми.

В биографии подробный анализ национальной конституции неуместен. Но Назарбаев оставил свой след в конституции Казахстана 1995 года как личность и как Президент. Это его детище на каждой стадии работы — от рождения концепции до ратификации. На всем протяжении этого процесса он впитывал правовые идеи, ощущал культурные влияния и прилагал практические усилия, чтобы заручиться поддержкой общества. Но даже при этом конституция возникла из его собственного опыта государственного деятеля. Он знал, что именно не работало в старых советских моделях. Его разочаровала пропасть между эффективно работавшим правительством и парламентской говорильней в эпоху неудачной конституции 1993 года. Он предпочел положения конституции, которые, как он убедился, доказали свою действенность в других странах. Финальный текст, возможно, отражает творческую борьбу между его прошлым, когда он автократически правил республикой бывшего Советского Союза, и его потенциальным будущим в качестве демократа, стремящегося к грядущему международному признанию и глобальной экономической стабильности.

Поэтому, как и все работающие конституции, конституция Казахстана 1995 года стала компромиссом. Она прошла 18 «окончательных» редакций, прежде чем удовлетворила Назарбаева и его экспертов. Затем была представлена на всенародное обсуждение. В результате этого процесса в нее было внесено более 1100 поправок, 55 из 98 статей подверглись изменению. 30 августа 1995 года состоялся общенациональный референдум по вопросу: «Принимаете ли вы новую конституцию Республики Казахстан, проект которой опубликован в прессе 1 августа?» В результате голосования 89 процентов голосов было отдано за конституцию. Некоторые журналисты на пресс-конференции, устроенной на следующий день,

посчитали, что большинство выглядит слишком высоким, и задавали вопрос, не вмешивались ли в процесс голосования правительственные чиновники. Назарбаев отвел такие сомнения, заявив, что за ходом референдума следили более 1000 наблюдателей, в том числе много иностранных, и что о серьезных нарушениях не сообщалось.

После завершения процесса принятия Конституции Назарбаев находился в приподнятом настроении. «Я испытывал огромное удовлетворение, — вспоминает он. — У каждого политика есть свой момент славы и чувство полного удовлетворения от того, что он исполнил свой долг». В ореоле славы на пресс-конференции после референдума Назарбаев отвечал на вопросы о том, чему он научился за первые четыре года независимости в период 1991–1995 годов. Свой ответ он начал с воспоминаний детства, с отца Абиша Назарбаева, заботливо взращивавшего яблони на клочке земли в деревне Чемолган:

— Вы сажаете картофель, и осенью у вас уже урожай. А чтобы получить яблоки с яблони, вы ждете пять или шесть лет, — говорил Президент. — За последние несколько лет никто на всем постсоветском пространстве не сказал нам, как это все можно сделать быстро. Но нам удалось главное — сохранить спокойствие на родной земле, в Республике Казахстан. Мы не допустили кровопролития. Мы управляем собственными финансами. Мы начали управлять своей экономикой и знаем, как идти к лучшей жизни. За это время мы добились доверия во всем мире. В Казахстан текут инвестиции.

* * *

Назарбаев не зря связывал разработку конституции с привлечением иностранных инвестиций. Он четко осознавал, что без притока иностранных финансов и опыта менеджмента экономика Казахстана будет иметь мрачное будущее. Но какие иностранные компании будут делать инвестиции в бывшую коммунистическую

страну, не имеющую стабильной законодательной базы не только для собственных граждан, но и для иностранных инвесторов? Им нужно законодательство, гарантирующее такие аспекты, как права собственности, вывоз прибыли и поддержка принципа свободного предпринимательства, при котором иностранные компании способны процветать.

Назарбаев воспользовался возможностью обеспечить инвесторам благоприятный режим в Казахстане уже в 1993–1995 годах, когда он управлял страной большей частью на основе президентских указов. Для него это была временная, но законная возможность, позволявшая действовать в качестве исполнительной и законодательной власти в одном лице, в условиях, когда парламент был распущен. Используя обширные властные полномочия, данные ему конституцией, Назарбаев за 12 месяцев издал 141 президентский указ, которые в основном относились к экономическим вопросам, связанным с деятельностью иностранных инвесторов. Среди них наиболее важным была приватизация.

Назарбаев начал выступать за приватизацию со времени первых встреч с Маргарет Тэтчер, которая стала пионером в проведении подобной политики на посту Премьер-министра Великобритании в 1979–1990 годах. Первый эксперимент по приватизации правительство Казахстана провело в 1993 году, когда государственная табачная фабрика Алматы была продана американской компании Филипп Моррис за 120 миллионов американских долларов. Оставаясь государственным предприятием, фабрика почти обанкротилась, не выплачивала рабочим зарплаты, не могла закупать запчасти для станков или инвестировать в новое оборудование. Став собственником, компания «Филипп Моррис» вложила в фабрику 240 миллионов американских долларов, установила новое оборудование для производства сигарет, повысила зарплату рабочим и обеспечила высокие прибыли компании. Проведенная операция рассматривалась как

показательный пример приватизации, в результате которой в правительственную казну посыпалась твердая валюта в период острого дефицита налоговых сборов. В то же время почти заброшенное предприятие было возрождено на благо его сотрудников и потребителей. Убедившись, что экономическая теория успешно работает в промышленной реальности, Назарбаев решился на еще более смелые эксперименты в приватизации. В течение последующих двух лет он разрешил иностранным инвесторам выкупить 94 крупных промышленных государственных предприятия, в том числе сталелитейные заводы, угольные шахты, золотые прииски, электрические компании, нефтеперерабатывающие предприятия и национальную авиакомпанию.

Продажа таких активов неизбежно вызывала критику. Но Назарбаев твердо придерживался своей политики, возражая оппонентам, что те проявляют «советскую ксенофобию, которая считала любое иностранное присутствие равносильным предательству». Впоследствии он признавал, что в спешке при переводе государственных предприятий на рельсы свободного рынка допускались ошибки. «Процесс экономической реформы не был защищен от ошибочных мер, необдуманных решений и социальных конфликтов, — вспоминает он, — но в наших условиях острого кризиса приватизацию нельзя считать «справедливой» или «несправедливой». Ее можно оценивать только с точки зрения эффективности или неэффективности».

В этом процессе перед Назарбаевым встали две огромные задачи. Первая заключалась в перестройке менталитета населения, где страх перед частной собственностью доминировал над преимуществами свободного рыночного капитализма. Во-вторых, следовало избежать «бандитского капитализма» соседней России, где крупные государственные монополии передавались горстке богатых олигархов без какой-либо пользы для общества.

Решая первую задачу, Назарбаев выигрывал свои сражения, решительно двигая вперед приватизацию. В течение некоторого времени его реформы оставались непопулярными. Ему пришлось напрячь все свои ораторские способности, чтобы убедить общественное мнение сменить врожденное недоверие к свободному предпринимательству и несущим его иностранным инвесторам. Задача оказалась трудной, и часть населения на протяжении некоторого времени не удавалось убедить. Но Назарбаев продолжал мужественно поддерживать приватизацию. Свой подход он объяснял так: «Не было времени дожидаться, пока абсолютно все будут убеждены, и только потом проводить реформы. Ожидай мы полного согласия, просто не осталось бы ничего — ни государства, ни экономики — для реформирования».

Несмотря на форсированность своих действий, Президент Назарбаев в ходе широкой приватизации постоянно оглядывался на Россию. Он внимательно наблюдал за московскими олигархами, все более убеждаясь, что их стремление к власти неприемлемо для Казахстана. Назарбаев намеревался создать гораздо более широкий класс собственников, извлекающих пользу из распродажи национальных активов. Он селективно проводил свою политику. Критики заявляли, что в результате фаворитизма и дружеских связей президента лишь горстка казахов, включая родственников Назарбаева, приобрела огромные богатства. Справедливости ради следует сказать, что новые богатства страны распределялись гораздо более равномерно, чем в России, не оставаясь в пределах регионов и племенных границ древнего казахского общества. Для этого Назарбаев изобрел многоуровневый подход к распродаже государственных активов, применяя разнообразные методы, такие, как «Инициативная приватизация», «Чековая приватизация», «Малая приватизация» и «Агроприватизация». Общим результатом таких схем стало то, что они ради-

кально изменили отношение к частному сектору. Отбросив страх перед капитализмом, люди стали понимать его преимущества по мере того, как полки магазинов наполнялись продуктами питания, стали расти, как грибы, новые предприятия обслуживания, включая гаражи и ремонтные мастерские, и начал появляться новый слой общества в виде собственников малых и средних предприятий. Взгляд Назарбаева на то, каким должен быть средний класс собственников, частично формировался на исконных казахских традициях, где семьи, орды и жузы участвовали в кочевой жизни на основе индивидуального владения и равных возможностей. Но он также многое почерпнул из современного опыта западных стран во время поездок за рубеж. Интенсивно расспрашивая хозяев в ходе визитов в Европу, Азию или обе Америки, Назарбаев понял, что совокупная сила среднего класса собственников, предпринимателей и бизнесменов обеспечивает стабильность в их странах. Поэтому он твердо решил привнести многие из таких ценностей в общество Казахстана. Так, менее чем за десятилетие состоялся поворот мышления Назарбаева от коммунизма к тэтчеризму. Убедившись, что новое видение жизнеспособно, он начал воплощать свою политику решительно и энергично.

Программа Назарбаева, включавшая такие ключевые элементы, как экономическая, конституционная реформы, введение национальной валюты и приватизация, вскоре начала приносить результаты. После кошмарного 1993 года, когда инфляция достигала 2600 процентов, пакет реформ по сокращению расходов и реконструкции умерил инфляцию до 59 процентов к 1995 году и впоследствии неуклонно снижал ее уровень. К 1996 году ВВП Казахстана вновь начал расти, впервые после 80-х годов, а к концу 90-х более 90 процентов производственных предприятий страны находилось в частной собственности. Последующие сбои и проблемы в экономическом росте были неизбежными, особенно в связи со

спадом в Азии 1998–1999 годов и глобальным финансовым кризисом 2008–2009 годов, хотя между этими двумя кризисами в Казахстане в течение девяти лет экономический рост обозначался двузначными цифрами.

Такой переход от мрачного советского упадка к сильной и динамичной свободной рыночной экономике произошел во многом благодаря программе реформ Назарбаева в 90-х годах. Однако в деятельности президента есть еще две важные составляющие, которые преобразили страну. Первая — мирные отношения с соседями. Вторая — превращение Казахстана в державу, добывающую нефть и другие полезные ископаемые.

РОССИЯ, КАСПИЙСКОЕ МОРЕ И КИТАЙ

Москва, богатое нефтью Каспийское море и Пекин. Таковы были политические и экономические императивы, способные обеспечить или перечеркнуть будущее Казахстана как нового независимого государства. И в каждом из них Назарбаеву предстояло разыграть соответствующую карту. Иногда он блефовал, в других случаях пускал в дело свой шарм, но даже когда на руках были все козыри, ему приходилось оставаться осторожным и тонким переговорщиком. Он не мог себе позволить раздражать соседние сверхдержавы по вопросу о границах. Не мог он и уступить их давлению по двусторонним вопросам, имевшим значение для национальных

интересов Казахстана. В Каспийском море у него оказалось достаточно проблем с американскими нефтяными компаниями и международными нефтепроводным консорциумами. У его менее крупных соседей появлялись комплексы политического соперничества и личной ревности. Тем не менее, несмотря на постоянное давление и нередкие ошибки в подборе назначенцев и помощников, Назарбаев мало-помалу стал несомненным лидером всего региона. К концу XX века Казахстан находился далеко впереди таких стран СНГ, как Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Азербайджан и Украина и выглядел намного здоровее ельцинской России с точки зрения экономического прогресса и политической стабильности. «Большая игра», которую Назарбаев вёл в Средней Азии в 1990-х годах, представляет собой сложную, захватывающую историю.

Правительство Бориса Ельцина было непредсказуемым в его затяжных спорах с Казахстаном. Не успели утихнуть волнения по поводу валютных потрясений рубля и тенге, возник еще один спор, накаливший атмосферу отношений между двумя странами. Новые трения касались судьбы космодрома Байконур. Расположенная в Центральном Казахстане, эта овечьная легендами пусковая площадка вызывала сильные политические эмоции в обеих странах. Когда общественное мнение Казахстана потребовало закрыть Байконур, это задело за живое руководство в Москве.

Россияне вправе гордиться Байконуром, жемчужиной программы космических исследований Советского Союза. Изначально он строился в качестве первой базы военных МБР, затем его роль изменилась, и он стал местом старта для целой серии исторических запусков космических кораблей. Они включали в себя полет первого искусственного спутника земли в 1957 году, первый орбитальный полет Юрия Гагарина в 1961 году, полет первой женщины-космонавта Валентины Терешковой в 1963 году и последующие запуски космических ко-

раблей «Союз», «Протон» и «Циклон». В то время эти достижения опережали результаты аналогичных программ Соединенных Штатов, став источником великой гордости за народ и ученых России, особенно тех, кто руководил проектами космических исследований на Байконуре.

Слово Байконур в переводе с казахского означает «богатая бурая земля с высокой травой». Оно символизирует плодородный пояс степных пастбищ примерно в 120 милях к востоку от Аральского моря, где Советы построили свою базу, первоначально названную Ленинск. При базе, охраняемой армейской дивизией и раскинувшейся примерно на 60 миль в длину и 50 миль в ширину, Советы возвели целый город, населенный учеными, техниками и военными.

После обретения Казахстаном независимости многие националисты призывали к закрытию космодрома. Частично это объяснялось экологическими причинами. Пренебрежение советских властей к охране окружающей среды в Казахстане приводило к тяжелым последствиям. После радиоактивного заражения в регионе Семипалатинска опаснейшие экологические катастрофы выпали на долю Центрального Казахстана, включая высыхание Аральского моря и приведения в негодность сельскохозяйственных земель вокруг военных баз. Поэтому в основе протестов против Байконура лежали стремление защитить окружающую среду, а также неоспоримый юридический довод, что космодром, в силу географического положения, должен перейти под юрисдикцию Казахстана. Со своей стороны, россияне утверждали, что это они построили Байконур, управляли им на протяжении более 40 лет и превратили его в уникальный научный центр мирового масштаба, так что космодром должен оставаться под их юрисдикцией и контролем.

Расхождение в позициях по этому поводу вызывало сильные трения между Россией и Казахстаном. Хотя

стороны подписали договор о дружбе и сотрудничестве в 1992 году, Байконур становился ложкой дёгтя в бочке мёда межгосударственных отношений. Оба президента испытывали сильное давление соответствующих лобби и общественного мнения в своих странах. Так что при визите Назарбаева в Москву в марте 1994 года Байконур стал главным вопросом дня.

Переговоры в Кремле заняли много часов и продемонстрировали различия в стиле их ведения. Поначалу Назарбаев произвел эффект знанием деталей. Однако Ельцин также показал подготовку, в особенности по вопросам командования и управления. Назарбаев вывел переговоры за рамки спора двух соседних государств, заявив, что «в будущем Байконур должен принадлежать не только Казахстану и России, но всему миру и человечеству». Такое глобальное видение явно понравилось Ельцину, который вразрез с рекомендациями своих советников ответил: «Хорошо, я готов признать юрисдикцию Казахстана над Байконуром при условии, что мы сохраняем контроль над ним — но платить за него аренду Казахстану мы не намерены».

Считая, что такая важная уступка по юрисдикции улаживает спор, Ельцин распорядился: «Несите водку!» Вошел официант с двумя стопками, поставив по одной перед каждым президентом. «Нет, принесите четыре рюмки. Для решения такого важного вопроса каждому нужно по две рюмки», — приказал Ельцин. Когда принесли еще две рюмки, Назарбаев присоединился к первому тосту. Атмосфера разрядилась, и он воспользовался возможностью снова вернуться к вопросу оплаты Россией аренды космодрома.

«Почему же вы не хотите платить нам?» — осведомился казахский лидер.

«Потому что мы уже сделали вам огромную уступку по вопросу о юрисдикции. Этого достаточно», — отвечал Ельцин.

Назарбаев указал, что он также сделал крупную уступку, согласившись на то, что Байконур будет управляться и обслуживаться Россией.

«Казахстан никогда не согласится с тем, что вы ничего за это не будете платить, — продолжал Назарбаев. — Неужели вы не сможете платить символическую аренду? Россия — огромная страна с большими ресурсами и финансовой мощью».

Этот сомнительный комплимент российскому экономическому величию подтолкнул Ельцина к следующему шагу в переговорах.

«Сколько?», — спросил он.

«Символическую сумму. Предлагаю 250 миллионов долларов в год», — отвечал Назарбаев.

«Я считаю это большой цифрой, а не символической», — возразил Ельцин.

«Ну, тогда как насчет аренды в 100 миллионов долларов в год? — спросил Назарбаев, добавив шутливо, — и еще 15 миллионов долларов в год, как символ нашей дружбы».

«Хорошо, согласен, — заявил Ельцин, шлепнув ладонью по столу и засмеявшись по поводу 15-и процентов за дружбу».

Быстрота и решительность сделки застала окружение президентов врасплох. Российский министр иностранных дел Андрей Козырев прибежал и начал нашептывать возражения на ухо Ельцину.

«Сядь и умолкни, — резко бросил Ельцин. — Я Президент России, и я принял решение».

Назарбаев также выслушал ворчание членов своей делегации по поводу потери контроля над Байконуром. Но и он игнорировал возражения. Президенты немедленно подписали соглашение о 20-летней аренде космодрома, в котором заранее неоговоренная сумма аренды в 115 миллионов долларов в год была вставлена в текст рукой Ельцина.

В отношении Назарбаева и Ельцина можно употребить русскую поговорку «сделаны из одного теста». Трудно объяснить их взаимную симпатию, их бесцеремонный стиль общения и способность к таким трудным и важным договоренностям, как соглашение о Байконуре. Они оба начинали игроками задней линии, проделавшими трудный путь в политической жизни. Взращенные на ниве скромного происхождения, они находились скорее под влиянием внутренних инстинктов, чем внешнего давления. В этом конкретном случае обмен уступками, юмор и четыре рюмки водки являлись спектаклем. В реальности оба знали, что соглашение по Байконуру отвечало интересам их стран и что оно гораздо предпочтительнее долгой конфронтации. Несмотря на жесткую критику, в том числе в российской Думе и казахском парламенте, соглашение по Байконуру (хотя первый взнос по аренде был внесен только через 5 лет!) выдержало испытание временем. Российская программа космических исследований продолжала работать, а казахские ученые и космонавты стали активно участвовать в исследованиях и пилотировании космических кораблей.

* * *

Гораздо более трудным оказался вопрос о том, кто владеет нефтью в Каспийском море и на его шельфе? Из всех проблем, которые вставали перед Назарбаевым в 1990-х годах, ни одна не занимала столько времени, не включала столько запутанных аспектов и не принесла в конечном итоге столько выгод для Казахстана.

Назарбаев стал первым из всех политических руководителей стран Центральной Азии, увидевшим колоссальный потенциал запасов нефти в Каспийском море. Он не имел понятия, что однажды их оценят примерно вровень с нефтяными кладовыми Саудовской Аравии. Но сочетание удачи, умения извлекать выгоду, диплома-

тии и отчаянной торговли, в конечном итоге, поставило Казахстан на передовую позицию в гонках, где призом было одно из богатейших нефтяных месторождений мира XXI века.

Удача поначалу представилась несчастьем: пожаром и затем выбросом горячей нефти на одной из скважин на берегу Каспийского моря, известной, как Т-35. Авария случилась в июле 1985 года, через несколько месяцев после назначения Назарбаева Премьер-министром Казахской Советской Социалистической Республики. Отсутствие опыта, молодость (45 лет) для такого поста и подчиненное положение Казахстана в качестве одной из частей Советского Союза означали, что он был просто свидетелем этого драматического события, которым занималось, а на деле проваливало, министерство нефтяной промышленности в Москве. Но даже будучи зрителем того, что нефтяники называли «фонтаном века», когда невероятное давление создало горящий факел высотой 600 футов над землей и когда потребовался целый год, чтобы затушить его, Назарбаев понял, что в регионе Каспийского моря имеются нефтяные месторождения, намного превосходящие по запасам и размеру все, что можно было вообразить.

Предположения Назарбаева по поводу потенциала Каспийского моря разделялись лишь небольшой группой геологов в московском министерстве нефтяной промышленности. К тому времени, когда политические руководители Советского Союза начали осознавать масштабы нового источника энергоносителей, они оказались настолько поглощенными развалом коммунистической империи, что потеряли желание принимать долгосрочные решения по другим вопросам. Разработка нефтяных месторождений в Каспийском море утратила актуальность. Хотя Президент Горбачев от имени Советского Союза подписал соглашение с американской нефтяной компанией Шеврон на разработку нефтяного месторождения Тенгиз в

Каспийском море в ходе своего визита в США в 1990 году, этот проект забуксовал на сложных переговорах между компанией Шеврон и министерством нефтяной промышленности в Москве. К июлю 1991 года, когда в переговорах россиян с американской компанией обозначился тупик, Назарбаев воспользовался своим шансом. Он уговорил Горбачева передать полномочия по переговорам, связанным с месторождением Тенгиз, от советского министерства нефтяной промышленности Совету Министров Казахстана. Деликатные ходы не понадобились. «С этого момента Казахстан берет на себя контроль над месторождением», — писал Назарбаев в своем безапелляционном письме Горбачеву в июле 1991 года. Возможно, советский лидер уступил потому, что переговорщики из Казахстана могли добиться лучших условий от компании Шеврон. Но, вероятнее всего, Горбачев не мог не согласиться с требованиями Назарбаева, притязавшего на контроль над переговорами по Каспию в момент чрезвычайной слабости союзного руководства. В середине июля 1991 года советский президент занимался весьма трудными переговорами с раздираемыми противоречиями лидерами республик о новом Союзном договоре. В условиях усугубления разногласий Горбачев нуждался в помощи Назарбаева для улаживания споров. И такая помощь была оказана. Но негласной компенсацией за это стал переход к Казахстану полномочий по сделке с компанией Шеврон. Согласие Горбачева ознаменовало кульминацию долгой кампании Назарбаева в борьбе за Каспийское море. Еще за год до этого, встретившись с руководителями Шеврон в Сан-Франциско и услышав их жалобы на задержки и проволочки со стороны советского министерства нефтяной промышленности, Назарбаев заявил: «Если хотите быстро решить свои проблемы, не следует даже пытаться обсуждать их с Москвой. Нужно иметь дело напрямую с нами». Он немного забежал вперед, когда сделал свою первую

попытку оттеснить переговорщиков из министерства нефтяной промышленности, но в конце концов своего добился.

Едва стало известно, что Назарбаев является представителем Советского Союза по Тенгизу, все захотели разговаривать непосредственно с ним. Когда Президент Джордж Х.В.Буш начал свой государственный визит в Москву 20 июля 1991 года, он попросил встречи с казахским президентом, которого Горбачев незамедлительно включил в официальную советскую делегацию. Будучи сам нефтяником, Буш сыграл ключевую роль в первых раундах переговоров СССР и США по месторождению Тенгиз, в результате которых там оказалась компания Шеврон. Хотя американский президент владел ситуацией по месторождению, но Назарбаев его превзошел, выдавая сложные статистические и технические данные в отношении Тенгиза, будь то по высокому содержанию серы или стоимости транспортировки, с такой осведомленностью, что Буш поинтересовался: «Вы нефтяник по образованию?»

«Нет, металлург, — отвечал Назарбаев. — Но жизнь заставила меня изучить все отрасли экономики».

Такой ответ стал проявлением нехарактерной скромности, так как Назарбаев уже приобрел значительные знания по всем аспектам нефти в Каспийском море — юридическим, финансовым, техническим и, что важнее всего, политическим. Политическое измерение вышло на первый план после распада Советского Союза в конце 1991 года. До этого только два прибрежных государства притязали на право обладать нефтяными богатствами на дне Каспийского моря — Иран и СССР, или фактически Россия. Внезапно число претендентов увеличилось до пяти — Иран, Россия, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан. Пока права каждого члена этого квинтета прибрежных стран не были согласованы и юридически установлены, иностранным нефтяным компаниям было трудно, если не невозможно, начать новое

бурение или разведку, а иностранным банкам и инвесторам финансировать разработку нефтяных и газовых запасов Каспийского моря.

При справедливом урегулировании проблемы Каспия Казахстану доставалась наибольшая доля, так как именно в северном секторе этого внутреннего моря находились крупнейшие нефтяные месторождения. Однако Россия заняла жесткую позицию в переговорах. В течение года или двух после распада Советского Союза министерство нефтяной промышленности в Москве отказывалось уступать юридические права собственности на наземные месторождения вокруг Каспийского моря, даже несмотря на то, что они явно находились внутри границ Казахстана. Подобные притязания не имели ничего общего с международным правом или географией, а объяснялись исключительно последними результатами бурения, проведенного Шевроном на Тенгизе. Они показали, что месторождение содержит не менее 250 миллионов тонн извлекаемых запасов нефти и является шестым крупнейшим месторождением в мире. Разъяренное подобной «потерей» богатств, российское нефтяное лобби оказывало большое давление на Бориса Ельцина с тем, чтобы он убедил Казахстан вернуть Тенгиз России. Такие действия с позиции силы заставили Назарбаева проводить то, что он называл «множеством неприятных бесед с Ельциным по этому вопросу», но обоснования подобного, юридически абсурдного, предложения представлено не было. В конце концов данная часть спора по Каспийскому морю разрешилась шуткой. Назарбаев вспоминает этот эпизод так: «На одной из встреч в Москве Ельцин сказал мне: «Отдай Тенгиз России». Я посмотрел на него и, поняв, что он не шутит, ответил: «Хорошо, если Россия отдаст нам Оренбургскую область. Все-таки Оренбург когда-то был столицей Казахстана». Он спросил: «У вас территориальные претензии к России?» «Конечно, нет», — ответил я. Он рассмеялся, я тоже».

Напротив, бескомпромиссность России по правам на морские месторождения нефти Каспийского моря оказалась нешуточной. Изначально Москва утверждала, что Каспийское море не является морем, это внутреннее озеро. Поэтому международное морское право, в частности, по морскому дну, к нему неприменимо. Во-вторых, россияне утверждали, что даже если Каспийское море и признать морем, оно подпадает под договор 1921 года, подписанный между Персией (Ираном) и тогдашней Российской Федерацией. Данный договор дал право двум подписантам образовать кондоминиум, владеющий всеми правами на нефть Каспийского моря. Это означает, что только они обладают правом выдавать концессии другим прибрежным государствам.

В течение шести с половиной лет после распада Советского Союза российские переговорщики цеплялись за свои юридически несостоятельные позиции «озера» и «кондоминиума». «Это нас сильно удручало», — вспоминал Нурлан Каппаров, который в конце 90-х годов был вице-министром энергетики Казахстана. «Мы практически не двигались с места до тех пор, пока не стали смотреть на проблему не как на согласование межгосударственной границы, а как согласование границ нефтяных полей на дне моря. Прошло много времени, пока такой реалистичный подход был принят». Встречи представителей пяти прибрежных государств по Каспийскому морю в лице заместителей министров иностранных дел или других высокопоставленных лиц проходили практически ежемесячно в 1992–1998 годах. «Прогресс на таких встречах был незначительным, — вспоминает Ерлан Идрисов, представитель Казахстана на многих из них. — «Мы теряли год за годом, ходя по кругу, без надежды на соглашение и без шансов получить хоть каплю нефти из Каспийского моря, пока не выйдем из тупика. И только когда Президент Назарбаев вмешался и провел переговоры один на один с Президентом Ельциным, мы нашли решение».

Выход из тупика «открылся на частном ужине» в Завидово, охотничьем домике Ельцина в 100 милях к востоку от Москвы, вечером 5 июля 1998 года. Обстановка оказалась похожей на ту, что царила при прорыве по вопросу о Байконуре. Хорошие личные отношения и добрая водка способствовали сердечности встречи. Но именно сознание того, что из соглашения по Каспийскому морю Россия также извлечет выгоду, привело Ельцина в необходимое настроение. Назарбаев вовлек его в подробное обсуждение раздела морского дна, взяв салфетку и начертив на ней схему северной части Каспийского моря. Эта салфетка и каракули на ней хранятся для грядущих поколений в музее Астаны. Историкам трудно разобрать послеобеденные иероглифы двух руководителей, но их намерения в тот момент были ясными. Назарбаев предлагал разделить права на нефть и газ в северном Каспии географически по «срединной линии», по дну моря между двумя странами. Однако Ельцин возражал против предлагаемого прохождения линии на том основании, что оно не учитывает российские притязания на владение парой небольших необитаемых и часто затопляемых островов под названием *Жесткий* и *Укатный*. Назарбаев любезно предложил передвинуть линию, чтобы Россия получила больше пространства на месторождении Курмангазы, расположенном вблизи этих островов. Ельцин также выразил озабоченность по вопросу прав компании Лукойл на два месторождения, разделенных срединной линией, *Хвалынское* и *Центральное*. Назарбаев предложил внести эти месторождения в совместное предприятие с участием в равных долях российских и казахских нефтяных компаний и добавил: «Мы не продадим американским нефтяным компаниям нашу долю в совместном предприятии. Но если Лукойл захочет увеличить свою долю, мы не возражаем». Такая углеводородная версия торга явно понравилась Ельцину, который в два часа утра объявил, что спор улажен.

Ночное соглашение лидеров быстро превратилось в официальное заявление, оглашенное помощником Ельцина Сергеем Приходько и руководителем аппарата Назарбаева Нуртаем Абыкаевым. «С 2 до 9 утра мы с Приходько с помощью своих записей и рисунков на салфетке составили текст совместного заявления президентов, — вспоминает Абыкаев. — Это было заявление о намерениях установить границы морского дна Каспийского моря в соответствии со срединной линией, модифицированной двумя президентами».

Когда объявлялось о соглашении по Каспийскому морю, наступило утро 6 июля, 58-й день рождения Назарбаева. Вечером на государственном банкете в его честь Президент Ельцин на правах хозяина заявил Назарбаеву, что соглашение стало не только хорошим подарком для него самого, но и щедрым подарком для российского руководства. «На подобные великие решения способен только великий сын великого народа», — так завершил он свое поздравление.

Обоюдные комплименты продолжались и после ужина, когда Ельцин экспромтом предложил своему гостю короткую экскурсию по кремлевским историческим достопримечательностям. Когда президенты вошли в царский тронный зал, Ельцин сообщил: «Вот место, где российские монархи усаживались на трон и правили страной».

Назарбаев ответил: «Борис Николаевич, может быть, вам следует занять этот трон и править Россией отсюда, а не из кабинета?» Похоже, Ельцину, который часто по эксцентричному поведению напоминал царя, понравилось это предложение, так как он встретил его довольным смехом. Но всё же ответил: «Мне этого никогда не предлагали, даже мои соратники. Но Россия — демократическая страна, пусть этот трон останется незанятым».

Назарбаев отлично понимал, что российская структура власти была гораздо более автократической, чем

демократической. Именно поэтому он мастерски подыгрывал самолюбию Ельцина, добиваясь выгод для Казахстана на уровне президентской дипломатии при встречах один на один. Из всех соглашений, достигнутых двумя президентами, ночной договор 5–6 июля 1998 года стал наиболее важным, так как положил конец многолетним политическим и юридическим спорам по северной части Каспийского моря. Он недвусмысленно указывал на то, что Россия отходит от ранее заявленных концепций озера и кондоминиума. Это означало, что газовые и нефтяные компании теперь могли продолжать свои изыскания, даже несмотря на то, что окончательное соглашение о модифицированной срединной линии было официально подписано Президентом Путиным только в 2002 году.

Перспективное значение так называемого «салфеточного» соглашения состоит в том, что оно открыло для Казахстана такие богатства, о которых Назарбаев в то время даже и не мечтал. Первый час удачи пробил в мае 2000 года, когда нашли нефть на Кашагане, новом месторождении Каспийского моря примерно в 48 милях к юго-востоку от Атырау. Взволнованный первыми сообщениями о масштабах открытия, 4 июля Назарбаев вылетел на место. Когда буровой мастер объявил в ходе торжественной церемонии: «Господин Президент, представляем Вам Кашаган» и началось размазывание нефти по лицам гостей, Назарбаев был на седьмом небе от счастья. Ему доложили, что новое месторождение гораздо больше, чем Тенгиз, с оцениваемыми извлекаемыми запасами более 1,6 миллиарда тонн сырой нефти высокого качества. По возвращении с буровой установки в аэропорт Атырау Назарбаев взволнованно объявил репортерам: «Сегодня я могу сообщить вам, что нефть есть, много нефти, и что это нефть высокого качества. Это большое подспорье для нашей независимости, нашего будущего и нашего процветания. Надежды казахского народа сбылись».

Оптимизм этого заявления и более поздние сравнения Назарбаевым нефтяных богатств Казахстана с запасами Саудовской Аравии подтвердились дальнейшими событиями и открытиями. Однако в тот момент появление новых месторождений и определение юридических прав собственности на углеводородное сырье на морском шельфе стали лишь первым актом драмы вокруг Каспийского моря. Вторым явилось строительство трубопроводов, обеспечивающих Казахстану самостоятельный выход на потребителей, независимый от неэффективной системы российских трубопроводов, построенных в советское время. На обоих этапах потребовались стратегические решения и интенсивные переговоры, в которых Назарбаев играл ключевую роль при участии колоритного советника, которого в свое время ему предоставила компания Шеврон.

Ко времени распада Советского Союза Шеврон уже провела много месяцев за столом переговоров с чиновниками министерства нефтяной промышленности из Москвы. Отставка Горбачева (который лично пригласил Шеврон вступить в переговоры с его правительством) представлялась как прекращение деятельности компании в Каспийском море. Когда председатель компании Шеврон Кеннет Дерр просмотрел в своем доме в Калифорнии телевизионные новости из Алматы, оповестившие об окончании советской эпохи и создании Содружества Независимых Государств, то сказал жене:

«Что же, думаю, мы можем забыть о нашей сделке с Советами».

Пессимизм Дерра оказался неоправданным. Независимый, но безденежный Казахстан отчаянно нуждался как в доходах, так и в признании, которое могло обеспечить соглашение с крупной американской нефтяной компанией. Поэтому в начале 1992 года Назарбаев направил письмо Дерру с предложением возобновить переговоры. Их возобновили, но совсем на других услови-

ях, чем те, которые компания Шеврон надеялась получить от сделки с Советским Союзом.

В первые недели исполнения обязанностей президента независимого Казахстана Назарбаев занялся тем, что он называл «углубленным изучением» сделки, предлагаемой компанией Шеврон. «В такие моменты знание фактов и подробностей становится решающим. Я четко осознавал, что будущее Казахстана лежит на столе переговоров», — вспоминает он.

Изучая подробности предыдущего раунда переговоров, Назарбаев ужаснулся от некомпетентности группы переговорщиков советского министерства нефтяной промышленности, проводившей переговоры с американцами. Обнаружив, что советская делегация не имела ни юриста, ни квалифицированного переводчика и что все документы и финансовые расчеты предлагаемой сделки составлялись компанией Шеврон, Назарбаев немедленно сменил манеру ведения переговоров. Он назначил своих международных советников, компанию Дж. П. Морган — в качестве инвестиционного банка — и компанию Слаутер энд Мей — в качестве юридического сопроводителя.

В течение нескольких недель переговорщики не могли прийти к соглашению. Ранее Шеврон согласовала разделение прибылей от разработки месторождения Тенгиз в соотношении 38 процентов для нее и 62 процентов для СССР. Казахи пересмотрели предлагаемые условия на 13 процентов для компании Шеврон и 87 процентов для Казахстана. Еще больше стороны разошлись по вопросу о площади территории для ведения разведки и разработки. Шеврон требовала минимум 23 000 квадратных километров, казахи предложили не более 2000 квадратных километров. Несмотря на то, что позиция Казахстана сильно ужесточилась, Назарбаев испытывал давление со стороны националистически настроенных критиков, которые обвиняли его в продаже драгоценных природных ресурсов страны иностранной нефтяной

корпорации. Он жаловался приехавшему американскому журналисту на «кампанию в прессе, ... что идёт разграбление Казахстана».

Давили также сроки визита в Вашингтон, запланированного на май 1992 года. Важнейшим стратегическим вопросом его повестки было решение проблемы казахского ядерного арсенала (см. Главу 9). Но с точки зрения экономики объявление сделки с компанией Шеврон находилось на втором месте и в глазах американцев являлось очень важным. После длительных и сложных переговоров в мае 1992 года в вашингтонском Блэр-хаусе Президент Назарбаев и глава Шеврон Кен Дерр подписали документ, озаглавленный: «Базовое соглашение». Хотя он не стал итоговым контрактом, в нем было зафиксировано большинство окончательных условий соглашения. Все, кто имел непосредственное отношение к переговорам с казахской стороны, признавали, что сделка была существенно лучше той, которую готовились подписать Советы. Например, доля прибылей оказалась в пропорции 80 – 20 в пользу Казахстана, а площадь разведочных работ сокращена до 4000 квадратных километров.

Оглядываясь назад, можно сказать, что совместное предприятие, о котором объявили в Вашингтоне, стало важной сделкой для обеих сторон. Известное под названием Тенгизшевройл или ТСО, за последние 15 лет оно добыло более 120 миллионов тонн нефти, 5 миллиардов кубических метров газа и принесло Казахстану прибыли на сумму более 20 миллиардов долларов США.

Такие высокие показатели добычи нефти и прибылей были бы невозможными, не руководи Назарбаев лично вопросами планирования, финансирования и строительства жизненно важных трубопроводов, ведущих от Каспия. В момент подписания базового соглашения с компанией Шеврон производственные возможности серьезно ограничивались нехваткой трубопроводов, большая часть которых контролировалась

Россией. Некоторые московские чиновники от нефти не могли забыть потерю месторождения Тенгиз, поэтому они «мстили», как могли, затрудняя Казахстану экспорт нефти на Запад. Лишь 30 000 баррелей сырой нефти в день с месторождения Тенгиз разрешалось экспортировать через Самару, главную ветку трубопровода в южной России. Что касается 130 000 баррелей в день газового конденсата, которые направлялись непосредственно на перерабатывающие заводы России, Казахстан должен был получать за них более 200 миллионов долларов в год в качестве доходов. На деле же он не получил ни одного цента из-за явных бухгалтерских подтасовок и коррупции в России. Назарбаев слал протесты Борису Ельцину, но российский Президент неожиданно ответил, что не контролирует крупные нефтеперерабатывающие заводы в удаленных регионах страны и не может заставить их платить долги Казахстану. Эти переговоры стали одним из немногих фиаско Назарбаева и вкупе с некоторыми другими неудачами на раннем этапе разработки месторождения Тенгиз подтолкнули к единственно возможному решению. Следовало строить новый трубопровод от месторождения до ближайшего черноморского порта, которым был Новороссийск, находящийся на расстоянии 935 миль. Сам трубопровод стал для Назарбаева причиной многочисленных проблем и огорчений. Первый Каспийский трубопроводный консорциум (СРС), учрежденный в 1992 году правительствами России, Казахстана и Омана, не обеспечил необходимого финансирования и привел к ссоре с компанией Шеврон. Причиной тупика стали личностные столкновения и амбиции. От внутренних междуусобиц в СРС Назарбаев терял терпение. Его единственной задачей была прокладка экспортной трубы от месторождения Тенгиз. «Проблема состоит в обеспечении инвестиций, — говорил он. — Какая разница, будут они от американцев, оманцев или россиян? Главное — качать нефть».

Поскольку нефть не качалась и не текла по несуществующему трубопроводу, Назарбаев обратился за советом к посреднику в нефтяных делах Джеймсу Х. Гиффену, фигуре неоднозначной. В конечном итоге связь с Гиффеном привела к многочисленным конфликтам и критическим нападкам в отношении Назарбаева, но в момент стартовых проблем в СРС выбор Гиффена оказался удачным, так как его маневры обеспечили действенное и выгодное для Казахстана решение проблемы транспортировки нефти.

Впервые Назарбаев встретился с Джимом Гиффеном во время визита в Соединенные Штаты за год до распада Советского Союза. В то время Гиффен представлял компанию Шеврон, головную нефтяную компанию Американского торгового консорциума, группы корпораций США, ведущей дела с СССР. Этот консорциум был детищем самого Гиффена. Представлялось, что он имел хорошие завязки как в Кремле, так и в Белом доме, и доступ к любому, кто мог повлиять на исход торговых сделок между США и СССР, от Президента Горбачева до Президента Буша. Хотя часть из того, что он рассказывал о своем влиянии, оказалась выдумкой, многое было правдой. Сама компания Шеврон целиком полагалась на советы Гиффена, в том числе на его рекомендацию принять по-королевски тогда неизвестного казахского лидера в сентябре 1990 года, когда тот посетил штаб-квартиру компании в Сан-Франциско. Визит понравился Назарбаеву, и в этом не в последнюю очередь была заслуга Гиффена. Однако мощная держава СССР, с которой предприниматель весьма эффективно работал, сама стала разваливаться. Через месяц после распада Советского Союза Гиффен потерял работу. Компания Шеврон не нуждалась в посреднике между ней и теперь безвластным министерством нефтяной промышленности в Москве. Но Назарбаев, который внимательно прислушивался к советам западных советников в первые годы своего президентства, предложил Гиффену новую

работу в качестве советника Казахстана по нефтяной политике, в особенности по аспекту транспортировки «черного золота».

Гиффен помог решить проблему трубопровода от месторождения Тенгиз, наладив тесные отношения компании Мобил Ойл с Казахстаном. Назарбаева главным образом интересовала возможность построить транспортировочную систему на деньги Мобил, в связи с чем он не возражал против переговоров об уступке значительной части прав на разведку в северном секторе Каспийского моря. В мае 1995 года он вылетел на Багамские острова для переговоров с компанией Мобил. Судя по рассказу Гиффена, Назарбаев был воодушевлен перспективой привлечения еще одной крупной американской компании на месторождение Тенгиз, тем более что она готова была заплатить более 100 миллионов долларов только за привилегию вести эксклюзивные переговоры с казахским правительством.

«Вы действительно думаете, что мы можем получить 100 миллионов долларов только за право вести переговоры?» — переспросил Назарбаев.

«Еще бы. Более того, я намерен запросить 150 миллионов долларов. Как вам это нравится?» — отвечал Гиффен.

«Действуйте», — разрешил казахский президент, который был в восторге, когда окончательная цена установилась на 145 миллионах долларов.

Приход компании Мобил радикально изменил динамику и структуру собственности как на трубопровод, так и на месторождение Тенгиз. Участие султана Оман в первом Каспийском трубопроводном консорциуме сократилось, хотя причиной этого отчасти была гибель в автомобильной катастрофе министра финансов Омана Каица Завави, выступавшего в поддержку СПС. Поэтому Назарбаев разработал новый план участия и в ноябре 1995 года, вооруженный полученной от Джима Гиффена записной книжкой с крас-

ной обложкой, вылетел в Москву для переговоров с Борисом Ельциным. В этой «красной книжке» выдвигалась альтернативная схема финансирования трубопровода. Ельцину она понравилась. По новому плану половина трубопровода принадлежала правительствам России (23 процента), Казахстана (20 процентов) и Омана (7 процентов). Вторая должна была стать собственностью четырех нефтяных и газовых компаний — Мобил, Шеврон, Бритиш Газ и итальянской Ажип, которые выделяют необходимую сумму в 2,6 миллиарда долларов на полное строительство трубопровода длиной 935 миль от Атырау на берегу Каспия до черноморского порта Новороссийск. Хитросплетения различных сделок, обменов и реструктуризаций, приведших в конце концов к данному соглашению, оказались настолько сложными, что даже самые опытные эксперты нефтяной промышленности не были уверены в конечном результате. Вот как Стив Левин, репортер «Уолл Стрит Джорнэл» подытожил отчет об этой саге: «Когда наконец путь для строительства большого трубопровода Тенгиз был расчищен, никто не мог с уверенностью сказать, как это произошло. Казалось, спорящие стороны случайно породили трубопровод».

То, что могло показаться случайностью для внешнего мира, было закономерным результатом для Назарбаева. Отчаянные трудности вызывало отсутствие у страны, не имеющей выхода к открытому морю и располагающей большими запасами нефти, собственных трубопроводов. Назарбаеву опять пришлось напрямь все свое умение общаться с Борисом Ельциным, чтобы перебороть сопротивление российской бюрократии соглашению по СРС. В конечном итоге договоренность двух президентов была достигнута в 1999 году, когда Ельцин находился в московской больнице. Назарбаеву пришлось поднажать на занемогшего российского лидера для принятия окончательного решения по СРС. Выслушав условия, Ельцин повернул го-

лову на подушке к двум своим главным советникам, Виктору Черномырдину и Борису Немцову, со словами: «Этот трубопровод выгоден России?» Оба помощника ответили в унисон: «Несомненно». С «казахской стороны» постели министр нефтяной промышленности Назарбаева Нурлан Балгимбаев прошептал своему шефу поздравления по поводу «великого прорыва». В атмосфере полного единодушия Ельцин, лёжа на больничной койке, быстро подписал документы соглашения. Личная дружба и человеческий контакт опять со служили добрую службу народам обеих стран.

Однако для разрешения проблем транспортировки каспийских нефти и газа Казахстану пришлось нести дополнительные расходы, возникшие в виде дополнительного реструктурирования — на этот раз собственности на само месторождение Тенгиз. Компания Мобил Ойл купила 25 процентов месторождения за 1,05 миллиарда долларов. Правительству Казахстана осталась доля в 25 процентов, компании Шеврон 45 процентов и партнерству компаний Авио и Лукойл 5 процентов. Джеймс Гиффен за обеспечение сделки компании Мобил с Казахстаном получил комиссионные в размере 5 процентов, что принесло ему 51 миллион долларов. Судьба этих комиссионных и других крупных денежных сумм, связанных с комбинациями Гиффена вокруг Каспийского моря, продолжает быть предметом судебных разбирательств, шумных заголовков СМИ, обвинений, контробвинений и интенсивной полемики. На момент написания этих строк Гиффен находится под обвинением американских властей в мошенничестве, отмывании денег и подкупе иностранных правительственных чиновников. Отрицая свою виновность, он предоставил необычные свидетельства в свою защиту, будто бы в Казахстане он действовал по заданию ЦРУ с полномочиями, равносильными приказу заработать миллионы и спрятать их на счетах в Швейцарском банке. Хотя теоретически ему грозит предстать перед судом, право Гиффена

использовать в свою пользу свидетельства о том, что он агент ЦРУ, было подтверждено апелляционным судом Нью-Йорка, а это вызвало слухи о возможном снятии обвинения.

К 2000 году сам Гиффен выпал из обоймы или, по крайней мере, был отодвинут от непосредственных контактов с Казахстаном и Назарбаевым. Его отстранение произошло по инициативе нового премьер-министра Казахстана Касым-Жомарта Токаева, который за несколько месяцев до этого присоединился к сложным переговорам по нефти и газу в качестве нового советника. «Я заметил, что когда Джим Гиффен в ходе обсуждений сидел с нашей стороны стола, реакция американской стороны становилась отрицательной, — вспоминает Токаев, — поэтому я посоветовал президенту Назарбаеву вывести Гиффена из переговоров. Мой совет был принят. С этого момента президент по наиболее важным вопросам самостоятельно общался с компанией Шеврон при поддержке министра нефтяной промышленности и Премьер-министра, но без Джима Гиффена, который в то время очень сердился на меня».

Уже не будучи связанным с авантюрными методами финансового монтажа и сделок Гиффена после 2000 года, Назарбаев оказался вовлеченным в неприятности американского посредника с правосудием. Прокуроры США, предъявившие обвинение Гиффену в 2003 году, основывают его на том, что обвиняемый обеспечил финансовые выгоды определенным высокопоставленным чиновникам в правительстве Казахстана, включая самого президента, перечислив значительные суммы денег на их счета в швейцарских банках. Такие недоказанные обвинения, хотя и широко освещались в СМИ, не вызвали особых волнений в Казахстане. Казалось, общественное мнение в стране придерживалось взглядов, что если кто-то из политического руководства и воспользовался благоприятной возможностью, то такова жизнь, и с этим надо мириться. Сегодня, когда на кор-

рупцию смотрят очень строго, подобный циничный подход не был бы возможен, но в атмосфере Клондайка периода первых открытий на Каспийском море общее мнение было — «сойдёт».

Здесь надо отметить, под «выгодой чиновникам» Казахстана имелась в виду часть бонуса от компании Мобил Ойл, перечисленной на счета правительства Казахстана в Швейцарском банке. Принадлежность денег казахстанскому народу нашла свое подтверждение в ходе разбирательства дела.

Соответствующее соглашение между правительствами США, Казахстана и Швейцарии было подписано в 2005 году, где признано, что эти средства принадлежат Казахстану, а не чиновникам.

Более основательная критика решения Назарбаевым вопросов Каспийского моря состояла в том, что он продал некоторые права на нефть иностранным компаниям слишком дешево. Такую «мудрость» легко проявлять задним числом, примерно через 15 лет после принятия решений и в свете роста цен на нефть на 900 процентов. С исторической же точки зрения можно утверждать, что на начальной стадии разработки месторождений Каспийского моря очень немногие понимали связанный с этим риск или представляли себе условия разработки. Задача Назарбаева заключалась в организации добычи нефти, ее транспортировки по трубопроводам и получении доходов для Казахстана. У компании Шеврон были те же цели, направленные на благо ее акционеров. Для обеих сторон это было рискованное, но обещающее высокие доходы партнерство. Его успех превзошел все ожидания, создав 3000 рабочих мест в нефтяной промышленности для казахов и к концу 2008 года принеся компании Шеврон и Казахстану доходы в размере примерно 20 миллиардов долларов каждой стороне. Более того, как будет показано в следующей главе, лучшие времена для добычи нефти и газа на Каспийском море еще ждут своего часа.

* * *

В период 1990-х годов, когда отношения Казахстана с Россией по вопросам раздела нефтяных месторождений на Каспийском море, трубопроводов и другим двусторонним проблемам продолжали оставаться главными на повестке дня Назарбаева, он не терял из вида отношения с Китаем. Они неуклонно улучшались в течение первого десятилетия независимости Казахстана, частично благодаря гармоничным (не только политическим, но и музыкальным!) связям между руководителями обеих стран, а также прогрессу по таким потенциально спорным вопросам, как границы, этнические меньшинства и доступ к природным ресурсам.

Персональная симпатия между Назарбаевым и Цзянь Цземинем, Председателем Китайской Народной Республики, стала важным фактором в развитии добрососедских китайско-казахских отношений. Ключевым элементом их личных контактов стала общность взглядов. Кроме того, они оба любили петь народные песни, играть на музыкальных инструментах и обсуждать литературу.

Общим языком, на котором как Председатель КНР, так и Президент Казахстана, свободно общались, стал русский. Цзянь Цземинь изучил его, работая на сборочной линии советского автомобильного завода в Горьком. «Я жил среди рабочих и научился русскому языку у них», — сказал он Назарбаеву, который мог похвастаться тем же, так как работал на советском сталелитейном заводе. Обойдясь без переводчиков, оба лидера смогли отбросить дипломатические формальности и обнаружили, что у них много совпадающих личных и культурных интересов. Одним из них стало знание русской литературы. Другим была музыка. Цзянь Цземинь любил играть на фортепьяно и кларнете. Назарбаев отлично играл на домбре. Оба были хорошими тенорами и с удовольствием пели романтические баллады и народные

песни. Их талант проявился во время визита Цзянь Цземиня в Казахстан в июле 1996 года и еще раз во время визита Назарбаева в Пекин двумя годами позже. На правительственном банкете в Алматы они исполнили по-русски популярную песню «*Подмосковные вечера*». Еще более удивительным оказалось исполнение двумя руководителями в Пекине известной казахской народной песни «*Дударай*». Когда Назарбаев взял в руки домбру и спел первый куплет, Цзянь Цземинь изумил всех присутствующих на банкете, взяв второй микрофон и присоединившись к Назарбаеву на китайском языке! Каждый на своем языке, Президент Казахстана и Председатель Китайской Народной Республики исполнили песню «*Дударай*» полностью. На казахском языке в песне говорится о молодом симпатичном парне из Казахстана, чьи кудри завоевали сердце русской девушки. Однако на китайском языке песня несет политически более корректный смысл, меньше романтики и не упоминает национальностей. Закончив этот удивительный дуэт, Назарбаев осведомился, где и когда Цзянь Цземинь выучил эту казахскую народную песню? Председатель КНР отвечал, что это китайская композиция, известная под названием «*Белая роза*». Как видно, композиторы двух стран начали сотрудничество задолго до того, как их политики взялись устанавливать дипломатические отношения.

Конечно, китайско-казахские встречи на высшем уровне являлись политическими, а не музыкальными мероприятиями, хотя способность Назарбаева создавать атмосферу доброжелательности, пронизывающую деловую обстановку, оказалась такой же важной в общении с Цзянь Цземинем, как и с Ельциным. Один из примеров обаяния Назарбаева отмечен бывшим послом Казахстана в Пекине Куанышем Султановым. «В середине исполняемой песни на ужине в Алматы я услышал, как довольный председатель КНР сказал нашему президенту: «Нурсултан, думаю, что вы затронули правильные вопросы сегодня».

Эти слова стали важным сигналом со стороны китайского лидера, так как во время главных переговоров утром задачей Назарбаева являлось урегулирование пограничных проблем между двумя государствами, в особенности в двух спорных районах. Эти вопросы вскоре были урегулированы соглашением, по которому 53 процента спорных территорий отошло Казахстану и 47 процентов Китаю. Это был важный успех для Назарбаева. До того Пекин ни разу не соглашался по пограничным вопросам ни с одной из советских республик. На некоторых китайских картах большие территории Казахстана, включая озеро Балхаш, порой показывались как территория Китая. Оба руководителя понимали необходимость срочного урегулирования пограничных вопросов. Цзянь Цземинь сказал Назарбаеву с необычной прямоотой: «Нам следует урегулировать пограничные вопросы сейчас, пока мы оба у руля. Когда-нибудь в будущем к власти в Китае может придти новое поколение, и я не уверен, что оно захочет такого соглашения». После подобного предупреждения Назарбаев не нуждался в уговорах о необходимости достичь соглашения. В соответствии с договором, который он подписал с Цзянь Цземинем, в настоящее время Казахстан и Китай впервые в своей истории имеют юридически делимитированную ратифицированную парламентами границу. После столетий войн, вторжений, стычек и приграничных перестрелок в спорных районах это было историческим достижением.

Одна из причин успешного разрешения пограничной проблемы коренится в положении этнических меньшинств, проживающих в Западном Китае и Восточном Казахстане. Для Пекина существовала проблема потенциальных волнений в приграничных районах подобно обстановке в Тибете. В китайской провинции Синьцзян проживает более миллиона казахов. В Казахстане — примерно 100 тысяч китайских уйгуров. Обе этнические группы имели свои амбиции. Назарбаев добился согла-

шения с Цзянь Цземинем, что китайские власти не будут чинить препятствия для граждан Китая казахского происхождения, желающих вернуться на родину в Казахстан. Также стороны пришли к пониманию, что деятельность сепаратистских движений уйгуров в Казахстане должна быть запрещена. Оба правительства осознали значительные преимущества в доверительном сотрудничестве по вопросам этнических меньшинств, которые ранее никогда не обсуждались на уровне политического руководства.

Общей выгодой, возникшей из хороших личных и политических отношений, которые Назарбаев усердно возвращивал, стало также сотрудничество в нефтяной политике. Оно явилось важной компонентой растущей двусторонней торговли, которая практически с нуля в 1991 году выросла до оборота более 14 миллиардов долларов в 2008 году. Еще до того, как стало модным признавать КНР в качестве промышленного гиганта, Назарбаев предвидел мощный экономический потенциал соседа. «Не все руководители среднеазиатских стран полностью осознали, что Китай является мировой державой, но вы это поняли», — заявил Цзянь Цземинь Назарбаеву в 1997 году. Два года спустя друзья подписали договор под названием «Стратегическое партнерство на XXI век». Такое партнерство было усилено преемником Цзянь Цземиня Ху Цзиньтао, который во время первых встреч с Назарбаевым в ходе визита в Астану откровенно говорил о будущих потребностях Китая в энергии и подчеркивал важное значение, которое его страна придавала бесперебойным поставкам нефти из Казахстана. С этой целью Назарбаев подписал соглашение о строительстве ветки трубопровода между Атасу в Казахстане и Алашанькоу на границе с Китаем. По этому трубопроводу сейчас перекачиваются 5 миллионов тонн экспортной нефти в год. К 2010 году он будет продлен до 3000 километров, чтобы соединить Китай с Каспийским мо-

рем. Этот фантастический проект стал возможным благодаря основе, заложенной Назарбаевым и Цзянь Цземинем при налаживании отношений между Казахстаном и Китаем в 1990-х годах.

Хотя приоритетом являлось установление хороших отношений с соседними сверхдержавами, Назарбаев не забывал о необходимости личной дипломатии в контактах с другими странами Средней Азии, особенно с Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном. Из всех тех, кто понимал сложную природу напряженности, ревности и соперничества между «станами», лишь Назарбаеву следует отдать должное за его смягчающее влияние на урегулирование бесконечных споров по вопросам границ, транспортных маршрутов, торговых тарифов, угрозы терроризма, торговли наркотиками, религиозного экстремизма и по более широким проблемам безопасности.

Тем не менее, поскольку население Казахстана составляет всего 16 миллионов, по сравнению с 1,5 миллиардами в Китае и 140 миллионами в России, всегда есть опасения будущих трений с двумя великими соседями. В настоящий момент Назарбаев, как никто другой, создал в отношениях с ними климат взаимного уважения и доброй воли. Однако еще существуют проблемы, нуждающиеся в решении — например, права Казахстана на водные ресурсы крупных рек, берущих начало на территории России и Китая. Присутствуют также опасения экономического доминирования, особенно со стороны Китая, чьи государственные предприятия постоянно предлагают реализовать проекты в Казахстане на беспрецедентно выгодных финансовых условиях. В казахском языке существует пословица про китайцев, близко напоминающая знаменитую фразу Вергилия в его «Энеиде»: *«Бойся ганайцев, дары приносящих»*. Эта мысль наверняка приходит, когда Президент Назарбаев задумывается о заинтересованности Китая в развитии той или иной отрасли экономики его страны.

Задача Казахстана в первое десятилетие XXI века в основном заключается в поддержании достигнутого успеха, что намного лучше, чем проблема, стоявшая в последнем десятилетии XX века — как избежать поражения. Путь между этими двумя политическими вызовами, который преодолел Назарбаев, был намного опаснее, чем считали большинство из его сограждан. Будь то разработка месторождений Каспийского моря, отношения с Москвой или наведение мостов с Китаем, Казахстану требовался сильный кормчий. Страна получила его в лице Назарбаева, но на рубеже тысячелетий ему пришлось использовать все свои силы, чтобы превозмочь великий финансовый кризис, разразившийся в Азии в период 1999–2000 годов.

НА ЗАРЕ XXI ВЕКА

ЧАСТЬ I — ПРЕЗИДЕНТ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА («ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ»)

- (I) ДЕВАЛЬВАЦИЯ, ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА И РОСТ**
- (II) СВОБОДНЫЕ ИЛИ ПОДТАСОВАННЫЕ ВЫБОРЫ?**
- (III) СЕМЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**
- (IV) ОБРАЗОВАНИЕ, ИННОВАЦИИ И ЛИДЕРЫ БУДУЩЕГО**
- (V) РЕЛИГИЯ – ПРОБЛЕМЫ ИЛИ БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?**
- (VI) ДАВЛЕНИЕ ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ**

(I) ДЕВАЛЬВАЦИЯ, ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА И РОСТ

Назарбаев часто называет себя «экономическим президентом». Это правильное, но слишком упрощенное описание круга его должностных обязанностей. Руководитель страны, расположенной в таком стратегически важном регионе и владеющей такими богатыми, но зависимыми от мировых цен природными ресурсами, не может позволить себе концентрироваться только на внутренних экономических проблемах. Какой бы важной ни была задача внутренних реформ Назарбаева, первые годы XXI века показали, что региональные и глобальные силы способны оказать совершенно непредсказуемое влияние на развитие Казахстана. Это проявилось

в ходе как биржевого кризиса в Азии 1998 года, так и глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 году.

К концу 1990-х годов репутация Назарбаева как новатора в экономике уже упрочилась. Он превозмог штормы, которые сотрясали хрупкую экономику Казахстана в первые годы независимости. Его рыночные реформы успешно продвигались, программа приватизации набирала ход, стабильно рос ВВП, а каспийская нефть становилась важнейшим фактором укрепления бизнеса и доверия иностранных инвесторов. Однако внезапно в 1998 году, как гром среди ясного неба, в Юго-Восточной Азии разразился финансовый кризис.

Неожиданный обвал валют и фондовых бирж экономик «Азиатских тигров» — Малайзии, Южной Кореи, Филиппин и Таиланда, имел тяжелые последствия для Казахстана. Резкий спад деловой активности в регионе вызвал стремительное снижение объемов экспорта и цен на нефть. Цена на каспийскую нефть упала до 9 долларов за баррель, что делало разработку месторождений Тенгиз и Кашаган временно убыточной. Одновременно кризис российского рубля, проблемы с задолженностью и политическая нестабильность в Москве на последнем этапе президентства Бориса Ельцина ввергли российскую экономику в пучину хаоса.

«Время возникновения проблем в других странах оказалось весьма неудачным для нас, — вспоминает Нурлан Балгимбаев, которого в 1997 году Назарбаев повысил с должности министра нефтяной промышленности до премьер-министра. — Наша страна только начала поднимать голову, и вдруг посыпались удары из России и Азии. Однако независимо от остроты кризиса в стране президент не отступил от своей программы экономических реформ. Годы 1998 – 1999 были трудными, но мы их пережили».

Многие казахстанцы вместо слова «трудные» пользовались более крепкими выражениями при описании

катастрофического снижения своего уровня жизни. Крах азиатских фондовых рынков привел к серьезному экономическому спаду, хотя и не настолько тяжелому, как экономический кризис 1992–1994 годов. Тем не менее возврат к трудным временам дефицита нанес сильный удар по уверенности народа в будущем. Полки магазинов опять опустели. Начались массовые увольнения рабочих. Остановились стройки. Прекратились выплаты пенсий. В нескольких городах общество Красного Креста открыло пункты бесплатного питания. Электричество отключалось так часто, что многие семьи зимой жгли мебель, чтобы обогреться. «Времена были очень тяжелыми, — вспоминает Касым-Жомарт Токаев, находившийся на посту премьер-министра в 1999–2001 годах вслед за Балгимбаевым. — В этот период государственный бюджет сокращался трижды. Многие пострадали, особенно престарелые, хотя мы в конце концов выплатили задолженность по пенсиям. Правительство неизбежно теряло популярность из-за сокращения социальных расходов и чувства, что снова попали в кризис».

Назарбаев описал эти потрясения как «некую пробу на выносливость для нашей молодой страны и ее финансовой системы». Самое трудное испытание выпало при решении вопроса, следует ли девальвировать тенге. В начале кризиса Национальный банк, руководимый Григорием Марченко, придерживался мнения, что прибегать к девальвации не следует. В поддержку этой политики банк часто производил интервенции на рынке обмена валют и потерял более 600 миллионов долларов из золотых и долларовых запасов. Назарбаев назначил нового председателя Национального банка, К. Дамитова, который изначально выступал за девальвацию. «Я пригласил его, и мы долго обсуждали доводы за и против, — вспоминает Назарбаев. — Только в апреле 1999 года, когда финансовое положение в России стабилизировалось, а ожидание девальвации в стране

исчезло, мы ввели свободный плавающий курс обмена тенге».

Хотя появилось множество критиков, заявлявших, что политика введения плавающего курса тенге началась слишком поздно, ее выгоды для экономики проявились очень быстро. В течение нескольких месяцев после девальвации возобновился рост, расширился экспорт, а дефицит платежного баланса был устранен. «В результате принятых мер нам удалось свести к минимуму отрицательное влияние мирового финансового кризиса и поддержать макроэкономическую стабильность», — заявлял Назарбаев. Его утверждения оказались оправданными. Из всех стран региона, затронутых кризисом в России и Юго-Восточной Азии, Казахстан первым успешно вышел из него. При растущих ценах на нефть ВВП страны в 2000 году поднялся на 8 процентов, в 2001 на 13,1 процент; а в последующие семь лет его рост обозначался двузначными цифрами. Эти достижения подкреплялись тем, что Назарбаев называл «Планом-2030» — долгосрочной экономической стратегией превращения Казахстана в конкурентоспособную в мировом масштабе страну со свободным рынком, низким налогообложением, сокращенными правительственными расходами, широко внедренной частной собственностью на землю, высоким уровнем инвестиций и процветающим средним классом. Когда эта стратегия работала, Назарбаев незамедлительно указывал на свои заслуги в руководстве экономикой. В периоды же стагнации или спада он искусно играл роль «тефлонового президента», к которому политическая критика не пристает. Когда накал общественной критики обрушивался на министров, глава государства спокойно поднимался и выше неё. Например, в самый разгар финансового кризиса в Азии Назарбаеву удалось дистанцироваться от всего правительства, заявив в своей речи перед парламентом 30 сентября 1998 года: «Никто в Казахстане, включая меня, не удовлетворен работой нашего правительства... Мы каждый день видим, что правительство работает

медленно, слишком бюрократично, слишком запутанно и безответственно».

Такая манера дистанцироваться от собственного правительства объясняет, почему Назарбаев иногда проявлял жесткость при назначении и увольнении министров. Он постоянно перетасовывал свой кабинет министров, назначив четырех различных премьер-министров за столько же лет в 1997–2001 годах. Железная хватка Назарбаева при политических назначениях закрепила за ним репутацию «твердой руки» («strongman» — букв. «силач»), как окрестили его более или менее лояльные западные журналисты. Другие же навешивали на него ярлык «диктатора», «автократа», «авторитарного правителя». Подобные эпитеты не нравились Назарбаеву. Когда экономика Казахстана твердо встала на путь стабильности и роста, он обратил внимание на укрепление имиджа своей страны как свободного демократического общества. Результаты не были бесплодными, но они не встретили полного понимания зарубежных критиков.

(II) СВОБОДНЫЕ ИЛИ ПОДТАСОВАННЫЕ ВЫБОРЫ?

Назарбаев часто употребляет демократическую терминологию, когда говорит о выборах и политических институтах Казахстана. Однако слов пока недостаточно, чтобы создать стране репутацию демократической. Таково мнение большинства международных наблюдателей и аналитиков, следивших за первыми свободными выборами XXI века в этом государстве. Тем не менее многие из них признают прогресс, достигнутый Казахстаном на пути к выборному народовластию. Они также признают, что сам президент пользуется широкой под-

держкой народа, даже несмотря на сомнения, которые вызывает огромное число голосов, поданных за него и его партию. Так что картина выборов в Казахстане является сочетанием противоречивых оценок и мнений как «за», так и «против». Раз так, то уместен вопрос: является ли «стакан демократии» Назарбаева наполовину пустым или наполовину полным?

Едва ли вызовет удивление факт, что любой политик, который 51 год своей жизни провел в тоталитарной системе Советского Союза, будет крайне осторожен во внедрении рецептов западной демократии в стране, расположенной на «бывшем советском пространстве». Казахстан подвергается политическому и экономическому влиянию России Владимира Путина и Китая Ху Цзиньтао, имея общую с ними границу. Тем не менее по меркам этого региона Назарбаев является новатором демократического толка. Он приветствует международных наблюдателей ОБСЕ на выборах в своей стране, принимая как их похвалу, так и критику. Но обещая устранить недостатки в будущих избирательных кампаниях, Назарбаев вынужден оглядываться на общественное мнение своей страны с его консервативными традициями, уходящими корнями в ханства, жузы и родовые отношения, характеризующие как истоки, так и нынешнюю структуру властных отношений в казахском обществе. Особенности и нюансы этих отношений плохо понимаются на Западе. Взрослое поколение казахстанцев незнакомо с концепцией состязания с оппозицией и равнодушно к увещеваниям иностранцев о необходимости культивировать его в Казахстане быстрыми темпами. По этим причинам мнение степного жителя о темпах продвижения к демократии разнится с мнением журналистов Вашингтона или Лондона, которые настаивают на полном и немедленном копировании политических процессов, происходящих в их обществах. Поэтому три последние избирательные кампании в Казахстане необходимо рассматривать и с той, и с другой точек зрения.

В результате выборов 2004 года в Мажилис, нижнюю палату парламента, на 77 депутатских мест был избран лишь один кандидат от оппозиционной партии. Он отказался занять свое место в знак протеста против нарушений в ходе выборов. Самым заметным из них был запрет на участие в выборах двух лидеров оппозиции из-за их судимости (за клевету и коррупцию), который рассматривался, как политически мотивированный. Однако в выборах участвовали 12 партий, все они получили возможность представить свои избирательные платформы в ходе 7 теледебатов, на радио и в газетах. Средства массовой информации не преследовались и не закрывались, как это случалось в парламентских выборах 1999 года. Поэтому наблюдатели ОБСЕ отметили улучшения по сравнению с предыдущими выборами, хотя и заключили, что «остаются серьезные недостатки, а избирательный процесс не вполне соответствует международным стандартам».

В 2005 году Назарбаев был переизбран президентом еще на 7 лет, набрав 91 процент голосов. Его основной конкурент Жармахан Туякбай набрал 6,6 процентов. Журнал «Экономист» комментировал: «Выборы показали, что очень немногие пожелали рисковать материальными выгодами даже ради расширения демократии, свободы прессы и борьбы с массовой коррупцией, которые обещал Туякбай», а также заметил: «Господин Назарбаев действительно популярен».

Эта популярность повышалась благодаря рекламному ролику о президентских выборах, который часто крутили по телевидению. В нем показывали ряд казахских бизнесменов, которые заявляли: «Мы, предприниматели, сделали свой выбор» и жали Назарбаеву руку, превознося экономические успехи страны. Как и во всех выборных рекламных роликах, такая агитация выглядела чересчур прямолинейно. Тем не менее до избирателей была доведена главная мысль: экономические успехи государства — заслуга Назарбаева. Еще одним

фактором в его пользу стали неурядицы и беспорядки в соседних Узбекистане и Кыргызстане, которые вполне могли укрепить желание казахских избирателей иметь стабильное руководство. Поэтому, несмотря на постоянные придирки ОБСЕ по ходу президентских выборов 2005 года и некоторых вопросов в отношении точности цифр, серьезных возражений против законности результатов не возникало.

Третьи выборы, 2007 года, проведенные по новой пропорциональной системе, закончились тем, что в парламенте Казахстана оппозиции не досталось ни одного места. Партия президента *Нур Отан* получила 88 процентов голосов. Единственными оппозиционными партиями, как-то повлиявшими на расклад голосов, оказались ОСДП и *Ак Жол*, которые набрали, соответственно, 4,6 и 3,3 процента. Но им не досталось мест, так как порог по новой избирательной системе устанавливался в 7 процентов. В итоге со стороны разочарованных оппозиционных партий посыпались неизбежные жалобы. Некоторые критики утверждали, что порог в 7 процентов являлся слишком высоким и что его введение было произволом. Другие настаивали, что в некоторых районах результаты подтасовывались, возможно, по указке местных акимов, которые не хотели, чтобы их районы отставали во всенародной поддержке президентской партии. На одно конкретное нарушение в ходе выборов в интервью для настоящей книги указал Алихан Байменов, председатель оппозиционной партии *Ак Жол*. «В деревне Карсакбай, где я родился, голосов подано в пять раз больше, чем зарегистрировано в списках избирателей, — жаловался он, — так что никто не знает, сколько избирателей реально пришло голосовать». Не правда ли, напоминает нарушения на выборах в графстве Кук, в Иллинойсе, во время президентских выборов 1960 года или подсчет голосов в Южной Флориде в 2001 году! Но едва ли все указанные предполагаемые нарушения на выборах 2007 года (даже если бы они были подтвержде-

ны независимой комиссией по выборам) повлияли бы на итоговые результаты голосования.

Что касается более 1000 иностранных наблюдателей ОБСЕ, они признали вклад Назарбаева в совершенствование избирательного процесса. Их отчет 2007 года отметил спокойную атмосферу на избирательных участках, расширение доступа оппозиционных партий к СМИ и прозрачность Центральной избирательной комиссии как надзорного органа. Однако подсчет голосов на 40 процентах избирательных участков устно оценивался как «плохой» или «весьма плохой». Этот вывод подверг сомнению объявленный результат в 88 процентов голосов в поддержку президентской партии, хотя документально конкретных нарушений закона о выборах зафиксировано не было. Так что реальных сомнений по поводу конечного результата не появилось. Более того, такие заявления ОБСЕ, как: «заметное улучшение по сравнению с предыдущими выборами» или «государственные власти продемонстрировали готовность вести более демократический избирательный процесс», стали показателем, что демократия Казахстана, хотя и с недостатками, движется в правильном направлении. Наиболее благоприятный отзыв об улучшениях пришел от главы британской делегации независимых наблюдателей лорда Сесилия Паркинсона, бывшего министра кабинета Маргарет Тэтчер. Говоря о выборах 2005 года, он заявил: «На этих выборах Казахстан сделал крупный шаг вперед в становлении демократического государства».

В мае 2007 года парламент проголосовал за то, чтобы предоставить Назарбаеву право баллотироваться на пост президента на третий срок после завершения его текущих полномочий в 2012 году. Это событие было позитивно воспринято большинством правительств ЕС и США. Однако западные средства массовой информации с подачи оппозиционных СМИ Казахстана повсеместно стали заявлять, что Назарбаев подготовил себе пост «пожизненного президента».

Сравнение Назарбаева с единственным «пожизненным президентом» в мире «Папой Доком» Дювалье на Гаити, конечно, неоправданно. Ведь парламент Казахстана не изменил конституцию и не отменил ограничения на сроки президентских полномочий, которые при нормальных обстоятельствах не должны превышать двух пятилетних мандатов. Пожалуй, ближе к истине находятся по-западному мыслящие казахи, которые считают, что это изменение является «нашим эквивалентом поправки, принятой Конгрессом США в 1944 году, разрешившей Франклину Д. Рузвельту остаться президентом на третий срок». Дело в том, что перед лицом надвигающейся грозы, которую вскоре назвали глобальным кредитным кризисом, казахские законодатели проголосовали за укрепление стабильности своей молодой страны предоставлением Назарбаеву уникальной возможности баллотироваться на третий срок. Он пока не заявлял, собирается ли воспользоваться ею. Вероятно, вопрос, останется ли он президентом или нет, будет зависеть от его здоровья и политической обстановки (может быть, он предпочтет звание почетного министра, подобно Ли Куан Ю из Сингапура) ко времени окончания его текущего мандата, когда ему исполнится 72 года.

На внутривнутриполитической сцене на данный момент преемника или серьезного оппонента у него нет. Пока Назарбаев остается ведущим игроком в политике Казахстана, имея на руках всю необходимую власть и поддержку, позволяющие ему самому выбирать себе время ухода, и, возможно, преемника. Что касается демократии: несмотря на то, что в Казахстане пока не было полностью свободных справедливых выборов, у представителей 56 стран ОБСЕ сложилось достаточно высокое мнение о Назарбаеве, чтобы предложить ему и его стране председательствовать в этой организации в 2010 году. Время покажет, будут ли действия президента по этому вопросу соответствовать его обещаниям. Пока же един-

ственная серьезная оппозиция исходит от недовольного бывшего члена его семьи.

(III) СЕМЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Один из имиджей, культивируемых Назарбаевым, — это имидж счастливого семьянина. В частной жизни и по торжественным случаям он с удовольствием играет свою роль патриарха-мужа, отца, деда и прадеда. Как и большинство казахов, он чтит предков. Ему нравится фотографироваться с подрастающим поколением, молодой порослью его рода. Но в этом фасаде появились трещины, вызванные неизбежным соперничеством в ближнем кругу президента. До недавнего времени эти трения скрывались от посторонних глаз. Но в период между 2001 и 2007 годами разразилась захватывающая драма, в которой старший зять Назарбаева совершил целый ряд неблагоприятных поступков, названных «Рахатгейт». В этой пьесе фигурировали коррупция, планы государственного переворота, похищения и убийства политических противников. В результате Верховный суд Казахстана приговорил Алиева (заочно, так как он бежал за границу) к 20 годам тюремного заключения. Эпизодов обвинения набралось немало, но главным оказалось то, что совершенные Алиевым серьезные преступления поставили Назарбаева в очень неловкое положение.

Зятя, из баловня и любимца превратившегося в паршивую овцу и в закоренелого преступника в бегах, зовут Рахат Алиев. Он родился в 1962 году в уважаемой казахской семье, члены которой в советское время занимали министерские должности, в 1982 году женился на старшей дочери президента, Дариге. Смесь политиче-

ских амбиций, личной жестокости и династического кумовства в период 1990-х годов возвели зятя по карьерной лестнице на влиятельнейшие посты Казахстана.

На различных этапах первых лет независимости Алиев возглавлял налоговую полицию, являлся ключевой фигурой в Комитете национальной безопасности (КНБ), где отвечал за борьбу с терроризмом после 11 сентября. Он также активно занимался медиа-бизнесом. Вместе с женой приобрел 50 процентов акций главного телеканала Казахстана «Хабар», оставив вторые 50 процентов в собственности государства. Контролировал частный телеканал КТК и популярную газету «Караван». На этом поприще Алиев снискал репутацию безжалостного человека, нажил множество врагов и сколотил крупное состояние.

«Самое худшее, что этот человек заявлял, будто он обговаривал со мной все свои действия и получал от меня «добро», — вспоминал Назарбаев. — К сожалению, никто и не пытался проверить его слова. Было совершено большое зло. Для меня это стало несчастьем, ударом в спину, тем более что он был моим зятем».

В 2001 году Алиев был внезапно смещен со всех официальных постов, были слухи, что он планировал государственный переворот против своего тестя с помощью спецслужб. Доказательства таких козней огласке преданы не были. Возможно, более вероятное объяснение опалы Алиева заключалось в его сомнительных действиях по вопросам государственной безопасности, налоговых расследований, деловых контрактов и политики, которые сделали его нежелательной фигурой у власти. Назарбаев решил проблему, выслав Алиева в Вену с назначением на должность посла Казахстана в Австрии.

После четырех лет, проведенных в Австрии, Рахат Алиев вернулся в Казахстан и был назначен первым заместителем министра иностранных дел. Однако его возвращение вскоре опять совпало со скандалом. В феврале 2006 года был жестоко убит известный оппозиционный

политик Алтынбек Сарсенбаев, критиковавший Назарбаева. Он также жестко выступал против Алиева за преследование непокорных и другой беспредел, чинимый последним в период работы в КНБ. Один бывший сотрудник службы безопасности заявил, что в убийстве замешан Рахат Алиев. Тот подал в суд за клевету и дело выиграл. Его жена Дарига опубликовала в газете сенсационную статью с утверждением, что убийство Сарсенбаева было результатом преступного сговора правительственных чиновников с целью дискредитировать ее мужа и семью. Говорят, что Назарбаев пришел в ярость от этого «копания в грязном белье», как выразился один из журналистов. Итогом этой истории стало то, что чете подрезали крылья. Политическая партия «Асар», основанная Даригой, внезапно слилась с президентской партией «Нур Отан», это нейтрализовало часть власти Алиева. Также было объявлено, что доля государства в собственности телеканала «Хабар» увеличивается с 50 до 100 процентов.

Тем временем Рахат Алиев расширял свою деловую активность в других областях и, как говорят, не стеснялся в выборе средств. Утверждалось, что, приобретя контрольный пакет акций восьмого по величине банка Казахстана «Нурбанк» в январе 2007 года, Алиев организовал похищение его исполнительного директора Абилмажена Гилимова, его заместителей Жолдаса Тимралиева и Айбара Хасенова. Банкиров обманом усадили в автомобиль и отвезли в баню за пределами Алматы. По показаниям свидетелей, Алиев удерживал их в заключении одиннадцать дней, подвергал пыткам и заставил подписать отказ от права собственности на престижное здание в центре Алматы в его пользу. «Я могу делать все, что хочу, в этой стране, — говорил Алиев. — Могу поставить штамп в ваши паспорта с отметкой, что вы пересекли границу и вылетели в Киев, и похоронить вас здесь. И пусть полиция и ваши родственники ищут до конца жизни — вас никогда не найдут».

В конце концов Гилимову и Тимралиеву удалось сбежать. Однако затем Тимралиев и Хасенов исчезли, и с тех пор никто их больше не видел. Гилимов подал заявление в полицию и обнародовал историю своего похищения. Оппозиционные политики и газеты начали кампанию с требованием пролить свет на роль Алиева в этом возмутительном деле. Назарбаев поручил Генеральной прокуратуре начать расследование по данным обвинениям. Узнав об этом, Алиев исчез и через некоторое время появился в Австрии, вновь на посту посла.

В июне 2007 года было объявлено, что Рахат Алиев смещен с должности в связи с обвинениями в похищении людей, отмывании денег и мошенничестве с «Нурбанком». Был выдан международный ордер на его арест, а австрийским властям направлено официальное требование о его экстрадиции. Суд в Вене ответил отказом на том основании, что в Казахстане Алиеву не было гарантировано справедливое разбирательство. По мнению казахстанской оппозиции, Алиеву удалось «подмазать» официальных лиц Австрии.

Выиграв дело об экстрадиции, Рахат Алиев перешел в контратаку. Он заявил о лживости обвинений по его адресу. По его словам, их сфабриковали после того, как на встрече со своим тестем он выразил тревогу отсутствием демократических преобразований в Казахстане. Согласно рассказу Рахата, он заявил Назарбаеву, что собирается баллотироваться в президенты в 2012 году, то есть в году, когда закончится последний срок полномочий Назарбаева. На тот момент казахский парламент как раз дебатировал вопрос об отмене конституционных ограничений, чтобы позволить Назарбаеву выдвинуть свою кандидатуру еще раз. «Я сказал ему, что это изменение означает введение монархии в Казахстане, я несколько раз пытался отговорить его от этого», — утверждал Алиев.

Общественное мнение Казахстана не поверило внезапной озабоченности Рахата Алиева судьбой де-

мократии в стране. «Полная чепуха» — так охарактеризовал эту перемену Ораз Жандосов, один из оппозиционных лидеров. Многие другие были того же мнения, не в последнюю очередь потому, что хорошо помнили бесцеремонную газетную статью Алиева, опубликованную в 2006 году и призывавшую установить монархию в Казахстане. Сам Назарбаев назвал утверждения своего зятя «сплошным враньем». Группа крупных бизнесменов тоже выступила против Алиева, заявив: «Многие из нас испытали на себе его методы ведения бизнеса и использование им правоохранительных органов как инструмента политического давления в личных целях». Это был явный намек на приобретение Алиевым огромного богатства путем шантажа и вымогательства.

Несмотря на то, что Алиева никто не поддерживал, в зарубежных СМИ появились рассуждения о том, что ссора между тестем и зятем может стать началом конца для Назарбаева, так как вызовет волну политических потрясений. Данные предположения усилились, когда парламент принял поправки к конституции, разрешив Назарбаеву баллотироваться в президенты в третий раз. Примечательно, однако, что Государственный департамент США позитивно отреагировал на эту новость, а вместе с ним и ряд представителей дипломатических и других кругов страны. О волнениях не было и речи, и Алиев оказался в изоляции со своими страхами по поводу «установления монархии» в Астане.

Следующая страница в этой хронике пришлась на июль 2007 года, когда Дарига Назарбаева развелась с Рахатом Алиевым. Документы о разводе, якобы, подсунули ночью под дверь квартиры Алиева в Вене; это дало повод для его жалобы о том, что развод произведен тайком, а его подпись подделана. Расторжение брака положило конец слухам, будто бы Дарига все еще поддерживает своего мужа и планирует политический разрыв с отцом. Одновременно в Казахстане продолжалось судебное

преследование Алиева. Его основные активы были конфискованы государством или отошли его бывшей жене. Военный трибунал признал его виновным в подготовке государственного переворота, раскрытии государственной тайны и злоупотреблении властью. Верховный суд признал его виновным в совершении ряда уголовных преступлений, включая похищение двух руководителей «Нурбанка». Он был заочно осужден на 20 лет тюремного заключения.

В отместку Рахат Алиев разразился массой угроз по адресу Назарбаева. Он заявил, что написал мемуары под заглавием «*Крестный тесть*», в которых изобличает президента в коррупции и фаворитизме. Хотя книга еще не опубликована, многое из ее содержания попало в Интернет, впрочем, не вызвав особой реакции ни в Казахстане, ни за его пределами. Тем не менее в ноябре 2007 года одно сенсационное утверждение из нее таки попало в газеты. В нем содержалось публичное обвинение Назарбаева в заказе убийства Алтынбека Сарсенбаева, видного члена оппозиции. По словам Алиева, «приказ об устранении Алтынбека Сарсенбаева был отдан с территории Австрии, когда президент Назарбаев был на отдыхе в австрийском Клагенфурте в феврале 2006 года».

Есть веские причины отнести к такому заявлению скептически. Расчетливое убийство Сарсенбаева вместе с охранником и водителем действительно явилось леденящим кровь преступлением, но киллер был схвачен, предстал перед судом и осужден. К убийству оказался причастным член семьи президента, но это был Алиев, а не Назарбаев. Сам Алиев отрицал вменяемое ему злодейство, но, по словам лидера оппозиции Ораза Жандосова, мотив у него был. Алтынбек Сарсенбаев, бывший посол в Москве, был именно тем человеком, который предал гласности планы Алиева по насильственному свержению Назарбаева с помощью недовольных сотрудников спецслужб.

Эти запутанные истории едва ли когда-нибудь будут прояснены, опровергнуты или подтверждены, учитывая замкнутость ядр казахской элиты. Можно сказать только, что Алиев сильно насолил Назарбаеву. Тем не менее в конечном итоге из столкновения двух вожаков президентской семьи тесть вышел явным победителем. Возможно, бывший зять остается потенциальным источником проблем, но у него почти или совсем нет поддержки в Казахстане. Теперь он лишь помеха, но не угроза. Его репутация мрачного головореза оставила ему мало друзей, но множество врагов. Бывшая жена Дарига вернулась в лоно семьи и подчеркнуто выказывает лояльность своему отцу. Что бы Рахат Алиев ни замышлял в стенах своего комфортабельного укрытия на чужбине, едва ли он сможет повлиять на события в Казахстане. Хотя ряд беспокоящих вопросов о политических убийствах и похищении финансистов остался неотвеченным, главным итогом «Рахатгейта» стало то, что отныне президент Назарбаев будет гораздо осмотрительнее и оградит вопрос о политическом преемнике от семейных дел.

(IV) ОБРАЗОВАНИЕ, ИННОВАЦИИ И ЛИДЕРЫ БУДУЩЕГО

Независимо от проблем преемственности внутри собственной семьи Назарбаев посвятил огромное количество времени размышлениям, конкретным действиям и изысканию бюджетных средств на подготовку будущих лидеров Казахстана из подрастающего поколения. Он придал задаче образования особый приоритет. С 2000 года бюджетные ассигнования на школы и университеты возросли в семь раз и составили 4 процента от ВВП. В настоящее время каждый ребенок в Казахстане получа-

ет 12-летнее начальное и среднее образование в школе. В результате грамотность в стране достигла 99 процентов, выведя Казахстан на 14-е место в мире в таблице образовательных рейтингов.

Несмотря на хорошую статистику, распространено мнение, что образование в Казахстане запущено, правительство в этой сфере явно не дорабатывает. За исключением программы «Болашак» (о которой немного позже), образовательные учреждения недостаточно эффективны для страны, которая к 2030 году надеется войти в состав 50 стран мира с наиболее конкурентоспособной экономикой. Более четверти государственных школ находятся в плачевном состоянии. Знания и моральный облик учителей оставляют желать лучшего. Результаты экзаменов вызывают сомнения, так как нередко положительные оценки ставятся в обмен на взятки со стороны родителей.

На университетском уровне нет учреждений, чьи дипломы имели бы авторитет в международном масштабе. В Алматы есть один или два технических вуза, чьи выпускники получают приемлемый уровень знаний по определенным дисциплинам, но такие учреждения существуют скорее благодаря советской системе, чем политике в области образования независимого Казахстана.

Назарбаев ясно представляет себе недостатки школ и вузов страны. Ему повезло, что в деревенских школах Чемолгана и Каскелена в 1940-х и 1950-х годах его образованием занимались преданные своему делу учителя, и он весьма заинтересован в повышении профессиональных стандартов в современном Казахстане. «Учитель не ведет тебя за руку по дороге знаний, он только показывает дорогу» — это один из часто повторяемых афоризмов президента. Еще он цитирует своего любимого казахского поэта Абая: «Если хочешь разбогатеть, изучи профессию», добавляя собственный комментарий: «Его слова идеально обобщают мою стратегию образования».

Профессии, которые молодые казахстанцы должны освоить, чтобы быть конкурентоспособными в современном мире, по мнению Назарбаева, связаны с наукой и технологиями. «Казахстан уже сейчас нуждается в образовательных учреждениях нового типа, — утверждает Назарбаев. — Это должны быть элитные университеты — мощные образовательные, научные, исследовательские и производственные комплексы, тесно связанные с промышленностью». Направляя деньги из государственного бюджета на данные цели, президент обеспечил щедрую поддержку нескольким недавно созданным учреждениям, таким, как Казахский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), Евразийский университет имени Гумилева и Казахско-Британский технический университет. Проект нового Государственного университета в Астане, реализуемый в настоящее время, особенно близок сердцу Назарбаева. Он уверен, что однажды этот «храм науки» будет присваивать степени наравне с лучшими вузами мира. Однако день этот может наступить нескоро.

Предвидя еще в начале своего президентства, что дипломы высших учебных заведений Казахстана в обозримом будущем вряд ли смогут соответствовать требованиям мирового класса, Назарбаев учредил специальную программу «Болашак» (буквальный перевод «Будущее») для лучших студентов, которая оказалась чрезвычайно успешной.

В рамках программы «Болашак» 3000 молодых казахстанцев ежегодно получают стипендии, позволяющие им учиться в зарубежных университетах. 1000 студентов «Болашак» обучаются в США, 500 в Великобритании, остальные в 32 других странах. Среди этих университетов фигурируют как самые известные — Оксфорд, Кембридж, Гарвард, МИТ, Сорбонна и Московский государственный университет, так и широкий спектр международных колледжей, специализирующихся на технических и научных дисциплинах.

Инициатива «*Болашак*» является детищем Назарбаева, он тесно связан с ней. Президент начал ее в 1994 году с группы в 180 студентов. В период, когда казна страны была почти пустой и отчаянно нуждалась в иностранной валюте, это было смелое решение — принять на себя ежегодное обязательство, которое вскоре выросло до более 10 миллионов долларов, чтобы отправлять представителей самой талантливой молодежи в зарубежные университеты, оплачивать до цента их обучение, транспортные расходы и стоимость проживания в течение четырех лет. Но Назарбаев твердо решил, что эта инициатива должна развиваться, сравнивая «*Болашак*» с «вращиванием отборных семян». Казахстан, безусловно, собрал с помощью этой программы хороший урожай, как в государственном, так и в частном секторе.

Любой иностранец, встречающийся с высшим эшелонном руководства бизнеса или правительства в сегодняшнем Казахстане, скоро начинает узнавать выпускников и аспирантов «*Болашак*». Они образуют отчетливо заметную элиту высокообразованных, энергичных, инициативных людей нового поколения. Этика работы, амбиции, подходы и широкие взгляды сильно отличают их от тех, кто воспитан в старой советской системе образования. Многие из них являются восходящими или уже взошедшими звездами в банках, крупных компаниях, правительственных учреждениях или собственных, ими же основанных предприятиях. «Мы — местный эквивалент стипендиатов Родоса», — гордо заявил один молодой выпускник Стэнфордского университета, теперь работающий партнером международной юридической фирмы в Алматы.

Эта амбициозная элита разрастается в мощную сеть. Ее особое предназначение как магического круга завтрашних руководителей намеренно поощряется Назарбаевым. Он регулярно встречается с ними на приемах стипендиатов «*Болашак*», отлично осведомлен об их до-

стижениях, поощряет их и часто обеспечивает им быструю карьеру в органах государственного управления.

Стипендия «*Болашак*», за получение которой идет острая конкуренция, предусматривает подписание каждым отобранным кандидатом обязательства поработать в Казахстане в течение пяти лет после окончания зарубежного учебного заведения. Поскольку возможности получить работу очень благоприятны, большая часть стипендиатов с удовольствием это делает. Несмотря на все легенды о головокружительном восхождении к вершинам власти и богатства вернувшихся *болашаковцев*, большинство стипендиатов программы получают работу в таких областях, как машиностроение, медицина, горнодобывающая промышленность, ветеринария, искусство и дизайн. Один из многих студентов по программе «*Болашак*», с которым автор знаком, — это 22-летний Данник Бешимбаев из Астаны. Он завершил половину четырехлетнего курса обучения по аэрокосмическим технологиям в Технологическом институте Вентворт в Бостоне. «В рамках программы оплачивается мое обучение и проживание, — рассказывает он. — Кроме того, я получаю стипендию 1700 долларов в месяц и раз в год оплачиваемый билет на самолет для поездки домой. Весь пакет моих расходов стоит правительству примерно 50 000 долларов в год, так что я безмерно благодарен за такую возможность. Со своим дипломом по аэрокосмическим технологиям я могу работать в компаниях воздушных перевозок. Или же я могу остаться в США, чтобы продолжить обучение и получить диплом магистра управления бизнесом. Тогда я бы попытался основать собственную аэрокосмическую фирму».

Подобная уверенность типична для молодых людей из программы «*Болашак*». Программа явно пользуется успехом, особенно потому, что приводит к изменениям культуры и этики труда студентов, а также обеспечивает

им образование международного уровня. Если в ней и имеется слабость, то она заключается в школах, из которых избираются стипендиаты. Слишком многие из них отстали во времени и погрязли в болоте второсортности. Здесь возникает еще одна пугающая проблема. Большое число сельских школ Казахстана неожиданно стали исламскими медресе, которые вместе с местными мечетями получают средства от богатых доноров. Такая тенденция беспокоит Назарбаева. «Среди бизнесменов в последнее время стало модным строить мечети и медресе в родных деревнях, — говорит он. — Проблема заключается в том, что после их строительства часто непонятно, кто должен в них учить нашу молодежь и по какой программе».

Это замечание президента приводит к еще одному непростому предмету, по которому у него имеется твердое мнение, — религии.

(V) РЕЛИГИЯ – УГРОЗА ИЛИ БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Назарбаев не религиозен ни по воспитанию, ни по наклонностям. Он враждебно относится к экстремизму, исходящему от любой веры или религиозной группы. По личным и политическим основаниям он исповедует и проповедует религиозную терпимость, межконфессиональный диалог и светское правительство. Однако он обеспокоен подспудным ростом исламского влияния в различных частях его региона. Временами ему также приходится иметь дело с проблемами других религий, чьи представители (например, свидетели Иеговы) стремятся создать свои секты в Казахстане. Поэтому Назарбаев строго следит за тем, чтобы не допустить укоренения любых форм религиозного фанатизма в своей

стране. Его политические выступления на эту тему являются показательными, хотя его критикуют за методы проведения такой политики на практике.

В своем ежегодном обращении к народу Казахстана в 2005 году Назарбаев сказал: «Все религии мира оставили свой след на земле Казахстана, и это объясняет, почему мы против нетерпимости и религиозного фанатизма. Эта духовная традиция, эта открытость миру Бога в любой форме является одной из важнейших основ межконфессионального согласия в Казахстане. Весь мир знает о нашей терпимости, межэтническом и межконфессиональном диалоге».

Подобно многим казахам, Назарбаев называет себя мусульманином, но его реальная духовность сформирована степью и традициями предков-кочевников. Те поклонялись главному божеству *Тенгри* — богу неба. Когда имамы из Ирана и Аравии впервые попытались принести ислам в Среднюю Азию в X веке, оказалось, что в Казахстане бесполезно строить мечети, так как странствующие кочевники постоянно перегоняли свои стада с места на место и не имели постоянных мест поклонения. Результатом стало то, что казахские мусульмане в лучшем случае были наполовину поклонниками пророка. Их аморфная религиозность была дополнительно размыта язычеством, шаманством, зороастризмом и буддизмом, которые также имели последователей в различных частях страны.

При Советской империи такое размывание продолжалось, так как на первое место вышел атеизм. Тем не менее некоторые из 3 миллионов, депортированных в ходе сталинских чисток, в числе которых находились этнические русские, украинцы, поляки, чеченцы, евреи, курды, армяне, татары, балкарцы и немцы, умудрялись исповедовать свои религии после расселения в Казахстане. Назарбаев хорошо это видел в детстве, прошедшем среди многонационального населения деревни Чемолган. Поэтому у него выработалось отношение к

религиям по принципу «живи и дай жить другим». Такой универсализм, воспитанный с детства, остался с ним на всю жизнь.

Единственное, что изменилось в первые годы XXI века, — это то, что изначальный подход «живи и дай жить другим» Назарбаева к религии сменился почти воинственной защитой религиозной терпимости. К этому подходу он пришел частично потому, что стремится обозначить четкую стратегию любого аспекта жизни Казахстана, а также потому, что в долговременной перспективе видит потенциальную угрозу политической стабильности своей стране со стороны исламских фундаменталистов.

Сами по себе казахи примерно такие же «исламисты», как большинство паствы англиканской церкви — «христиане». Проблема состоит в том, что казахов не оставляют самих по себе. Сейчас по всей стране строится все больше мечетей, от экстравагантной мечети с золотым куполом в Астане (подарок вездесущего эмира из Катара) до простых исламских построек в небольших городах и аулах. За мечетями следуют медресе. Проповедники, часто финансируемые из Саудовской Аравии или Ирана, энергично продвигают разные шиитские, суннитские или ваххабитские версии Корана. Вслед за проповедниками возникают разные чуждые секты, такие, как группа исламистов *Хизб ут Тахир*. В 2007 году тридцать ее членов были арестованы в Караганде по обвинению в попытке свергнуть правительство и основать исламский халифат. Замечена аналогичная деятельность среди активных групп, прибывших в окрестности Алматы из мечетей Узбекистана.

Некоторые члены казахстанского парламента были настолько озабочены подобными планами, что в апреле 2008 года внесли существенные изменения в основной закон о религиях. Поправки требуют регистрации религиозных групп по более строгой процедуре, устанавливают ограничения на деятельность малых сект, требуют

разрешения местных органов власти на деятельность проповедников, а также запрещают любые финансовые пожертвования от иностранцев и анонимных доноров. Госдепартамент Соединенных Штатов через своего посла в ОБСЕ выразил протест против парламентских поправок на том основании, что они могут вызвать «серьезную угрозу существованию религиозных свобод в Казахстане».

Назарбаев, всемерно стремясь сохранить доброе мнение ОБСЕ в последние месяцы перед председательством его страны в этой международной организации, направил поправки в казахский Конституционный совет, контрольный орган, следящий за соответствием законодательства Конституции. В феврале 2009 года Совет постановил, что поправки нарушают конституционные гарантии «неотъемлемого права свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Это решение положило конец спорам и было тепло встречено заявлениями различных международных правозащитных и религиозных организаций. Назарбаев явно испытывал трудность в разрешении данной проблемы, учитывая давление, оказываемое на него с разных сторон, но в конце концов добился желаемого результата. Со своей стороны, он лично привержен религиозным свободам и светскому правительству в Казахстане. Наиболее ярким способом подчеркнуть религиозную терпимость, которая, по его убеждению, должна быть в сердце его страны, стало строительство символического монумента в Астане, известного как Пирамида.

Пирамида, официально называемая Дворцом мира и согласия, представляет собой 93-метровую треугольную башню, возвышающуюся над левобережной частью столицы страны. Она спроектирована британским архитектором Норманном Фостером и построена примерно за 80 миллионов долларов; на вершине Пирамиды имеется обширный круглый конференц-зал, который Назарбаев называет «всемирным центром

межконфессионального диалога». Он имеет в виду то, что Пирамида уже дважды являлась местом проведения широко обсуждаемых встреч религиозных лидеров мира — в 2003 и 2006 годах. Третье такое событие — в 2009 году. Некоторые циники утверждают, что такие встречи высших духовных лиц ислама, христианства, буддизма, иудаизма, индуизма, даоизма и других вероисповеданий приводят только к пустому выпусканию духовного пара. Более оптимистично настроенные наблюдатели возражают на это: такая символика мирного сосуществования религий важна для страны, в которой процветают 40 религий и 3000 религиозных учреждений. Большинство новых культовых сооружений являются мечетями, но имеются и несколько сот православных, протестантских и католических церквей. Недавнее исследование посольства США в Астане показало, что менее половины населения (47 процентов) считают себя мусульманами — по сравнению с 46 процентами, считающими себя христианами. Однако число практикующих верующих значительно меньше. Следует отметить, что большое число других религий исповедуется в различных местах отправления культа по всей стране. Показателем общей атмосферы терпимости является то, что Казахстан — единственная исламская страна в мире, где за последнее десятилетие открылось более 15 новых синагог. В них молятся около 40 тысяч евреев, не испытывая никакого давления или преследования со стороны исламистов.

Назарбаев часто указывает, что разнообразие и активность религиозных групп в его стране развились благодаря наследию воинствующего советского атеизма. До обретения независимости Казахстаном в 1991 году запрещалось даже говорить в защиту свободы религии или духовной веры. Поэтому прогресс за последние 18 лет реален, хотя дальнейшее движение вперед может оказаться труднее, чем говорится в публичных выступлениях президента. В 2008 году в частной беседе с одним

иностранным гостем Назарбаев сказал: «Свобода религии у нас реальна в том смысле, что проповедники могут проповедовать все, что хотят, при условии, что они не проявляют нетерпимость к другим верам. Здесь мы ставим пределы». Однако может случиться так, что пределы придется устанавливать все чаще, так как поляризация вероисповеданий в XXI веке усиливается. Не открывает ли в перспективе либеральная политика Назарбаева двери угрозе исламского фундаментализма? Или же она открывает новый прекрасный мир религиозной терпимости в евразийской стране с мусульманским большинством? Ответа пока нет.

(VI) ДАВЛЕНИЕ ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ

«Сначала экономика, затем политика. Наше государство и народ скорее укрепляются благодаря росту экономики и благосостояния населения, чем путем поспешных демократических преобразований».

Последние три слова этого заявления Назарбаева отражают его двойственное отношение к темпам продвижения его страны к демократии. Подобно многим казахам, он уважает ее идеалы, но провалы первоначальных демократических экспериментов ельцинской России посеяли в его душе зерна сомнений. Второй причиной его двойственного отношения стал тот цинизм, который он заметил в откровенном торгашестве американских и европейских лидеров, лоббирующих контракты в Казахстане с той же энергией, с какой они настаивают на демократических реформах. В контексте недавних событий в бывшем Советском Союзе и Центральной Азии Назарбаев не спешит с внедрением полной демократии в Казахстане, считая, что местные и национальные особенности данного вопроса не совсем понимаются на Западе. Насколько весомы его аргументы?

В Центральной Азии имеется множество факторов, осложняющих демократии. В нестабильных «станах», имеющих общие границы с Казахстаном, в частности, в Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане, существуют опасения, что поспешные эксперименты с демократией могут привести к установлению режимов исламских фундаменталистов. Об этих региональных нюансах мало знают западные журналисты и политики. Как выразился Назарбаев, «немногие в США, ЕС или ОБСЕ потрудились изучить, что же реально происходит в Центральной Азии. Они не понимают местных вызовов, связанных с культурными и историческими особенностями. Им невдомек, что для преодоления тяжести советского менталитета с его нелиберальной политической системой и государственной плановой экономикой требуется время. Не раз и не два пытался я объяснить это в Вашингтоне и европейских столицах».

Политические лидеры Вашингтона и Лондона приводили Назарбаева в замешательство, когда связывали интересы транснациональных корпораций с требованиями демократических преобразований. «Вспомним, например, прямую заинтересованность Джорджа Буша-старшего в проникновении компании Шеврон в Казахстан, — говорит он, — или Дика Чейни в получении у нас крупных контрактов компаниями Коноко-Филипс и Халлибартон. Или прямые просьбы Тони Блэра о поддержке компаний Бритиш Петролеум и Бритиш Газ».

Хотя не следует сетовать на западных лидеров за лоббирование экспортных контрактов для своих компаний. Размывание границ между политическими реформами и контрактами корпораций неприятно удивляло казахское руководство. Но где этим границам действительно положено сливаться — так это в вопросе обеспечения стабильности государства. Назарбаев считает, что сильная централизованная власть, данная президенту конституцией, стала ключевым фактором в успешном

управлении страной в первые трудные годы независимости. История становления суверенного Казахстана подтверждает это. В отличие от любого другого государства региона Казахстан избежал кровопролития и беспорядков в своем довольно последовательном движении к экономической и политической стабильности. Рецессия, вызванная глобальным финансовым кризисом, конечно, может поставить Казахстан перед лицом новых проблем. Осторожный подход Назарбаева обеспечил бесконфликтный баланс постепенно улучшающихся политических условий. Нужно отдать ему за это должное.

Что касается реформы избирательной системы, то будущий парламент Казахстана будет иметь гарантированное представительство двух партий, даже если одна из них не преодолет порог в 7 процентов. Нарушения, зафиксированные на прошлых выборах, будут сведены к минимуму и, возможно, ликвидированы благодаря недавним поправкам к 18 статьям Закона о выборах. Эти поправки, основанные на рекомендациях БДИПЧ¹, упрощают регистрацию политических партий, четче регулируют процесс справедливого голосования и обеспечивают более широкий доступ на выборы международных наблюдателей.

Помимо упомянутых изменений в избирательном законодательстве, внесенных парламентом в 2008 – 2009 годах, проведены существенные реформы в сфере средств массовой информации с учетом рекомендаций, предложенных Бюро Представителя ОБСЕ по свободе СМИ. Новое законодательство снимает ограничения на электронные СМИ, в том числе на сайты в Интернете. В результате в Казахстане возросло число политических блогов, часть из которых широко критикует правительство. Эти новшества и некоторое число достаточно шумных оппозиционных газет демонстрируют желанную свободу прессы в стране, хотя главные телевизион-

¹ Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ.

ные каналы, в основном, остаются под контролем правительства.

Назарбаев склонен признавать, что указанные выше изменения в законах о выборах и СМИ связаны с давлением извне. Однако реальность такова, что Казахстан постоянно испытывает воздействие других государств и международных организаций. Внутриполитические шаги Президента неизбежно связаны с проводимой им внешней политикой. Эту двойную роль Назарбаева необходимо рассмотреть в обоих ракурсах.

НА ЗАРЕ ХХІ ВЕКА

ЧАСТЬ II — ПРЕЗИДЕНТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА («ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ»)

- (I) ПОЛИТИКА БАЛАНСИРОВАНИЯ И БОРАТ**
- (II) ЛИЦОМ К МИРУ — ОБРАЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**
- (III) СТРЕМЛЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**
- (IV) ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ**
- (V) У РУЛЯ ВО ВРЕМЯ ВСЕМИРНОГО ШТОРМА**

(I) ПОЛИТИКА БАЛАНСИРОВАНИЯ И БОРАТ

В своей внешней политике Назарбаев тщательно соблюдает баланс и с удовольствием присоединяется к различным международным организациям. Для молодого и уязвимого государства, возникшего из руин бывшего Советского Союза, такая политика руководства оказалась весьма разумной. Хотя этот осторожный подход, казалось бы, был очевидным, ни одно соседнее государство Центральной Азии не встало на такой путь. Постоянное шатание и неустойчивость соседних Узбекистана, Туркменистана и Кыргызстана заслужило им репутацию международных изгоев. В отличие от своих соседей Назарбаев обеспечил Казахстану уважение в качестве ответственного члена меж-

дународного сообщества, которому, правда, и не все в мире аплодируют.

Первое признание как международного деятеля, готового к сотрудничеству, Назарбаев получил в начале 90-х годов, когда он добровольно отказался от владения Казахстаном четвертым по величине в мире ядерным арсеналом (см. Главу 9). Тесно сотрудничая с Соединенными Штатами Америки в рамках программы Нанна-Лугара «Совместное сокращение угрозы», Казахстан полностью избавился от ядерного оружия и его инфраструктуры. Он остается активным участником глобального процесса нераспространения ядерного оружия.

Назарбаев заслужил добротную репутацию на региональном и глобальном уровне своим активным партнерством во многих международных организациях. В дополнение к полному членству в ООН и многочисленных организациях ее системы Казахстан избран председателем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Организации исламской конференции (ОИК). Он также является членом-основателем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС); партнером в операции «Несокрушимая Свобода», международной коалиции в Афганистане, а также принимающей страной нескольких важных форумов на высшем уровне, таких, как «Общий мир: прогресс через разнообразие» (Астана 2008 г.) и «Конгресс мировых и традиционных религий» (Астана 2003, 2006 и 2009 гг).

Такая международная деятельность обеспечила Казахстану уважение в дипломатических кругах, как светской стране с мусульманским большинством, которая всемерно старается построить мост понимания между исламом и Западом. Однако для более широкой публики в мире Казахстан оставался совершенно неизвестным, по крайней мере, до 2006 года. В тот год данный информационный вакуум заполнил голливудский комедиант, создавший эксцентричного героя, который стал глобальным кумиром. Имя его — Борат.

Борат проверил чувство юмора Назарбаева. Еще на сравнительно ранней стадии появления этого сатирического фильма Назарбаев смог увидеть его смешную сторону. «Фильм сделан комедиантом, давайте же посмеемся... Любая реклама — хорошая реклама», — пошутил он на пресс-конференции на Даунинг-стрит в ноябре 2006 года, стоя рядом с Тони Блэром. Этим искусным приемом он помешал попыткам журналистов превратить карикатуру в скандальную полемику. Но когда пародии Саши Барона Козна стали идти с аншлагом, реакция казахского правительства потеряла свою доброжелательность.

Как правило, молодые страны не обладают развитым рефлексом терпимости к искажению их национального имиджа. Поэтому неудивительно, что фильм *«Борат: Культурные уроки Америки на пользу великой нации Казахстана»* вызвал смешанную реакцию в этой стране. «Совершенно неприемлемая стряпня, смесь низкопробного вкуса и скверных манер, абсолютно несовместимая с этикой и цивилизованным поведением», — такова была реакция министерства иностранных дел на шутовскую пародию, в которой фиктивный герой Козна — казахский телевизионный ведущий Борат Сагдиев — путешествует по Америке и шокирует всех своей грубой сексуальностью, расизмом и антисемитизмом.

Еще одним признаком официального осуждения стало блокирование государственным органом, регулирующим веб-сайты, домена *www.borat.kz* в целях предотвратить «обливание грязью нашей страны» со стороны британского комика. Козн ответил открытием еще одного сайта, на котором объявил: «Со времени реформ Тулякева 2003 года Казахстан стал цивилизованной страной, как и любая другая страна мира. Женщины теперь могут ездить в автобусах. Гомосексуалистам уже не нужно носить голубые шапки. Брачный возраст увеличен до восьми лет».

Шутка совсем не понравилась, некоторые казахи возмутились, среди них один из самых известных либе-

ралов страны Жармахан Туякбаев, лидер оппозиционной партии Национальных социал-демократов. Взбешенный заявлениями Козна, что казахи насилуют, предаются кровосмешению и травят евреев, Туякбаев осудил комедианта за его оскорбительный юмор, заявив: «Если бы это случилось в стране, где законы более строгие, чем у нас, правительство бы издало указ устранить Бората... При встрече я набью ему морду».

При такой волне возмущения и официальных угроз судебных исков против создателей фильма киностудии «XX век Фокс», потребовалось вмешательство дочери президента, которая остудила накал общественного мнения в стране. В интервью одной из алматинских газет Дарига Назарбаева критиковала цензуру веб-сайта Саши Барона Козна. «Нам не следует бояться юмора, и мы не должны пытаться контролировать все», — заявила она, добавив, что сатира Козна ударила по имиджу Казахстана гораздо меньше, чем блокирование его шуток на веб-сайте. «О его закрытии написали все агентства новостей мира», — отметила она.

Поскольку Борат к октябрю 2006 года уже показывался по всему миру, резкая реакция в Казахстане оказалась манной небесной для рекламных агентов фильма. На руку им сыграло и время официальных визитов Назарбаева в Вашингтон и Лондон, которое совпало с первым показом фильма в США и Великобритании. *«Борат стал причиной резкого разговора в Белом доме»* — объявил один газетный заголовок с репортажем о том, что Назарбаев, якобы, выразил протест президенту Джорджу Бушу против искаженного представления Казахстана Голливудом. Это, конечно, было неправдой, но выдуманный протест творил коммерческое чудо: билеты на фильм невозможно было достать. Когда Назарбаев прибыл в Лондон, где бульварная пресса пестрела заголовками типа *«Казахский президент прибыл с трехдневным визитом в разгар бури по поводу Бората»*, возникла необходимость опроверг-

нуть существование каких-либо дипломатических трений по этому поводу. Назарбаев легко решил эту проблему, обратившись к журналистскому корпусу на Даунинг-стрит: «Может быть, сам журналист Борат Сагдиев здесь представляет Казахстан? Если да, я с удовольствием с ним поговорил бы».

Когда стало ясно, что президент обладает чувством юмора по отношению к Борату, так называемый «дипломатический скандал» сразу испарился. Журналисты, напротив, начали писать статьи о том, что фильм оболгал весь современный Казахстан, от его небоскребов до синагог. Посол Израиля сделал весомое замечание: «Если вы хотите поискать антисемитизм в мире, его найти нетрудно. Но Казахстан — одно из немногих мест на земле, где его не существует». Другие выдуманные образы Казахстана включали пассажи фильма о том, что люди там, якобы, пьют конскую мочу, покупают жен за 15 галлонов инсектицида, испражняются в гостиных и бросают евреев в колодцы. Этот абсурд скорее высмеивал полную наивность американцев, чем фанатизм казахов. На самом деле глупыми и смешными были выставлены американцы, которые по несчастью проживают в центральных районах США и которых одурачило фиглярство Бората перед камерой.

Назарбаев, как и многие казахи, рассматривал восхищение западных любителей кино Боратом со смешанным чувством ошеломления и изумления. Но, несмотря на то, что в душе он, видимо, был расстроен такой пародией (которую, как он заявляет, не смотрел), он был достаточно умен, чтобы понять, что в этой насмешке не все так плохо. Для молодого неизвестного государства из Центральной Азии пасквиль не хуже, чем пренебрежение. На его фоне ещё выигрышнее становилась реальная картина современного Казахстана. К счастью или несчастью, Борат возбудил любопытство международного сообщества и желание узнать реальные факты, скрытые за выдумкой. Назарбаев инстинктивно почув-

ствовав, что такое любопытство необходимо удовлетворить. Показав, что он также способен смеяться над глупостями Бората, он перешел к следующему шагу и начал размышлять о продвижении собственного имиджа и имиджа своей страны в мире. Надо отметить то, что после этих событий количество туристов, посетивших Казахстан, увеличилось на 30 процентов, в стране побывали журналистские делегации более 20 стран мира.

(II) ЛИЦОМ К МИРУ – ОБРАЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Назарбаеву небезразличен его международный имидж. И это правильно, так как именно он, а не Борат, является лицом Казахстана перед всем миром. Хотя за пределами своего региона он не так известен, тем не менее сейчас все чаще признается факт, что такие журналистские стереотипы XX века о нем, как «экс-коммунистический диктатор» или «обученный в стиле Москвы автократ», уже стали вчерашними клише. Неумная любознательность Назарбаева и поиски им новых решений придают ему черты мастера политических метаморфоз. Его внешнее величие скрывает внутреннее пристрастие к тонкой игре. По мере роста его роли и роли его страны на международной арене все больший интерес вызывает этот долго находящийся у власти президент девятой по территориальной величине и одиннадцатой по богатству (нефтью и газом) страны мира. Так что же представляет собой Назарбаев на глобальной арене? В каком направлении ведет он свою страну в XXI веке?

В поисках ответов на эти вопросы лучше начать с выражения «многовекторная дипломатия». Этот термин изобрел Назарбаев, и он характеризует его искусство балансирования во внешней политике, чтобы пози-

ционировать Казахстан как равного партнера России, Китая, Европейского Союза и США. Но, перефразируя Джорджа Оруэлла, можно сказать: все союзники равны, но некоторые союзники равнее. Более того, представления Казахстана и его Президента могут серьезно отличаться от взглядов Москвы, Пекина, Брюсселя или Вашингтона. Поэтому различные векторы многовекторной дипломатии Назарбаева заслуживают отдельного анализа.

Через несколько дней после избрания в мае 2008 года новый Президент России Дмитрий Медведев нанес свой первый официальный зарубежный визит в Казахстан. «Астана не случайно стала первой иностранной столицей, которую я посещаю в качестве президента России, — заявил Медведев на совместной пресс-конференции с Назарбаевым. — Россия ценит истинно взаимовыгодные отношения с Казахстаном, нашим стратегическим партнером». В ответ Назарбаев отметил «чрезвычайно тесную дружбу» своей страны с Россией и добавил: «Я не думаю, что такие дружеские отношения, как у Казахстана и России, существуют еще где-либо в мире». Даже делая скидку на преувеличенную учтивость, которой обычно характеризуются коммюнике в конце двусторонних саммитов, эти слова и другие свидетельства демонстрируют, что оба президента (а также предшественник Медведева Владимир Путин) вошли в стадию исключительно теплого сотрудничества.

Эра Путина помогла Казахстану избавиться от комплекса неполноценности в отношении к своему северному соседу. Серьезных трений по старым вопросам, таким, как территориальные претензии, статус этнических русских или границы нефтяных месторождений, уже не существует. За последние восемь лет бывший президент (теперь премьер-министр) Российской Федерации имел более 40 сердечных встреч с Назарбаевым, а их соглашения по таким вопросам, как границы, тарифы, терроризм, цены на газ, каспийская нефть, полити-

ка СНГ и совместные предприятия с участием государственных компаний, без сомнения принесли взаимную выгоду обеим странам. «Скоро я поселюсь в Астане», — пошутил Владимир Путин во время своего недавнего визита в столицу Казахстана. Эта шутка подчеркнула известную всем истину, что оба лидера и их страны неуклонно движутся навстречу друг другу, оставляя все меньше старых стереотипов российского доминирования или казахской подчиненности. Обе страны в настоящий момент являются истинно добрыми соседями и хорошими друзьями.

Не все международные аналитики удовлетворены теплотой отношений между Астаной и Москвой. В заключительные месяцы работы администрации Буша расширилась критика со стороны Вашингтона по поводу степени демократичности выборов, прав человека, а также ограничений свободы средств массовой информации в Казахстане. Некоторые казахские специалисты по внешней политике усматривают в этом попытки Государственного департамента предотвратить дальнейшее сближение Назарбаева с путинской Россией и введения у себя такого же стиля правления. Сотрудничество обеих стран в области энергетической политики также беспокоит Вашингтон. Каково бы ни было объяснение, дипломатическая атмосфера несколько охладилась по сравнению с днями, когда президенты США один за другим восхваляли Назарбаева за мудрое решение ядерной проблемы и за тесное сотрудничество с Западом в борьбе с международным терроризмом после 11 сентября.

Один из явных признаков изменения подходов истеблишмента Вашингтона к Назарбаеву проявился на саммите США – Казахстан в 2006 году. Казахстан подал заявку на председательство в ОБСЕ. Государственный департамент высказался против. Когда Назарбаев поднял этот вопрос на встрече с Джорджем Бушем, американский президент сначала озадаченно спросил

своего государственного секретаря: «Конди, мы все еще члены этой организации?» Выяснив этот вопрос и получив более подробную консультацию, Буш посоветовал своему гостю: «Подумайте, нужно ли вам это председательство? ОБСЕ — организация, которая обсуждает, осуждает или обвиняет кого-нибудь каждый день. Ничего хорошего это не принесет. Они будут скрупулёзно изучать все ваши действия и недостатки через лупу, будут сравнивать Казахстан с другими странами. Поэтому подумайте еще раз, нужна ли вам эта организация».

Назарбаев стоял на своем, указав, что большинство стран — членов ОБСЕ поддерживают Казахстан в качестве будущего председателя. Благодаря поддержке наиболее влиятельных стран ЕС, таких, как Германия, он добился успеха. Председательство в ОБСЕ переходит к Казахстану в 2010 году. Хотя для Назарбаева это стало важным шагом вперед на пути более широкого международного признания, из Вашингтона продолжали поступать требования о необходимости для казахского лидера проводить дальнейшие внутренние реформы. Государственный департамент США интенсифицирует частную и публичную критику ситуации в Казахстане с демократией и правами человека, что явно тяготит Назарбаева.

Первая фаза кампании Государственного департамента началась в апреле 2008 года серией брифингов в Вашингтоне. Высокопоставленные чиновники прямо и нелицеприятно высказывались по поводу грядущего председательства Казахстана. «Парадоксально, что организация, проповедующая демократию и широко известная своим мониторингом выборов по всему миру, будет возглавляться страной, которая в этом отношении в лучшем случае вызывает сомнения», — заявляли официальные лица. Затем они обрушились на ограничения свободы средств массовой информации в Казахстане, коррупцию, отсутствие независимости судебной власти

и недостатки прошлых выборов. Одновременно представители США в ОБСЕ, возглавляемые послом Джули Финли, получили инструкции усилить свою критику по поводу несоблюдения стандартов ОБСЕ и нарушений Казахстаном прав человека и процессов демократизации. Посол Финли представила ряд «Заявлений озабоченности» и «Заявлений протеста» по вопросам свободы религии, свободы СМИ и прав человека в Казахстане. Назарбаеву была хорошо известна подобная тактика выпадов, цель которой — оказать на него давление, когда это выгодно тем или другим странам. Тем не менее он реагировал на критику. Назарбаев внес поправки в закон о выборах и закон о СМИ и спустил на тормозах предложения парламента, которые могли ограничить свободу вероисповедания (см. Главу 12). Эти действия в начале 2009 года пришлись по душе некоторым критикам Казахстана по вопросу о правах человека. Циркулировали даже слухи из частных и официальных источников, что Назарбаев планирует досрочные выборы в соответствии с правилами ОБСЕ. «Поскольку впереди у Казахстана председательство в ОБСЕ, а мы намерены выполнять наши обязательства перед этой организацией, я не исключаю досрочные парламентские выборы осенью 2009 года», — заявил советник президента Ермухамет Ертисбаев в интервью газете «Литер». Поскольку единственной причиной таких выборов было бы желание укрепить свою репутацию демократа в глазах Запада, возможное воплощение Назарбаевым этой идеи, которое принесло бы ему очки в Вашингтоне, но не в Пекине или Москве, является еще одним примером его балансирования на канате между соперничающими державами и различными силами.

Многовекторная дипломатия ведется параллельно с многовекторным управлением экономикой. Назарбаев часто заявлял, что считает построение сильной экономики в своей стране более приоритетным, чем конституционные или политические реформы. Его критики

возражают, что это просто предлог затормозить продвижение к полной демократии. Его сторонники отвечают, что президент является практичным руководителем с долговременной стратегией роста Казахстана с целью сделать его современным и конкурентоспособным государством, к 2030 году занимающим достойное место среди пятидесяти наиболее экономически развитых стран. Поскольку расширение демократических свобод и повышение экономического достатка являются целями скорее взаимодополняющими, нежели взаимоисключающими, можно не сомневаться, что Казахстан сможет продвигаться одновременно в обоих направлениях. Но, учитывая противоречия между политической осторожностью Назарбаева с оглядкой на Россию и его проамериканским энтузиазмом в экспериментах со свободным рынком, четкие вехи на будущее президента и его страны можно лучше понять из анализа его общего видения перспективы.

(III) СТРЕМЛЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Назарбаев одновременно является президентом-практиком, глубоко вникающим в повседневные действия правительства, и президентом-стратегом, который заглядывает далеко вперед в будущее своей страны. Эта последняя черта его политической личности все более выступает на первый план по мере приближения двух важных событий: его 70-летия в июле 2010 года и 20-й годовщины независимости Казахстана в декабре 2011 года. Как он отмечает, «период тушения пожаров закончился. Сейчас время остановиться и поразмышлять, как наша страна будет выглядеть через 20 и 30 лет».

У реальности есть неприятная черта нарушать картину видения будущего. Мало кто мог предвидеть, что глобальный банковский кризис 2008 года сможет вызвать глубокий спад строительной промышленности Казахстана и в два раза сократить темпы роста, которые в течение 9 лет обозначались двузначными цифрами. Непредвиденное военное столкновение России и Грузии в 2008 году также отозвалось по всему региону. Назарбаев воздержался от критики любой из сторон, сделав нейтральное заявление о том, что проблемы возникли из-за «отсутствия эффективных региональных институтов». Это показывает, насколько тонко он избегает наступать России на мозоль. Он несомненно рассчитывает, что тщательно культивируемые отношения с Путиным и Медведевым будут достаточно прочными, чтобы оградить Казахстан от подобных проблем. Но, принимая во внимание, что экономические потрясения и региональная нестабильность непременно учитываются в планах будущего развития Казахстана, насколько реалистичны планы Назарбаева для следующего поколения его сограждан?

Казахстан богат и будет еще богаче. Все сегодняшние официальные оценки его уже и так огромных запасов нефти, газа и минеральных ресурсов занижены. Вот один пример: три крупнейших нефтяных месторождения Казахстана на Каспии — Тенгиз (7 миллиардов баррелей); Карачаганак (8 миллиардов баррелей) и Кашаган (не менее 10 миллиардов баррелей) к 2015 году могут давать гораздо больше, чем сегодняшняя официально декларируемая добыча в 3 миллиона баррелей в сутки. Эти месторождения углеводородов почти равны месторождениям в Ираке или Саудовской Аравии. Ожидается, что в течение следующего десятилетия они будут давать примерно 5–6 миллионов баррелей в сутки. Имеются неофициальные, заслуживающие доверия прогнозы на внушительный рост добычи в Казахстане природного газа, урана, меди, железной руды, производства зерна и других стратегических товаров. Сегодняшний гость Ка-

захстана может повторить фразу Царицы Савской, когда она увидела богатства царя Соломона: «Уверена, что половины мне не показали».

Хотя Назарбаев не отрицает самые оптимистические оценки богатства своей страны, он скептически относится к возможности для Казахстана жить за счет своей нефти и газа. «Нам не следует топить наших граждан и конкурентоспособность экономики в нефтедолларах, — утверждает он. — Мы должны жить и работать, как если бы у нас не было нефти». С этой целью он намерен превратить Казахстан в страну с высокоразвитым научным и техническим потенциалом. Он с энтузиазмом говорит о примере Финляндии. Он имеет в виду использование методов, которые превратили эту страну с небольшим населением, еще недавно не имевшую прочной научной базы или развитой промышленности, в одну из самых передовых в мире с точки зрения конкурентоспособной и эффективной современной экономики. Вехами финского «инновационного чуда» стали высочайшие стандарты образования, принцип конкуренции при выделении средств на научные разработки и нацеленная на будущее национальная инфраструктура, объединившая вместе государство, науку и бизнес.

В доказательство того, что эти размышления — не «воздушные замки», Назарбаев расширяет образовательную программу «*Болашак*», открывает новые университеты и парки информационных технологий, учреждает национальный центр нанотехнологии. Частью этой стратегии стал образованный им Фонд Казахстана для будущих поколений, более известный под названием *Национальный фонд*. Это своего рода суверенный фонд, накапливаемый за счет доходов от нефтяных ресурсов. К середине 2008 года в нем образовалось примерно 27 миллиардов долларов. В своих выступлениях Назарбаев говорил, что *Национальный Фонд* будет использоваться частично в качестве резервного фонда государства для стабилизации экономики в периоды спада

и частично в качестве инвестиционного фонда на благо будущих поколений, в особенности — в секторах высоких технологий и науки.

Каковы бы ни были достижения долгосрочных инвестиций на благо будущих поколений казахов, настоящее принадлежит нефтяной и газовой промышленности, горнодобывающей промышленности и иностранным инвесторам, которые их развивают. В этих важнейших областях Назарбаев хорошо продумал свое видение, оно включает два интересных новшества. Он поощряет крупнейшие казахские компании котируются на мировых фондовых рынках. Поддерживает тесный диалог с иностранными инвесторами, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне через механизм учрежденного им Совета иностранных инвесторов.

Две крупнейшие казахские компании Казахмыс (добыча меди) и КазМунайГаз (добыча нефти и природного газа) первыми осуществили первичное размещение своих акций на Лондонской фондовой бирже в 2005–2006 годах. Размещение огромного количества акций, которое мгновенно подняло имидж Казахстана в глазах мировых финансовых кругов, было одобрено и поощрялось Назарбаевым. Он дал свое благословение частично с целью донести свою философию свободного рынка до международных фондовых рынков и частично для того, чтобы ввести в Казахстане полную прозрачность финансовой отчетности. В первые годы свободного предпринимательства страны финансовая отчетность многих местных компаний была, мягко выражаясь, туманной. Первичное размещение акций поставило дисциплину и стандарты финансовой отчетности открытых акционерных компаний под контроль международных бухгалтерских фирм. Это явилось масштабным изменением для деловых кругов Казахстана, которым вскоре пришлось последовать примеру всех крупных компаний, котирующихся на бирже. По словам председателя Казахмыса Владимира Кима, его компания никогда не пошла бы по

пути первичного размещения акций без прямого поощрения Назарбаевым: «Президент на всех этапах оказывал нам личную и политическую поддержку, — вспоминает председатель Ким. — Не менее 80 процентов моих сотрудников чувствовали беспокойство по поводу процесса первичного размещения акций, но президент Назарбаев сказал мне: «Обеспечь доступ к деньгам крупных международных акционеров. Это не только обеспечит прозрачность, доверие и новые технологии Казахмысу, но и пойдет на пользу всему Казахстану».

Эти слова хотя и произнесены применительно к размещению акций казахских компаний на международных фондовых рынках, довольно точно отражают общее видение Назарбаевым экономики своей страны. Но в 2008–2009 годах весь мир, включая Казахстан, сбили с пути глобальные события и кризисы, поколебавшие доверие иностранных инвесторов, от которого в значительной степени зависело процветание страны. Помимо других потрясений, падение мировых цен на нефть и сырье замедлило разработку месторождения Кашаган и вызвало потерю котирующимися на международном фондовом рынке компаниями Казахмыс и КазМунайГаз более трех четвертей своей рыночной стоимости на фондовой бирже. Как Назарбаев отреагировал на эту помеху в его стратегии, в частности, в отношении иностранных инвестиций — важный аспект для понимания его политики.

(IV) ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Назарбаев давно и прекрасно осведомлен об основных приоритетах иностранных инвесторов. В первые годы, приглашая в Казахстан таких пионеров бизнеса, как Фи-

липп Моррис и Шеврон, он лично обговаривал условия их соглашений с его правительством. Он до сих пор поддерживает тесные отношения с крупнейшими зарубежными инвесторами страны во время встреч один на один или посредством Совета иностранных инвесторов (СИИ). Это совет, возглавляемый Назарбаевым, на его заседаниях, проводимых два раза в год в различных стратегических точках Казахстана с деловой повесткой дня и конкретными постановочными задачами. Одно из последних заседаний СИИ проводилось в июне 2008 г. в Атырау, нефтяной столице Каспийского региона. В нем участвовали более 70 председателей и топ-менеджеров транснациональных корпораций, включая компании Арселор Миттал, Митсубиши, Дж. П. Морган, Бритиш Газ Груп, Шеврон, Дойче Банк, Лукойл, Экксон, Филипп Моррис, АБН Амро Банк, Эрнст Янг и многие другие. В центре повестки дня было создание более эффективной электроэнергетики Казахстана. В присутствии большей части своего кабинета министров Назарбаев в течение нескольких часов слушал подробное обсуждение вопросов: от практических деталей модернизации энергетических сетей страны до обеспечения финансовых грантов и налоговых привилегий компаниям, инвестирующим в новую инфраструктуру производства энергии. Хотя некоторые выступления на пленарном заседании переходили на формальные рельсы, диалог в основном оказался эффективным. Трудно назвать другое современное государство, в котором президент снисходит до уровня практического взаимодействия с иностранными инвесторами. В перерывах между общими заседаниями Назарбаев проводил индивидуальные двусторонние встречи с руководителями иностранных корпораций, такими, как Лакшми Миттал из компании Арселор Миттал, лорд Ренвик из компании Дж. П. Морган, Вагит Алекперов из компании Лукойл, Билл О'Рейли из компании Шеврон, Леонард Блаватник из компании Аксес Индастриз и сэр Ричард Эванс, бывший руководитель компании БАЕ Системз.

Сегодня Дик Эванс пользуется у Назарбаева наибольшим влиянием, чем любой другой корпоративный лидер неказахстанского происхождения. Отношения президента с председателем и исполнительным директором компании БАЕ завязались в середине 1990-х годов, когда Эванса попросили разрешить проблемы «Казахстан Аэролайнс», национальной авиакомпании, которая в то время погрязла в долгах и не могла работать эффективно. Назарбаев попросил создать новую международную авиакомпанию, работающую по высочайшим западным стандартам технологии, безопасности и управления в полном соответствии с требованиями международного права. Эванс ответил на вызов и создал компанию «Эйр Астана», совместное предприятие на равных паях с компанией БАЕ и министерством транспорта Казахстана, добившись именно того, что просил Назарбаев. «Мы не пользовались популярностью. Нам пришлось бороться с местными интригами и поменять буквально все — парк самолетов, систему обучения пилотов и высшее руководство, — вспоминал Эванс. — Мы управляли компанией «Эйр Астана», как если бы она была авиакомпанией Великобритании или Европейского Союза. Она пользуется авторитетом во всем регионе и получила международное признание. Сейчас это успешная и рентабельная авиакомпания, но мы не добились бы подобного успеха без личной поддержки и помощи президента».

В 1990-е годы, в период реструктуризации крупнейших предприятий Казахстана, «Эйр Астана» стала ярким примером беспрецедентного коммерческого успеха. Подобных примеров среди других предприятий бывшего Советского Союза в Казахстане почти не было. Назарбаев быстро понял, что принципы управления, прозрачности, информированности, отчетности и рентабельности, применяемые в национальной авиакомпании, необходимо применить и на других республиканских предприятиях. К такому же выводу пришел энергичный министр транспорта, работавший в тесном

сотрудничестве с Эвансом над созданием «Эйр Астаны». Это был Карим Масимов, восходящая звезда на политическом небосклоне Казахстана, вскоре назначенный премьер-министром. Масимов и Назарбаев уже тогда начали обсуждать вопрос о создании мега-холдинговой компании, владеющей и управляющей отраслями «большой пятерки», которые находились в ведении соответствующих государственных органов — железные дороги, почта, электроэнергетика и национальные линии электропередач, связь, нефтегазовые компании. Создание государственной холдинговой компании было рекомендовано в отчете Мак-Кинзи. Но кто в Казахстане обладал необходимым стратегическим видением или менеджерскими способностями, чтобы управлять таким китом?

Поскольку среди местных специалистов кандидатов не нашлось, Назарбаев стал искать их среди международных экспертов. У него уже сложились доверительные отношения с Диком Эвансом по созданию «Эйр Астаны». Поэтому президент предложил возглавить государственный холдинг руководителю компании БАЕ. Но поначалу Эванс колебался из-за непредсказуемости проблем, связанных с подобной работой.

«Я заявил президенту Назарбаеву, что для надлежащего выполнения этого задания мне придется уволить множество людей, вторгнуться во многие местные интересы», — вспоминал он.

В ответ президент дал ему четкие полномочия. «Мои инструкции вам будут просты, — заявил он. — Делайте все, что считаете необходимым, но всегда ставьте на первое место интересы Казахстана. Тогда я всегда буду поддерживать вас».

На таких условиях Эванс принял предложение возглавить *Самрук*, государственную холдинговую компанию, названную по имени мифологической казахской птицы, откладывавшей золотые яйца. Отрасли, которыми начал управлять Эванс и его команда, и в самом деле

представляли значительную ценность, но заставить их нести золотые яйца оказалось труднейшей задачей.

«Мы ориентировались на создание новых качественных активов, но поначалу необходимо было выработать стратегию и создать систему управленческой информации, которая обеспечила бы нам базовые данные для составления стратегии, — вспоминал Эванс. — Эта работа шла полным ходом, когда разразился глобальный кризис банковско-кредитной системы 2008 года».

Назарбаев отреагировал на кризис слиянием государственной холдинговой компании *Самрук* с Фондом устойчивого развития *Казына* — еще одной зонтичной структурой, созданной ранее, параллельно с холдингом *Самрук*, для обеспечения эффективного управления огромными активами полудюжины институтов развития, созданных в 2003–2004 годах в таких сферах, как инвестиции в несырьевой сектор, инновации, развитие экспортного потенциала, маркетинг и рыночные исследования и т.д. Это обеспечило совместному фонду *Самрук-Казына* огромные средства, трудно поддающиеся оценке, но стоимостью не менее 25 миллиардов долларов. Кроме того, правительство использовало фонд *Самрук-Казына* как инструмент для закачки средств антикризисного пакета размером в 10 миллиардов долларов, выделенных из Национального Фонда, в экономику страны. Из этих средств 5 миллиардов долларов было выделено банковскому сектору для повышения ликвидности и еще 5 миллиардов долларов в сектор недвижимости и строительство. Дополнительная помощь была оказана малому и среднему бизнесу, в особенности в сфере переработки и сельского хозяйства. Помощь также была оказана пенсионерам, государственным служащим и более чем 20 тысячам обманутых владельцев недвижимости, вложивших свои деньги в жилье, которое так и не было построено. Эта массовая операция по спасению стала казахским эквивалентом антикризисных мер, предпринимавших по всему миру осенью 2008 года.

Однако Назарбаеву потребовалось все его искусство политического руководства и общения с народом, чтобы убедить общественность Казахстана в правильности такого плана действий.

(V) У РУЛЯ ВО ВРЕМЯ ВСЕМИРНОГО ШТОРМА

Назарбаев часто проявляет свои лучшие качества во времена кризисов. Оглядываясь на поворотные пункты в его карьере, такие как противостояние с Кунаевым, драматические Декабрьские события 1986 года, отказ присоединиться к ГКЧПистам в Москве в августе 1991 года, экономический крах в 1992–1993 годах, ядерное разрушение Казахстана в период 1990–1995 годов и азиатский финансовый кризис в конце 90-х годов, яснее понимаешь, что главными его качествами являются смелость в принятии решений в сочетании с умением ярко и убедительно говорить. Среди его талантов — способность внушить колеблющимся или озабоченным людям уверенность и увлечь их за собой. Эти качества проявились и во время глобального финансового кризиса 2008 года, как при вхождении в кризис, так и в самое тяжелое для Казахстана время зимой 2008–2009 годов. Вот два примера, как действовал президент в трудной ситуации, когда разразился и расширился глобальный шторм.

Когда зарубежные и казахские банки начали подавать сигналы опасности по поводу кредитных и ипотечных долгов, Назарбаев сделал все, чтобы поддержать уверенность иностранных инвесторов и местных потребителей. Автор этой книги сопровождал президента в одной из его поездок с целью укрепить это доверие в нефтяную столицу Каспия Атырау в июне 2008 года. В течение его двадцатичетырехчасового посещения горо-

да большая часть времени была посвящена ежегодному заседанию Совета иностранных инвесторов, но Назарбаев также нашел время, чтобы открыть новый мост через реку Урал, посмотреть соревнования по плаванию в первом олимпийском бассейне области, устроить банкет для иностранных инвесторов, открыть отель «Мариотт», поучаствовать в церемонии запуска производства на огромном нефтехимическом заводе на побережье Каспийского моря и дать множество интервью телевизионным и радиожурналистам на всех этих мероприятиях.

Назарбаев демонстрировал свое умение политика вызывать симпатии народа на протяжении всей разнообразной программы пребывания в этом западном регионе Казахстана, который расположен на границе между Европой и Азией. По пути к реке Урал, разделяющей два континента, Назарбаев вел себя как кандидат в президенты США в разгаре избирательной кампании. Пробираясь сквозь плотные ряды толпы, пожимая руки, обмениваясь объятиями и произнося прочувствованные речи о мире и процветании. Эмоционально растроганный теплотой приема более 5000 своих сторонников, президент остановил свой кортеж далеко от ленточки на мосту, которую ему предстояло перерезать. Громче всех его приветствовали студенты Государственного университета Атырау, одетые в желтые футболки и высоко подпрыгивавшие, размахивая перед ним флагами Казахстана с самозабвенным восторгом, с каким чаще встречают эстрадных звезд, чем политиков. Назарбаев специально остановился, чтобы приветствовать несколько групп строительных рабочих в защитных касках. «Вы слишком быстро построили этот мост, — пошутил он. — Теперь мне надо за него платить».

На церемонии открытия Назарбаев с достойным видом главы государства торжественно привёл статистику по шоссейным дорогам и мостам, построенным в области, напомнил участникам, что за двадцать лет до этого нынешний процветающий нефтяной город с небоскребами

и населением в 250 000 человек был небольшим портом рыбаков и сельскохозяйственных рабочих. Делясь своим видением будущего, Назарбаев сказал об огромном потенциале Каспийского региона и роли страны на международной арене. Он заявил собравшимся: «Наши достижения признаются во всем мире. Признается и наша политическая стабильность. Именно поэтому мы приглашены председательствовать в ОБСЕ в 2010 году».

Едва ли эта мускулистая молодежь в защитных касках и вчерашние школьники из университета знали, что такое ОБСЕ. Но Назарбаев излучал такую уверенность в своем эмоциональном выступлении, что слушатели превозносили его до небес. «Он выполняет обещания. Поэтому он так популярен здесь», — сказал один из местных жителей. Казалось, это мнение разделяли все жители Атырау, которые высыпали на улицы, чтобы радостно и с оптимизмом встретить своего лидера.

Одно обещание, которое Назарбаев безусловно выполнил, — это расширение эксплуатации нефтяных месторождений Каспийского моря. При полете на президентском вертолете МИ-8 российского производства к месторождению Тенгиз, что примерно в 50 милях от города, становились очевидными масштабы производства нефти и газа. Назарбаев должен был официально открыть новый нефтехимический завод по очистке нефти от попутного сернистого газа до её перекачки на Черное море и далее на западные рынки. Параллельно отмечалась 15-я годовщина совместного предприятия Казахстана и компании Шеврон по разработке месторождения Тенгиз. Поэтому, прежде чем отвернуть кран подачи нефти, Назарбаев снова обратился к статистике, самыми впечатляющими данными которой было то, что Казахстан на данный момент получил 20 миллиардов долларов прибыли только от этого месторождения, что производство казахстанской нефти на Каспийском море за ближайшие семь лет должно удвоиться и что 80 процентов

работников компании Шеврон являются казахстанцами. Как бы подчеркивая значимость нефтяной промышленности для этого региона, Назарбаев с микрофоном начал импровизированный разговор с несколькими молодыми людьми в толпе сотрудников компании Шеврон, попросив их описать свою работу, оборудование, на котором они работают, и свои надежды на будущее. Их гордость за свою работу и жизненный оптимизм стали хорошей демонстрацией душевного настроения нового поколения Казахстана.

Позже в рамках своей программы президент еще раз продемонстрировал оптимизм в яркой речи на Совете иностранных инвесторов. Попотчевав гостей горами черной икры из недавно отловленных каспийских осетров, разложенных на столах, Назарбаев поднял тост за новые крупные проекты, которые руководители некоторых компаний планировали реализовать в его стране. Он эмоционально описывал новые капиталовложения компании Арселор Миттал, которые должны поднять производительность сталелитейного завода в Караганде до 6–10 миллионов тонн в год; он говорил о втором этапе добычи нефти на месторождении Тенгиз, а также объявил о строительстве нового нефтепровода на Каспии до нового казахского нефтеналивного порта Курык. В то время как многие западные страны испытывали рецессию, Назарбаев говорил о том, что Казахстан сохраняет темпы быстрого роста. В тот момент не время было упоминать о трудностях, таких как паралич многих банков страны из-за чрезмерных кредитов застройщикам. В ходе этого каспийского турне Назарбаев — политик, ориентированный в будущее и мастерски привлекающий инвестиции — чувствовал себя на подъеме, играя роль, которую с еще большим удовольствием исполнял чуть позже, спустя несколько недель, во время празднования 10-й годовщины столицы страны. «До встречи в Астане», — сказал он главным гостям в конце 18-го ежегодного заседания Совета иностранных инвесторов. Это

было приглашение на грандиозный прием, подробно описанный в следующей главе.

Полная уверенность Назарбаева в ходе поездки в Атырау и во время празднования 10-й годовщины Астаны не основывалась на ложной пропаганде или стремлении выдать желаемое за действительное. Он был прав, считая, что у Казахстана имеются более благоприятные перспективы, чем у любой другой страны этого региона или большинства других стран мира, выйти из рецессии в сравнительно хорошем состоянии. Однако он ошибся, недооценив масштаба и степени жестокости глобального экономического краха.

У Казахстана хватало своих жадных бизнесменов, запутавшихся в долгах застройщиков и безрассудных банкиров, которые довели себя до самоуничтожения зимой 2008–2009 годов. Но в своем плане антикризисных мер Назарбаев поставил интересы простых людей на первое место, обеспечив со стороны правительства поддержку пенсионеров, государственных служащих, мелких собственников и вкладчиков средств в банки. Он явно извлек уроки из опустошительного экономического кризиса в Казахстане в 1992–1993 годах, когда ни одна из этих групп не могла иметь такой защиты.

В октябре 2008 года Назарбаев дал телевизионное интервью, которое в течение целого часа транслировалось по всем каналам Казахстана, охарактеризовав глобальный финансовый кризис и всемерно стараясь убедить слушателей, что страна выдержит этот шторм. «Несмотря на кризис, затронувший нашу страну, экономика продолжает работать в нормальном режиме», — заявил он, подчеркнув, что золотовалютные запасы Казахстана, с учетом средств Национального Фонда, в совокупности имеют 51 миллиард долларов. Для населения в 15 миллионов человек это ощутимый резерв, из которого можно выделить средства для вывода страны из кризиса.

Такая убедительная речь, в которой объявлялся комплекс антикризисных мер на сумму, равную 10 процен-

там ВВП страны, произвела желаемый эффект на деловые круги Казахстана. Спокойствие и уверенность вернулись после того, как Назарбаев недвусмысленно заявил о том, что он выделил правительству необходимые ресурсы и дал полномочия провести страну через кризис. «Пора ударить кулаком по столу и начать интенсивно работать», — заявил он премьер-министру Кариму Масимову и кабинету министров 13 октября 2008 года, добавив, что правительство «наделается неограниченными полномочиями для проведения программы стабилизации экономики и финансовой системы, а также правом принимать нестандартные решения».

Примерно через шесть месяцев после того, как Назарбаев впервые объявил об антикризисных мерах по выходу из усугубляющегося глобального шторма, автор этих строк посетил Астану и взял интервью у премьер-министра и президента. Оба были очень озабочены и подчеркивали, что кризис начался не в Казахстане, что чрезвычайные меры по девальвации тенге и привлечению огромных ресурсов из Национального фонда начали работать и что скоро будут объявлены новые важные инициативы. Премьер-министр Масимов подчеркнул, что президент дал распоряжение правительству: «Лучше принять решение, чем сидеть и бояться сделать ошибку».

Спустя пять дней после последнего интервью, данного автору этой книги, Назарбаев объявил о важнейших решениях по выходу из кризиса в своем ежегодном послании к народу 6 марта 2009 года. Его трудно обвинить в недостатке решительности. Он объявил о создании 350 000 новых рабочих мест в строительстве объектов инфраструктуры, таких, как шоссейные дороги, ирригационные проекты в сельском хозяйстве, водоочистные сооружения, искусственные водохранилища, мясоперерабатывающие заводы, школы, больницы и объекты коммунального хозяйства. Самым грандиозным проектом стало заявление о строительстве железнодорожного

и автомобильного транспортного коридора между Западной Европой и Западным Китаем длиной 3000 миль. «В этом году там будет занято 5000 человек, а в 2010–2012 годах — до 50 000 рабочих, — заявил Назарбаев. — Это будет артерия, превращающая Казахстан в транзитный коридор между Европой и Азией».

По мере того как в послании президента озвучивались грандиозные проекты, касающиеся строительства новых газопроводов, электростанций, гидроэлектростанций и крупных сельскохозяйственных объектов, некоторые из слушателей наверняка задавали себе вопрос: «Выполнит ли он все это»? Как бы отвечая таким скептикам, Назарбаев напомнил всем о своем самом крупном успехе в ряду достижений невозможного. «Именно в самые трудные годы, — заявил он, — мы начали и завершили строительство новой столицы Астаны, когда никто не верил, что мы сможем сделать это. Давайте же последуем этому хорошему примеру».

Как пример стремления к модернизации экономики и созданию рабочих мест, как событие, удивившее не только соотечественников, но и весь мир, созидание Астаны стало мощным резонатором, особо приметным в худшие времена глобального экономического кризиса. Поэтому, наверное, будет уместным в последней главе настоящей биографии совершить путешествие в *Сары-Арку*, великую степь и сердце Казахстана, где Назарбаев создал новую, удивительную столицу страны.

ВЗГЛЯД НА СТОЛИЦУ

«Нурсултан Назарбаев отдал этому городу не только свой труд, он вложил в него свою душу... можно с полным правом сказать: «Астана — его детище». Эти слова произнес Дмитрий Медведев, Президент России, во время выступлений глав государств по случаю празднования 10-й годовщины столицы Казахстана в июле 2008 года. Празднования, включавшие приемы, торжественные церемонии, открытие памятников, праздничные салюты и культурные мероприятия, длились более семи дней. В них участвовали 750 тысяч жителей города и многие тысячи казахстанских и иностранных гостей, включая автора этой книги. Однако атмосфера юбилея была лишь одним из аспектов торжества. В мно-

гочисленных беседах прослеживались более глобальные рассуждения о том, что символизирует собой данная годовщина для страны.

Что представляет собой Астана — достойное видение столицы современного государства XXI века? Необходимую смену перенаселенной бывшей столицы с отжившей инфраструктурой? Новый стратегический перекресток в Евразии? Экстравагантный каприз президента? Чрезмерно дорогой конгломерат недостроенных офисных и жилых зданий? Политически безопасный бункер для размещения структур власти Казахстана как можно дальше от границ потенциальных захватчиков? Региональный узел для будущих современных производств и транспортных связей? Возврат к духовным корням истории и культуры Казахстана в сердце степи? Что-то в отдельности, ничего или всё из перечисленного?

Смысл всех вышеперечисленных вопросов хорошо знаком Назарбаеву, так как в течение 18 лет его президентства никакой другой проект не отнимал у него больше эмоций, энергии и внимания, чем строительство и развитие новой столицы Казахстана. Из этого следует, что ясное понимание того, чем является Астана, почему она была вызвана к жизни, как построена и что значит для будущего страны, имеет важное значение для понимания самого Нурсултана Назарбаева.

Астана является одной из наиболее необычных и уникальных столиц мира. Она полна сюрпризов. Если группе иностранцев завязать глаза, отвезти их туда, открыть глаза и спросить: «Как вы думаете, где вы?» — их ответ может начаться с «в сказочной стране» или «на декорациях к какому-то фильму», а затем последуют догадки по странам и континентам. Потому что линию горизонта экзотично обрамляют здания, настолько разные по форме и размерам, контурам и цветам, традициям и траекториям, что постоянства нет нигде, а необычность присутствует везде. Еще более удивительное, чем разнообразие проектов, состоит в том, что у истоков всего был

один главный инициатор, который давал инструкции проектировщикам и архитекторам, выбирал цветовые гаммы, делал наброски чертежей многих ключевых зданий и разрабатывал концепцию всего города. Таким инициатором был Назарбаев.

Чтобы проникнуть в образ мыслей Назарбаева в его роли главного создателя Астаны, выберем *Байтерек*, 97-метровую башню, выросшую в сердце центрального бульвара. В наброске, сделанном рукой президента, в стиле модерн представлено древо жизни, на вершине которого имеется стеклянная сфера и золотой шар, иллюстрирующие казахский миф о золотом яйце, снесенном легендарной птицей Самрук на древе жизни *Байтерек*. С обзорной платформы *Байтерека* внутри золотого шара можно увидеть панораму города, который делится рекой Ишим на левобережный и правобережный секторы. Правый берег называется Старым городом, хотя, за исключением горстки общественных зданий царского и коммунистического режимов, старого осталось очень мало. Видение Назарбаевым новой столицы в полную силу проявляется именно на левом берегу, поскольку почти каждое здание здесь построено с момента открытия новой столицы в 1998 году.

Из современныхстроек Астаны наиболее консервативен президентский дворец *Акорда*, примерная репродукция американского Белого дома, правда, гораздо просторнее по размеру, с ярким голубым куполом и игольчатым шпилем на крыше. Когда Назарбаев смотрит из окна своего кабинета в *Акорде* на противоположный берег реки, он видит 100-метровую пирамиду, спроектированную Норманом Фостером, которая называется Дворцом мира и согласия. Последнее слово невозможно применить к архитектуре левобережья, поскольку и стиль, и содержание разных зданий и небоскребов несовместимы между собой. Среди них: пара круглых башен, напоминающих по форме стакан-

чики популярного мороженого в золоченой фольге и прозванных местным населением «эскимо»; здание национального архива в форме серо-зеленого яйца; горчичного цвета международный бизнес-центр; гигантский жилой дом на 5000 квартир в советском стиле, теряющийся в облаках, который является копией Московского государственного университета; многоэтажное здание с зеркальными окнами и шарниром наверху, которое все называют «зажигалкой»; космический корабль в стиле НЛО, где выступают цирковые и фестивальные труппы; концертный зал на 3000 мест в форме корабля; арабская мечеть; массивные здания министерств с позолоченными оконными рамами; верхняя и нижняя палаты парламента и, насколько видит глаз, вереница высоких зданий самых разных традиций и стилей, от банального до причудливого.

Во время экскурсии по Астане быстро начинает кружиться голова и пестрить в глазах. Планировка города традиционная, но смесь цветов и архитектурных стилей напоминает эксцентричную мозаику. По соседству, без какой-либо планировочной гармонии или логики, располагаются жилые корпуса из Манхэттена, московские луковичные купола, голландские ветряные мельницы, французские шато, византийские своды, ближневосточные минареты, китайские пагоды, турецкие базары, тосканские виллы, японские рестораны, коринфские колонны, скандинавские конференц-отели, гонконгские высотки, русские православные церкви, испанские гасиенды, корейские супермаркеты, мексиканские небоскребы из гнutoго стекла, сталинские общественные здания монументального стиля Москвы 1930-х годов и американские торговые центры, как будто взятые прямо из Калифорнии XXI века.

Несмотря на то, что в этой необычной метрополии существует множество несовместимых сочетаний, эти контрасты и эксперименты производят общее впечатление живого города. Астана — молодой, полный энергии

город, средний возраст его жителей — 32 года. Если летом приезжий прогуляется по паркам или пройдет около массивных монументов, посвященных таким темам, как «жертвы тоталитаризма» или «воины — борцы с джунгарскими завоевателями», он услышит, что люди вокруг разговаривают на таком множестве языков, что это напомнит ему о Вавилонской башне. То же наблюдается в магазинах и супермаркетах, где разнообразие товаров со всего мира является таким же экзотичным, как и местная архитектура. Однако Астана — слияние, а не столкновение культур. Народы, что приехали и живут рядом в новой столице, представляют собой целый калейдоскоп национальностей. Лишь 55 процентов граждан Казахстана — казахи. Остальные принадлежат более 100 этническим группам, из которых наиболее крупными являются группы русских, украинцев, узбеков, корейцев, немцев, уйгуров, чеченцев, поляков, крымских татар, турков, греков, персов, киргизов, туркмен и китайцев. Необычная новизна Астаны позволяет всем им чувствовать себя, как дома.

Но где находится этот дом? Астана — наиболее удаленно, или изолированно, расположенная столица страны в Европе и Азии. Поблизости нет ничего. Полет на юго-восток через 1200 километров приведет вас в Алматы. Если лететь на запад, первым крупным городом будет Атырау, центр нефтяной промышленности, примерно в 1600 километрах от столицы. На севере нет ничего, кроме Сибири к северо-востоку. Курс на северо-запад ведет к Москве, это примерно 3½ часа полета. Между всем этим простирается Сары Арка, Великая степь, колоссальные просторы равнинных и горных пастбищ, которые традиционно считаются древней родиной казахских кочевников. Строительство новой столицы в таком удаленном и негостеприимном месте могло бы считаться невозможным в то время, когда Казахстан стал самостоятельным государством, почти 20 лет назад. Почему же Назарбаев пошел на это?

* * *

Идея строительства новой столицы страны впервые пришла в голову Назарбаева при романтических обстоятельствах. Через несколько месяцев после провозглашения независимости он прибыл с официальным визитом в северный город Акмола. Этот захудалый областной центр, который в советское время являлся административным центром и железнодорожным узлом сельскохозяйственного региона, расположен в сердце степей на берегах реки Ишим. Маршрут президента пролегал через жалкий городской мост; Назарбаев остановился посмотреть на бурлящий поток воды. Задумчиво глядя на воды Ишима, который казахи называют Есиль, он начал вспоминать столицы разных стран на реках, дающих им жизнь, краски и энергию. Он подумал о Москве на Москва-реке, Санкт-Петербурге на Неве, Лондоне на Темзе и Париже на Сене. По дороге домой он вспоминал виды Атырау на реке Урал, Кзыл-Орды на Сырдарье, Кустаная на Тоболе и Павлодара на Иртыше. По мере того, как виды этих городов и их набережных проплывали в памяти, Назарбаев начал мечтать о сверкающей новой столице степного народа, выросшей в Акмоле на реке Ишим.

Романтическая мечта захватывала воображение, но о практическом ее воплощении лучше было даже и не упоминать вслух. Такая сдержанность оказалась мудрой. В 1992 году в Казахстане царил экономическая разруха. Народ пытался справиться с личным финансовым кризисом, при котором не только не выплачивались зарплаты, но даже открывались пункты бесплатного питания для пенсионеров, потерявших свои сбережения. Если бы в то тяжелое время Назарбаев публично высказал свою идею о переносе традиционной столицы из Алматы в забытую богом точку в степи, его бы подвергли осмеянию. Позже он признал, что его мечта появилась не вовремя: «Я не решался и слова сказать об этом, потому что в то время наша экономика была не способна даже

запланировать такое». Тем не менее мечты и планы оставались, хотя бы только в личных разговорах президента в тесном кругу своих советников.

Мозговой штурм Назарбаева начался после осознания того, что у Алматы как столицы независимого государства есть непреодолимые недостатки. Эмоционально президент был привязан к городу. Он любил его красоту, его многонациональную культуру, его бурлящую жизнь и то, что его, как жемчужину, обрамляют горы Алатау. Но горы мешали расширению Алматы. Город и так уже был перенаселен, число жителей превышало 1,5 миллиона, и места для будущего роста не оставалось. Жуткие автомобильные пробки сделали город с его пригородами печально известной ловушкой для смога, где проблемы загазованности стали самыми серьезными в Средней Азии. Аэропорт располагался слишком близко от центра и часто окутывался туманом. Существовала возможность роста в высоту по примеру Манхэттена или Гонконга, но из-за опасности землетрясений в этом регионе строительство небоскребов в Алматы оказалось бы слишком дорогим. В любом случае дефицит земли для строительства означал, что для возведения новых общественных зданий, планируемых Назарбаевым, места почти не было. «Будучи суверенным государством, мы нуждались в новых административных зданиях, которые раньше не были нужны, — говорил он. — Например, здания парламента, Верховного суда, министерства обороны, министерства иностранных дел и других учреждений, таких, как иностранные посольства».

Помимо этих территориальных и экологических недостатков, имелись и другие проблемы, которые не высказывались вслух. По своему стилю и содержанию это был город с русской, даже советской, атмосферой. Многие казахи чувствовали себя там не в своей тарелке. Кроме того, существовали стратегические опасения существования столицы в юго-восточном углу страны, всего в 100 милях от китайской границы. Учитывая все эти

факторы, Назарбаев отбросил свои личные симпатии к Алматы и высказался за перенос административного центра страны в другую часть Казахстана. Но куда?

* * *

Дебаты по поводу наилучшего места для новой столицы страны проходили в широком диапазоне. Назарбаев заявил своим советникам, что при выборе необходимо принять во внимание 32 критерия. Они включали социальные и экономические показатели, климат, ландшафт, сейсмические условия, экологию, транспортные связи, перспективу развития, условия строительства и человеческие ресурсы. Размышляя о долговременных перспективах развития страны, Назарбаев учитывал привлекательность этого проекта для корректировки дисбаланса населения между сравнительно развитым югом и обширными открытыми пространствами на севере. «Перераспределение миграционных потоков на другие районы Казахстана имело экономические и социальные преимущества», — заявлял он.

Футуристическое стремление к современной социальной структуре сопровождалось ретроспективными размышлениями об истории и культуре Казахстана. Столица без таких корней казалась Назарбаеву искусственным созданием. По этой причине серьезно рассматривалась кандидатура Улытау (по-казахски — Великие Горы), расположенного в центре страны, где в сердце степи возвышаются горы. «В древние времена казахские племена со всей страны, с запада, юга, севера и востока, собирались в Улытау. Именно здесь цементировалась казахская нация», — утверждает президент.

Место встречи казахских кочевников взывало к романтическим инстинктам Назарбаева, но Улытау вскоре исключили из списка кандидатов на столицу страны, так как от города практически ничего не осталось. Единственными следами древней столицы Казахского хан-

ства оставались лишь земляные валы, окружавшие развалины племенных стоянок. По дорогам некогда передвигались многочисленные караваны верблюдов и лошадей, но современная транспортная инфраструктура, такая как шоссейные и железные дороги, на их месте не возникла.

После Улытау серьезно рассматривалась Караганда. Ее центральное расположение нравилось Назарбаеву. Нравились также его личные связи с городом, который в молодости он считал «центром Вселенной». В Караганде он женился, воспитывал своих детей, работал на сталелитейном заводе и поднимался вверх по карьерной лестнице в качестве комсомольского вожака. Но такие ностальгические чувства увяли, когда выяснилось, что в городе существуют серьезные проблемы с водой и просадками поверхности земли, вызванными близлежащими угольными шахтами. Эти проблемы исключили Караганду из списка.

В семидесяти милях к северу от Караганды расположен город, который в различные периоды казахской истории назывался Акжол, Акмолинск, Целиноград и Акмола. Еще в X веке территория Акжола являлась центром творчества исламских художников и ремесленников. Археологические раскопки обнаружили печи для обжига кирпича того периода, а также резные таблички, надгробные плиты и богатые украшения мечетей.

В 1830 году подразделение сибирских казаков основало крепость поблизости от Акжола на берегу Ишима, впоследствии назвав ее Акмолинск. Во времена Иосифа Сталина солдаты этой военной базы использовались для охраны системы лагерей, содержавших многие тысячи узников, известной как «Архипелаг Гулаг». Один из наиболее известных лагерей располагался по соседству от Акмолинска. Его называли АЛЖИР, русское сокращение от «Акмолинский лагерь для жен изменников родины», в котором содержались жены мужчин, считавшихся Сталиным «врагами народа».

Эта мрачная история была известна Назарбаеву. Он также помнил политические заявления, которые он слышал подростком в середине 1950-х годов, о том, что Акмолинская область станет центром нового сельскохозяйственного проекта, известного как освоение целинных и залежных земель. Это было детище Никиты Хрущева, который распорядился, чтобы 100 миллионов акров степных земель превратили в совхозы и заселили 300 тысячами рабочих, завербованных в Украине, Беларуси, России и других частях СССР. По мере реализации этого массового проекта город, бывший административным центром сельскохозяйственного региона, переименовали в Целиноград, от русского названия Целинного края. Подобно многим другим грандиозным советским инвестиционным проектам того времени, этот план провалился. Но к тому времени московские проектировщики уже построили в Целинограде целый ряд импозантных зданий, в том числе штаб-квартиру Коммунистической партии, правительственные здания, дворец культуры и дворец молодежи. Хрущев остался настолько доволен таким развитием событий, что рассматривал возможность сделать этот город столицей Казахской Советской Республики с переименованием его в Хрущевград. Но после кремлевского переворота, сместившего Хрущева с его поста в 1964 году, этот план был отброшен. На протяжении следующей четверти века Целиноград приходил в упадок. В нем строились только деревянные хибары, придавшие городу нищенский вид. Но после обретения независимости Казахстаном в 1991 году его переименовали в Акмолу (с мрачноватым значением «Белое надгробие») и начали возрождать как северный областной центр с населением 100 тысяч человек. Иногда там возникали трения между различными группами населения, в которых этнические русские, украинцы и другие славяне по численности превосходили казахов.

В начале 1990-х годов предотвращение межэтнической напряженности было одним из главных приоритетов Назарбаева. Не менее важным для молодого государства было и поощрение внутренней миграции из густо заселенного юга в широкие просторы аграрно-промышленного севера и центра страны. Кроме того, Назарбаев считал необходимым отдалить центр страны от старой советской бюрократической культуры и предпочитал перенести столицу в области, где казахи смешивались с преимущественно русскоговорящим населением. Это тоже стало одной из причин, почему Акмола во второй раз в XX веке начала рассматриваться в качестве кандидата на столицу.

* * *

Слухи о будущем Акмолы начали распространяться со второй половины 1993 года. Они возникли после семи неожиданных посещений города Назарбаевым. Местные жители привыкли видеть своего президента, расхаживающего по улицам, рассматривающего здания, прогуливающегося по берегу реки Ишим и устраивающего импровизированные встречи с видными жителями города. Назарбаев с особенным удовольствием разговаривал с молодыми бизнесменами, которые смело входили в новый мир свободного рынка и предпринимательства, проникший в Казахстан после распада Советского Союза. Одним из таких предпринимателей был Адильбек Джаксыбеков, основатель торгово-строительной компании группы Цесна. «Это была моя первая встреча с Нурсултаном Назарбаевым, — вспоминает Джаксыбеков, который впоследствии сделал политическую карьеру и стал мэром Астаны. — Он очень интересовался Акмолой, задавал много вопросов о нашем бизнесе, о том, как идет коммерческая жизнь города. Он посещал магазины и снабженческие компании. Когда он уходил, я попросил его расписаться в нашей книге почетных посетителей,

что он и сделал, написав: *«Цесна рождена новыми временами, временами реформ и суверенной политики Республики Казахстан. Деятельность корпорации показывает, что наш курс на демократизацию, приватизацию, разнообразие форм собственности и рыночную экономику является правильным. Желаю вам успехов».*

(Подпись) Президент Н. Назарбаев 19.08.1993

Через несколько минут после написания этих слов местный журналист спросил президента, что деловое сообщество Акмолы должно делать, чтобы ускорить его реформы? «Оно должно действовать совместно с правительством и парламентом, — отвечал Назарбаев, — и помочь мне продвигать реформы вперед».

Дата этого заявления — всего двадцать месяцев после обретения независимости — и неожиданный призыв «действовать совместно с правительством и парламентом» дают любопытное указание на то, как работала мысль президента. Бизнесмены Акмолы были невероятно удалены от правительства Казахстана как практически, так и географически. Алматы, расположенный в 1600 километрах к югу, для степи представлял собой другой мир с точки зрения политических, культурных и экономических преимуществ. Назарбаев умолчал о том, что ставит себе задачу свести эти два мира вместе. Его интерес к жизни в Акмоле был частью его разведки. Он делал собственную оценку города как потенциальной столицы. Ему понравились взгляды нового поколения молодых бизнесменов севера. Он расспрашивал Джаксыбекова и многих других о местных и областных транспортных коммуникациях. Дороги оказались хорошими. Благодаря грандиозному проекту Хрущева по освоению целинных земель Акмола превратилась в узел железных и автомобильных дорог, имея сообщение с городами во всех сторонах света. Возможно, развитая транспортная сеть стала решающим практическим фактором, склонившим чашу весов в сторону Акмолы. Однако на выбор

более всего повлияли стратегические соображения Назарбаева.

«Нам было нужно укрепить Казахстан с геополитической точки зрения, — объяснял Назарбаев, — столица должна находиться в центре Евразийского континента и стать синтезом европейских и азиатских традиций». Такое видение далеко превосходило горизонты мышления его сограждан. В начале 1990-х годов число граждан Казахстана, которые мыслили в геополитических категориях, как их президент, или использовали термин «Евразийский континент», было ничтожным. Сама Акмола являлась удаленным и бесперспективным провинциальным городком. Ее жители боролись с повседневными проблемами за выживание и даже не мечтали о геополитике или слиянии с культурой других народов. Они остались бы равнодушными и к другому стратегическому аргументу Назарбаева о переносе столицы в степь. Он основывался на соображениях безопасности. «В идеале столица независимого государства должна располагаться на некотором расстоянии от ее внешних границ и размещаться в центре страны», — утверждал он. Теоретически мнение президента было правильным, но в реальной жизни предположение, что Акмолу можно защитить от некоего сильного иностранного захватчика, в начале 1990-х не встретило бы понимания со стороны общества.

Третий стратегический аргумент Назарбаева заключался в потенциале для развития, так как он верил, что новая столица страны даст толчок пошатнувшейся экономике Казахстана. Без сомнения, такой взгляд разделяли банки и строительные компании в Акмоле, но нетрудно понять, почему деловые круги Алматы не пришли в восторг от проекта громадного строительства на севере, который мог отвлечь ресурсы от их части страны.

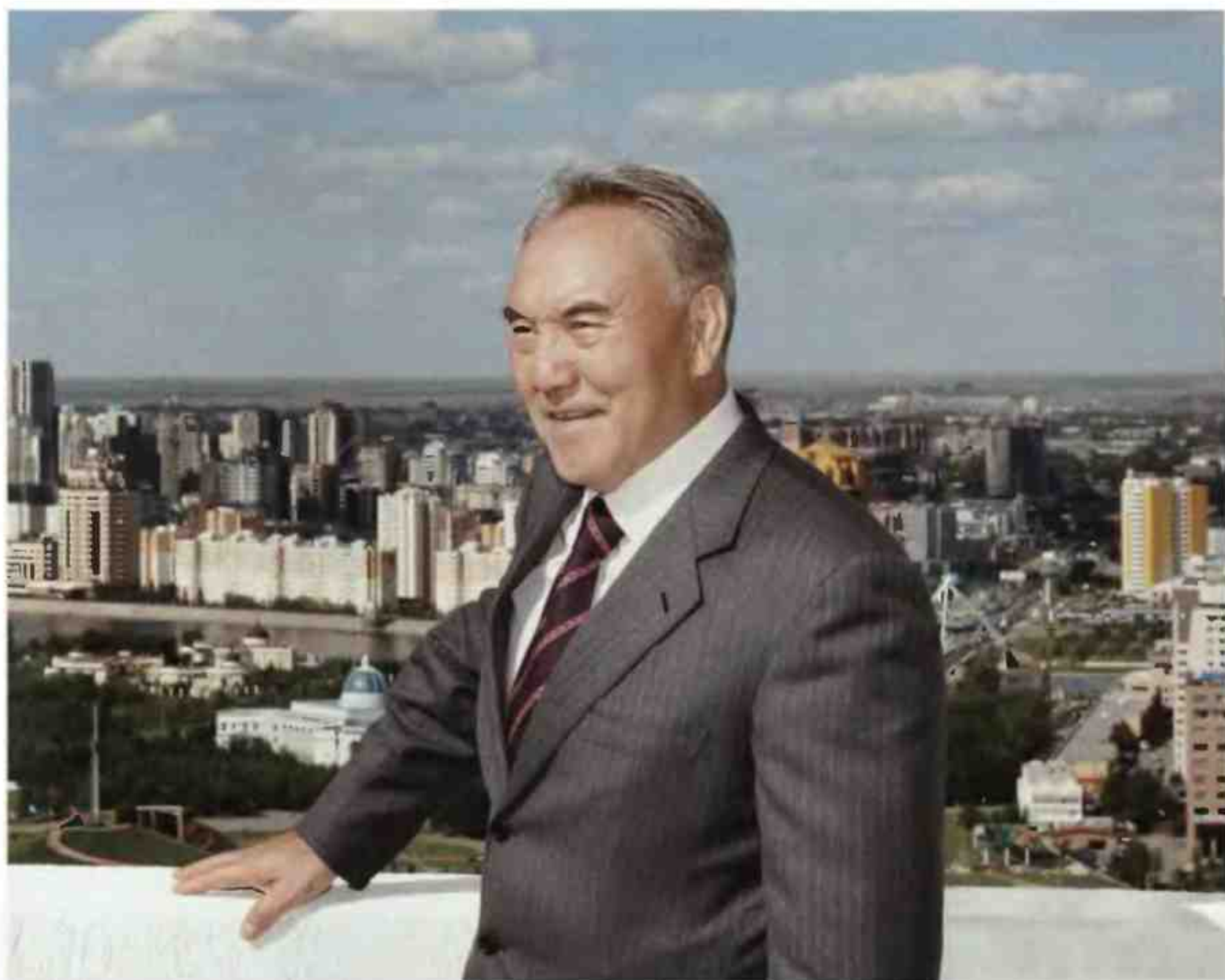
Подобные источники скептицизма по поводу переноса правительственного центра в Акмолу Назарбаев, естественно, хорошо видел. Они могли заставить более

осторожного политического деятеля немного выждать. Только колебание, когда решение в душе уже принято, не в характере президента. Поэтому 6 июля 1994 года, в свой 54-й день рождения, Назарбаев официально объявил в парламенте, что столица страны переносится из Алматы в Акмолу.

Реакцию казахских депутатов на речь президента многие свидетели описывают как «озадаченность». Сидя в молчании в амфитеатре здания Верховного Совета в Алматы, многие законодатели не верили своим ушам. Меньшинство, поддерживавшее перенос столицы, изумлялось смелостью этого решения. Большинство же пришло в ужас, и это высказывалось с неожиданной горячностью. «Они уперлись ногами и заявили, что при ухудшающемся социальном и экономическом положении трата огромных сумм денег на перенос столицы является просто абсурдной, — вспоминает Назарбаев. — Дебаты проходили шумно, депутаты в основном настроились против меня».

Для преодоления оппозиции своему предложению Назарбаев прибег к тому, что позже назвал «хитрой уловкой». Он создал у своих противников впечатление, что его концепция переноса столицы является скорее теорией для изучения в будущем, чем план действий для немедленного выполнения. Внося резолюцию для принятия парламентом, он намеренно окутал туманом график принятия будущих решений. В своем интервью газете *«Казахстанская правда»* 2 сентября 1994 года Назарбаев несколько лукаво подчеркивал: «В резолюции дата переноса не указана. В ней только говорится, что правительство должно разработать все необходимые для этого документы. Совершенно ясно, что данный вопрос не стоит на повестке дня сегодня или даже в ближайшем будущем, это будет позже».

Создав впечатление, что новая столица является проектом несрочным, уходящим горизонтами в XXI век, Назарбаев нейтрализовал тех критиков, которые возража-

Гордость Президента – столица Астана

Совет да любви!

Самые юные граждане Казахстана

И президенты учатся

Вспоминая свой стройотряд

Прекрасное будущее Казахстана

Крутой вираж

Родные горы

Следующий ход

Президентская подача

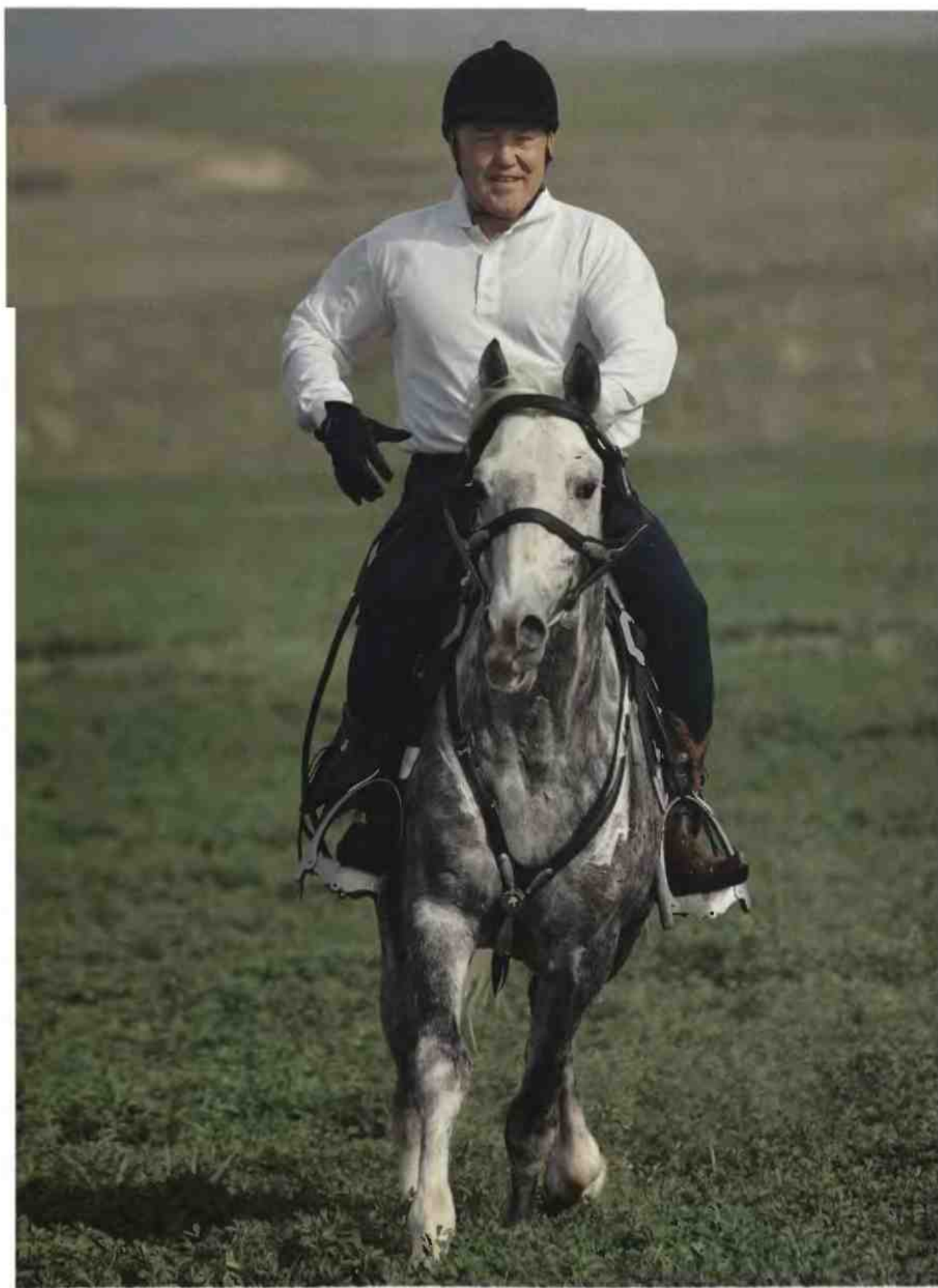
Не поддамся...

Отличный удар

В бассейне

Всегда на коне!

Без галстука

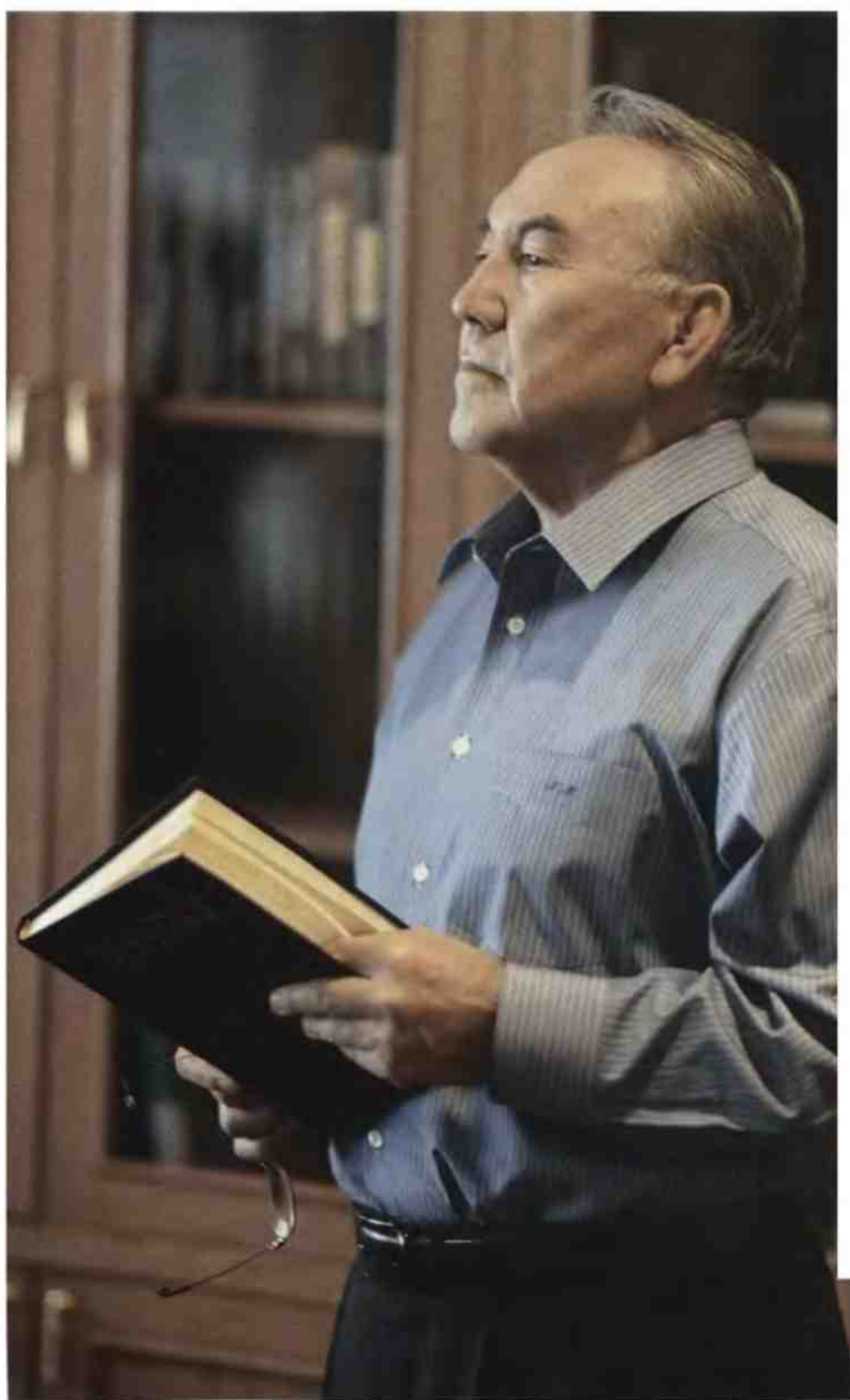
Еще одно дерево Президента

За рулем

Домбра – любовь на всю жизнь

В раздумьях

Сквозь годы и испытания

ли ему на экономических основаниях. Он заявил, что «план переноса столицы должен финансироваться из внебюджетных источников, которые в настоящее время изыскиваются». Данное неправдоподобное заявление, которое некоторые наблюдатели сравнивают со сказкой о том, что золото можно найти на концах радуги, убедило достаточно много парламентариев, чтобы поддержать эту резолюцию под названием «*О переносе столицы Республики Казахстан*». Как Назарбаев сухо отметил, «решив, что новая столица появится не раньше, чем через 20 или 30 лет, депутаты, в конце концов, проголосовали за нее. Она была принята незначительным большинством голосов».

* * *

С трудом получив полномочия парламента на перенос столицы, даже с использованием ловких политических приемов и дымовой завесы, Назарбаев, чтобы заручиться поддержкой, начал действовать быстро, стремясь добиться немедленных результатов. Он приказал кабинету министров до конца 1994 года представить технико-экономическое обоснование по Акмоле, а также наметить дату переноса туда столицы. 15 сентября 1995 года он издал президентский указ «*О столице Республики Казахстан*», в соответствии с которым формировалась Государственная комиссия по организации переноса основных ведомств центрального правительства в Акмолу. К счастью, данный указ был опубликован всего через две недели после того, как Назарбаев получил решительный вотум доверия казахского электората, одобдившего его новую конституцию большинством голосов в 91 процент. После такой демонстрации поддержки было бы нелегко выстроить организованную оппозицию любому решению Назарбаева. Это оказалось ему на руку, так как во многих частях страны ширилась критика переноса столицы.

В Алматы опросы общественного мнения показали, что 62 процента населения города выступало против плана перевода правительства в Акмолу. Многие из возражавших являлись государственными служащими, которым предстояло переезжать в новую северную столицу. Они опасались, что качество их жизни упадет, если они будут вырваны из современной Алматы и переселятся в примитивную Акмолу. Их также заботило то, что не только жизненный уровень и качество услуг, но и интеллектуальные стандарты там будут ниже, так как требования к профессиональной квалификации в правительственных ведомствах в Акмоле неизбежно будут ниже, чем в Алматы.

Подобные опасения государственных служащих усиливались волной слухов. Слухи варьировались от пустой болтовни о том, что в новой столице лишь казахам будет разрешено занимать высшие посты (на деле же в настоящее время государственные департаменты возглавляются представителями 64 национальностей), до «кухонных сплетен» о том, что Сара Назарбаева заставила своего супруга переехать в Акмолу, потому что ее семья происходит из этой области. Самая невероятная сплетня была о том, что перенос подсказан астрологом, заявившим доверчивому Назарбаеву, будто в 1997 году Алматы будет разрушена землетрясением.

Подобные слухи показывали, что оппозиция переходила к личным выпадам. Назарбаева обвиняли в неправильном определении приоритетов и в звездной болезни. Утверждалось, что он копирует Петра Великого, построившего Санкт-Петербург, Джорджа Вашингтона, построившего столицу Вашингтон, или же Мустафу Кемалю Ататюрка, построившего Анкару. Критики президента повсеместно заявляли, что он не представил разумного объяснения своего авторитарного решения о переносе столицы. По этому поводу алматинская газета «Караван» опубликовала необычно враждебную передовицу под заголовком «Личная столица президента», в которой говорится:

«Только в условиях отсутствия демократии возникают эпохальные проекты, которые никто не понимает. Никакие стратегические соображения не могут оправдать отвлечение огромных ресурсов от выплаты зарплат и пенсий или решения других социальных проблем страны».

Внутри и за пределами Казахстана многие наблюдатели не верили, что перенос столицы когда-либо состоится. Иностранцы скептики были намного более многочисленными и язвительными по отношению к плану, чем местные. Для борьбы с подобным неверием Назарбаев поручил казахскому министерству иностранных дел организовать VIP-экскурсию по Акмоле для послов и других дипломатических представителей. Поездка оказалась неудачной.

Экскурсия началась холодным утром декабря 1995 года. После встряски на ухабистой посадочной полосе аэропорта Акмолы высокопоставленных гостей отвезли в город. Местные гиды, похоже, не осознавали, что для их города начинается новая эра, так как в первые часы экскурсии они показывали советские монументы, включая памятник Ленину, портреты героев социалистического труда и постамент с трактором, установленный в память пионеров освоения целины.

Осмотр непривлекательных улиц и обветшалых зданий Акмолы на дипломатов впечатления не произвел. Их пессимизм в отношении грандиозного замысла Назарбаева усиливался недостатком теплой одежды для защиты от пронизывающего ветра, дующего из степи. Некоторые гости дрожали от холода, особенно представители жарких стран. Посол Ирана почти валился с ног от гипотермии, он не позаботился захватить с собой шапку. Шляпы не оказалось и у американского посла Элизабет Джоунс. Когда группа приблизилась к реке Ишим, ее меховую шляпку унесло ветром. Из соображений галантности или, возможно, чтобы восстановить циркуляцию крови, большая часть дипломатического корпуса погна-

лась за ней вдоль берега, превратив осмотр достопримечательностей в балаган.

Большинство высокопоставленных гостей пришло к серьезному выводу о том, что мечты Назарбаева об Акмоле не сбудутся. «Никто из послов не верил, что планы переноса столицы будут реализованы в обозримом будущем, — вспоминает министр иностранных дел Касым-Жомарт Токаев, сопровождавший высоких гостей. — Мои заверения встречались скептическими улыбками и холодными замечаниями, что с точки зрения инфраструктуры и климата город не годится». Один из дипломатов достаточно нелояльно высказался в газетном интервью, что Казахстан не может позволить себе расходы по строительству новой столицы. Единственный, кто выступил в поддержку Акмолы в тот декабрьский день, был посол Монголии, который заявил, что климат и здания города напоминают ему его родной Улан-Батор. Полного одобрения новой столицы со стороны первой делегации иностранных гостей, на которое надеялся Назарбаев, не получилось.

Если Назарбаева и тревожила критика его планов переноса столицы со стороны местных и иностранных скептиков, он никогда этого не показывал. Его подход был — «полный вперед». Он мирился с обвинением в «акмолинской автократии», как одна из газет Алматы назвала его политику, в интересах выполнения этой задачи. Как он выразился, «я игнорировал обвинения, которые искажали истинные причины переноса столицы, и ставил всех перед фактом строительства столицы в Акмоле. С обеих сторон имелось достаточно советников, но именно я принимал решения и всю ответственность за них».

Назарбаев принимал ответственность за новую столицу, как если бы он являлся не только президентом, но и ее собственником. Хотя он сформировал влиятельную Государственную комиссию по строительству города и переводу туда правительства, каждый из членов комис-

сии вскоре осознал, что они подчиняются непосредственно Назарбаеву и что он лично и в деталях контролирует каждый проект. С самых первых дней его пристальное внимание удивляло не только административных чиновников, но и руководителей строительства и рабочих. Когда график закладки фундамента одного из первых семиэтажных зданий оказался нарушенным, Назарбаев прибыл на стройку ночью в сопровождении лишь одной охраны. Глубокой ночью лично промерил котлован под фундамент. Пришел в ярость, когда обнаружилось, что земляные работы проведены на значительно меньшей площади, чем указано в представленном мэрией письменном отчете. На следующее утро Назарбаев вызвал всех чиновников и руководителей стройплощадки в свой кабинет и задал им серьезную трепку. После этого задержек и внутренних споров по спецификациям не наблюдалось. Несмотря на трудные климатические условия, строительство завершили вовремя.

Многочисленные подрядчики, занятые в первой волне строительства, сильно беспокоились по поводу погодных условий в Акмоле. Летом в городе жарко и ветрено, а зимы там такие же холодные, как в Москве, усугубленные печально знаменитыми снежными буранами. Вскоре после Нового, 1996, года Назарбаев посетил основные стройки. Температура была ниже 30 градусов по Цельсию, дул сильный ветер. Президент игнорировал жалобы, недовольство и отговорки по поводу плохой погоды. «Нормальная погода для этой местности, — заявил он. — Это погода нашей родины и наших предков. Ничего плохого в этом нет! Мы должны решить проблемы и закончить строительство по графику».

Требование невозможного от своих подчиненных стало обычной практикой для Назарбаева, хотя он поддерживал ключевых исполнителей практической помощью в их попытках добиться, казалось бы, недостижимых целей, которые он перед ними ставил. График был утвержден президентским указом «Об объявлении горо-

да Акмола столицей Республики Казахстан». Там указывалось, что юридически новая столица свой статус приобретает с 10 декабря 1997 года, а ее официальное открытие назначено на 10 июня 1998 года. Обе даты представлялись нереальными даже для наиболее лояльно настроенных чиновников президента. Один из них, Фарид Галымов, который в то время являлся заместителем председателя Комиссии по переносу столицы, вспоминает: «Многие говорили, что немцам потребовалось десять лет, чтобы перевести свою столицу из Бонна в Берлин, и что они выбрали правильный путь, так как перевели правительство из провинциального городка в крупный город. Мы же поступаем неправильно, уходя из крупного города в небольшой. Тем не менее наш президент настаивал на переносе столицы менее чем за два года. И его воля превозмогла все возражения и препятствия. В результате ни одна столица в мире не переносилась в такое короткое время».

Помимо политической воли требовалась и финансовая изобретательность. Назарбаев обеспечил гранты и кредиты под льготные проценты от иностранных правительств, в частности, от Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Турции, Италии и Японии. Он также добивался пожертвований от иностранных компаний, деньгами или натурой. Американской компании Шеврон не очень понравилась его просьба сделать пожертвование в виде нового спортивного зала, но в конце концов они согласились. В казахском министерстве финансов не прекращалось выкручивание рук. Фарид Галымов вспоминает эпизод сентября 1996 года, когда он и Владимир Ни, личный представитель Назарбаева в Комиссии по переносу столицы, осознали, что строительство одного из крупнейших жилых комплексов в новой столице придется остановить, так как деньги кончились. «Произошла катастрофа. Нам срочно было нужно достать не менее 10 миллионов долларов. С зимой на носу мы знали, что, если немедленно не преодолеем денежный кризис, придется

работы остановить до весны. Поэтому г-н Ни последним рейсом полетел в Алматы и примерно в полночь встретился с президентом. Глубокой ночью президент позвонил премьер-министру, министру финансов и Бог еще знает кому. К полудню следующего дня на счет Комиссии было перечислено 20 миллионов долларов. Так что мы продолжали работы и закончили внешние строительные работы до зимы».

Это было хуже, чем финансирование с колес. Государственные финансы вынимали прямо изо рта. Но даже когда чрезвычайные меры по финансированию срабатывали, система снабжения электроэнергией города давала сбои. Перебои в отоплении, освещении и телефонной связи стали регулярными. Финансирование коммунальных служб было чрезвычайно затруднено. Новая столица отчаянно нуждалась в новых капиталовложениях.

Назарбаев оказался настолько изобретательным в нахождении решений подобных проблем, что местные бизнесмены шутили, как легко ему будет найти работу финансового менеджера международных проектов, если он потеряет должность президента. Например, когда возник кризис с электроснабжением Акмолы, единственный способ его разрешения заключался в строительстве новой огромной входной подстанции с собственным генератором. К несчастью, в бюджете на такой проект денег не оказалось. Назарбаев предложил создать компанию по тепло-электроснабжению, которая могла построить такую подстанцию, взяв заем на сумму 150 миллионов долларов в Эксимбанке и выплачивая его в течение ряда лет из сборов со своих потребителей. Данный проект быстро провели в жизнь.

Аналогичное нововведение использовалось для решения проблемы дефицита телефонных линий. Национальная телефонная компания *Казтелеком*, все еще в тисках монопольной практики, унаследованной от советской эпохи, не могла действовать достаточно быстро,

чтобы удовлетворить спрос. Назарбаев предложил пригласить конкурентов. И тут же одна ориентированная на рынок компания предложила инвестиции в новую систему. Менее чем через год Акмола обладала лучшей телефонной системой в стране.

Такие достижения не выглядят удивительными для тех, чья культура и опыт уже долгое время коренятся в экономике свободного рынка и конкурентного капитализма. Но для сонной Акмолы, которая только выходила из кокона коммунизма, окутавшего Целиноград в эпоху Хрущева — Брежнева, это были революционные преобразования. Назарбаев с трудом убеждал деловых и политических руководителей новой столицы применять наиболее прогрессивные конкурентные методы. Он вспоминает:

«Превратить провинциальный город советского стиля в современную столицу оказалось нелегко. Невозможно мгновенно избавиться от старого советского наследия. Мы имели дело с некачественным, плохо спланированным жильем, недоразвитой инфраструктурой и устаревшим производством. Но в то же время нам приходилось планировать, принимая во внимание мировые ноу-хау, не забывая о национальных традициях и предоставляя благоприятные возможности местным компаниям».

Аэропорт стал хорошим примером сочетания этих различных факторов. Его построили с опережением графика, когда по предложению Назарбаева поощрили конкуренцию, в результате чего число асфальтовых заводов в Акмоле в течение трех месяцев возросло с 3 до 18. Эти заводы в течение 1996–1997 годов производили от 4 до 5 тысяч тонн асфальта в день, что равнялось общему месячному производству асфальта в Акмоле в начале 1990-х годов. Поскольку подрядчики на строительстве аэропорта работали по 18 часов в сутки, взлетно-посадочные полосы для приема крупнейших Боингов Джамбо и аэробусов дальнего радиуса полетов были построены с рекордной скоростью. В этот период одним из самых

частых пользователей аэропорта был президентский Боинг-757 Назарбаева. Настойчивость, с которой Назарбаев контролировал процесс строительства его новой столицы, проявилась в истории о том, как его самолет пытался сделать посадку в Акмоле ночью во время бурана в ноябре 1996 года. Ветер и снежные заряды были настолько интенсивными, что видимость упала ниже безопасного предела. Операторы воздушных сообщений закрыли аэропорт. Комиссия по встрече Назарбаева, ожидавшая на земле, уехала. Однако пилоты президентского реактивного самолета описывали круги в воздушном пространстве Акмолы в надежде, что в буре наступит перерыв и найдется окно с хорошей видимостью. Их терпение было вознаграждено. Примерно через час «ожидания» погодные условия улучшились, и самолет смог безопасно приземлиться. Отсутствие встречающих позабавило Назарбаева, который потом упрекнул их за «неверие» в его желание прилететь и проконтролировать ход работ.

* * *

В зимний период 1997 – 1998 года вера стала необходимостью, так как существовала значительная разница между парадным фасадом и практической реальностью хода работ. 8 ноября 1997 года Назарбаев официально открыл город в качестве столицы страны. Стоя на жестоким холодном ветру, он отдал приказ поднять национальный флаг над голубым куполом резиденции президента и выступил с идеалистической речью, в которой заявил: «Акмола стала центром нашего духовного богатства, наших священных традиций. Ее миссию можно сравнить с подъемом на высокую вершину, который требует силы духа и упорства».

Последние два слова относятся и к стоицизму зрителей на церемонии открытия. Состоялся военный парад и салют из 21 орудия. Местные школьники сыграли поста-

новку «Здравствуй, столица!», Назарбаев исполнил древний казахский ритуал *аластау*, церемонию очищения в огне, закончившуюся прохождением по *акжолу*, счастливому белому ковру. Зрителям, наблюдавшим за всеми действиями, потребовалась значительная сила духа и выдержка, так как температура падала, а ветер усиливался. Сара, супруга президента, показывала чудеса героизма, она была без головного убора. Похоже, ее стойкость перед лицом сил природы символизировала дух ее родного края, на который не влияли ни трудности, ни дискомфорт. Однако после того, как кончили размахивать флагами и трубить в фанфары, Акмола с отрезвляющим шоком вернулась к реальности. Через несколько дней после открытия главный электрический генератор города опять вышел из строя, погрузив Акмолу в темноту и выключив отопление. «Говорили, что причиной поломки стал сильный ветер, — утверждал один влиятельный местный бизнесмен, — но дело было не только в этом. На деле мелкие и крупные недостатки города от систематических поломок до систематических аварий перешли критическую черту».

Назарбаев отреагировал на этот кризис, сделав Акмолу отдельной территориально-административной единицей, не подчиняющейся областному органу управления, который не справлялся с работой. Он также назначил нового *акима*, мэра столицы. Им оказался тот же энергичный предприниматель Адильбек Джаксыбеков, который четыре годами ранее произвел впечатление на президента, совершавшего ознакомительные поездки в этот город. Слова, с которыми Назарбаев обратился к своему назначенцу, стали откровением: «Сейчас для развития столицы очень нужны методы рыночной экономики, — говорил он. — Высокие стандарты, быстрое выполнение и эффективность — это приоритеты... Вы знаете, как я отношусь к Акмоле. Прошу вас не предавать меня. Мы будем работать с полным доверием, но я заставляю вас ответить за все».

Для превращения Акмола из сонного провинциального заштатного городка в международную столицу следовало принять важные стратегические решения. Одним из символических шагов стало переименование города. Пресса комментировала, что буквальное значение названия города, означавшее Белое надгробие или Жестокая зима, является неподходящим или, наоборот, слишком подходящим. В памяти некоторых людей Акмола ассоциировалась не только с суровым климатом, но также и с тюремными лагерями, ссылкой, комарами, экономической разрухой и другими негативными явлениями. Назарбаев чувствовал необходимость начисто оторваться от прошлого. Выдвигались предложения назвать город Сары Арка (сердце степи), Ишим (по названию реки) или даже Нурсултан. Сам Назарбаев предложил название Астана. Это слово в казахском языке имеет неуловимое значение полета орла или полета на крыльях в будущее. Однако Назарбаев выбрал его не из соображений лингвистических импликаций. Это слово буквально переводится как «столица». Шутники в Алматы острили, что в таком же духе оригинальности столицу можно было назвать «железнодорожный узел» или «город». Но Назарбаев решительно защищал свой выбор, как «идеальное название столицы — четкое, легкое в произношении, понятное на всех языках». Через несколько недель президентским указом столица Республики Казахстан была официально переименована в Астану.

На месте же крупнейшим стратегическим вопросом стал вопрос речных берегов. Бывший Целиноград и бывшая Акмола строились на правом северном берегу реки Ишим. На левом, или южном, берегу было мало жителей, небольшой парк и несколько дорог, которые как бы отгораживали город от степных просторов с юга. Общее мнение склонялось к тому, что строительство города должно было идти в основном за счет застройки правого берега, где инфраструктура и целая система жилых до-

мов, служебных и общественных зданий уже существовала.

Назарбаев не согласился с общим мнением. Хотя для большинства людей Ишим казался небольшой и малоинтересной рекой, а заболоченный левый берег непригодным для строительства, у президента имелось другое мнение. Он заметил красоту Ишима и возможности для его пустынного левого берега. Впервые его мечта проявилась холодным мартовским утром 1998 года, когда Назарбаев находился в одной из своих многочисленных поездок по Астане с акимом Адильбеком Джаксыбековым, который описал этот момент принятия решения:

«Мы поехали посмотреть жилой район Самал, а затем прогулялись к Ишиму. Президент шагал впереди своей охраны, советников и архитекторов в развевающемся на ветру плаще. Там он сказал, что любоваться можно любой рекой, что не всякой столице повезло быть расположенной на берегу реки и что было бы глупо полностью не воспользоваться преимуществами вида на реку. Затем он предложил построить красивую набережную с широкими площадками для прогулок, украшенными ротондами. «Это очень украсит город», — сказал он. Мы помолчали, размышляя над этой идеей. Затем президент Назарбаев решительно заявил: «У нас будет такая набережная. Стройку нужно закончить ко дню презентации».

День презентации наступал немыслимо скоро, всего через три месяца. Но к этому времени в городе работали 80 крупных строительных компаний, в которых трудилось более 15 000 рабочих. Перед ними поставили задачу построить набережную, которую по заданию Назарбаева спроектировали на шесть метров в ширину. Данный проект потребовал более 15 квадратных километров каменных блоков, уложенных на берегах Ишима. Работы велись круглосуточно, поставки материалов шли хаотично, напряжение было почти невыносимым. Из-за мас-

штаба проекта и позднего начала строительства казалось, что его едва ли завершат вовремя.

По мере неуклонного приближения даты презентации 10 июня 1998 года с перенапряжением работали не только государственные подрядчики. К этому времени частным застройщикам также требовалось завершить свои проекты. Поэтому весной 1998 года к завершению близились множество крупных и мелких строительных контрактов. Их диапазон включал в себя заправочные станции, залы для боулинга, витрины автомобильных магазинов, гостиницы, торговые центры и жилые дома. В результате этой лихорадочной строительной деятельности государственных и частных организаций Астана стала одной гигантской строительной площадкой, где работы на полную мощность велись 24 часа в сутки. Грохот отбойных молотков и пневматических буров, рев компрессоров и электрогенераторов, рокот двигателей более 2000 тяжелых машин, бульдозеров и экскаваторов сливался в шумную какофонию, которую никогда не слышала огромная и до этого молчаливая степь.

Изнемогающая в конвульсиях строительства Астана получила необычное освещение. Город был ярко освещен не только прожекторами строителей. Кроме этого, ослепляющий свет сварочного оборудования в руках ночных сварщиков создавал оптическое явление, названное «белыми ночами Астаны». За сотни миль по степи ночное небо выглядело освещенным, подобно северному сиянию летом в Арктике. Было абсолютно ясно, что в новой столице происходит нечто необычное.

* * *

Несмотря на такие лихорадочные усилия, поползли слухи, что день презентации будет отложен. Многие подрядчики выступали за перенос даты на том основании, что им требовалось время, чтобы завершить выполнение

своих заданий. Назарбаев даже и слышать об этом не желал. В апреле и мае 1998 года он стал чаще совершать свои еженедельные визиты на стройплощадки, выступая с речами перед рабочими и инженерами и призывая их выполнить свои задания в срок. «Этими визитами он оказывал огромное личное влияние, — вспоминал Владимир Ни, который часто сопровождал Назарбаева в его поездках. — Люди чувствовали, что президент призывает к нечеловеческим усилиям, как к патриотическому долгу перед народом, и они в ответ отдавали все, что было в их силах».

С приближением дня презентации Назарбаев уже дважды в неделю проводил совещания с ключевыми руководителями и директорами предприятий Астаны. Часто такие совещания заканчивались крупными заданиями и новыми инициативами. Одной из них явилось расширение в последнюю минуту городского футбольного стадиона, на котором планировалось проводить заключительную церемонию торжественного дня. При посещении стадиона в начале апреля Назарбаев решил, что он слишком беден и мал, чтобы стать подходящим местом для планируемого торжественного финала. Он обошел все закоулки зрительских трибун. Затем отдал приказ полностью перестроить две основные трибуны и построить третью, южную, трибуну. Председатель Комитета по туризму и спорту Т.М. Досмухамбетов, стоявший рядом с Назарбаевым на футбольном поле, когда отдавался приказ, «выглядел так, как будто с ним случился сердечный приступ», как описывал свидетель этой сцены. Однако характерно, что после подключения 1200 дополнительных рабочих на круглосуточные работы реконструкция была закончена за десять дней до назначенного срока.

Еще одной инициативой Назарбаева стало привлечение тысяч добровольцев для выполнения срочной программы «озеленения города». Он обратился к жителям Астаны с призывом принять участие в массовой высадке

цветов, деревьев и кустов, а также в кампании по очистке улиц. Несколько передач по радио и телевидению дали удивительный результат, особенно со стороны школьников, студентов и пенсионеров. Меньше чем за четыре недели было высажено 120 000 новых деревьев, кустов и цветочных клумб. Многие улицы и площади стали идеально чистыми. Может быть, эта инициатива напомнила президенту успешные субботники по очистке улиц и посадке деревьев, которые молодой комсомольский лидер Назарбаев проводил за 35 лет до этого в Темиртау. В те дни сталевары неохотно посвящали свое свободное время таким работам, но в 1997 году на волне подъема гражданской и национальной гордости жители Астаны работали с энтузиазмом. Столица вовремя стала зеленой и красивой. За 72 часа до начала церемонии презентации Назарбаев провел заключительную президентскую инспекцию главных объектов и зданий. Не все из них были готовы. Строительство набережной отставало, поэтому на укладку каменных блоков по берегам реки привлекли еще 800 рабочих. Работы закончились вечером 9 июня.

Еще более напряженным стало завершение строительства отеля Интерконтиненталь. 7 июня он оказался еще далеким от готовности. В этом отеле должны были размещаться более 200 важных гостей, среди них президент Турции Сулейман Демирель, который вместе с президентом Назарбаевым должен был перерезать ленточку на входе вечером 8 июня. В момент заключительной инспекции президента 7 июня объект находился в таком хаосе, что шансы проведения церемонии открытия выглядели нереальными. Но на последние 24 часа отелю выделили более 3000 рабочих, и за это время они совершили чудо. За исключением сильного запаха свежей краски апартаменты президента Демиреля, как и большая часть других номеров отеля, были в идеальном состоянии.

Из всех закулисных драматических событий в часы, предшествовавшие дню презентации 10 июня, наиболее

впечатляющим достижением стала перемена погоды. Хотя в обычных условиях все это в руках божьих, по такому случаю дело перемены погоды взял на себя президент Казахстана. Узнав от специалистов по метеорологии, что на Астану надвигается штормовой атмосферный фронт и угрожает затопить церемонию открытия сильным дождем, Назарбаев привлек в помощь российское агентство контроля погоды. Его самолеты барражировали в грозových облаках, сбрасывая специальную экологически чистую смесь йодистого серебра и сухого азота. Метод сработал. Атмосферный фронт разрядился за много миль от Астаны, пролив большую часть дождя на пшеничные поля благодарных фермеров.

А в это время на сухих улицах столицы полным ходом шли парады, кавалькады, речи, танцы, церемонии и всякие празднества. Одним из центральных событий стал «телемост» с космосом. Он позволил казахскому космонавту Талгату Мусабаеву поговорить по каналу видеосвязи со станции «Мир» (запущенной с Байконура) с Президентом Назарбаевым и поздравить его с открытием Астаны.

Финалом дня презентации стал впечатляющий эстрадный концерт. Выступали знаменитые певцы всего мира. Но трио, которое затмило всех, было не профессиональными артистами, а президентами Украины, Кыргызстана и Казахстана. Леонид Кучма, Аскар Акаев и Нурсултан Назарбаев неожиданно вышли на сцену и экспромтом спели известную украинскую песню «Ты ж мене пидманула». По причине ряда внутренних политических трений в связи с предшествующими заявлениями некоторых из них о «предательстве» и «ударах в спину», их выступление оказалось чрезвычайно актуальным. Назарбаев, выучивший песню «Ты ж мене пидманула» еще в студенческие дни в Днепродзержинске, пел украинскую песню без запинок. Этого нельзя было сказать о президенте Украины Леониде Кучме, который сильно развеселил публику, забыв слова этой популярной пес-

ни своей страны. Так или иначе, трое поющих президентов добавили веселья и без того праздничному вечеру.

До окончания концерта зрителей обрызгал легкий дождик. Вряд ли это было организовано самолетами специалистов по контролю за погодой, но, если это сделали они, то трудно придумать лучшей услуги. Есть старинная казахская пословица: «Короткий летний дождь — признак удачи». Эту народную пословицу беспрестанно повторяли в толпах, заполнивших улицы столицы вечером дня презентации. Люди были уверены, что легкий дождь стал знамением удачи для будущего процветания Астаны.

* * *

Знамение из дождевых облаков в день открытия оказалось точным предсказанием успеха. В течение десятилетия 1998–2008 годов в Астане наблюдался бум. Под руководством Назарбаева левый берег Ишима из болота превратился в метрополию. Значительное место в программе строительства было отведено социальным объектам, в частности, возведению шести новых больничных комплексов, известных как «госпитальный кластер», которые предназначались для предоставления современных медицинских услуг в области кардиологии, родовспоможения, скорой и травматологической помощи, нейрохирургии, педиатрии и общей терапии. Конечно, создание подобия *Клиники Майо* в казахской степи было дорогим удовольствием, но замысел Назарбаева предполагал сооружение суперсовременного медицинского центра, который стал бы магнитом для пациентов из республик Центральной Азии и бывшего Советского Союза. Однако бросалось в глаза, что в программе строительства напрочь отсутствовали промышленные объекты. Таково было решение Назарбаева — сделать столицу городом «белых воротничков» и здоровой экологии. А вот все формы бизнеса и коммерческой деятельности полу-

чили широкий простор в программе развития Астаны, и неудивительно, что половина бюджета строительства столицы была профинансирована частным сектором. Инвесторы, компании, банки буквально наперегонки бросились возводить чуть ли не каждый месяц все более замысловатые и авангардные небоскребы, превращая Астану в степное Эльдorado.

Назарбаев с энтузиазмом руководил ростом города. Представлялось, что его главной задачей было поддерживать темпы строительства. То обстоятельство, что проекты зданий заключали в себе огромный спектр стилей, от диснеевских китчей до Валгаллы Вагнера, его не волновало. Однако он тщательно заботился о генеральном плане, который доверил японскому архитектору Кишо Курокава. Этот известный проектировщик дал столице тематическую атмосферу захватывающей инновации. Она стала городом настроения, которое менялось с временами года. Ожидающим и беспокойным весной. Жарким и пульсирующим летом. Спокойным и прекрасным с ноября по март, когда глубокий снег, конькобежцы на льду Ишима и холодные звездные ночи создавали в Астане впечатление зимней сказочной страны из сказки Ганса Христиана Андерсена.

Суровый климат особой проблемы не представлял. Назарбаеву удалось изменить экологию города посадкой деревьев на колоссальном пространстве в 45 тысяч гектаров вокруг его внешнего периметра. Этот зеленый пояс сдерживал ветры и защищал город от снежных бурь, бушующих в степи. «Президент лично отбирал сорта деревьев из лесов и лесистых территорий, которые он посещал по всему миру, — вспоминает один из главных строительных подрядчиков Астаны Шамиль Бекболатов. — Он был полностью захвачен задачей улучшения условий жизни своих сограждан».

Не все соглашались с намерением президента построить великую национальную столицу. «Просто неэтично интенсивно строить один город за счет всего остально-

го», — утверждал Булат Абилов, председатель оппозиционной партии Азат. Однако многие другие казахстанцы недвусмысленно проголосовали своими действиями, поскольку за последние десять лет в новую столицу переселилось более 500 тысяч новых жителей, более 2000 компаний открыли там свои офисы. Нравилось это или нет, Астана Назарбаева утвердила себя в качестве крупного и процветающего центра Азии.

На подобное процветание отрицательно повлиял глобальный финансовый кризис 2008 года. Поначалу Назарбаев был удивлен, что дефолты по субстандартным ипотечным кредитам во Флориде могли остановить строительство жилья в Казахстане. Но именно так и случилось, потому что банковские проценты возросли до 14, выросла инфляция, а темпы экономического роста страны упали вдвое, до 5 процентов. Под таким давлением строительный бум в Астане остановился. Строительство около пятидесяти высотных зданий прекратилось с наполовину законченным циклом. Некоторые районы города приобрели облик города-призрака с неподвижными кранами, тихо стоявшими сваебойными машинами и тысячами временно уволенных рабочих. Это серьезно беспокоило Назарбаева в преддверии десятой годовщины открытия Астаны. Он планировал грандиозное повторение церемоний презентации 1998 года, но некоторые наблюдатели указывали, что это было бы глупо на фоне кризиса строительной промышленности. Нервозность в правительстве усилилась из-за шумной демонстрации нескольких сотен уволенных строительных рабочих, устроенной у резиденции премьер-министра. Эффект этой беспрецедентной акции несколько померк, когда стало известно, что многие демонстранты за участие в протестах получили деньги от местных банков. Но даже при этом проблема реально существовала. Назарбаев разрядил напряженность, объявив, что правительство предоставит финансовую помощь в размере примерно 250 миллионов долларов для возобновления работ по незавершенному

строительству. Это, конечно, не радовало президента — сторонника механизмов свободного рынка, но данное объявление восстановило доверие. Это также позволило провести церемонию празднования 10-й годовщины в более позитивной экономической ситуации.

В течение первой недели июля 2008 года Астана являла собой сочетание стихийных карнавалов и тщательно организованных церемоний. В первой части празднований тысячи молодых людей веселились на улицах, танцевали под музыку из громкоговорителей на набережной, выпивали в кафе на открытом воздухе и громко гудели в клаксоны автомобилей. Настоящая праздничная атмосфера возникла спонтанно, веселье заметно усилилось большими толпами детей, одетых в яркую одежду, которые толклись вокруг всех мероприятий. В дни празднования, 5–7 июля, Астана без сомнения выглядела, как счастливая жизнелюбивая народная столица.

6 июля Назарбаев отмечал свой 68-й день рождения, поэтому многие церемонии неизбежно затрагивали его и летопись его действий в качестве создателя Астаны. В большой Пирамиде приехавшие главы государств произносили речи. В момент открытия монумента высотой в 100 футов показали инсценировку битвы средневековых казахских воинов, разгромивших джунгарских завоевателей. Национальный оркестр выводил древние народные мелодии, талантливые исполнители аккомпанировали себе на *гомбрах*. Среди других мероприятий были праздничный салют, спортивный фестиваль и эффектный эстрадный концерт. Зрелищные мероприятия сопровождались продажей хлеба и других базовых продуктов питания за половинную цену — подарок обществу на праздничные дни от крупных сетей супермаркетов. Назарбаев участвовал во всех основных мероприятиях, на многих из них выступая с приветственными речами.

Его наиболее политически значимая и в то же время наполненная чувствами речь прозвучала в последний ве-

чер, когда *аким*, мэр Астаны, устроил ужин в честь, как он выразился, «семьи президента». Дипломатичная формулировка объединяла не только родственников Назарбаева (в том числе правнучек), но и его старых личных друзей и стойких политических союзников.

«Вы — бойцы невидимого фронта, которые стояли рядом со мной во времена испытаний и времена надежд», — так президент обратился к присутствующим. Попотчевав их грустными шутками о трудных временах начального периода, когда туалеты замерзали и отключалось электричество, Назарбаев вдохновенно заговорил о будущем Астаны, возвеличив ее как «одну из самых молодых столиц мира, построенную в древней степи... геополитический центр страны... сердце глобального межконфессионального диалога... перекресток Евразии». Затем отдал должное своей семье и широкому кругу друзей и коллег, которые помогали ему создавать столицу. В этом был весь Назарбаев — с юмором, но и с неподдельной страстью к своей любимой Астане. Хотя это и было важным политическим выступлением, его слова явно шли от сердца, так как создавали теплую интимную атмосферу взаимопонимания в этом тесном кругу. Затем наступил неописуемый финал, когда Назарбаев вышел в центр зала — место для танцев и «завел аудиторию», как выражаются американские политики. Но применительно к этому предпоследнему мероприятию празднований годовщины, было бы правильнее сказать, что аудитория завела президента. Протокол испарился. Один за другим, группа за группой присутствующие обменивались объятиями и рукопожатиями с главой государства. Сцена была трогательной. Конечно, Назарбаев немного играл на публику, но все присутствующие знали, что эмоциональная привязанность была настоящей. Настоящими оказались и исторические достижения Астаны, которые они праздновали.

После ужина Назарбаев отправился на последнее мероприятие этого дня, ставшее самым впечатляющим и

экстравагантным концертом, устроенным между теми двумя золотыми башнями — «эскимо» на левом берегу. Высокая классика (балет «Лебединое озеро», музыка Штрауса в исполнении национального симфонического оркестра) уступила место казахскому фольклору (танцы джигитов и виртуозное исполнение на *домбре*) и западным популярным песням («Призрак оперы» и Уитни Хьюстон). Но ближе к завершению концерта президент тихо вышел. Этот незапланированный уход оказался полной неожиданностью даже для его официального окружения. Избавившись от своего обычного эскорта из помощников и охраны, Назарбаев вышел на площадь. Наслаждаясь теплым полочным воздухом и красивым видом молодой луны, которая 6 июля мягким светом светила над небоскребами столицы, он разговаривал и шутил с гуляющими на площади, в основном студентами. После этого простого импровизированного общения он вызвал свой автомобиль и уехал. К еще большему удивлению сопровождающих, неожиданно попросил отвезти его за пределы города. Там, в Великой Степи Сары Арка, в сердце своего народа и своих предков, Назарбаев хотел встретить наступающее утро после праздника 10-й годовщины Астаны.

ЭПИЛОГ

Взгляд из Великой Степи, или Сары Арка, на экономические перспективы несколько затуманен сегодня на фоне борьбы международного сообщества с рецессией и кредитным кризисом. Но к тому времени, когда Назарбаев отпразднует свое семидесятилетие (6 июля 2010 года), а Казахстан — 20-летний юбилей независимости (16 декабря 2011 года), вероятно, худшие времена глобальной встряски будут позади. Несомненно, огромные ресурсы нефти, газа и других полезных ископаемых вкупе с богатым человеческим потенциалом прекрасно образованной молодежи являются национальным достоянием и не упадут в цене. Да и сам Назарбаев не выказывает признаков ослабления своей энер-

гии или решительности вести Казахстан к новым горизонтам политического и экономического развития.

В ходе последнего из 23 часов интервью, которые он любезно дал мне во время моей работы над этой биографией, мы говорили о его наследии. Я процитировал слова Софокла: «Иногда приходится ждать до вечера, чтобы увидеть, каким прекрасным был день». На что Назарбаев остроумно ответил: «Почему вы думаете, что для меня уже наступил вечер?» Вероятно, это было намеком на то, что, если позволят здоровье и обстоятельства, он вполне может претендовать на третий срок президентского мандата в 2012 году. Быть тому или нет, но он стоит во главе Казахстана уже столько эпох — от коммунизма и хаоса советского периода до успеха и стабильности молодого независимого государства — что все называют его «отцом страны». При такой популярности не пришло ли время задать вопрос: какой след оставил Нурсултан Назарбаев в истории? Что сделал он для народа, региона, международного сообщества?

Глядя на футуристический силуэт Астаны XXI века, легко забыть бедность и патриархальность Казахстана XX века. Его жесткая зависимость сменилась сладкой свободой многонационального государства. Она подкрепляется политической стабильностью и национальным самоутверждением. Может быть, до демократии Джефферсона еще далеко, но личные и экономические свободы расширяются. Назарбаев управляет страной твердой рукой, однако в его исполнении централизованная президентская форма правления является благотворной формой автократии, реагирующей на давление критики отдельных лиц и общественного мнения.

В этом уголке планеты, который всегда имел и, как представляется, до сих пор предпочитает иметь властного лидера, Назарбаев пользуется истинной популярностью — во многом благодаря своему стремлению привлекать людей на свою сторону и вести диалог. Он готов признавать ошибки и злоупотребления своей админист-

рации, всё ещё насыщенной «старой гвардией», к которой президент ещё сохраняет личную привязанность. Такие министры и чиновники не всегда добросовестно служат своей стране. В Казахстане жалуются, что некоторые государственные служащие легки на руку, когда берут взятки, и тяжелы на неё, проводя расследования органами полиции или спецслужб. Тем не менее на другой, положительной чаше весов — отсутствие в Казахстане заключенных по политическим или религиозным мотивам и ограниченное число нарушений прав человека на государственном уровне. Таковые случаются, как свидетельствует малоприятная история с Алиевым, но Назарбаев извлек уроки из прошлых резких действий. Он осознает, что богатства страны налагают на её руководство международные обязательства. Что касается других сфер казахстанской жизни, где есть недостатки, он знает, что рано или поздно ему придется вычистить коррупцию в местных, региональных и центральных органах. Также будет необходимо предпринять дальнейшие конкретные шаги к обеспечению прозрачных и справедливых выборов. Но на данном этапе продвижения бывшей советской республики к идеалам свободного демократического общества казахский «стакан демократии» можно назвать скорее наполовину полным, чем наполовину пустым.

Внутри страны экономическое правление президента Назарбаева обеспечило солидный ряд достижений. За последние пятнадцать лет ВВП на душу населения вырос с 400 долларов до 8400 долларов США. Жизненный уровень за последние пять лет возрос более чем в четыре раза. Возник средний класс собственников, хотя они до сих пор находятся в тени немногочисленной элиты «ближнего» круга предпринимателей. У нее нет ни богатств, ни статуса российских олигархов, но ее значение для экономики страны нельзя отрицать, а влияние временами бывает нежелательным. Возможно, появление таких сверхбогатых миллионеров неизбежно, когда

страна делает скачок от нищеты советского коммунизма к богатствам хозяев каспийских кладовых менее чем за два десятилетия. Но Казахстан не является Клондайком, где «все дозволено». Это умело, хотя временами и чересчур бюрократически, управляемая страна, где смешанная экономика укоренилась и развивается на основе свободного рынка.

Построение экономически преуспевающей страны, которой не существовало на политической карте мира до развала Советского Союза, является крупным историческим достижением. Оно не состоялось бы без лидерства Назарбаева. Его личные связи и дипломатическое искусство в общении с правителями России и Китая обеспечили Казахстану надежные границы. А этого никто не мог гарантировать, так как у нового независимого государства поначалу были лишь слабые надежды обеспечить себе юридически согласованные границы в регионе, печально известном стихийными нашествиями и территориальными претензиями.

Мирное сосуществование с влиятельными соседями сопровождалось широким признанием Казахстана в качестве уважаемого члена международного сообщества. Первым и самым сложным испытанием для Назарбаева на этой арене стали переговоры о судьбе четвертого по величине в мире ядерного арсенала. Казахстан получил его в наследство от советского военно-промышленного комплекса и провел искусный торг с Вашингтоном и Москвой по поводу его ликвидации. Престиж, завоеванный в западных столицах благодаря сотрудничеству по вопросам ядерного оружия, а также безусловный успех в экономическом и политическом развитии страны помогли Назарбаеву обеспечить избрание Казахстана в 2010 году председателем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), объединяющей 56 стран.

ОБСЕ является детищем Запада, реализация ее стремления к утверждению западных идеалов свободно-

го и демократического общества во всех странах-членах потребует длительного времени. Было бы слишком оптимистичным ожидать полного воплощения этих идеалов в Казахстане в период политического правления Назарбаева. Но не потому, что он против демократии, а потому, что он выступает за последовательную эволюцию к ней. Он уважает традиции собственной страны. Однако осторожность Назарбаева не следует понимать как обструкцию. Он, как и каждый казах, знает, что демократия в его стране будет строиться постепенно. Этот процесс идёт. Займет ли ее становление десятилетие или целое поколение, зависит как от рядовых граждан, так и от интеллектуалов казахского общества. Политическая интуиция Назарбаева сыграет важную роль в этом процессе. Но такую же роль сыграют и устремления подрастающего поколения Казахстана, которое обретает собственное мнение и набирает силу.

В своей молодости Назарбаев приобрел навык кочевников слушать ветер Степей. Сегодня он развил политический навык слушать ветер перемен, дующий через многонациональное разнообразие народа страны, вычурные небоскребы и честолюбивый средний класс, выражающий надежды и чаяния современного Казахстана.

Назарбаев является внимательным слушателем и с удовольствием учится. Он с энтузиазмом молодого политика усваивает факты, мнения и свежие идеи. Эти способности сослужили ему хорошую службу. Он бы достиг вершины или подошел близко к ней и среди скользкой толпы политиков во многих странах. «Не забывайте, что Назарбаев принадлежит двум разным культурам, — говорил Михаил Горбачев в интервью к настоящей биографии. — Он по своим корням и взглядам и русский, и азиат». Можно добавить, что он обладает целым рядом талантов, которые способствовали бы взлету его политической карьеры, будь он рожден на Западе. Он проницательный тактик, занимательный и обаятельный себе-

седник, убедительный оратор и харизматичный лидер, обладающий видением и бесстрашием, особенно в трудных ситуациях.

Некоторые из его сильных черт приобретены в результате сурового воспитания в традиционной семье кочевников. Другие возвращены его российским образованием, тяжелым трудом в промышленности и его неистощимой любознательностью, как общеинтеллектуальной, так и внешнеполитической. Как президент, он скорее открыт, нежели замкнут и предпочитает смотреть вовне. Он воодушевился свободным рынком и приватизацией после разговора с Маргарет Тэтчер. Создание им группы предприятий *Самрук* выросло из идеи аналогичного сингапурского проекта, задуманного его главным ментором Ли Куан Ю. Основание им национального нефтяного фонда Казахстана (спасательный круг в глобальной нехватке кредитов) стало результатом идеи, возникшей в процессе изучения аналогичных фондов в Норвегии и странах Персидского залива. Назарбаев, который всегда внимательно слушает и делает заметки во время поездок за рубеж, позаимствовал там множество передовых идей и практического опыта для Казахстана.

Говорят, что разница между политиком и государственным деятелем состоит в том, что первый концентрируется на следующих выборах, а второй составляет планы для следующего поколения. Назарбаев делает и то, и другое, но реалии казахской политики дали ему возможность сконцентрироваться на долгосрочной перспективе. Он с успехом находит и продвигает молодые таланты. Он обладает дальновидностью и строит планы (придержанные, но не поколебленные глобальным кризисом) для Казахстана на 2030 год. Он мечтает, чтобы уровни образования и инноваций в его стране в ближайшие десятилетия поднялись настолько высоко, что она избавится от чрезмерной зависимости от добывающего сектора. Достичь этого будет непросто, осознавая, что Каспийское море может давать более 5 миллионов бар-

релей нефти в день, но даже в качестве будущего Эльдорадо Казахстану понадобятся не только добытчики, но и свободные мыслители и свободные рынки. Поэтому не исключено, что видение Назарбаевым многонационального государства, открытого как для талантов, так и для толерантного разнообразия, может стать одной из историй успеха в Азии XXI века.

Казахская пословица гласит: «Когда пьешь из колодца, вспомни того, кто его выкопал». Назарбаев стал создателем нового Казахстана. Это обеспечило ему место в истории. Однако политические и экономические колодцы Казахстана еще далеки от высыхания, и, быть может, наиболее интересные годы руководства Нурсултана Назарбаева еще впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ АВТОРОМ (acknowledgments)	7
Пролог. ПУТЕВОДИТЕЛЬ К ИСТОРИИ ЖИЗНИ	13
Глава 1. РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО	19
Глава 2. СТУДЕНТ И СТАЛЕВАР	35
Глава 3. МОЛОДОЙ КОММУНИСТ, МОЛОДОЙ СУПРУГ, МОЛОДОЙ БУНТАРЬ	51
Глава 4. ВВЕРХ ПО ПАРТИЙНОЙ ЛЕСТНИЦЕ	71
Глава 5. РАЗОЧАРОВАНИЕ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА	95
Глава 6. ДЕКАБРЬ 1986 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	123
Глава 7. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И РАСПАД СОЮЗА	149
Глава 8. НЕЗАВИСИМОСТЬ, РОЖДЕННАЯ В МУКАХ	173
Глава 9. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВОЙ?	197
Глава 10. НОВАЯ ВАЛЮТА. НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ. НОВАЯ ЭКОНОМИКА	229
Глава 11. РОССИЯ, КАСПИЙСКОЕ МОРЕ И КИТАЙ	253
Глава 12. НА ЗАРЕ ХХІ ВЕКА. Часть I	283
Глава 13. НА ЗАРЕ ХХІ ВЕКА. Часть II	313
Глава 14. ВЗГЛЯД НА СТОЛИЦУ	339
Эпилог	375

Д ж о н а т а н А й т н е н
НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ
И СОЗИДАНИЕ КАЗАХСТАНА

Руководитель издательской группы
академик Академии российской словесности *Г. В. Прякин*

Заместители руководителя *А. А. Гришанов, Н. А. Мухаметшина*

Заведующий редакцией *Б. К. Рябухин*

Редактор *Е. В. Шпикалова*

Компьютерная верстка *А. О. Муравенко*

Корректор *Л. С. Самойлова*

Младший технический редактор *Г. Н. Руденко*

Ответственная за выпуск *Н. И. Базанова*

Сдано в набор 15.12.2009. Подписано в печать 03.02.2010.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Baltica. Печать офсетная.

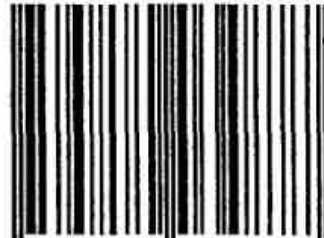
Усл. печ. л. 31,2. Уч.-изд. 16,00.

Тираж 10 000. Заказ № 722.

ФГУП ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107996, Москва, Новая Басманная ул., 19
E-mail realisihl@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск Ярославской обл., ул. Чкалова, 8.

ISBN 978-5-280-03487-7

9 785280 034877